

УДК 81'33(075.8)

ББК Ш100.3

Д43

рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве *учебного* издания (Решение № 768 от 30.01.2018)

Рецензенты:

Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Плотникова Анна Михайловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Дзюба, Е. В.

Д43 Когнитивная лингвистика [Текст] : учебное пособие для высших учебных заведений / Е. В. Дзюба ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2018. – 280 с.

ISBN 978-5-7186-0976-9

В учебном пособии освещаются проблемы современной лингвокогнитологии: рассматриваются актуальные подходы к изучению лингвоментальных феноменов, раскрывается сущность и специфика процессов концептуализации и категоризации, описываются методики их изучения, выстраивается типология концептов и категорий, выделяются факторы, влияющие на формирование лингвокогнитивных структур. Пособие предназначено для студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, специалистов в области когнитологии, а также всех читателей, интересующихся проблемами когнитивной лингвистики. Оно имеет целью формирование у студентов, магистрантов и аспирантов научного кругозора в области одного из наиболее активно развивающихся направлений современной лингвистики, освоение обучающимися методик когнитивного анализа языка для дальнейшего их использования в научно-исследовательской практике.

УДК 81'33(075.8)

ББК Ш100.3

ISBN 978-5-7186-0976-9

© Дзюба Е. В., 2018

© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
РАЗДЕЛ I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОКОГНИТОЛОГИИ	10
1.1. Когнитивная лингвистика в структуре антропоцентрической парадигмы научного знания	10
1.2. Объект, предмет, цели и задачи лингвокогнитологии. Современное состояние науки	16
1.3. Постулаты и принципы когнитивной лингвистики	29
1.4. Основные понятия лингвокогнитологии	32
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ	55
РАЗДЕЛ II. МЕТОДОЛОГИЯ ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	72
2.1. Сущность научного и обыденного познания	72
2.2. Понятие метода и методологии научного исследования	73
2.3. Классификация методов научного познания	76
2.4. Современные методы лингвокогнитологии	82
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ	102
РАЗДЕЛ III. ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИЯ КАК ЧАСТЬ КОГНИТИВНОЙ НАУКИ	116
3.1. Современные направления изучения концептов	116
3.2. Концепт как объект лингвокогнитивных исследований	121
3.3. Современные классификации концептов	146
3.4. Понятие концептосферы	152
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ	156
РАЗДЕЛ IV. ТЕОРИЯ КАТЕГОРИЗАЦИИ В ЛИНГВОКОГНИТОЛОГИИ	175
4.1. Теоретические основы изучения лингвокогнитивной категоризации	175
4.2. Методологические принципы изучения лингвокогнитивной категоризации	192
4.3. Типы лингвокогнитивной категоризации	198
4.4. Типы лингвокогнитивной категоризации: обобщение типологических свойств	206
4.5. Виды категорий в русском языковом сознании	214
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ	223
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	240
ЛИТЕРАТУРА	242

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XX – XXI вв. человек оказался в объемном информационном пространстве, которое необходимо упорядочить, осмыслить, структурировать. Процессы получения, переработки, воспроизведения, передачи информации стали предметом изучения целого ряда наук: теории искусственного интеллекта, антропологии, психологии, социологии, философии, коммуникативно-когнитивной прагматики, герменевтики и, наконец, лингвистики, в частности – когнитивной, исследующей процессы познания мира человеком, систематизации знаний с помощью категорий языка, вербализации этих знаний и представлений и т.д.

Важность изучения названных лингвоментальных процедур в течение уже нескольких десятилетий подчеркивают зарубежные и отечественные исследователи (А. Вежбицка, Р. Джакендорф, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Э. Рош, Ж. Фоконье, Ч. Филлмор и др.; Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, Д.О. Добровольский, А.А. Залевская, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, В.В. Колесов, В.В. Красных, А.А. Кретов, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина, А.П. Чудинов и др.). В задачи когнитивной науки, как отмечает автор фундаментальных для отечественной когнитивной лингвистики работ Е.С. Кубрякова, «входит и описание / изучение систем представления знаний и процессов обработки и переработки информации, и – одновременно – исследование общих принципов организации когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм, и установление их взаимосвязи и взаимодействия» [Кубрякова 2004: 8–9]. В свою очередь исследователи Воронежской когнитивно-семантической школы З.Д. Попова и И.А. Стернин замечают: «Когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций» [Попова, Стернин 2006: 9].

Процессы формирования системы знаний, помогающие человеку существовать и ориентироваться в упорядоченном силами своего сознания мире, принято называть категоризацией и концептуализацией. Под *категоризацией* понимается процесс разделения объектов всего онтологического пространства на классы и/или группы на основании общности когнитивных признаков. *Концептуализация* – это процесс определения набора когнитивных признаков (в том числе – и категориальных) какого-либо явления реального или воображаемого мира, которые позволяют человеку хранить в сознании и пополнять новой

информацией сколько-нибудь очерченное понятие и/или представление об этом явлении и отличать его от других феноменов.

Подчеркивая различие этих двух процессов, Е.С. Кубрякова замечает: «являя собой классификационную деятельность, они (процессы концептуализации и категоризации – Е.В. Дзюба) различаются вместе с тем по конечному результату и/или цели деятельности. Первый направлен на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, второй – на объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные, в более крупные ряды» [КСКТ 1996: 93]. Результатом категоризации является формирование *категорий*, лингвокогнитивных ячеек в системе знаний и представлений человека о мире и о себе самом, изоморфно отображающих фрагменты реальной и/или воображаемой действительности в человеческом сознании. Результатом концептуализации является формирование *концептов*, «квантов знания», отражающего представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира ...» [КСКТ 1996: 90].

Процессы концептуализации и категоризации как ментальные процедуры получения, обработки, хранения информации взаимосвязаны и взаимообусловлены. Концепт как сгусток информации, или набор смысловых (концептуальных) признаков, характеризующих тот или иной феномен реального и/или воображаемого мира, включает общие, т.н. *интегральные когнитивные признаки*, способные объединять объекты в группу / класс, и *дифференциальные*, которые различают данные объекты внутри класса. В этом смысле процессы категоризации и концептуализации разнонаправлены: первый ориентирован на идентификацию, второй – на дифференциацию. Таким образом, определение когнитивных признаков постигаемого объекта является важнейшим этапом познавательного процесса: выявление общих, типических признаков (существенных признаков категоризации) позволяет отнести явление к *миру подобных* и/или противопоставить его *миру иных, непохожих объектов*; выделение специфических для познаваемого объекта признаков помогает дифференцировать его во всем многообразии реального и/или воображаемого мира.

Отечественные ученые на протяжении нескольких десятилетий плодотворно изучали процессы концептуализации. В настоящее время известны уже тысячи диссертационных и монографических работ, статей и научных докладов, посвященных изучению универсальных, эт-

носпецифичных и индивидуально-авторских концептов [см. подробнее об этом: Дзюба 2011: 49 – 51]. Так, в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (<https://elibrary.ru/>), являющей собой крупнейший российский информационно-аналитический портал в области науки, технологии, медицины и образования, представлено 19637 работ о концептах (см. ниже скриншот № 1 страницы из электронного каталога eLIBRARY.RU).

Скриншот 1. Результаты поискового запроса на слово *концепт*

The screenshot shows the search results page on the eLIBRARY.RU website. The search query is 'концепт', and the results show 4 publications. The table below summarizes the visible data from the screenshot.

№	Публикация	Цит.
1	КОНЦЕПТ «ЧУЖИЕ» КАК БАЗОВЫЙ КОНЦЕПТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА «ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ» <i>Лудова Е.А.</i> Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 96. С. 221-224.	5
2	КОНЦЕПТ-УНИВЕРСАЛИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ: ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ <i>Сергеева Е.В.</i> Сибирский филологический журнал. 2006. № 1-2. С. 63-69.	11
3	ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: КОНЦЕПТ ПРАКТИК VERSUS КОНЦЕПТ ФРЕЙДОВ <i>Плотичкина Н.В.</i> Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 2. С. 227-240.	8
4	КОНЦЕПТ ЛИЛИ КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ»? <i>Занегина Н.Н.</i> В сборнике: Научное наследие Б. Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Б. Н. Головина. Ответственный редактор: Л. В. Рацибурская. Нижний Новгород, 2006. С. 156-157.	0

Изучение категорий долгое время осуществлялось большей частью в системно-структурном аспекте, но и таких работ значительно меньше, чем публикаций о концептах, точнее – 3595 (см. ниже скриншот № 2 страницы из электронного каталога eLIBRARY.RU).

Скриншот 2. Результаты поискового запроса на словосочетание *языковая категория*

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА LIBRARY.RU

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОИСКОВОГО ЗАПРОСА

Поиск в библиотеке

ВСЕГО НАЙДЕНО ПУБЛИКАЦИЙ: 3595 из 25792847

№	Публикация	Цит.
1	ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ И ИХ ТИПЫ. МОДУСНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ Семухина Е.А. В книге: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА Грибкова Е.И., Матасова О.В., Мирошникова З.А., Монастырская О.В., Семухина Е.А., Тимофеева Н.П., Тугушева Э.Ф., Усанова К.В., Шаповалова О.Н., Барышникова С.Н., Зарайский А.А., Мороз О.Л., Филатова Н.П., Фокиева Ю.А., Харитонова В.Ю., Жуикова П.С., Уфимцева О.А., Харитонова Н.В., Шершуква Н.В. Саратов, 2016. С. 30-46.	7
2	СЕМАНТИКА ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ: ГЕНЕЗИС И АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ GEWISSEN В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ Чижова Х.А. автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Иркутский государственный лингвистический университет. Иркутск, 2006	3
3	СЕМАНТИКА ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ: ГЕНЕЗИС И АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ GEWISSEN В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ Чижова Х.А. диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Иркутск, 2005	4
4	КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КАТЕГОРИИ "ОБЩЕНИЕ") Шаманова М.В. диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / ГОУВПО "Воронежский государственный университет". Воронеж, 2009	8

Еще меньше в отечественной лингвистике исследований, посвященных изучению механизмов лингвокогнитивной категоризации и описанию самих категорий, формирующих, упорядочивающих человеческое знание под влиянием языка и сохраняющих это знание в категориях языка (см. ниже скриншот № 3 страницы из электронного каталога eLIBRARY.RU).

Скриншот 3. Результаты поискового запроса на словосочетание *когнитивная категория*

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА LIBRARY.RU

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОИСКОВОГО ЗАПРОСА

Поиск в библиотеке

ВСЕГО НАЙДЕНО ПУБЛИКАЦИЙ: 1789 из 25792847

№	Публикация	Цит.
1	КАТЕГОРИЯ ИМПЛИЦИТНОСТИ КАК ТЕКСТОВАЯ КАТЕГОРИЯ: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД Жакина О.А. Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 3. С. 56-62.	2
2	«ГРАММАТИКА ПОР РОЯЛЯ» И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА В СВЯЗИ С КАТЕГОРИЯМИ МЫШЛЕНИЯ Мисток Т.Л. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7-2 (18). С. 126-129.	0
3	СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ: ТРАДИЦИОННЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ КАТЕГОРИИ РОДА) Новоданова В.Ф. Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. С. 339-345.	0
4	СВЯЗЪ ИСПУГЛИТЕЛЬНОСТИ КОГНИТИВНОЙ СЪ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЕЙ КОНЦЕССИВНОСТИ Берзина Г.П. Когнитивные исследования языка. 2012. № 12. С. 501-510.	0

Действительно, в отечественной когнитивной лингвистике процессы концептуализации и категоризации нередко изучались незави-

симо друг от друга. Это дало основание, например, А.П. Чудинову говорить о существовании «двух когнитивных лингвистик»: в духе В.А. Масловой [Маслова 2007а] и в духе Т.Г. Скребцовой [Скребцова 2011]. В статье А.П. Чудинова речь идет о двух учебниках по когнитивной лингвистике, представляющих разные традиции лингвокогнитологии. Так, «в представлении В.А. Масловой центром когнитивистики оказалась теория и практика описания концептов (концептуальные исследования)»; «ведущие проблемы лингвокогнитологии, активно разрабатываемые в американской лингвистике и освещенные в учебнике Т.Г. Скребцовой, это теория концептуальной метафоры, категоризация, когнитивная семантика, ментальные пространства и их интеграция, топологическая семантика» [Чудинов 2011: 297]. А.П. Чудинов советует студентам и аспирантам «для более полного понимания сущности когнитивной лингвистики обратиться к другим источникам, в том числе к публикациям Е.С. Кубряковой, Н.Н. Болдырева, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, Е.В. Рахилиной, О.Н. Селиверстовой, И.А. Стернина» [Чудинов 2011: 297]. В работах названных специалистов подчеркивается полноправная актуальность разных направлений и методологий лингвокогнитивных исследований: теории когнитивной семантики, теории категоризации и концептуализации, теории концептуальной метафоры, теории ментальных пространств и др.

В последние годы в отечественной лингвистике растет интерес к изучению проблем категоризации, однако по-прежнему остаются дискуссионными вопросы влияния особенностей человеческого сознания и национального языка на формирование категорий. Далек от окончательного решения вопросы о структуре категорий и их составляющих, о взаимоотношениях единиц категорий, о возможности конечного описания существенных признаков категорий, о значении достижений теории категорий для лексикографии, корпусной лингвистики и других прикладных областей. Нуждаются в уточнении теоретические и методологические основы изучения лингвокогнитивной категоризации: нельзя назвать окончательно разработанным понятийно-терминологический аппарат, обслуживающий данную сферу когнитивной науки, необходимо уточнить и дополнить методологические принципы изучения языковой категоризации и совершенствовать методику исследования лингвокогнитивных категорий. Требуется дополнения системная классификация типов категоризации и видов категорий. Недостаточно полно освещены теоретические вопросы взаимообусловленности процессов концептуализации и категоризации в языковом сознании. Безграничны перспективы изучения категоризации в сопоставительном аспекте – на материале разных языков. Эти и неко-

торые другие вопросы остаются на сегодняшний день актуальными, требующими научного обоснования. Данное пособие, основанное на монографических исследованиях, посвященных вопросам концептуализации [Дзюба 2011] и категоризации [Дзюба 2015б; Дзюба 2016а], предлагает возможные варианты решения некоторых из выше перечисленных проблем.

Раздел I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОКОГНИТОЛОГИИ

1.1. Когнитивная лингвистика в структуре антропоцентрической парадигмы научного знания

Когнитивная лингвистика «вкуче с когнитивной психологией и когнитивной социологией, образующие когнитологию, пытаются ответить на вопрос о том, как в принципе организовано сознание человека, как человек познает мир, какие сведения о мире становятся знанием, как создаются ментальные пространства» [Маслова 2007а]. Из данного высказывания несложно заметить, что в центре внимания данной науки является человек (точнее – его сознание) в соотношении с языком. Развитие лингвокогнитологии лежит в русле антропоцентрической парадигмы научного знания, охватывающий целый спектр научных дисциплин: философию, когнитивную психологию, когнитивную социологию, этно- и психолингвистику, лингвокультурологию и межкультурную коммуникацию, а также ряд других.

Следует подчеркнуть, что вопрос о парадигмах научного знания как «модели постановки научных проблем и совокупности приемов их решения» (В.А. Маслова) в современной лингвистике не однозначен. Впервые термин *парадигма* не в «сосюровском», а более широком понимании был употреблен в книге Т. Куна «Структура научных революций» (1962 г., русский перевод был сделан в 1977 г.) [Кун 1977]. Автор книги предложил рассматривать парадигму как научное сообщество, которое руководствуется в своей исследовательской деятельности определенной совокупностью знаний и подходом к объекту исследования.

В лингвистике термин *парадигма научного знания* трактуется по-разному, что отражается в разных подходах к типологизации лингвистических парадигм. Так, Ю.Н. Караулов предлагает рассматривать историческую, психологическую, системно-структурную и социальную парадигмы [Караулов 1987: 14]. Ю.С. Степанов выделяет три основных научных парадигмы в зависимости от аспекта изучения языка: семантическую, прагматическую и синтаксическую [Степанов 1985].

В.И. Постовалова рассматривает науку о языке сквозь интерпретационную призму идеала цельного (единого, всеобщего) знания, в контексте метамоделирования интегративных процессов в современной культуре. Исследователь реконструирует т.н. теoантропокосмическую парадигму изучения языка, представляя ее в свете традиции отечественной школы Всеединства (П.А.Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев). В.И. Постовалова выдвигает теорию анализа путей и принципов построения интегральных парадигм в современной лингви-

стике на материале формирования новых синтетических дисциплин в современном гуманитарном познании – теолингвистики и теоконцептологии, направленных на изучение взаимосвязи языка и религии с позиций идеала цельного знания [Постовалова 2016].

Е.С. Кубрякова отмечает существование четырех ведущих парадигм: «традиционной, генеративной, когнитивной и коммуникативной. Каждая из них сочетает хотя и в разных соотношениях – элементы формального описания с функциональными объяснениями... Но каждая из них представляет особую модель описания языка и решения главных проблем в его организации и функционировании» [Кубрякова 1999: 190].

Е.С. Кубрякова настаивает на выделении когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания как на «особой версии отечественной лингвистики», в основе которой лежит следующий принцип: «...каждое языковое явление должно изучаться в двух аспектах: как когнитивном, так и коммуникативном (дискурсивном). При рассмотрении указанного явления с когнитивных позиций анализу подлежат установление его роли в познавательных процессах, в фиксации и хранении человеческого опыта по осмыслению людьми окружающей их действительности... При изучении же явления с коммуникативных позиций внимание исследователей привлекает его участие в актах общения и его роли в осуществлении происходящей при этом дискурсивной деятельности, включая такой аспект, как порождение текстов разного типа» [Кубрякова 2009: 13]. Исследователь при этом поясняет, что функции когниции и коммуникации жестко друг другу не противопоставлены.

Многие отечественные исследователи поддерживают высказанное Е.С. Кубряковой мнение о существовании новой – когнитивной – парадигмы: В.З. Демьянков [Демьянков 2009], А.В. Кравченко [Кравченко 2001], В.В. Лазарев [Лазарев 2000], Л.В. Цурикова [Цурикова 2009] и др.

Понятие *научная парадигма* нередко понимается в более узком ключе – как отдельное лингвистическое направление. Так, А.А. Ворожбитова отмечает лингвориторическую парадигму [Ворожбитова 2005]; В.И. Шаховский говорит об эмотивной парадигме [Шаховский 2008], R. Beaugrande выделяет восемь парадигм, ассоциируя их либо со школами, либо с научными дисциплинами [Beaugrande 1991] (см. подробнее о концепциях выделения научных парадигм [Маслова 2007б; Филиппова 2014]).

В.А. Маслова рассматривает три научные парадигмы, ср.:

«Традиционно выделяются три научные парадигмы: сравнительно-историческая, системно-структурная, антропоцентрическая. Сравнительно-историческая парадигма была первой научной парадигмой в лингвистике, ибо сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка. Весь XIX в. прошел под эгидой этой парадигмы. При системно-структурной парадигме внимание было ориентировано на предмет, вещь, имя, поэтому в центре внимания находилось слово. Ан-

тропоцентрическая парадигма - это переключение интересов исследователя с объектов познания на субъекта, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке, поскольку, по словам И. А. Бодуэна де Куртэне, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество».

С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. В процессе формирования новой научной парадигмой был провозглашен тезис: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» (Л. Витгенштейн). Язык был постепенно переориентирован на факт, событие, а в центре внимания стала личность носителя языка (языковая личность, по Ю. Н. Караулову).

Новая парадигма предполагает новые установки и цели исследования языка, новые ключевые понятия и методики. В антропоцентрической парадигме изменились способы конструирования предмета лингвистического исследования, преобразился сам подход к выбору общих принципов и методов исследования, появилось несколько конкурирующих метаязыков лингвистического описания (Р. М. Фрумкина).

... антропоцентрическая парадигма выводит на первое место человека, а язык считается главной конституирующей характеристикой человека, его важнейшей составляющей. Человеческий интеллект, как и сам человек, немислим вне языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи. Если бы язык не вторгался во все мыслительные процессы, если бы он не был способен создавать новые ментальные пространства, то человек не вышел бы за рамки непосредственно наблюдаемого. Текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли, строит возможные миры, запечатлевая в себе динамику мысли и способы ее представления с помощью средств языка» [Маслова 2007б].

Исследователь также подчеркивает, что спецификой современной лингвистики является ее полипарадигмальность: «В лингвистике (и вообще в гуманитарных науках) парадигмы не сменяют друг друга, но накладываются одна на другую и сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга» [Маслова 2007б].

Историческими предпосылками возникновения когнитивной лингвистики явились исследования о соотношении языка и мышления, о связи языковых и ментальных категорий. В данном пособии не ставится цель подробно рассмотреть эти предпосылки, так как это с высокой степенью успешности предпринято другими учеными [Кобрина 2009; Рудакова 2004; Скребцова 2011; Тимофеева 2010 и др.]¹. Однако имеет смысл хотя бы схематично очертить границы научного пространства, в котором складывалось данное направление лингвистики.

Знаменитое высказывание Вильгельма фон Гумбольдта: «Язык есть орган, образующий мысль» [Humboldt 1841 – 1852, т. 6: 51] – на многие последующие десятилетия предопределило не утихающую по

¹ Зарождение когнитивной лингвистики приходится на 80-е гг. и иногда его связывают с симпозиумом в Дуйсбурге, организованном Р. Дирвеном в 1989 г., и созданием Международной когнитивной лингвистической ассоциации (см. сайт ассоциации: <http://www.cognitivelinguistics.org/en>) [см. подробнее об истории когнитивной лингвистики: Краткий словарь когнитивных терминов 1996; Маслова 2007а; Скребцова 2011].

сей день дискуссию о роли языка в формировании ментального мира человека. Абсолютную детерминированность мышления языком подчеркивали Э. Бенвенист, Л. Вайсгербер, А. Шлейхер, С.Д. Кацнельсон и др. Так, Эмиль Бенвенист отмечает: «Мы постигаем мысль уже оформленной языковыми рамками. Вне языка есть только неясные побуждения, волевые импульсы, выливающиеся в жесты и мимику» [Бенвенист 1974: 104]. Исследователь, однако, поясняет, что «мышление может свободно уточнять свои категории и вводить новые, язык же имеет четко определенные категории; мышление стремится устанавливать категории универсальные, языковые же категории являются категориями отдельного языка» [Бенвенист 1974: 106]. Э. Бенвенист не столь категоричен, как, например, В. фон Гумбольдт, и он допускает, что научное познание мира идет повсюду одинаковыми путями независимо от национального языка, однако, по его мнению, «сама возможность мышления, неотрывна от языковой способности, поскольку язык – это структура, несущая значение, и мыслить – значит оперировать знаками языка» [Бенвенист 1974: 114]. Тем более, по Э. Бенвенисту, важно значение языка для выражения мысли: «Мыслительные операции независимо от того, носят ли они абстрактный или конкретный характер, всегда получают выражение в языке» [Бенвенист 2002: 104].

В российской науке идея о неразрывной связи языка и мышления легла в основу многих плодотворных концепций: теории психологической природы языка И. А. Бодуэна де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963] и Л.В. Щербы [Щерба 1974в], учении о внутренней форме слова А.А. Потебни [Потебня 1999], теории внутренней речи и концепции поэтапного развития онтогенеза в его неразрывной связи с развитием языка и языковой способности как основы сознания и сознательной деятельности Л.С. Выготского [Выготский 1999], теории корреляции механизмов сознания и языковых структур С.Д. Кацнельсона [Кацнельсон 2001, 2002, 2010], гипотезы Н.И. Жинкина об универсально-предметном коде, существующем в сознании человека [Жинкин 1982], теории речевой деятельности в аспекте психолингвистики А.А. Леонтьева [Леонтьев А.А. 2003], концепции языковой личности Ю.Н. Караулова [Караулов 1987, 2010] и т.д.

Связь слова и мысли становится точкой опоры для развития многих современных исследований (см. работы Е.Г. Беляевской [Беляевская 1994], Н.Т. Гишева [Гишев 2013], Н.И. Горелова и К.Ф. Седова [Горелов, Седов 2001], А.А. Залевской [Залевская 1999], Н.Г. Комлева [Комлев 2003], А.Ф. Корниенко [Корниенко 2013], В.Б. Касевича [Касевич 1989, 1990, 1998] К.Г. Крушельницкой [Крушельницкая 1970], А.Р. Лурии [Лурия 1998], Г.П. Мельникова [Мельников 1969],

А.С. Мельничука [Мельничук 1990], С.А. Песиной [Песина 2009], Е.Ф. Тарасова [Тарасов 2000], О.И. Уланович [Уланович 2010], Н.В. Уфимцевой [Уфимцева 2011], Т.Н. Ушаковой [Ушакова 2000, 2004] и др.).

Значительное число представителей отечественного «классического языкознания» и современных исследователей, развивающих концепцию неразрывной связи языка и мышления, не настаивают на абсолютном их тождестве, а скорее указывают на посредническую функцию языка в процессе освоения человеческим сознанием онтологического мира, т.е. его преобразования в мир ментальный.

Доказательствами отсутствия абсолютной зависимости мышления от языка являются многочисленные исследования психолингвистов, справедливо утверждающих, что еще не умеющие говорить дети и глухонемые люди тоже мыслят, хотя и не оформляют ментальные единицы с помощью языковых категорий и средств, что художники и музыканты мыслят чувственными образами, а математики отказываются от слова и мыслят иными условными знаками [см. подробнее: Потепня 2007: 41]. Подтверждают эту идею и факты отсутствия абсолютной корреляции между языковыми и ментальными категориями. А.С. Мельничук указывает: «В грамматическом строе языка развиваются обязательные для определенных частей речи и конструкций предложения формальные категории, не имеющие соответствия категориям мышления или соответствующие каким-либо факультативным его категориям» [Мельничук 1990: 607]. Например, категорию грамматического рода, категорию определенности / неопределенности, категорию вида глагола исследователь относит к таким категориям, которые важны лишь для отдельных слов и не всегда являются актуальными для мышления. Иные категории (например, категория лица), по мнению исследователя, характеризуют язык не со стороны мыслительной, а со стороны коммуникативной функции.

В свое время еще И.А. Бодуэн де Куртенэ, описывая природу различных мыслительных операций, выделил разные типы мышления: «мышление вообще», «языковое мышление», «мышление языковедное» (или лингвистическое), «мышление математическое» [Бодуэн де Куртенэ 1963]. Вряд ли также стоит сбрасывать со счетов и современные психологические исследования, результатом которых является классификация видов мышления в соответствии с теми типами мыслительных задач, которые выполняет мозг человека. Так, в психологии по содержанию признаку разграничивают наглядно-действенное, наглядно-образное и абстрактное (словесно-логическое) мышление; по признаку специфического характера ментальных процедур отмечают практиче-

ское и теоретическое мышление; по признаку новизны и оригинальности результатов ментальной деятельности человека выделяют репродуктивный и творческий (продуктивный) виды мышления [Маклаков 2001].

Б.А. Серебренников высказывает мысль о полиморфности человеческого мышления и выделяет его вербальные и авербальные типы. Вербальный тип мышления – словесный, это мышление при помощи языка; среди авербальных (несловесных) отмечается образное мышление (такой тип мышления, когда в качестве основных элементов мышления выступают образы предметов внешнего мира); практическое мышление (мышление, совершающееся в ходе практической деятельности и непосредственно направленное на решение практических задач в отличие от мышления, которое выделено из практической деятельности и направлено на разрешение отвлеченных теоретических задач, лишь опосредованно связанных с практикой); авербиально-понятийное мышление (тип лингвокреативного мышления, способного создавать слова-понятия или формы, содержание которых далеко не охватывать объема понятия, существующего в действительности); редуцированное мышление (мышление свернутыми образами: когда мысль привычна и типична для человека, он ее не разворачивает в полном объеме, а сокращает – редуцирует – до необходимого для понимания смыслового сгустка); мышление, основанное на конечных результатах действий (тип мышления, который обладает потенциальной способностью восстанавливать ход событий по конечному результату) [Серебренников 1988б: 191 – 196]. При этом исследователь замечает, что, вероятнее всего, человек не мыслит в одной конкретной ситуации с помощью одного типа мышления, поэтому следует говорить о смешанном характере человеческого мышления [Серебренников 1988б: 197].

Языковое мышление, таким образом, является одним из видов познавательной деятельности человека, при котором язык становится, с одной стороны – инструментом и механизмом познания или ментальной деятельности вообще, с другой стороны – средством «овнешнения» (термин Е.Ф. Тарасова [Тарасов 2000]) знания, т.е. его вербализации. Однако когнитивная лингвистика изучает не столько языковое мышление вообще, сколько те мыслительные процедуры, которые позволяют получать новое знание с участием языка (его категорий и знаков).

По словам Е.С. Кубряковой, «новым для когнитивной науки и когнитивной лингвистики можно считать определение языка как средства доступа к мыслительной, ментальной, интеллектуальной и интериоризованной в голове (мозгу) человека деятельности» [Кубрякова 2009]. Это, по мнению исследователя, «стало описываться в науке сравнительно недавно и способствовало переключению внимания с

проблемы «язык и мышление» на проблему «язык и сознание». Тем самым существенно расширились горизонты современной лингвистики и, конечно же, сам вопрос о сущности языка и прежде всего связанная с ним проблема роли языка в описаниях мира и в построении с его помощью разного рода конструкций» [Кубрякова 2009: 16]. Новый аспект, отмеченный когнитивной лингвистикой, предопределил определение собственного объекта и предмета лингвокогнитивных исследований, поставил перед наукой новые цели и задачи.

1.2. Объект, предмет, цели и задачи лингвокогнитологии. Современное состояние науки

Когнитивная лингвистика, по словам З.Д. Поповой и И.А. Стернина, исследует «ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций» [Попова, Стернин 2006: 9]. В конкретных научных терминах **объект** лингвокогнитологии можно определить следующим образом: когнитивная лингвистика изучает язык в его взаимосвязи с основными когнитивными (познавательными) процессами – категоризацией и концептуализацией. Объектом изучения также являются собственно результаты этих процессов – ментальные феномены (концепты и категории), в формировании которых участвует язык.

Предмет лингвокогнитивных исследований может варьироваться – в зависимости от аспекта изучения лингвокогнитивных процедур, от типа когнитивных структур и лингвистического материала, репрезентирующих знания человека о мире и о себе самом. Е.С. Кубрякова подчеркивает: «У разных исследователей в фокусе внимания могут находиться либо вопросы о том, какие структуры знания стоят за определенными языковыми формами (т. е. каковы когнитивные основания этих форм), либо вопросы о том, с помощью каких языковых форм могут быть репрезентированы те или иные форматы знания» [Кубрякова 2009: 12].

В качестве генеральной **цели** когнитивной лингвистики ученые видят изучение когнитивной функции языка (т.е. функции познания) во всех ее проявлениях.

Достижение поставленной лингвокогнитологами цели предполагает решение целого ряда **общих и частных задач**.

Общую формулировку задач когнитологии предложила Е.С. Кубрякова, указав, что в задачи когнитивной науки «входит и описание /

изучение систем представления знаний и процессов обработки и переработки информации, и – одновременно – исследование общих принципов организации когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм, и установление их взаимосвязи и взаимодействия» [Кубрякова 2004: 8–9].

З.Д. Попова и И.А. Стернин в «Очерках по когнитивной лингвистике» отметила ряд конкретных задач, стоящих перед лингвокогнитологией:

- четкое разграничение когнитивной лингвистики и когнитологии, концептосферы и языковой сферы (семантического пространства языка), концепта и языковых средств его выражения;
- определение основных понятий, прежде всего – понятия концепт;
- типология концептов;
- разработка поэтапной методики лингвокогнитивного анализа, которая в опоре на собственно языковые факты и лингвистические методы давала бы когнитивную и культурологическую информацию, раскрывающую различные стороны воплощенных в языке концептов [Попова, Стернин 2001: 17].

Многие из поставленных задач уже были решены в этой монографии и последующих публикациях, изданных и представителями Воронежской школы когнитивной лингвистики и учеными из других регионов, где развивается это направление. Естественно, активно развивающаяся наука ставит перед собой все новые задачи, появляются они и у лингвокогнитологии.

Н.Н Болдырев указывает в качестве одной из важнейших задач когнитивной лингвистики «выявление и описание концептуальной основы языка как системы и как определенного рода деятельности. Это, в свою очередь, связано с необходимостью постановки и решения таких проблем, как типы и форматы знания, способы их репрезентации в языке, взаимодействие структур знания и языковых структур, принципы и механизмы концептуализации и категоризации в языке и другие» [Болдырев 2009: 25].

Л.А. Фурс отмечает, что в науке описаны общие когнитивные процессы, раскрывающие особенности работы человеческого сознания (см. работы Р. Лэнекера по когнитивной грамматике, работы Л. Талми по концептуальной семантике), а также представлена классификация когнитивных моделей, лежащих в основе когнитивной обработки информации о мире (работы Дж. Лакоффа), и объяснены механизмы концептуальной интеграции при формировании значения языковой единицы (работы Ж. Фоконье). Исследователь подчеркивает ценность этих исследований, которая заключается в том, что в них намечены механизмы конструирования языкового значения, ср.: «Как указывают

У. Крофт и А. Круз, операции конструирования являются проявлениями базовых когнитивных способностей человека к восприятию и осмыслению информации о мире, которые можно классифицировать по четырем направлениям:

(1) особенности внимания (селективность, широта, фокус, динамика);

(2) способность сравнивать (категоризация, метафоризация, сравнение на основе отношений «фигура – фон»);

(3) перспективизация (установление точки зрения, определение дейктических отношений и фокуса субъективности / объективности);

(4) гештальтность восприятия (схематизация отношений, отношения на основе динамики силы, релятивные отношения) [Croft, Cruse 2004: 46].

Целью данных операций является организация информации в речемыслительных процессах. Фактически, эти операции представляют собой оперативное знание, знание процедур, лежащее в основе процессов конструирования» [Фурс 2009: 287]. По мнению исследователя, ключевой задачей когнитивной лингвистики является установление взаимодействия названных когнитивных и языковых структур в процессах структурирования, хранения и передачи знания.

В настоящее время в российской лингвистике накоплен серьезный опыт в разработке научных теорий, связанных с рассмотрением указанных ментальных процедур и результатов этих процессов: теории концептуальной метафоры и анализа фреймовой структуры знаний (А.Н. Баранов, А.П., Чудинов, Э.В. Будаев, О.Н. Кондратьева, О.А. Солопова, Е.В. Шустрова и мн. др.), теории матричного анализа (Н.Н. Болдырев и представители его научной школы), теории трансфера знаний (В.З. Демьянков и др.) и т.д. Ученые активно включаются в работу по изучению вопросов когнитивной интеграции, основанной на теории блендов Ж. Фоконьи и М. Тернер (Э.В. Будаев, В.В. Глебкин, Т.Г. Скребцова и др.). Все это свидетельствует о том, что в настоящее время лингвокогнитология активно развивается, что многообразие ментальных (и в частности – когнитивных) процедур, доступ к которым обеспечивает язык, открывает широкие возможности для когнитивной лингвистики.

Следует заметить, что отечественные и зарубежные исследователи, активно развивающие проблемы когнитивной лингвистики, стремятся объединить свои усилия, работая в рамках специальных научных объединений, проводя научные конгрессы и симпозиумы, издавая специальные журналы по когнитивной лингвистике.

Одной из авторитетнейших организаций лингвистов-когнитологов за рубежом является ICLA, International Cognitive Linguistics Association (см. подробнее: <http://www.cognitivelinguistics.org/en/about->

icla). В 1989 г. в Германии на первой конференции по когнитивной лингвистике было принято решение о создании Международной ассоциации когнитивной лингвистики. Годом позже вышел первый номер журнала «Cognitive Linguistics» (см. подробнее: <http://www.cognitivelinguistics.org/en/journal>), журнал издается и в настоящее время. Данная организация имеет отделения по всему миру, в их числе Славянская ассоциация лингвистов-когнитологов (Slavic Cognitive Linguistics Association, SCLA, см. подробнее: <https://slavic.fas.harvard.edu/scla>).

В нашей стране существует Российская ассоциация лингвистов-когнитологов (РАЛК, Президент: д.ф.н., проф. Н.Н. Болдырев, см. подробнее: <http://www.ralk.info>), которая публикует результаты лингвокогнитивных исследований на страницах журнала «Вопросы когнитивной лингвистики» и сборника статей «Когнитивные исследования языка».

Одним из известных зарубежных периодических изданий является также журнал «Cognitive Semantics» (см. подробнее: <http://www.brill.com/products/journal/cognitive-semantics>), публикуемых издательством BRILL (см. подробнее: <http://www.brill.com/>).

Еще одной российской организацией лингвистов-когнитологов является Межрегиональная ассоциация когнитивных исследований (МАКИ, Президент: д.физ.-мат.н., проф. В.Д. Соловьев, см. подробнее: <http://www.cogsci.ru/>), которая выпустила серию публикаций под общим названием «Когнитивные исследования».

Более подробная информация о российских научных школах по когнитивной лингвистике, их представителях и основных публикациях представлена в таблице ниже (см. Таблицу 1).

Таблица 1

**Крупнейшие научные школы
когнитивной лингвистики в России²**

Локализация научных школ	Представители научных школ, направление деятельности, персональные сайты	Основополагающие труды
Москва	Ю.Д. Апресян (исследования по семантике, наивная картина мира) Н.Д. Арутюнова	Избранные труды. М., 1995. Том 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 3-30. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1997. № 35. С. 272. и др. Логический анализ языка (серия коллективных изда-

² Автор учебного пособия допускает возможную неполноту представления научных школ и будет благодарен за любые дополнения.

Локализация научных школ	Представители научных школ, направление деятельности, персональные сайты	Основополагающие труды
	(семантические исследования языка, логический анализ языка, культурные концепты)	ний под общ. ред. Н.Д. Арутюновой). Язык и мир человека. М., 1998. Наивные размышления о наивной картине мира // Язык о языке. М., 2000. С. 7-22. Метафора и дискурс. Теория метафоры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 20 и мн. др.
	А.Н. Баранов (когнитивная теория процессов метафоризации, когнитивное моделирование)	Дескрипторная теория метафоры. М., 2014. Когнитивное моделирование в лингвистике и феномен «слабой семантики»// Когнитивные исследования. М., 2012. С. 194-205. Когнитивные модели в лингвистической семантике// IV Междунар. конф. по когнитивной науке. М., 2010. С. 157-158. Семантика «атомистическая» и когнитивная // V Междунар. конф. по когнитивной науке. Калининград, 2012. С. 230-231 и др.
	В.А. Виноградов (языковая категоризация)	Связи и взаимодействие языковых категорий // Избранные лекции НИУ «БелГУ» Белгород, 2015. С. 78-83. Вокруг концепта: уточнения и сомнения // Лингвистика XXI века: сб. науч. ст. к 65-летию юбилею проф. В. А. Масловой. Сер. Концептуальный и лингвальный миры. М., 2014. С. 99-108. Категориальность в языке: когнитивно-грамматический аспект // Концептуальные и семантико-грамматические исследования: памяти профессора Е.А. Пименова. – М., 2011. С. 4-8. Когнитивные основания классификативного аспекта грамматики // Когнитивные исследования языка. 2011. № 9. С. 15-22. Концепты и языковые заимствования // Вопросы филологии. 2010. № 3. С. 95-99. Когнитивная категоризация мира и грамматика // Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. С. 19-25. Категория языковая // Большая Российская Энциклопедия. М., 2009. Языковые форматы культуры как знания // Когнитивные исследования языка. 2008. № 3. С. 7-11.
	В.З. Демьянков (наивная и научная концептуализация, когнитивные техники трансфера знаний, когнитивные аспекты лексикографии и др.). Персональный	Обыденные концепты и научные понятия // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация Тезисы. 2015. С. 21-22. О когниции, культуре и цивилизации в трансфере знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). С. 5-9. Когнитивные техники трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 29-32. О когнитивном манипулировании // Когнитивные исследования языка. 2014. № 17. С. 55-61.

Локализация научных школ	Представители научных школ, направление деятельности, персональные сайты	Основополагающие труды
	сайт: http://www.infolex.ru	Когнитивизм как программа исследования и как стиль наблюдений // Язык – когниция – социум. Мн., 2012. С. 28-29.
	Ю.Н. Караулов (теория языковой личности)	Русский язык и языковая личность М., 2014. Cognitive semiotic model for query expansion in question answering // Communications in Computer and Information Science. 2014. Т. 436. С. 222-228. Языковая личность в когнитивной перспективе // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания X научно-практическая конференция молодых ученых. М., 2008. С. 17-31. Когнитивные размерности языкового сознания // Славистика: синхрония и диахрония. М., 2006. С. 14-29. Концептография языковой картины мира: первый этап «восхождения» к образу мира: от элементарных фигур знания к предметно-референтным областям культуры // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. М, 2004. С. 9-20. Концептография языковой картины мира: референтные области, концепты и концептосферы. (второй этап «восхождения») - от областей к концептам // Языковое сознание теоретические и прикладные аспекты. Барнаул, 2004. С. 69-82.
	В.М. Алпатов (общие вопросы семантики языка); А.А. Кибрик (теория познания, когнитивный анализ дискурса); А.В. Кравченко (грамматика как когнитивно-семиотический феномен и др.)	Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М., 2015. Когнитивные исследования: сб. науч. тр. Вып. 5 / под ред. А.А. Кибрика, Т.В. Черниговской, А.В. Дубасовой. – М. 2012. – 295 с.
	Е.С. Кубрякова (соотношение языка и знания, когнитивные аспекты грамматики, вопросы концептуализации и категоризации, связь коммуникативной и когнитивной лингвистики)	Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М, 2013. В поисках сущности языка // Когнитивные исследования М., 2012. К проблеме ментальных репрезентаций // В поисках сущности языка: когнитивные исследования. № 1. М., 2012. С. 95-112. Об установках когнитивной науки и актуальных про-

Локализация научных школ	Представители научных школ, направление деятельности, персональные сайты	Основополагающие труды
		<p>блемах когнитивной лингвистики // Вестник Волгоградского государственного университета. 2011. № 1. С. 3.</p> <p>У истоков когнитивной науки. // Когнитивные исследования языка. 2010. № 6. С. 30-31.</p> <p>О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. С. 13-18.</p> <p>Основные направления концептуального анализа: вместо введения // Когнитивные исследования языка. 2009. № 1. С. 11-21.</p> <p>О концептах, схваченных знаком // Studia Linguistica. СПб., 2009. № XVIII. С. 69-75.</p>
Тамбов	<p>А.Д. Шмелев и др. (языковая картина мира, культурные концепты)</p>	<p>Русская языковая концептуализация мира в зеркале грамматики: число и глагольный вид // Русский язык: исторические судьбы и современность. 2014. С. 691-692.</p> <p>Языковая картина мира и смежные явления // Tipologia léxica. Granada, 2013. С. 165-173.</p> <p>Константы и переменные русской языковой картины мира, М. 2012.</p> <p>О воле, свободе и просторе в русской языковой картине мира // Русский язык. 2013. № 11. С. 4-9.</p> <p>Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 14-21.</p> <p>Журнал «Вопросы когнитивной лингвистики. Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» (Тамбов). Серия изданий «Когнитивные исследования языка». Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» (Тамбов). Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов, 2017.</p> <p>Моделирование процессов функциональной категоризации глагола: коллективная монография / под общ. ред. Н.Н.Болдырева. Тамбов, 2000.</p> <p>Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Курс лекций. Тамбов, 2014.</p> <p>Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола. Москва, 2016.</p> <p>Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика. Москва; Берлин, 2016.</p> <p>Панасенко Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий. Тамбов, 2016.</p> <p>Панасенко Л.А. Моделирование интерпретирующего потенциала лексических категорий. Тамбов, 2014.</p> <p>Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концеп-</p>

Локализация научных школ	Представители научных школ, направление деятельности, персональные сайты	Основополагающие труды
	<p>горизация в сопоставительном аспекте), Л.А. Фурс (когнитивный синтаксис, оценочная категоризация и концептуализация, интерпретация), А.Л. Шарандин (лексическая и грамматическая категоризация), А.С. Щербак (лексическая категоризация) и др.</p>	<p>ты: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2004. Шарандин А.Л. Когнитивно-дискурсивное пространство слова в аспекте взаимосвязи концептуализации и категоризации // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 295-299. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов, 2012 и др.</p>
Санкт-Петербург	<p>Н.А. Кобрин (теория и практика грамматической категоризации); И.К. Архипов (способы репрезентации когнитивных структур); В.В. Колесов (изучение архетипических концептов); М.В. Пименова (сопоставительная лингвоконцептология); Скребцова Т.Г. (американское направление лингвокогнитологии); В.Д. Черняк (когнитивные аспекты лексикографии и др.); Е.В. Сергеева (художественная лингвоконцептология) и др.</p>	<p>Кобрин Н.А. Исторические предпосылки к становлению когнитивного направления в лингвистике. Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 4. С. 5-10. Кобрин Н.А. Формирование смысловых и структурных модификаций при синтезировании линейных структур. Когнитивные исследования языка. 2009. № 2. С. 65-72. Колесов В.В. Conceptology as a form of cognitive linguistics. Russian linguistic Bulletin. 2017. № 1 (9). С. 48-51. Колесов В.В. Когнитивистика в аспекте терминологии. Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1 (34). С. 48-54. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. М., 2009. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды культуры в пространстве языка. СПб., 2015. Сер. Концептуальный и лингвальный миры. Вып. 9. Концептуальный и лингвальный миры: серия сборников научных трудов под ред. М.В. Пименовой. Архипов И.К. О ментальных репрезентациях и когнитивных структурах. Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 139-140. Архипов И.К., Певневцев А.В. Семантические и когнитивные структуры: онтология и функции. Когнитивные исследования языка. 2015. № 23. С. 261-270. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика. курс лекций. СПб., 2011. Черняк В.Д. Концепт "национализм" и динамика его словарной интерпретации // Деловой и публицистический стили в истории русского языка и культуры. СПб., 2015. С. 198-203.</p>

Локализация научных школ	Представители научных школ, направление деятельности, персональные сайты	Основополагающие труды
		<p>Черняк В.Д. Когнитивные основания функционирования отглагольных существительных в современной речи // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 675-677.</p> <p>Ефремов В.А. Концептуальная vs языковая картина мира // V Селищевские чтения. Елец, 2016. С. 340-348.</p> <p>Сергеева Е.В. Художественная концептология как раздел лингвистики и методологический подход к анализу художественного текста // Слова и словари. СПб., 2015. С. 253-259.</p>
Воронеж	<p>А.П. Бабушкин (типология концептов, категории в разных языках);</p> <p>О.О. Борискина (теория скрытой категориальности языка, теория криптоклассов);</p> <p>А.А. Кретов (проблемы категоризации в языке);</p> <p>З.Д. Попова (теоретические вопросы когнитивной лингвистики),</p> <p>И.А. Стернин (http://sterninia.ru)</p>	<p>Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1997.</p> <p>Бабушкин А.П. Артефакты как окказиональные члены антропоморфных категорий // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты. Воронеж, 2014. С. 257-263.</p> <p>Бабушкин А.П. Репрезентация незнания в тексте. Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1. С. 5-9.</p> <p>Борискина О.О. Теория, методология и опыт познания скрытой категориальности языка: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2011.</p> <p>Борискина О.О. Криптоклассы английского языка. Воронеж, 2011.</p> <p>Борискина О.О., Кретов А.А., Попова З.Д. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж, 2003.</p> <p>Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.</p> <p>Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ-Восток-Запад», 2007.</p> <p>Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: «Истоки», 2007. 250 с.</p> <p>Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. М., 2015.</p> <p>Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж, 2009.</p>
Волгоград, Краснодар	<p>Карасик В.И. (исследования дискурса, ценностная картина мира, лингвокультурные типажи и др.),</p> <p>Красавский Н.А. (сопоставительная лингвоконцептоло-</p>	<p>Антология концептов (серия выпусков научных статей).</p> <p>Лингвокультурные ценности в полиэтничном обществе : коллективная монография под ред. В.И. Карасика, Е.А. Журавлевой. Волгоград, 2015.</p> <p>Карасик В.И., Красавский Н.А., Слышкин Г.Г. Лингвоконцептология. Волгоград, 2014.</p> <p>Karasik V.I. Языковая матрица культуры. монография. Волгоград, 2012.</p> <p>Карасик В.И. Семиотические типы концептов. Вопро-</p>

Локализация научных школ	Представители научных школ, направление деятельности, персональные сайты	Основополагающие труды
	<p>гия); Воркачев С.Г. (лингвоконцептология; персональный сайт: http://lincon.narod.ru/vorkachev.htm) и др.</p>	<p>сы когнитивной лингвистики. 2012. № 4. С. 5-11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2009. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград, 2015. Воркачев С.Г. Lumen naturale: аксиология интеллекта в языке. Краснодар, 2016. Воркачев С.Г. Studia selecta. Избранные работы по теории лингвокультурного концепта. Волгоград, 2013. Воркачев С.Г. Singularia tantum: идеологема «народ» в русской лингвокультуре: монография. Волгоград, 2013. Воркачев С.Г. Anglica selecta: избранные работы по лингвоконцептологии. Волгоград, 2012. Воркачев С.Г. Что есть человек и что польза его: идея смысла жизни в лингвокультуре. Волгоград, 2011. Воркачев С.Г. Базовая семантика и лингвоконцептология. На стыке парадигм гуманитарного знания. Saarbrücken, 2011. Воркачев С.Г. Специфичность универсального: идея справедливости в лингвокультуре. Волгоград, 2010. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. монография. М., 2008. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М., 2007. Воркачев С.Г. Постулаты лингвоконцептологии. В сборнике: Антология концептов словарь. М., 2007. С. 10-11. Красавский Н.А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2001. Красавский Н.А. Индивидуально-авторские концепты Германа Гессе. Волгоград, 2015. Красавский Н.А. Перспективы развития лингвоконцептологии. Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 584-587 и др.</p>
Кемерово	<p>Голев Н.Д. (обыденное сознание и способы его репрезентации), Керимов Р.Д. (метафорическое моделирование), Кондратьева О.Н. (лингвоконцептология, метафорическое моделирование),</p>	<p>Концептуальные сферы "мир" и "человек": коллективная монография. Кемерово, 2005. Сер. Концептуальные исследования Пименова М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. д-ра филол. наук. СПб., 2001. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Введение в концептуальные исследования. Кемерово, 2009. Пименов Е.А. Типология когнитивных моделей: мета-язык описания. Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2011. № 1. С. 226-231. Кондратьева О.Н. Метафорическое моделирование</p>

Локализация научных школ	Представители научных школ, направление деятельности, персональные сайты	Основополагающие труды
	<p>Пименов Е.А. (лингвоконцептология, когнитивные модели), Пименова М.В. (сопоставительная лингвоконцептология) и др.</p>	<p>концепта "душа" в древнерусской лингвокультуре. М., 2014. Кондратьева О.Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре XI - XX вв.: дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2014. Керимов Р.Д. Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации. Кемерово, 2015. Голев Н.Д. Русское обыденное метаязыковое сознание и его лексикографическая репрезентация // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах. 2015. С. 87-92. Голев Н.Д. Лингвистическое метареферирование обыденного политического сознания. Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 256-258.</p>
Белгород	<p>Н.М. Алефиренко, Г.М. Шипицына, И.И. Чумак-Жуль (когнитивно-семиологическая лингвокультурология); Беседина Н.А. (когнитивная грамматика) и др.</p>	<p>Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. Москва, 2010. Беседина Н.А. Морфологические передаваемые концепты: дис. д-ра филол. наук. Тамбов, 2006. Шипицына Г.М. Историко-лингвистический взгляд на концепт взяточничество // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2016. № 2. С. 296-305. Чумак-Жуль И.И. Поэтический концепт как когнитивно-дискурсивный феномен // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 7 (63). С. 66-73. Чумак-Жуль И.И., Щербак Ж.А. Когнитивная метафора как способ преодоления темноты мира (на материале повести в.г. Короленко «слепой музыкант») // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка. Белгород, 2016. С. 354-361.</p>
Уральский регион	<p>Екатеринбург: Л.Г. Бабенко, А.М. Плотникова, М.Ю. Мухин и др. (концептуализация и категоризация в языке, когнитивная семантика, когнитивные основы лексикографии и др.).</p>	<p>Бабенко Л.Г. Общее и специфическое в процедурах категоризации и классификации лексики разной семантико-грамматической природы // Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. С. 69-77. Бабенко Л.Г. Концепт и концептосфера в аспекте моделирования // Модели в современной науке: единство и многообразие. Калининград, 2010. С. 180-188. Бабенко Л.Г. Лексикографическая параметризация ментальной сущности концепта // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. С. 5-12. Бабенко Л.Г. Прототипический подход при лексикографической интерпретации русских синонимов // Когнитивные исследования языка. 2013. № 15. С. 67-75. Бабенко Л.Г. Концепт в словаре и дискурсе: проблема</p>

Локализация научных школ	Представители научных школ, направление деятельности, персональные сайты	Основополагающие труды
	<p>Екатеринбург: А.П. Чудинов, Е.В. Дзюба, Е.В. Шустрова и др.; Нижний Тагил Э.В. Будаев;</p>	<p>соотношения ментальных структур (на материале концепта тоска) // Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С. 262-267.</p> <p>Бабенко Л.Г. Когнитивные основания репрезентации универсальных смыслов и отношений в словарях-тезаурусах русского языка // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 683-685.</p> <p>Бабенко Л.Г. Картина мира в зеркале словаря (на материале идеографического словаря синонимов русской речи) // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 96-106.</p> <p>Плотникова А.М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений): дис. д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2009.</p> <p>Плотникова А.М. Антонимические лакуны в русской лексике поведения: когнитивно-семантический аспект // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 255-258.</p> <p>Плотникова А.М. Концептуально-таксономический анализ семантических классов слов // Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С. 225-228.</p> <p>Плотникова А.М. Парасемия в аспекте когнитивных механизмов производства и восприятия речи // Когнитивные исследования языка. 2013. № 15. С. 238-244.</p> <p>Мухин М.Ю. Лексическая статистика и концептуальная система автора. М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов. Екатеринбург, 2010.</p> <p>Мухин М.Ю. Концептуализация социально-политической сферы в произведениях Андрея Платонова (по данным статистического и тематического анализа лексики) // Политическая лингвистика. 2010. № 1. С. 166-170.</p> <p>Мухин М.Ю. Концептуальные профили произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова (по данным сопоставительного анализа частотной лексики) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2010. № 8. С. 61-65.</p> <p>Журнал «Политическая лингвистика» (периодическое издание).</p> <p>Чудинов А.П. Когнитивная наука - когнитивные науки - федерация когнитивных наук (из истории российской когнитивной лингвистики) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 117-121.</p> <p>Чудинов А.П. Очерки по современной политической</p>

Локализация научных школ	Представители научных школ, направление деятельности, персональные сайты	Основополагающие труды
	<p>Челябинск: С.Л. Кушнерук, О.А. Солопова и др. (когнитивные модели, концептуальная метафора, концептуализация и категоризация в языке) Сайт научной школы: http://politlinguist.ru/</p> <p>Е.И. Голованова (когнитивное терминоведение), С.А. Питина (концептуальные исследования) и др.</p>	<p>метафорологии. Екатеринбург, 2013. Чудинов А.П., Э.В. Будаев. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты // Известия УрФУ. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 110. № 1. С. 6-13. Чудинов А.П. Метафорическая когниция в контексте культуры // Когнитивные исследования языка. 2013. № 15. С. 332-342. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. Москва, 2008. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. № 1. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2010. Будаев Э.В. Когнитивная метафора в ракурсе теории концептуальной интеграции // Культура и текст. 2016. № 4 (27). С. 6-13. Дзюба Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре. Екатеринбург, 2011. Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. Екатеринбург, 2015. Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация действительности в русском языковом сознании: дис. д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. Солопова О.А. Диахроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе. М., 2015. Кушнерук С.Л. Макрофрейм как операциональная единица описания концептуальных структур в современных когнитивных исследованиях // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 99-106. Кушнерук С.Л. Методика когнитивного миромоделирования дискурсов русскоязычной и англоязычной рекламы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9-1 (27). С. 90-94. Шустрова Е.В. Когнитивно-дискурсивное исследование концептуальной метафоры в афроамериканской художественной картине мира: дис. д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2008 и др. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка (лингвокогнитивный анализ): дис. д-ра филол. наук. Челябинск, 2004. Голованова Е.И. Когнитивное терминоведение. М., 2015. Голованова Е.И. Когнитивное варьирование в сфере профессиональной номинации // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 631-633.</p>

Локализация научных школ	Представители научных школ, направление деятельности, персональные сайты	Основополагающие труды
		Питина С.А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира: дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2002. Питина С.А. Когнитивная лингвистика и смежные лингвистические науки о взаимодействии языка и мышления // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). С. 35-37. Питина С.А. Общая методология, или стереотипность мышления и языковая мода // Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 797-799.

Нет сомнений, что данный список отечественных научных школ, имен и важных для когнитивной лингвистики публикаций можно продолжать. Значительный вклад в развитие когнитивных исследований внесли также О.А. Алимуратов (Пятигорск), А.В. Кравченко, С.Н. Плотникова (Иркутск) и другие исследователи. Однако объем даже учебного пособия не позволяет охватить обширный материал исследований по активно развивающемуся в настоящее время направлению современной лингвистики.

1.3. Постулаты и принципы когнитивной лингвистики

В настоящее время учеными сформулированы **постулаты** и **общие принципы когнитивной лингвистики** как научного направления [Баранов, Добровольский 1997; Болдырев 2004, 2008, 2013; Кибрик 1983, 1992 и др.]. Следует оговориться, что в методологии науки термины *постулат* и *принцип* разграничиваются. Отличаются эти понятия как минимум двумя признаками: во-первых, областью, или шириной, научного применения (т.е. степенью универсальности); во-вторых, степенью доказанности, экспериментальной обоснованности. *Постулаты* являются такими теоретическими «положениями-предположениями», которые условно принимаются как неоспоримые и не нуждающиеся в доказательстве, т.е. такие фундаментальные положения, которые принимаются за основу целой теории или даже целого направления в науке. Так, автор «Философского словаря» И.Т. Фролов понимает *постулат* как «утверждение некоторой научной теории, принятое в ней в качестве исходного, недоказуемого в ее рамках», и подчеркивает, что в современной логике и методологии науки это понятие часто отождествляется с понятием *аксиома* [Философский словарь 2001: 353].

По словам Т.Г. Скребцовой, ученые, стоявшие у истоков когнитивной лингвистики, провозгласили основным постулатом данной науки связь языка и когниции [Скребцова 2011: 8]. При этом «когниция охватывает в совокупности процесс достижения знания (т. е. познание) и его результат (т. е. знание)» [Кубрякова 1994: 35]. По мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, когнитивная лингвистика базируется на нескольких постулатах, среди которых: 1) постулат о примате когнитивного; 2) постулат о нерелевантности противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания; 3) постулат о тенденции к экономии усилий; 4) постулат о множественности воплощения когнитивных структур в языке; 5) постулат о неоднородности плана содержания языкового выражения; 6) постулат о множественности семантического описания; 7) постулат о значимости нестандартных употреблений» [Баранов, Добровольский 1997: 11].

Не менее важны для теоретико-методологического обоснования научных исследований т.н. **принципы**, т.е. такие теоретические положения, которые нуждаются в обосновании и должны быть доказаны экспериментальным путем. Только после убедительного обоснования принципы могут быть приняты как безапелляционная основа для дальнейших научных изысканий, но и они в результате новых экспериментов могут быть подвергнуты корректировке. По области применения принципы могут быть общенаучными (универсальными) и специализированными, т.е. актуальными либо для определенных научных областей (философские принципы, принципы психологических исследований и т.д.), либо для конкретных научных теорий (принципы филологического анализа, принципы языковой категоризации и т.д.).

Среди фундаментальных принципов когнитивной лингвистики Н.Н. Болдыревым отмечаются следующие:

1) **принцип антропоцентризма** (признание ведущей роли человека в организации и использовании языка);

2) **междисциплинарный характер исследования** (использование достижений различных наук при изучении языка с когнитивных позиций);

3) **понимание языка как когнитивной способности** наряду с другими когнитивными способностями человека;

4) **многоуровневость значений языковых единиц** (рассмотрение языка в когнитивном контексте);

5) **уровневый характер процессов языковой концептуализации и категоризации** [Болдырев 2004: 23 – 24; Болдырев 2013: 7 – 8];

6) **принцип структурно-функциональной целостности** (рассмотрение языка и речи как единого объекта изучения в когнитивной лингвистике) [Болдырев 2008: 11].

Е.С. Кубрякова во главу угла ставит **принцип равноправия двух основных функций языка – когнитивной и коммуникативной**, которые обобщаются в когнитивно-дискурсивных исследованиях [Кубрякова 2009б: 13]. Н.А. Беседина вслед за Е.С. Кубряковой поясняет: «При акценте на когнитивную составляющую речь идет о содержании и значении языковых явлений; при акценте на дискурсивную – о способе подачи и распределения информации по «поверхности» рассматриваемых единиц (от слов до дискурса)» [Беседина 2010: 33].

Помимо принципов **антропоцентричности, междисциплинарности и когнитивно-дискурсивного подхода к изучению языка**, Н.А. Беседина выделяет **принцип многофакторности и системности**, понимая под этим описание языкового явления как коммуникативно-когнитивной единицы и как элемента более высоких систем, частью которых является язык; **принцип концептуального единства языка и речи**; **принцип разграничения концептуального и семантического уровней**, предполагающий дифференциацию неязыкового уровня концептуальной репрезентации и уровня языковой репрезентации, что подчеркивает различие языковой и концептуальной картин мира [Беседина 2010: 33 – 35].

Т.Г. Скребцова сформулировала десять фундаментальных принципов когнитивной лингвистики, среди которых обозначила:

1) **холистический подход** к интерпретации языковой способности и процессов восприятия и порождения текста человеком (т.е. осознание их целостной взаимосвязи);

2) **принцип осмысления языковой способности как проявления общих когнитивных механизмов**, что позволяет через язык изучать особенности мышления и познавательные процессы человека;

3) **принцип органической взаимосвязи языкового знания и психики человека**;

4) **антропоцентрический принцип**;

5) **принцип признания центральной роли физического опыта взаимодействия человека с окружающим миром в организации его понятийной системы**;

6) **принцип учета субъективных факторов**, влияющих на когнитивные процессы;

7) **принцип изучения языка в его функционировании**;

8) **принцип сосредоточенности на изучении языковых значений** (семантике языка), являющихся связующим звеном между языком и когницией;

9) **принцип экспланаторности**, т.е. установка не на описание, но на объяснение языковых реалий;

10) *принцип открытости* когнитивной лингвистики по отношению к различным областям знаний [Скребцова 2011: 26 – 29].

Эва Дабровска указывает, что лингвокогнитологи, несмотря на различие подходов к изучению лингвоментальных единиц и разнообразие методик их анализа, придерживаются трех фундаментальных принципов когнитивной лингвистики, утверждающих приоритет таких аспектов экзистенции языка, как передача смысла, связь с мозгом человека, детерминированность грамматики реальным употреблением языковых единиц, ср.: «Cognitive Linguistics is a broad church encompassing several distinct strands. Linguists who describe themselves as cognitivists investigate a wide range of phenomena using a variety of methods. Nevertheless, I think it is fair to say that there are at least three central tenets that all cognitive linguists subscribe to, namely: (1) language exists to convey meaning (which includes both “content” and construal, so grammatical morphemes and constructions are regarded as meaningful), and therefore the goal of linguistics is to explain how speakers use linguistic expressions to convey meaning; (2) “accounts of human language [should] accord with what is generally known about the mind and brain from disciplines other than linguistics” (Lakoff’s “Cognitive Commitment”: Lakoff 1991: 54); and (3) grammar emerges from usage, at both developmental and historical level, and therefore usage should be centre stage in all accounts of language [Dąbrowska 2016: 479].

Очевидно, что указанные постулаты и принципы лежат в основе всех лингвокогнитивных исследований, независимо от частных способов и приемов изучения процессов категоризации и концептуализации и результатов когнитивной деятельности человеческого сознания.

1.4. Основные понятия лингвокогнитологии

Несмотря на многообразие подходов к изучению лингвокогнитивных единиц, исследователи относительно единообразно трактуют многие из ключевых понятий теории когнитивной лингвистики. Обозначим наиболее важные термины в таблице ниже (см. Таблицу 2).

Таблица 2.

Основные понятия теории когнитивной лингвистики

Статус понятия	Понятие (термин)	Дефиниция
Область научного знания	Когнитивная наука (<i>cognitive science</i>) / когнитология / когнитивистика	– это наука, изучающая когнитивные (познавательные) процессы, происходящие в сознании человека, а именно: процессы получения и обработки информации, ее хранения в виде различных структур (ментальных репрезентаций) и ее воспроизведения (в т.ч. в виде языковых репрезентаций).
Научное направление (направление лингвистики)	Когнитивная лингвистика / лингвокогнитология (<i>cognitive linguistics; cognitive Linguistik; linguistique cognitive</i>)	– это направление лингвистики, изучающее роль языка (значение, функции, средства) в процессе формирования, хранения и воспроизведения знаний человека о мире и себе самом, т.е. изучающее язык как механизм и инструмент познания когнитивный механизм. «...Когнитивная лингвистика оказывается связанной с изучением когниции в ее лингвистических аспектах и проявлениях, с одной стороны, и с исследованием когнитивных аспектов самих лексических, грамматических и пр. явлений, с другой. В этом смысле она занимается как репрезентацией собственно языковых знаний в голове человека и соприкасается с когнитивной психологией в анализе таких феноменов, как словесная или вербальная память, внутренний лексикон, а также в анализе порождения, восприятия и понимания речи, так и тем, как и в каком виде вербализуются формируемые человеком структуры знания, а, следовательно, когнитивная лингвистика вторгается в сложнейшую область исследования, связанную с описанием мира и созданием средств такого описания» (В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова).
Объекты изучения когнитивной лингвистики	Когнитивная деятельность (<i>cognitive activity; cognitive Tätigkeit; activité cognitive</i>)	– это деятельность человеческого сознания, объединяющая процессы категоризации и концептуализации, в результате которой формируется относительно упорядоченная система знаний и представлений человека о мире и себе самом; когнитивная деятельность включает любые ментальные процессы, направленные на формирование знания (мышление, познание, осознание, понимание, интерпретация и под.); результатом когнитивной деятельности является сложившаяся и непрерывно формирующаяся концептуальная система смыслов (система концептов и категорий).
	Когниция (<i>cognition, Kognition</i>)	– это процесс познания и его результаты («познание», «познание», «знание»). Это «центральное понятие когнитивной науки, достаточно трудное для русского перевода и

Статус понятия	Понятие (термин)	Дефиниция
		<p>потому сохраняемое нами в транслитерированной форме для подчеркивания этого своеобразия; причудливо сочетающее в себе значения двух латинских терминов – <i>cognitio</i> и <i>cogitatio</i> – оно передает смыслы «познание», «познавание» (т.е. фиксируя как процесс приобретения знаний и опыта, так и его результаты), а также «мышление», «размышление»; обозначает познавательный процесс или же совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку либо извне по разным чувственно-перцептуальным каналам, либо уже интериоризированной и реинтерпретируемой человеком» (Е.С. Кубрякова).</p>
	Когнитивная функция языка	<p>– это такая функция языка, сущность которой заключается в участии лингвистических феноменов (языковых категорий и собственно языковых знаков) в процессе познания, т.е. в ментальном освоении и интерпретации человеческим сознанием окружающего мира, а также в способности фиксировать полученное знание в семантике языка – лексической и грамматической.</p>
	Когнитивная семантика (<i>cognitive semantics; kognitive Semantik; ssmuntique cognitive</i>)	<p>– это раздел когнитивной лингвистики, изучающий систему человеческих знаний и представлений о внеязыковой действительности, закрепленных в значениях языковых единиц (в основном – лексических и лексико-грамматических).</p>
	Когнитивная грамматика	<p>– это раздел когнитивной лингвистики, который изучает когнитивные процессы и сами знания, закрепленные в грамматических категориях и репрезентированные средствами грамматики (грамматическими формами).</p>
	Концептуализация (<i>conceptualization</i>)	<p>– это процесс формирования знания человека о мире и о себе самом на основании ментальной обработки разнородной информации, полученной в результате сенсорного, моторного, эмоционального опыта человека, а также в результате его мыслительной деятельности и действия воображения, с учетом исторического, социально-культурного, физического, языкового и иного контекста;</p> <p>- это процесс накопления, вербального закрепления и хранения информации об объекте реальной и/или воображаемой действительности с ее потенциальной репрезентацией в коммуникативных актах</p>

Статус понятия	Понятие (термин)	Дефиниция
	Концепт	– это «сгусток» информации («квант знания» – Е.С. Кубрякова) о феномене реального и/или воображаемого мира, который формируется как результат концептуализации и представляет собой, с одной стороны, единицу оперативного мышления человека, с другой стороны, относительно систематизированный набор когнитивных признаков (в т.ч. категориальных) об объекте познания. Концептуализация, в отличие от категоризации, основывается в первую очередь на процессе дифференциации объекта в ряду других: подобных, малоподобных или вовсе неподобных.
	Категоризация	– это лингвоментальный процесс членения онтологического пространства на отдельные ячейки, включающие совокупность объектов на основании общности некоторых признаков (признаков «фамильного / семейного сходства», по Людвигу Витгенштейну). Процесс категоризации включает в себя следующие этапы осмысления реальности: <i>когнитивная элекция</i> (фокусирование человеческого сознания на определенном фрагменте действительности, т. е. выбор объектов для когнитивной обработки) – <i>когнитивная идентификация и категоризация</i> (сопоставление объекта познания с членами знакомых категорий по выявленным признакам категоризации и его отнесение к определенной категории) – <i>категориальная номинация</i> (присвоение объекту познания категориального имени). Спецификой лингвокогнитивной категоризации является то, что она соотносится одновременно с двумя областями: ментальной (процедура выявления существенных признаков у познаваемого объекта, сопоставление с известными членами естественных категорий) и языковой (подведение нового знания под категории языка или наложение языковых категорий на фрагмент познаваемой действительности).
	Категория	– это лингвоментальный феномен, представляющий собой объединение когнитивных единиц разного уровня (субкатегорий, концептов, являющихся в данном случае членами категории) на основании общности некоторых из существенных признаков категории (т.н. «признаков фамильного сходства»).
	Концептуальная картина мира	– это система разнородных и комплексных знаний и представлений человека о мире (реальном и/или воображаемом), сформированная в процессе познания окружающей действительности и себя самого: познания научного и ненаучного,

Статус понятия	Понятие (термин)	Дефиниция
		практического и перцептивного, с одной стороны, и абстрактного, или теоретического, с другой стороны; в целом, это вся информация, которой владеет человеческое сознание.
	Языковая картина мира	– это зафиксированные в виде языковых единиц и категорий процессы и результаты когнитивной деятельности человека; это вербализованный коррелят концептуальной картины мира.

Несмотря на сложный путь формирования терминосистемы когнитивной лингвистики, несмотря на многообразие предпринимаемых подходов к изучению лингвоментальных феноменов, в целом, сущность важнейших понятий лингвокогнитологии (*когнитология, когнитивная лингвистика, концепт, категория* и др.) определена. В настоящее время возможно их уточнение и дополнение. Более сложна ситуация с понятием *языковая картина мира*. В науке не только не сформулировано однозначное определение данного термина, не считается бесспорным даже сам статус данного феномена [подробнее о дискуссии относительно статуса языковой картины мира см.: Дзюба 2015б: 31 – 37].

В современном языкознании не всегда четко разграничиваются термины *языковое мышление, языковое сознание, языковая картина мира* и даже *языковая личность*.

Языковое сознание. Существуют разные подходы к изучению языкового сознания:

- *психолингвистический*, предполагающий изучение закономерностей формирования языкового сознания как общечеловеческого психологического процесса и определение роли языка в формировании психологического (в т.ч. ментального) мира человека (А.А. Потебня, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Т.Н. Ушакова и др.);

- *когнитивный*, при котором языковое сознание рассматривается как часть общей познавательной (когнитивной) деятельности человека (С.А. Песина, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.);

- *культурологический*, в рамках которого языковое сознание понимается как феномен культуры, а сам язык трактуется как особая форма культуры (М.П. Киселева и др.);

- *этнокультурный*, предполагающий изучение этноспецифических закономерностей формирования национального мышления под влиянием национального языка (Е.Л. Березович, В.В. Воробьев, Анна А. Зализняк, И.В. Левонтина, А.Д. Шмелев, Е.И. Зиновьев, Е.Е. Юрков, А.Ю. Казакова, В.В. Красных, А.А. Мельникова, М.П. Одинцова,

Е.О. Опарина, С.Е. Никитина, Е.В. Рахилина, Н.В. Солоник, А.Ю. Со- рокин, Н.В. Уфимцева и др.);

- **гендерно-функциональный**, при котором в структуре языковой личности, помимо отмеченных Ю.Н. Карауловым вербально-семантического, тезаурусного (лингвокогнитивного) и мотивационно-го уровней [Караулов 2010], дополнительно рассматривается лингво-гендерный уровень, содержащий гендерномаркированные единицы, называемые лингвогендерами (А.Г. Фомин [Фомин 2003]; Е.И. Горошко [Горошко 2003]) и др.

Очевидно, что данный перечень не охватывает всего многообразия подходов к изучению языкового сознания, и данный список, безусловно, может быть дополнен.

Различие понятий **языковое мышление** и **языковое сознание** весьма убедительно показано И.А. Стерниным, который предлагает рассматривать языковое сознание как явление статическое, а языковое мышление – как явление динамическое: «Сознание – это свойство мозга, мышление – это деятельность мозга, наделенного сознанием», – подчеркивает исследователь [Стернин 2002: 44].

Автор этого подхода указывает на современные представления о множественности видов сознания, среди которых он отмечает

1) виды сознания, отражающие разный предмет мыслительной деятельности (политическое, научное, религиозное, бытовое и т.д.);

2) виды сознания, характеризующие субъект сознания (гендерное, возрастное, социальное, общественное и др.);

3) виды сознания, зависящие от степени сформированности (развитое и неразвитое);

4) виды сознания, имеющие в основе какой-либо специфический принцип понимания общественного уклада (глобальное, демократическое, консервативное, либеральное, реакционное и т.д.);

5) виды сознания, детерминированные спецификой интеллектуальной деятельности (креативное, техническое, эвристическое, художественное и др.) [см. подробнее: Стернин 2002: 45].

Трактовка языкового сознания в концепции И.А. Стернина такова: языковое сознание наряду с коммуникативным сознанием являются формами сознания вообще, которое предлагается называть когнитивным, т.е. сознанием, которое формируется в результате познания (отражения) субъектом окружающей действительности. При этом под содержанием сознания исследователь понимает систему знаний о мире, полученных в результате когнитивной деятельности субъекта. В структуре **когнитивного сознания** на основании специфики природы полученной информации, средств представления знаний, особенно-

стей их прагматического использования И.А. Стернин выделяет **языковое** и **коммуникативное сознание**. При этом под языковым сознанием исследователь понимает часть сознания, обеспечивающую механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании. Под коммуникативным сознанием И.А. Стернин признает совокупность коммуникативных знаний (установки коммуникативного сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, набор принятых в обществе правил коммуникации и т.п.) и коммуникативных механизмов, обеспечивающих коммуникативную деятельность человека.

В качестве примера разграничения понятий языкового и коммуникативного типов сознания исследователь рассматривает отвлеченное знание формул речевого этикета как единиц языка (это сфера языкового сознания) и специфику их употребления в каждой конкретной ситуации, которая определяет выбор интонации, дистанции общения, сопровождение речевого поведения какими-либо жестами и т.п. (это сфера коммуникативного сознания) [см. подробнее: Стернин 2002].

Вслед за И.А. Стерниным представители Пермской лингвистической школы (И.А. Барина, Н.М. Нестерова, И.Г. Овчинникова) рассматривают сознание человека в трехмерном пространстве: когнитивном, коммуникативном и языковом, ср.: «Когнитивная координата проявляется как ментальность, обусловленная единством отраженного множеством языков разума; коммуникативная координата организована как дискурсивная практика, как правила организации коммуникации; и только языковая координата непосредственно обусловлена национальным языком» [Барина, Нестерова, Овчинникова 2010: 18]. Ю.А. Сорокин понимает языковое сознание как механизм, который наряду с орудийно-предметным, речевым и семиотическим сознанием опредмечивает индивидуальный, групповой и этнический опыт познания и участвует таким образом в конструировании образа мира [Пицальникова, Сорокин 1993: 164 – 165]. Ю.В. Рождественский также рассматривает языковое сознание как часть языкового мышления наряду с языковыми навыками, понимая под языковым сознанием знание языка [Рождественский 2002: 99].

Идея о существовании языковых и неязыковых знаний достаточно подробно освещена в работах А.А. Залевской, которая рассматривает виды знаний по разным основаниям: по их содержанию (*знания о мире* и *знания о языке*), по форме репрезентации знаний (*вербализованные* и *невербализованные*) и т.д. [Залевская 1999: 66 – 67]. Л.М. Васильев, разделяя языковые и неязыковые знания, указывает, что первые – формируются под влиянием семантических и грамматических струк-

тур языка, зависят от знаний естественного языка и, таким образом, являются всегда вербализованными средствами этого языка; вторые – формируются под влиянием независящих от языка когнитивных структур, поэтому могут быть вербализованными (в т.ч. в виде образных употреблений), но могут быть выражены и иными знаками [Васильев 1998]. Иными словами, языковое сознание как вербальный коррелят когнитивного сознания человека перерабатывает определенную часть полученной человеком информации под воздействием семантических и грамматических структур этого языка и опредмечивает их в вербальной форме, что было бы естественным образом невозможно без знания конкретного языка.

Языковое сознание рассматривается некоторыми учеными как единица уровневой системы. Т.М. Дридзе указывает, что языковое сознание – это такой «уровень сознания, где образы, представления, мыслительные структуры приобретают языковое оформление» [Дридзе 1976: 201]. Е.И. Горошко, помимо уровня языкового сознания, предлагает выделять уровень метаязыкового сознания, под которым исследователь понимает «специализированное языковое сознание, предназначенное для членения, категоризации и организации потока речи» [Горошко 2001]. Языковое сознание как «орудие, инструмент, выполняющий определенный набор функций» рассматривается в работах Г.В. Эйгер [Эйгер 1992; Эйгер, Рапопорт 1991]. Исследователь выделяет такие функции языкового сознания: отражательную, оценочную, ориентировочно-селективную, интерпретационную, регулятивно-управляющую [Эйгер 1992]. Интересен гендерный подход к изучению языкового сознания: А.Г. Фомин предлагает в структуре языковой личности, подробно описанной Ю.Н. Карауловым, выделить еще один уровень – гендерный, так как «гендерные стереотипы определяют специфику вербальной (и невербальной) деятельности личности» [Фомин 2003, 2004]. Перечисленные исследования демонстрируют множественность подходов к пониманию языкового сознания.

Отдельно следует остановиться и на термине **языковая картина мира**. Понятие картины мира впервые стало употребляться в физике в конце XIX – XX века. Чаще этот термин употребляется в работах Г. Герца применительно к физической картине мира, трактуемой как совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов. В современном варианте термин физическая картина мира предполагает представление о мире и его процессах, выработанное физикой на основе эмпирического исследования и теоретического осмыслении [Философский энциклопедический словарь 2003]. При этом

физическая картина меняется по мере развития науки, экспериментально-технической базы и т.д. [Дмитриева, Прокофьев 2001: 496 – 499].

В отечественной лингвистике термин *картина мира* начинает употребляться с 60-х годов XX века в работах Г.А. Брутяна, Г.В. Колшанского, Р.Й. Павилениса. Наряду с данным термином в психолингвистике вслед за А.Н. Леонтьевым [Леонтьев А.Н. 1983: 251 – 261] употребляется термин *образ мира*, который трактуется как «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев А.А. 2003: 268]. А.А. Леонтьев поясняет: «Неразрывность предметного значения с вербальным (при всей их психологической специфике) очевидна, и проблематика когнитивной психолингвистики все больше становится ориентированной не только и не столько на вербальные, сколько на предметные значения, ставя задачей синтезировать психолингвистическую теорию слова (знака) и психологическую теорию осмысленного образа... Предметные значения являются теми «кирпичиками», из которых строится образ мира» [Леонтьев А.А. 2003: 268]. Иными словами, феномены языкового сознания имеют смешанную природу: отчасти – онтологическую, связанную с предметным миром, отчасти – психологическую, связанную с превращением посредством сознания человека (восприятия, воображения и т.п.) явлений предметного мира в объекты ментального мира человека.

В когнитивной лингвистике соотношение объективной и субъективной природы феноменов языкового сознания формулируется как диалектическое единство онтологического смыслового компонента и оценочного (интерпретирующего) значения в языке [см. подробнее: Болдырев, Панасенко 2013: 5; Вольф 1985; Шарандин 2011: 11 и др.].

А.Л. Шарандин отмечает, что процесс обозначения словом какого-либо объекта действительности обусловлен «определенными механизмами нашей ментальной деятельности, которые задают направления приписывания значения и его означивания в семантической структуре слова» [Шарандин 2011: 11]. Исследователь задается вопросом: какая семантика отражает бытие, какая – отражает языковую деятельность в слове, т.е. является собственно языковой. Разграничение этих семантических областей, по мнению таких исследователей, как Е.Е. Котцова [Котцова 2002], З.К. Тарланов [Тарланов 1995], Л.А. Шарандин [2011], показательно в отношении статуса тематической группы как особого лексического объединения. «Например, лексический состав тематической группы ЧАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА обусловлен физиологической организацией человека, строением его тела, и собственно

языковых закономерностей, позволяющих описать связи между словами в тематической группе, по существу, нет», – утверждает Л.А. Шарандин. Однако, как отмечает исследователь, включаясь в речевую деятельность, слова данной тематической группы приобретают сигнификативное значение, что меняет статус знака вообще на статус языкового знака как единицы общения, т.е. делает лексическую единицу единством когниции (сознания), номинации (обозначения) и речевой деятельности (коммуникации) [Шарандин 2011: 12 – 13].

Знания и представления об окружающем мире, упорядоченные в человеческом сознании с помощью категорий языка и его же средствами «опредмеченные» (вербализованные), в терминах когнитивной лингвистики называются языковой картиной мира.

Вопрос о существовании различных картин мира является чрезвычайно важным для изучения категорий русского языкового сознания. Одним из теоретико-методологических принципов многих лингвокогнитивных исследований является *принцип признания множественности картин мира*. Данный принцип лежит в основе выделения научной и наивной картин мира [Апресян 1995а; Горский 1957; Караулов 1976; Постовалова 1988; Щерба 1974 и др.]; биологической, физической, религиозной, политической картин мира [Никитина 2007: 18]; научной, профессиональной и наивной картин мира с их вариантами и вариациями [Дзюба 2015б, 2016а; Дзюба, Чудинов 2016в] и под. Однако все исследователи единодушно отмечают совершенно особый статус языковой картины мира. Особость этого статуса заключается в том, что, во-первых, язык сам по себе, в своей семантике включает определенное знание о мире, во-вторых, он позволяет иным областям (областям научного и профессионального знания) формировать, закреплять и репрезентировать знания о мире.

Исследования о языковой картине мира весьма популярны в отечественной лингвистике. Целый ряд работ посвящен *определению статуса и сущности понятия языковой картины мира* [Апресян 1995а; Донских 1984; Караулов 1976; Серебренников 1988а, 1988в; Тхорик, Фанян 2006; Харуллин 1994; Шарандин 2011 и др.]; многие исследователи сосредоточивают внимание на *проблеме множественности картин мира и соотношении языковой и концептуальной картин мира* в сознании человека [Брутян 1973; Габбасова, Фаткуллина 2013; Касевич 1996; Колшанский 1990; Новикова, Черемисина 2000; Пименова, Кондратьева 2011; Попова, Стернин 2001; Постовалова 1988; Почепцов 1990; Уфимцева 1988; Фаткуллина 2011; Харитончик 1992; Ширшиков 2005 и др.]; значительная часть исследователей подчеркивает необходимость рассматривать *этнокультурную специ-*

фику языковой картины мира [Алпатов 2008; Аникин, Чудинов 2011; Березович 2007; Вежбицка 1996б, 1999, 2002; Гвоздева 2004; Даниленко: электронные ресурсы; Зализняк и др. 2005; Карасик 1996, 2004, 2007; Карасик, Слышкин 2001; Караулов 1976; Корнилов 2003; Мельникова 2003; Мир человека и мир языка 2003; Никитина 1993, 1999а; Русская языковая картина мира и системная лексикография 2006; Руссо 2014; Степанов 1997; Сукаленко 1992; Телия 1999; Толстая 2002; Толстой 1995; Урысон 1998, 2003; Чулкина 2009; Шмелев 2002, 2006, 2011; Щерба 1974в; Яковлева 1994 и мн.др.].

Достоинными внимания являются в последние годы активно высказываемые (особенно «зарубежными» исследователями) и освещенные на страницах авторитетных научных журналов критические замечания относительно существования языковой картины мира – вообще и ее национальной специфики – в частности [Павлова 2009, 2012; Павлова, Безродный 2011]. Целесообразно кратко охарактеризовать каждый из перечисленных вопросов.

Понятие **языковая картина мира** в научный обиход было введено Лео Вайсгербером, который построил свою лингвистическую теорию на основе учения В.фон Гумбольдта о внутренней форме языка. По мнению Л. Вайсгербера, «словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества» [Вайсгербер 2004: 51].

Л. Вайсгербер в своих размышлениях о соотношении языка и познания приходит к полному их отождествлению: если сначала философ отстаивал объективную основу языковой картины мира, видя ее в окружающем человека мире, то в последствии Л. Вайсгербер «начнет подчеркивать ее мировоззренческую, субъективно-национальную, идиознтическую сторону, проистекающую из факта, что в каждом языке представлена особая точка зрения на мир – та точка зрения, с которой смотрел на него народ, создавший данный язык» [Даниленко, электронный ресурс].

В этом смысле концепция Л. Вайсгербера близка точке зрения Б.Л. Уорфа, который выводил научную картину мира прямо из языковой: «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевид-

ны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Уорф 1960: 174].

Концепции Б.Л. Уорфа и Л. Вайсгербера весьма тенденциозны в признании определяющего значения языка в формировании познавательной деятельности человека и в утверждении, что языковая картина мира имеет целый ряд преимуществ в сравнении с научной. Эти положения являются спорными, однако заслуга исследователей заключается именно в выявлении самого феномена языковой картины мира.

Теория Б.Л. Уорфа ценна самой постановкой проблемы сосуществования двух «систем анализа окружающего мира» [Уорф 1960: 190] – языковой и научной. Исследователь подчеркивал, что у языковой и научной картин мира есть сходство: они моделируют мир в сознании человека. Однако они имеют и существенные различия: научная картина мира отражает научное знание, это результат деятельности ученых; наивная картина мира отражает обыденное сознание. При этом Б.Л. Уорф отдавал явное предпочтение необходимости изучения именно языковых картин мира. По его мнению, они имеют два существенных преимущества перед научными: во-первых, языковые картины мира значительно старше научных, следовательно, по информационной насыщенности они превосходят научные; во-вторых, языковые картины мира своеобразны в силу своей плюралистичности в отличие от монизма научных исследований [Уорф 1960].

Одним из первых в отечественной лингвистике проблему несовпадения языкового и научного значений слов обозначил А.А. Потебня. Исследователь подчеркнул: «Языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела. Так как говорится о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук. Например, говоря о значении слова *дерево*, мы должны бы перейти в область ботаники, а по поводу слова причина или причинного союза – трактовать о причинности в мире» [Потебня 1958: 19]. А.А. Потебня разграничил и определил научное и языковое значения слов таким образом: «под значением слова вообще разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук, – дальнейшим значением слова» [Потебня 1958: 19].

Идею о том, что «научные понятия отличаются от понятий повседневной жизни» отмечал Д.П. Горский [Горский 1957: 85]. На разли-

чие между научным и обывательским представлениями о мире указывал Л.В. Щерба, продемонстрировав это на примере слов естественного языка, которые в науке приобретают статус термина: «Прямая (линия) определяется в геометрии как «кратчайшее расстояние между двумя точками». Но в литературном языке это, очевидно, не так. ...Прямой мы называем в быту линию, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)» [Щерба 1974в: 280].

Существенный вклад в изучение языковой картины мира внесли работы Ю.Д. Апресяна. Исследователь разграничивает научную и наивную картины мира, подчеркивая при этом, что «наивные представления отнюдь не примитивны, они отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир» [Апресян 1995а: 350]. Термин *наивная картина мира* у Ю.Д. Апресяна является аналогом понятия *языковая картина мира*, так как наивные знания (наивная геометрия, наивная физика пространства и времени и т.п.) извлекаются именно из единиц языка: «представления об основополагающих заповедях русской наивно-языковой этики» можно извлечь из анализа некоторых лексем: ‘нехорошо преследовать узкокорыстные цели’ (ср.: *домогаться, льстить, сулить*); ‘нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей’ (ср.: *подсматривать, подслушивать, соглядатай, любопытство*) и т.д. [см. подробнее: Апресян 1995а: 350 – 351].

Главной отличительной чертой языковой картины мира от научной является фиксация в ней разных представлений о мире, часто научно необоснованных и даже ложных. Ю.Н. Караулов подчеркивает: «Словарный состав языка прошел многотысячный путь развития, наряду с научными представлениями разных эпох в нем отражались и наслаивались также заблуждения и суеверия, в нем запечатлелся частично и дологический этап становления человеческого мышления и языка» [Караулов 1976: 60]. В отличие от научной картины мира, которая постоянно подвергается изменениям, языковая картина мира более устойчива, «она может долгое время хранить заблуждения и ошибки» [Никитина 2006б: 44]. Итак, на основании следующих признаков: способы получения и переработки информации, сфера трансляции знаний, средства передачи информации и др. – картина мира человека может быть двух видов: научной и наивной.

Существуют и другие подходы к описанию процесса картинирования мира в сознании человека. В.Б. Касевич на основании способа кодирования информации выделяет вербальную (языковую) и невербальную картины мира, а вербальную картину мира предлагает в свою очередь разделить на собственно языковую и текстовую [Касевич

1996]. При этом научная картина мира, по мнению ученого, является одним из вариантов текстовой картины мира, так как отражается только в виде текстов определенной сферы – науки. Одним из существенных различий между наивной и научной картинами мира является, как отмечает В.Б. Касевич, наличие в той или иной системе знаний и представлений этнокультурной информации: научная картина мира стремится к нивелированию национально-специфической информации, в то время как наивная картина мира закреплена и отражена в лексиконе и грамматике языка [Касевич 1996].

Высказанные В.Б. Касевичем положения отражают два важнейших аспекта изучения картины мира: 1) связь языковой картины мира с концептуальной; 2) изучение национальной специфики процесса картирования мира и его отражения в национальном языке.

Дискуссия о соотношении языковой и концептуальной картин мира (их совпадении или несовпадении), продолжалась долгие годы в отечественной лингвистике (см. работы Г.А. Брутяна, Г.В. Колшанского, Е.С. Кубряковой, В.И. Постоваловой, Б.А. Серебrenникова, В.Н. Телия и др.). Г.А. Брутян отмечает: «Выделение языковой и концептуальной картин мира позволяет раскрыть взаимоотношения языка и мышления в процессе познания, показать роль языка в формировании картины мира в сознании людей..., представить проекцию окружающей действительности в нашем сознании [Брутян 1973: 108]. С этим мнением вряд ли кто-либо из лингвистов не согласится, однако вопрос о соотношении этих двух картин мира продолжительное время решался весьма неоднозначно. М.В. Пименова и О.Н. Кондратьева [Пименова, Кондратьева 2011: 35 – 37] отмечают, что концепции о соотношении двух названных картин мира укладываются в три разных подхода:

1) мнение о том, что языковая картина мира шире концептуальной, ср.: «Основное содержание языковой модели мира покрывает все содержание концептуальной модели мира», – отмечает Г.А. Брутян. При этом концептуальная картина мира составляет ядро языковой картины мира (это, по мнению исследователя, универсальное знание). Помимо этого ядра, в семантической структуре языка присутствует дополнительная информация, специфичная для конкретного национального языка [Брутян 1973: 109 – 110];

2) концепция о тождественности языковой и концептуальной картин мира (М.В. Пименова и О.Н. Кондратьева с некоторыми оговорками относят к данному подходу исследования В.Г. Колшанского [Колшанский 1990: 37 – 40]);

3) мнение, что концептуальная картина мира значительно шире языковой [см. подробнее: Попова, Стернин 2006, 2007; Постовалова

1988; Почепцов 1990; Серебренников 1988а, 1988в; Телия 1988б и др.]. Убедительны на этот счет высказывания З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которые отмечают, что для современной лингвистики представляется принципиальным разграничение концептосферы и семантического пространства языка, которое многие авторы называют термином *языковая картина мира*. По мнению исследователей, «концептосфера – это область мыслительных образов, единиц универсального предметного кода, представляющих собой структурированное знание людей, их информационную базу, а семантическое пространство языка – часть концептосферы, получившая выражение (вербализацию, объективацию) в системе языковых знаков – слов, фразеосочетаний, синтаксических структур и образуемое значениями языковых единиц» [Попова, Стернин 2007: 43 – 44]. Иными словами, существенное число концептов находит свое отражение в языке, но определенная часть концептуального содержания, формирующаяся не столько с помощью языковой логики, сколько на основе сенсорного или образного восприятия мира человеком, может не иметь соответствий в семантической системе языка.

Различия языковой и концептуальной картин мира существенны. Ю.Н. Караулов отметил, что эти картины мира отличаются прежде всего содержанием: содержательной единицей языковой картины мира, согласно его концепции, является семантическое поле, единицей концептуальной картины мира – константы сознания [Караулов 1976].

М.В. Пименова и О.Н. Кондратьева видят различия этих двух картин мира в следующих позициях: 1) в отношении к действительности (концептуальная картина мира более близка к действительности, чем языковая); 2) в характере восприятия действительности (концептуальная картина мира формируется непосредственно, языковая – опосредованно, с помощью знаков); 3) в участии в формировании знания разных типов мышления (в формировании языковой картины мира участвует вербальное мышление, в формировании концептуальной картины мира – разные виды мышления); 4) в специфике структурных единиц (языковую картину мира составляют единицы языка: слова, словосочетания, предложения; концептуальная картина мира в качестве структурной единицы имеет концепт (в иных работах используется термин *понятие*)); 5) степени подвижности, изменчивости (концептуальная картина мира более подвижна и изменчива, языковая – отличается относительной стабильностью [Пименова, Кондратьева 2011: 37 – 39].

Несмотря на существенные различия, обе картины мира связаны между собой в той части, что языковая картина мира, по крайней мере, «означивает», вербализует отдельные фрагменты картины мира концептуальной. «Это означивание, как отмечает Б.А. Серебренников,

выражается обычно в создании слов и средств связи между словами и предложениями... Язык объясняет содержание концептуальной картины мира, связывая в речи между собой слова»; иначе говоря, одной из функций языковой картины мира является «экспликация средствами языка концептуальной картины мира» [Серебренников 1988а: 107]. Языковая картина мира выражает концептуальную картину мира лексическими и грамматическими средствами. Так, по мнению А.А. Уфимцевой, одни аспекты концептуальных структур выражаются грамматическими категориями языка – категориями числа, рода, падежа, времени и т.п., другие аспекты концептуальной картины мира репрезентируются единицами лексики и фразеологии, и не только на уровне понятийной составляющей лексического значения, но также на уровне ассоциативных значений [Уфимцева 1988; Ширшиков 2005 и др.].

Многие ученые подчеркивают связь языковой и концептуальной картин мира, во-первых, потому, что язык в его когнитивной и аккумулятивной функциях помогает человеку получать, обрабатывать и хранить информацию, во-вторых, потому, что любая картина мира в большей или меньшей степени находит свое выражение в языке. Однако одновременно ученые подчеркивают и различия языковой и концептуальной картин мира. При этом некоторые из них включают в структуру концептуальной картины мира содержание из самых разных областей (в том числе научного) знания. Так, Л.Б. Никитина утверждает, что языковая картина мира связана со всеми видами картин мира (например, физической, политической, средневековой, картиной мира отдельной личности, группы людей и т.д.). Но языковой картине мира исследователь придает совершенно особый статус: «С одной стороны, языковая картина мира не тождественна концептуальной и, следовательно, она не может рассматриваться в одном ряду с другими видами картин мира, а с другой стороны, за ней признается концептуальное содержание, поскольку именно в языке закрепляются (точнее: отражаются) особенности мировосприятия отдельного человека и национально-культурного сообщества, взгляды на мир в целом и на каждый из его объектов в отдельности» [Никитина 2006б: 44]. Концептуальная картина мира, по мнению Л.Б. Никитиной, содержит все «результаты практического, художественного, технического, научного познания мира человеком», определенная часть которых фиксируется в языке. В этом и есть, по мнению исследователя, общее и различное в языковой и концептуальной (в т.ч. научной, художественной и др.) картинах мира.

Языковая картина мира является особым феноменом и с точки зрения инструментальных единиц, с помощью которых она создается.

З.Д. Попова и И.А. Стернин подчеркивают, что языковая картина мира формируется с помощью следующих средств:

- номинативные средства языка (лексемы, устойчивые номинации, фразеологизмы, представляющие классификационную модель членимого языком и сознанием онтологического мира); при этом отмечается значимость номинативной лакунарности, отражающей специфику лингвокультуры;

- функциональные средства языка (наиболее частотные, коммуникативно релевантные лексические и фразеологические единицы на фоне всего корпуса элементов языковой системы);

- образные средства языка (национально-специфическая метафора, развитие этноспецифических переносных значений, внутренняя форма языковых единиц);

- фоносемантика языка» [Попова, Стернин 2007: 46].

Одним из интересных ракурсов изучения языковой картины мира является вопрос о ее разнообразиях. В.И. Постовалова предлагает рассматривать типы картин мира на основании трехкомпонентной парадигмы: субъект, объект и результат познания. Так, с точки зрения специфики субъекта выделяется три типа картин мира: 1) по возрастному признаку выделяется картина мира взрослого человека и детская картина мира; 2) на основании признака психического здоровья или наличия отклонений в развитии психики человека рассматривается картина мира здорового человека и психопатологическая картина мира; 3) по хронологическому признаку выявляется архаическая и «цивилизованная» картины мира. С точки зрения охвата действительности как объекта осмысления выделяется целостная и локальная картины мира. С точки зрения характеристики «формы изображения» могут описываться следующим образом: одинаковыми ли «глазами», с одной ли пространственной позиции смотрят на мир субъекты; как изображается мир – гомогенно или гетерогенно [Постовалова 1988: 32 – 34]. Н.С. Новикова и Н.В. Черемисина предлагают рассматривать разные типы языковых картин мира, представляя их через оппозиции: универсальная – идиоэтническая, общенациональная – социально / территориально / профессионально ограниченная; общенациональная – религиозная, общечеловеческая – индивидуальная [Новикова, Черемисина 2000].

А.Р. Габбасова и Ф.Г. Фаткуллина также отстаивают принцип множественности языковых картин: «...следует говорить о множественности картин мира: о научной языковой картине мира, языковой картине мира национального языка, языковой картине мира отдельного человека, фразеологической картине мира, об этнической картине мира и др.» [Габбасова, Фаткуллина 2013; Фаткуллина 2011]. Типоло-

гию вряд ли можно назвать безупречной в силу разнородности классификационных оснований, но в данном случае важен факт утверждения принципа множественности картин мира.

Особое место среди также актуальных для данного исследования аспектов занимает вопрос рассмотрения языковой картины мира с точки зрения характеристики субъекта познания – индивидуального и коллективного. Так, понятие языковой картины мира рассматривается в узком и широком аспекте, при этом узкое понимание ограничивается индивидуальным человеческим сознанием (индивидуальная языковая картина мира), широкое понимание термина предполагает представление о коллективном языковом сознании (коллективная языковая картина мира). Ю.Н. Караулов в монографии «Русский язык и языковая личность» настаивает на двух основополагающих для проблемы соотношения языка и мышления тезисах: первый заключается в необходимости изучения языка через постижение языковой способности конкретного человека, через изучение языковой личности; второй предполагает изучение языка в человеке через введение в анализ конкретного национального языка «вместе с определенными историко-, этно-, социо- и психолингвистическими особенностями его носителей» [Караулов 2010: 7 – 8].

Языковую личность Ю.Н. Караулов рассматривает в трех аспектах: философском (через триаду: язык – интеллект – действительность), психологическом (в соответствии с тремя уровнями: семантическим, когнитивным и прагматическим) и собственно лингвистическом. Исследователь описывает трехуровневую структуру языковой личности, выделяя вербально-семантический, тезаурусный (или «лингво-когнитивный») и мотивационный (или лингвопрагматический) уровни.

Единицами первого уровня являются слова, их грамматико-парадигматические, семантико-синтаксические и ассоциативные отношения составляют «вербальную сеть»; единицами второго уровня являются понятия (идеи, концепты), которые формируют семантические поля, «картину мира»; третий уровень составляют деятельность-коммуникативные потребности, которые реализуются в разных сферах общения, разных коммуникативных ситуациях, при «исполнении» разных коммуникативных ролей и таким образом создают т.н. «коммуникативную сеть» [см. подробнее: Караулов 2010: 56 – 57].

Каждый из трех уровней в концепции Ю.Н. Караулова предполагает деление на подуровни, включающие т.н. «готовности» к выполнению конкретных речевых умений и навыков, которые качественно «наращиваются» от нижележащего к вышележащему уровню: от нулевого, предполагающего, например, готовность к номинации и восприятию лекси-

ки, выбору слов и т.п., до наивысшего уровня языковой компетентности, которая позволяет готовность чувствовать банальность рифмы или оперировать прецедентными текстами [Караулов 2010: 60 – 62].

При всей доле условности, неполноте схемы и ее потенциальной возможности к расширению, дополнению «на случай», что признает сам автор концепции, преувеличить его заслугу в описании данного феномена невозможно. Ценность этой модели заключается в универсальности подхода к описанию отдельной языковой личности как носителя любого национального языка, однако не менее важно и то, что автор одновременно на ярких примерах демонстрирует специфику русского национального речевого мышления и поведения.

Немаловажен коммуникативный аспект изучения языкового сознания. Н.Н. Болдырев отмечает, что преодоление индивидуальных различий, т.е. взаимопонимание в процессе коммуникации достигается, с одной стороны, благодаря наличию неких общих базовых концептов и категорий. С другой стороны, понимание происходит за счет существования переходных зон, которые в какой-то степени зависимы от базовых ментальных феноменов. Исследователь приводит в качестве примера разное представление людей о сенбернаре: один имеет лишь общее представление о данной породе собаки, другой четко знает все ее отличительные особенности, но эти различия в объеме знаний и представлений отнюдь не мешают людям достигать понимания, если речь заходит об этой собаке [см. подробнее: Болдырев 2006: 7 – 8]. Наличие общей понятийной области, существующей в языковом сознании носителей одного языка, позволяет, по мнению исследователя, говорить о существовании понятия коллективности знаний. При этом «коллективность знания обусловлена различными видами социума: культурной, национальной, территориальной, социальной общностью людей» [Болдырев 2006: 8]. В отношении характеристики индивидуального знания Н.Н. Болдырев замечает, что оно не столько является исключительным и неповторимым, сколько демонстрирует уровень индивидуального усвоения коллективного знания. Таким образом, по мнению ученого, «языковое знание – всегда разделенное знание, знание коллективное» [Болдырев 2007в: 22]; «индивидуальность знания означает индивидуальность его конфигурации в плане объема, содержания и интерпретации» [Болдырев 2006: 9].

В отечественной лингвистике языковая картина мира как лингвокогнитивный феномен коллективного сознания рассматривается в двух аспектах: в социо- и этнокультурном. Ярким примером в рамках первого направления является исследование С.Е. Никитиной [Никитина 1993, 1994, 1999а, 1999б], сосредоточивающей внимание на устном народном

творчестве, на русских фольклорных жанрах (песнях, сказках, былинах), которые «по природе своей «ничьи» и одновременно принадлежат всем, кто их исполняет и является их сотворцом» [Никитина 1993: 12]. Как отмечает исследователь, «автор этого творчества – коллективная языковая личность, фольклорный социум, субъект, творящий свое мироздание, свою эстетику, свою аксиологию, свой поэтический язык и свои коллективные культурные тексты» [Никитина 1993: 12-13].

Значительно больше внимания современные ученые уделяют изучению понятия и специфики национальной языковой картины мира. Ю.Д. Апресян настаивает на том, что каждый способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти этноспецифичен, что, безусловно, отражается на восприятии мира конкретным народом; что естественный язык отражает коллективную философию народа, и эта философия естественным образом через постижение языка навязывается всем носителям этого языка [Апресян 1995б: 350 – 351].

Наличие этнокультурного компонента в структуре языковой картины мира, детерминированность мышления человека закономерностями национального языка отмечают многие зарубежные и отечественные исследователи со времен Э. Сепира и Б.Л. Уорфа, квинтэссенцией научного творчества которых явилось высказывание *Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нам языком* [Уорф 1960: 174].

Отечественные лингвисты с опорой на материал разных естественных языков на многочисленных примерах доказывают правомерность теории «лингвистической относительности», т.е. существования национальной специфики у языка и мышления. Л.В. Щерба в знаменитой статье «О понятии смешения языков» описывает опыт изучения речи билингвов (носителей немецкого и лужицкого языков) и указывает следующее: «...мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры» [Щерба 1974а, электронный ресурс]. Далее академик приводит ставшие классическими примеры несоответствия объемов и содержания таких понятий в русском, французском, немецком языках, как *температура воды, принимать пищу, любить* и мн. др. «Даже самые простые слова могут, обозначая один и тот же предмет, быть различными только потому, что они принадлежат к разным языкам, один из которых менее привычен, чем другой», – утверждает Л.В. Щерба. Действительно, например, по-русски можно сказать *Я тебя очень люблю* и *Я люблю молоко*, во многих других языках употребление одного и того же глагола в этих контекстах невозможно, ср., например, чешское:

Miluju tě (я люблю тебя) и *Mam rád mléko* (я люблю молоко). То же наблюдается во многих других языках.

Идеи выдающихся отечественных лингвистов о социо- и этнокультурной специфике языка и мышления развивают многие современные исследователи: Ю.Д. Апресян [Апресян 1995а, 1995б], А. Вежбицка [1996б, 1999, 2002], С.Г. Воркачев [1991, 1995, 1996, 1997, 2001, 2002, 2003, 2004, 2014], Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев [Зализняк и др. 2005], В.И. Карасик [1996, 2005, 2006, 2010], В.В. Колесов [1991, 1992, 1995, 2002], О.Н. Кондратьева [Кондратьева 2004а, 2004б, 2005, 2009, 2014], О.А. Корнилов [Корнилов 2003], Л.Б. Никитина [Никитина 2000, 2006а, 2007], С.Е. Никитина [Никитина 1993, 1994, 1999а, 1999б], И.Г. Овчинникова [Овчинникова, 2008], Е.А. Пименов [Пименов 2004, 2007], М.В. Пименова [Пименова 2001, 2005а, 2005б, 2005в, 2004, 2006а, 2006б, 2014], Б.А. Серебренников [1988а, 1988б, 1988в], Г.С. Суюнова [Суюнова 2014] и др.

Несомненно, лингвистов интересуют не общие рассуждения о национальной специфике языка и мышления, но изучение конкретных языковых фактов, которые могут служить маркерами этноспецифической информации, заложенной в языке. Например, А. Вежбицка стремится выявить ключевые слова-концепты, предопределяющие этноментальную специфику определенного народа: например, *душа*, *тоска*, *судьба*, по мнению исследовательницы, определяет ментальность русских людей; *страх* и *порядок* является ключевыми концептами сознания немцев и т.п. Эту идею выделения ключевых этноспецифичных лингвоментальных феноменов с энтузиазмом развивают в книге «Ключевые идеи русской языковой картина мира» Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина и А.Д. Шмелев. Исследователи подчеркивают, что языковая картина мира формируется ключевыми концептами и ключевыми идеями. По мнению исследователей, ключевыми концептами русской языковой картины мира являются такие этноспецифичные лингвоментальные феномены, как *душа*, *судьба*, *тоска*, *счастье*, *разлука*, *справедливость*; ключевыми идеями, или сквозными мотивами, русской языковой картина мира, по мнению ученых, можно считать, например, идею непредсказуемости мира, выражающуюся лексическими маркерами *а вдруг*, *на всякий случай*, *если что*, *авось*; *собираюсь*, *постараюсь*; *угораздило*; *добираться*; *счастье*; идею справедливости (ср. маркеры: *справедливость*, *правда*, *обида*); идею внимательности к нюансам человеческих отношений (ср.: *общение*, *отношения*, *попрек*, *обида*, *родной*, *разлука*, *соскучиться*) и др. [Зализняк и др. 2005]. Факты, подтверждающие достоверность высказанных идей, ученые черпают из богатого лексического состава русского языка.

Многие исследователи справедливо замечают, что наиболее продуктивным с точки зрения выявления этнокультурной информации является прием параллельного рассмотрения сопоставимых лингвокогнитивных феноменов в разных языках. На продуктивности такого подхода, как известно, настаивали еще Э. Сепир и Б.Л. Уорф, эту идею продолжают развивать и современные ученые. Так, В.И. Карасик выявляет ключевые моменты, которые являются знаками этноспецифичной лингвокультурной информации. К таким ключевым моментам исследователь относит слова-наименования концептов (хотя у некоторых концептов имена могут отсутствовать); неравномерную концептуализацию (разную номинативную плотность одноименных участков лексических систем); специфическую комбинаторику ассоциативных признаков концептов (например, различие внутренней формы лексем, называющих одно и то же в разных языках); специфику классификации определенных предметных областей (на Востоке принято преуменьшать себя в номинации, в Европе – нет); специальную ориентацию предметных областей на ту или иную сферу общения (в русском языке много разговорных номинаций бесцельного передвижения, в Китае много высоких наименований путешественников) [Карасик 2002: 109].

В.И. Карасик предлагает методику контрастивного описания национальных языковых картин мира, которая включает в себя: 1) описание «членения действительности», отраженного языком в языковых парадигмах (лексико-семантических, лексико-фразеологических и структурно-синтаксических группах и полях); 2) описание национальной специфики значений языковых единиц (какие семантические различия выявляются в сходных значениях в разных языках); 3) выявление отсутствующих единиц (лакун) в системе языка; выявление эндемичных (выявляющихся только в одном из сравниваемых языков) единиц и т.д. [Карасик 2002: 109].

Подобную работу проводит А.Б. Михалев. Исследователь выделяет слои языковой картины мира, которые отражают ее национальную специфику: 1) фонетический, или звукоизобразительный, слой (автор считает, что фонетическая специфика консонантных или вокалических языков не может не отражать национальную специфику языковой картины мира); 2) лексический слой, предполагающий в первую очередь специфику именных классификаторов в национальном языке; 3) семантический слой, предстающий в виде единиц в метафорическом употреблении; 4) паремический слой, включающие специфичные для лингвокультуры фразеологизмы, пословицы и поговорки; 5) грамматический слой, отражающий этноспецифичную категоризацию действительности; 6) ситуативный, или дискурсивный, слой, отражающий

наличие этноспецифичных поведенческих категорий. Для демонстрации выдвинутых положений А.Б. Михалев использует примеры из разных языков мира [Михалев, электронный ресурс].

А.А. Мельникова утверждает, что национальный язык является определенной сеткой, через которую человек смотрит на мир, его категоризируя. Исходя из этого утверждения, исследователь описывает особенности национального характера посредством анализа языковых маркеров. Выявление национальных особенностей русской лингвокультуры у А.А. Мельниковой строится через оппозиции. Например, по мнению исследователя, для русских характерно осмысление мира как чего-то нелогичного, нестроенного, непредсказуемого: в этом мире может случиться *все что угодно, всякое бывает*. Это представление русского человека о непредсказуемости окружающего мира осмысливается сквозь призму оппозиции *авось и на всякий случай*. В интерпретации русского лингвокогнитивного феномена *авось* А.А. Мельникова солидаризируется с А.Д. Шмелевым, указавшим этноспецифические особенности данного концепта [Шмелев 2002: 139]. По мнению исследовательницы *авось* репрезентирует представление русского человека о непредсказуемости окружающего мира, *на всякий случай* актуализирует стремление человека быть готовым к противостоянию по отношению к обстоятельствам действительности [Мельникова 2003: 109 – 187]. А.А. Мельникова утверждает, что единицы, отражающие специфику национального менталитета, можно обнаружить на разных языковых уровнях: от «мелких слов» (термин Л.В. Щербы) – таких, как *авось, вдруг, просто так* и под. до синтаксических структур [Мельникова 2003].

Обобщение. Когнитивная лингвистика представляет собой ответвление когнитологии (науки, изучающей процессы получения, обработки, хранения и воспроизведения информации в человеческом сознании), сосредоточивает внимание на участии в этих процессах языка и, таким образом, имеет целью изучение языка в его когнитивной функции. Основными задачами когнитивная лингвистика видит описание самих процессов познания (категоризации и концептуализации) и результатов когнитивной деятельности человека – лингвоментальных феноменов в их многообразных структурно-содержательных, функциональных и иных вариантах.

Поскольку когнитивные процессы протекают в человеческом сознании при участии языка, поскольку язык сам по себе может содержать (фиксировать и хранить) значительную часть информации о мире и участвовать в передаче знания, многие исследователи настаивают на

существовании т.н. языковой картины мира, которая обладает особым статусом. Ее специфика заключается в самой природе языка, который, во-первых, обладает способностью являться носителем информации о мире (речь идет о семантике языка), во-вторых, представляет собой средство формирования, хранения и передачи любого знания о мире, полученного в результате любых изысканий в разных областях научного и профессионального знания. Это в свою очередь позволяет говорить о многообразии картин мира, описываемых с учетом различных классификационных оснований.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте выдержки из работ некоторых исследователей. Укажите, какую роль, по мнению ученых, играет язык в процессе формирования знания человека о мире? Какую роль играет язык в установлении связей между предметным миром и ментальным миром человека?

1. *Потебня А.А.: «Логико-мыслительные сущности рождаются с чувственным познанием действительности, но оформляются благодаря овладению словом (знаком)» [Потебня 1999:132].*

2. *Л.С. Выготский: «Мы нашли единицу, отражающую в наипростейшем виде единство мышления и речи, в значении слова. Значение слова представляет собой такое далее неразложимое единство обоих процессов, о котором нельзя сказать, что оно представляет собой: феномен речи или феномен мышления. Слово, лишенное значения, не есть слово, оно есть звук пустой, следовательно, значение есть необходимый, конституирующий признак самого слова. Оно есть само слово, рассматриваемое с внутренней стороны, ... как феномен речи. Но значение слова с психологической стороны есть не что иное, как обобщение, или понятие. Обобщение и значение слова суть синонимы. Всякое же обобщение, всякое образование понятия есть самый специфический, самый подлинный, самый несомненный акт мысли, ... феномен мышления. Таким образом, значение слова оказывается одновременно речевым и интеллектуальным феноменом, причем это не означает чисто внешней принадлежности его к двум различным областям психической жизни. Значение слова есть феномен мышления лишь в той мере, в какой мысль связана со словом и воплощена в слове, и обратно: оно есть феномен речи лишь в той мере, в какой речь связана с мыслью и освещена ее светом. Оно есть феномен словесной мысли или осмысленного слова, оно есть единство слова и мысли» [Выготский 1999: 277].*

3. *Леонтьев А.А.: «Человек не мыслит так, как диктует ему язык, - он опосредует свое мышление языком в той мере, в какой это отвечает содержанию и задачам мышления. Человек не воспринимает то, что означено, - он вербализует то, что надо воспринять» [Леонтьев А.А. 2003: 258].*

4. *Зимняя И.А.: «Языковое сознание – это «вербально-оформленное отражение действительности», «форма существования индивидуального, когнитивного сознания человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности» [Зимняя 2001: 159].*

5. Песина С.А.: «Язык оказывается для человека готовым классификатором активной действительности, он как бы прокладывает рельсы, по которым движется поезд человеческого знания» [Песина 2009: 180].

Задание 2. Прочитайте выдержки из статьи Е.С. Кубряковой «Понятие «парадигма» в лингвистике». Укажите, в чем заключается специфика термина *парадигма научного знания*. Какова история создания термина? Отметьте основные параметры, по которым, по мнению Е.С. Кубряковой, выделяются новые (революционные) парадигмы научного знания.

Е.С. Кубрякова. Понятие «парадигма» в лингвистике: введение // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр думанит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: Кубрякова Е.С., Лузина Л.Г. (отв. ред.) и др. – М., 2008. – 184 с. С. 4 – 15.

В последнее десятилетие явно участились попытки разобраться в том, что представляет собой облик современной лингвистики и, конечно, в каких исследованиях широко используется понятие парадигм знания. Хорошо известно, что понятие «парадигма знания», введенное Т. Куном, было достаточно простым и направленным прежде всего на объяснение причин научных революций как кардинальных перестроек в системах научных знаний, определявших до поры до времени состояние тех или иных конкретных наук и уровень их развития. «Под парадигмами, – писал в связи с этим Т. Кун, – я подразумеваю признанное всеми научное достижение, которое в течение определенного времени дает научному сообществу модель постановки проблем и их решений» (Кун Т. Структура научных революций. – М., 1977, с. 11). Очевидно, что такое определение имплицитно несколько важных идей: во-первых, парадигма строится на достигнутых результатах в определенной науке, во-вторых, на идее признания этих результатов определенным научным сообществом, в-третьих, на идее моделирования проблем и их решений по определенному образцу и, значит, идее существования таких образцов моделирования и т.п. Но чтобы достичь признаваемые всеми результаты, надо, по всей видимости, изменить обычный образ или стиль мышления и поставить новые проблемы (откуда же иначе появляется мысль о научной революции в той или иной области знания?)...

Ход развития конкретной науки может быть продемонстрирован на смене парадигм, на переходе от одной парадигмы к другой, от одной системы знаний к принципиально отличающейся от нее другой. Но для того, чтобы это произошло, «модель постановки проблем и их решений» не должна стать тормозом в эволюции конкретной науки, а потому существовать до той поры, пока подобная модель себя не исчерпает.

Научная революция – это прежде всего непризнание прежнего набора знаний, разрыв «аномалий», обнаружение пробелов в этом наборе, критика и неприятие исходных допущений науки, господствовавших в определенный отрезок времени..., ...зрелая наука указывает возможные направления поиска, рекомендует определенный набор исследовательских процедур и методик, а также ориентирует ученого на удачные образцы (модели) решения проблем...

Важной чертой новой концепции Т. Куна явилось его предложение рассматривать историю науки не вокруг изложения отдельных теорий (как у К. Поппера) или даже отдельных (авторских) школ, но вокруг деятельности целых научных сообществ, разделяющих некие единые для них допущения и установки и в принципе «составляющих некое метатеоретическое единство»...

Применив опыт парадигмального анализа для характеристики порождающей, генеративной грамматики (далее – ГГ), мы сами уже тогда (в середине 90-х годов) сочли необходимым придать термину «парадигма» более точный смысл, т.е. выработать те

параметры, на основе которых можно было бы представить в наиболее адекватном виде саму организацию знаний о языке и изучающей их науке. Тогда нам казалось достоянным ввести в понятие парадигмы представление о трех ее главных звеньях: установочно-предпосылочном, предметно-познавательном, процедурном, поскольку мы полагали, что, как и любая парадигма форм, последняя упорядочивается благодаря перечислению тех семантических этикеток (записываемых обычно в левой части парадигмы), заполнением которых (записываемых справа) описывается вся организация парадигмы. Не отходя и сегодня от этого общего остова, или костяка, парадигмы, мы сочли в то же время более эффективным представить указанные звенья парадигмы в более дифференцированном виде. Основанием для этого решения послужило стремление предложить объяснение появлению в науке XX в. такой новаторской парадигмы знания, как когнитивная, а для этого провести сравнение и сопоставление (по определенным признакам) возникающей в 60-е годы XX в. когнитивной лингвистики (далее – КЛ) с другими существующими в то же время течениями и направлениями (парадигмами). Без такого сопоставления доказательств как научной революционности когнитивной науки (далее – КН) и КЛ, так и их принципиальных отличий от иных систем представлений знаний о человеке и языке, а также других подходов к их изучению, были бы совершенно невозможны для дальнейшего изучения понятия.

Дальнейшее изложение парадигмы строится как объяснение предлагаемой структуры этого понятия, учитывающей по возможности более полно ее параметры: хронологические рамки парадигмы, условия, предпосылки и мотивы ее появления, установки и цели, предметные области ее анализа, используемые здесь методики, эвалютивный (оценочный) аспект, т.е. всего шесть параметров организации парадигмы, дающие лишь в своей совокупности общее представление о «модели постановки проблем и их решений», предлагаемой в определенное время определенным научным сообществом и, главное, открывающей новые пути в исследовании языка и человека...

Интересно отметить, что и названия, даваемые разным объединением в истории лингвистической мысли, отражают так или иначе разные аспекты этих объединений: школы характеризуются чаще всего по их лидерам, т.е. создателям этих школ (ср. блумфилдианство, сосюррианство или хомскианство), направления – по целям изучения языка (ср. сопоставительное или сравнительно-историческое направления) или той главной особенности языка, которая интересует более всего ученых этого направления (ср., например, структурное или функциональное направления), парадигмы же получают разные названия, зависящие от того, какое из выделенных нами ее звеньев оказывается в фокусе внимания представителей данной парадигмы знания.

Высказав эти соображения, мы можем теперь перейти к более подробному освещению каждого из указанных звеньев, останавливаясь прежде всего на тех или иных чертах, которые либо вообще нами не были описаны ранее, либо описаны недостаточно детально. Итак, первое звено парадигмы – это ее хронологические координаты. Оно связано с указаниями на время и место существования определенной научной парадигмы. Для некоторых парадигм, отдаленных от нас длительными промежутками времени и представленных в далеком прошлом, эти координаты устанавливаются лишь относительно. Парадигмы знания XIX и особенно XX в., напротив, по датам их возникновения определяются достаточно точно (так, возникновение генеративной парадигмы знания датируется серединой 50-х годов, а возникновение когнитивной – серединой 60-х и т.п.).

Существенным моментом в появлении новой парадигмы знания является и ее место. Хорошо известны, например, различия европейской науки с ее парадигмами знания от американской (ярко отражено оно в разных функциональных парадигмах лингвистики), но обычно важную роль играет и более точная локация школы и парадигмы (ср. Пражский лингвистический кружок, с одной стороны, Лондонскую лингвистическую школу и возникновение американской и канадской версий когнитивизма, а позднее и российской – с другой). Всегда описывались по-разному и разные направления структура-

лизма, притом каждое из них проявляло ярко выраженные черты своеобразия в зависимости от места их первоначального складывания – дескриптивизм в США, глоссематика в Дании, Пражский лингвистический кружок в Чехословакии и т.п. Все они представляли единую структурную парадигму знания, но на всем их дальнейшем развитии сказывались их национальные особенности и характеризующие их хронологические параметры; различными они оказывались прежде всего в системе предпосылочных знаний, т.е. на уровне второго звена парадигмы.

Необходимо ввести в понятие парадигмы в качестве ее обязательного звена предпосылочные для нее знания: ... в преддверии каждого революционного переворота в науке, а следовательно, и в появлении новой парадигмы знания уже что-то складывается и вызревает (например, при столкновении с такими аномальными явлениями, которые нельзя было истолковать в терминах прежней парадигмы).

Если для индивидуального развития каждого ученого предпосылочные его знания, накапливающиеся у него постепенно, играют такую значительную роль, то для определенного научного сообщества совокупность указанных знаний оказывается тем теоретическим фундаментом, на котором строится затем формируемая внутри него научная парадигма. ... В связи со сказанным интересно, например, обратить внимание на предпосылочную составляющую когнитивной парадигмы в Америке и у нас в стране. В Америке когнитивная наука возникает в ходе резкой критики бихевиоризма, и одной из первых ее задач – так же, как у формирующейся примерно в то же время трансформационной грамматики, – становится борьба с названным психологическим направлением. ... Можно и нужно учесть также, что дескриптивизму, господствовавшему в Америке (и заложившему в качестве предпосылочных знаний будущих двух ведущих парадигм – порождающей и когнитивной), было свойственно отрицание семантики. В генеративную же грамматику с 1963 г. вводится семантический компонент, а когнитивные разыскания в лингвистике обретают прежде всего семантический характер, так что нередко когнитивную лингвистику в целом отождествляют далее с когнитивной семантикой. В России же достаточно быстро когнитивная лингвистика приобретает особую форму, так как здесь предпосылочные знания для научного сообщества в определенной его части оказываются совершенно другими: в психологии огромное влияние оказывают взгляды Л.С. Выготского, а позднее и А.Р. Лурия; в лингвистике значимость семантики никогда не игнорировалась и т.д. Ранней версией когнитивизма здесь становится ономаσιологическое направление, а неослабевающий интерес отечественной науки к проблемам соотношения языка и мышления как бы подготавливает почву для рассмотрения этих проблем на новом материале и в условиях особого внимания ко всем познавательным процессам человеческого разума.

Выделяя в качестве особой составляющей научной парадигмы знания ее предпосылочное звено, мы можем перейти легко к описанию ее целеполагающей, или установочной, составляющей: отвергаемые или опровергаемые догмы прежней парадигмы начинают определять конкретные цели и задачи новой, а вместе с этим формируются и новые предметные области исследования. Именно целеполагание в новой парадигме знания обуславливает ее название, которое одновременно можно рассматривать и как фиксирующее ключевое понятие данной парадигмы. Показательны в этом отношении поиски структуры языка, характерные для разных направлений структурализма, роль понятия порождения речи в генеративной парадигме, а далее и понятия когниции (*cognition*) в зарубежных версиях когнитивной науки, но понятий и когниции, и коммуникации (*дискурса*) для складывающейся в отечественной науке такой версии функционального в ней направления, как дискурсивно-когнитивной.

Сменяющие друг друга или конкурирующие друг с другом парадигмы знания характеризуются своими собственными областями исследования: фонология и морфология, эти излюбленные в структурализме уровни анализа, уступают место синтаксису в генеративной грамматике, семантике – в когнитивной лингвистике, дискурсу – в разных

версиях коммуникативных парадигм. Но, по жалуй, еще более важной, чем эта относительно внешняя сторона разных парадигм знания, становится их устремленность на новые сферы анализа: попытки описать язык как особое порождающее устройство, особый механизм, порождающий синтаксические структуры, сменяются попытками представить язык как главное средство категоризации и концептуализации мира человеческого разумом в когнитивной парадигме знания, а в неофункциональных парадигмах настоящего времени эти попытки связываются со стремлением охарактеризовать язык как осуществляющий функции общения и познания мира (при разных акцентах на ту или иную из функций или, наконец, на их интеграцию).

Задание 3. Прочитайте фрагмент статьи Л.Г. Лузиной «О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания». Определите, в чем автор статьи видит предпосылки возникновения новой лингвистической парадигмы? В чем особенности данной парадигмы научного знания? Какие важнейшие функции языка рассматриваются в рамках данной парадигмы? Какова центральная проблема данного лингвистического направления?

Л.Г. Лузина. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Рекол.: Кубрякова Е.С., Лузина Л.Г. (отв. ред.) и др. – М., 2008. – С. 40 – 49.

Необходимость в новой парадигме знания и предпосылки ее формирования были обусловлены целым рядом факторов. Прежде всего это связано с осознанием того, что периоды рассмотрения главных единиц и категорий языка в изоляции от их реального употребления в известном смысле уже завершены. Проявившаяся тенденция к укрупнению лингвистических единиц, от минимальных до самых объемных – текста и дискурса, означала также, что выделение подобных единиц, их отождествление и классификация должны осуществляться в более широком контексте. В то же время изучение актуальных проблем функционирования языка, развитие коммуникативно-деятельностного и когнитивного подходов к их анализу поставили в фокус внимания ученых процессуальные аспекты речевой деятельности, сделав связную речь (дискурс) полноправным объектом лингвистического исследования. К настоящему времени лингвистами проделана огромная работа в области дискурсивного анализа, и все больше внимания уделяется проблемам дискурса как использованию языка в реальном (текущем) времени в коммуникации.

Поскольку дискурс многосторонен и не может быть адекватно описан без понимания когнитивных процессов, имеющих место в сознании участников общения при порождении и восприятии речи, становится очевидной необходимость изучения помимо собственно лингвистических и релевантных внешних параметров коммуникации их ментальных репрезентаций. При этом, несмотря на то, что когнитивные и коммуникативные аспекты дискурсивной деятельности тесно связаны между собой, их интегральное описание представляет для исследователей сложную задачу. Это связано с нерешенностью некоторых важных вопросов, как, например: какие из существующих трактовок самого понятия «дискурс» лучше всего отражают его суть; в какой мере языковые данные дискурса нуждаются в соотношении с экстралингвистическими сведениями и факторами и какими именно, и другие вопросы...

Решение этих сложных вопросов связывается с развитием когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, в основу которой положено «определение языка как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникативной деятельности и обеспечиваемого особыми когнитивными структурами и механизмами в человеческом мозгу» (Кубрякова, 2004, с. 406). Это определение означает не только необходимость изучать

язык при исполнении им его двух главных функций – когнитивной и коммуникативной, но и понять, как эти функции постоянно переплетаются и взаимодействуют, а главное, как, подчеркивает Е.С. Кубрякова, согласуются друг с другом в возникновении, развитии и в современном состоянии языков. Центральной проблемой всего когнитивно-дискурсивного направления становится вопрос о том, как служит языковая система со всеми ее составляющими и когниции, и коммуникации.

К отличительным чертам этой парадигмы относятся учет и **синтез** идей когнитивного направления, ориентированного на постижение деятельности человеческого разума в его связи с языком, с идеями коммуникативной или функциональной лингвистики (лингвистики прагматически ориентированной и дискурсивной), а также с идеями семиотического порядка.

Возникновение когнитивно-дискурсивной парадигмы знания связывается с эволюцией взглядов в отечественной лингвистике. Есть все основания считать, что теория номинации (в 70–80-е годы прошлого века) представляла собой одну из ранних версий когнитивной лингвистики в отечественном языкознании. В рамках этого направления вся номинативная деятельность изучалась как особая речемыслительная деятельность, протекающая во взаимодействии речи (языка) и мысли (мышления). Ономаσιологические работы сделали возможным пересмотр достигнутого в новом когнитивном аспекте и создание первых версий когнитивной лексикологии и когнитивной ономаσιологии (Жаботинская, 1992 и др.). На этом первом этапе развития когнитивной лингвистики внимание исследователей было сосредоточено на изучении различных структур представления знаний в языке (см.: Язык и структуры представления знаний, 1992). Таким образом, **преemptивность** проявляется в переходе от такой ранней версии когнитивизма как ономаσιологическое направление в отечественной лингвистике к более поздней версии его развития, часто принимающей форму когнитивного или концептуального анализа.

Достаточно четко проявились и **отличия** когнитивно-дискурсивной парадигмы от других парадигм. Характерной чертой этого направления, с одной стороны, является отказ от «узкого когнитивизма» с его сосредоточенностью на изучении ментальных репрезентаций или на стремлении связать все программы когнитивной науки с их разработкой и реализацией в виде компьютерных программ. С другой стороны, новая парадигма знания направлена на преодоление известной ограниченности коммуникативной парадигмы, где ведущая роль принадлежала теории речевых актов и анализу прагматических установок говорящих и прагматических условий совершения речевых актов.

В установках когнитивно-дискурсивного направления обязательно входит положение о том, что адекватное познание языка и языковых явлений происходит при анализе их в двух системах координат, т.е. на пересечении когниции и коммуникации (Кубрякова, 2004, с. 325). Это положение основывается на убеждении в том, что язык выполняет две главные функции – когнитивно-репрезентативную и коммуникативную (дискурсивную), что когниция и коммуникация в равной мере детерминируют специфику языка и его устройство. При этом самое главное заключается в том, что функции языка нельзя рассматривать изолированно, а только в их неперменном и непрерывном согласовании.

Оба процесса – когниция и коммуникация (дискурс) – имеют дело со знаниями, мнениями, оценками людей, с обобщением их опыта, с верованиями и убеждениями и т.п., а также с объективацией всей этой информации в определенных языковых формах. Когнитивно-дискурсивная парадигма представляет собой попытку не только синтезировать разные точки зрения на один и тот же объект, но и дать объекту максимально полное и всестороннее описание, учитывая релевантные экстралингвистические факторы: психические, связанные не только с обработкой информации, но и с эмоциональной оценкой, социально-исторические и прагматические. Поэтому когнитивно-дискурсивный подход характеризуется **многофакторным анализом** каждого изучаемого языкового явления с точки зрения его роли в осуществлении как познавательных, так и коммуникативных процессов.

К отличительным чертам этого подхода относятся также и разумное **сочетание** требований формальной строгости с используемыми функциональными объяснениями, и, наконец, принцип **системности**. Согласно последнему, изучаемые явления должны быть описаны по их статусу не только относительно языковой системы, но и относительно тех более «высоких систем», частью которых является и сам язык (Кубрякова, 2000, 2004).

Когнитивно-дискурсивная парадигма представляет собой попытку дать объекту интегральное описание, при котором учитываются когнитивные и коммуникативные особенности его бытия в системе языка.

Интегральный подход уже оправдал себя и доказал свою самостоятельность при рассмотрении целого ряда отдельно взятых языковых явлений. Плодотворность этого подхода проявилась при исследовании «такой уникальной единицы языка, как производное слово» (Кубрякова, 2004, с. 520–521). В первую очередь производное слово создается в когнитивных целях для объективации и последующей фиксации в языке определенной структуры знания или отражения и оценки определенного фрагмента мира. Однако производное слово возникает не только для того, чтобы закрепить соответствующим обозначением некую концептуальную структуру и придать ей знаковую форму. В акте семозиса рождающемуся новому знаку придается особая мотивированная форма, т.е. концептуальная структура «упаковывается» совершенно особым образом, обретая форму однословного мотивированного знака, который становится удобным в коммуникации. По своей информативности и семантической насыщенности производное слово не уступает более крупным языковым единицам (словосочетанию и предложению). В то же время слово оказывается более маневренным и легко перемещаемым в речи знаком, а значит, и более удовлетворяющим требования коммуникации.

Задание 4. Прочитайте выдержки из статьи Н.А. Кобриной «Исторические предпосылки к становлению когнитивного направления в лингвистике». Выделите основные вехи в историческом развитии лингвистической науки, заложившей основы когнитивной лингвистики. Назовите имена ученых, чьи идеи легли в основу данного научного направления. Укажите, какой конкретный вклад в развитие идей когнитивизма был внесен каждой из лингвистических теорий.

Н.А. Кобрина «Исторические предпосылки к становлению когнитивного направления в лингвистике» // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 4 (021). – С. 7 – 10.

...Ограниченный объем статьи не позволяет изложить вклад всех направлений и школ лингвистики в развитие когнитивизма в прошлом. Остановимся на наиболее значимых проявлениях и тенденциях, в которых когнитивные взгляды проявлялись наиболее четко.

В XVII в. тенденция к объяснению фактов языка как ментально обусловленных наиболее четко изложена в «Грамматике общей и рациональной» авторов А. Арно и К. Лансло, двух монахов из монастыря Пор-Рояль (Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная. М.: Прогресс, 1990). Авторы объясняли появление и осмысление грамматических категорий необходимостью выразить мысли, а суть грамматики – выразить это с позиции разума (отсюда и определение ее как «рациональной»). Авторами подчеркивалось, что рациональность грамматик является общим в строении всех языков, тем самым признавалось сходство ментальных операций в основных своих проявлениях у людей разных национальностей...

Большой вклад в развитие лингвистики внес немецкий лингвист В. фон Гумбольдт, который считается основоположником теоретического языкознания. Его первая работа «О мышлении и языке» (1795, 1796) посвящена роли языка в определении предмета

познания. Он утверждал, что мышление всегда связано с языком, «иначе мысль не может достичь отчетливости, представление не может стать понятием» (Гумбольдт В. фон *Избранные труды по языкознанию*. М.: Прогресс, 1984, с. 8–9), и далее – «язык есть орган, образующий мысль» (Там же : 75). Основной своей целью он считал выявление и показ изначального единства языка и мышления, а также единство феноменов культуры, заложив тем самым лингвистический фундамент для объединения наук о культуре. Для отражения единства языка и мышления он ввел термин «дух» как необходимый интеллектуальный аспект человечества. «Язык и духовная сила народа – писал Гумбольдт – коррелируются, составляют одно и то же действие интеллектуальной способности» (Там же : 68).

Значительный вклад в изучении роли ментальной деятельности для языка внес А.А. Потебня. Он отрицал точку зрения, что грамматические категории сводились к логике и порождались на ее основе, поскольку их гораздо больше, чем логических категорий, и они не всегда строятся на противопоставлении двух членов, а, как правило, представляют развернутые системы (например, система глагольных категорий, падежей, типов предложений, местоимений и др.). «Языкознание и, в частности, грамматика, ничуть не ближе к логике, чем какая-либо из прочих наук», – писал А.А. Потебня (*Потебня А.А. Из записок по русской грамматике*. Т. I–II. М., 1888).

А.А. Потебня трактовал мышление широко, не только как исключительно ментальную деятельность, используя также термины «дух», «духовность». Язык он определял как работу «духа», т.е. как процесс, объективизацию всякого движения, прогресса, отражения и формирования мысли, коммуникативности (т.е. процесса общения), «забегания вперед», субъективного толкования, фантазии, желания, воли, рефлексивности и др. Душевная деятельность, как убедились лингвисты, в том числе и В. фон Гумбольдт и А. Потебня, включает и сенсорiku, т.е. чувственное восприятие как каналы, по которым поступает информация в душу человека – зрение, обоняние, слух, вкус, осязание – которые неотделимы от жизни человеческого организма, поэтому совокупность этих функций А. Потебня называет общим чувством. Дума (или дух), таким образом, шире ментальности, она включает также психику и внутренние индивидуальные особенности индивида, его реакции на внешние раздражители, например смех как реакция на абсурд или остроумие, крик как реакция на опасность. Поэтому душа связана и с физическим состоянием как говорящего, так и слушающего, возможно также непонимание между ними...

Принципиально значимым является тот факт, что А.А. Потебня подчеркивал роль человека уже в процессе речепорождения, признавая динамичность, неоднозначность, вариабельность и индивидуальность каждого акта речепорождения, т.е. он подчеркивал целенаправленность как основу этого процесса, в частности, основу для порождения последовательного текста. При этом целенаправленность создаваемого может быть различной и гибкой по существу. Другими словами, А.А. Потебня допускал возможность прагматической направленности, семантического развития слова, появления новых слов и сочетаний. По существу, А.А. Потебня признавал «лингвистическую относительность», которая была сформулирована позже при становлении когнитивизма. Он писал, что «слово утверждает не одним присутствием своей формы, но и всем своим содержанием, отлично от понятия и не может быть его эквивалентом уже потому, что мысль предшествует понятию» (Потебня А.А. *Мысль и язык*. М.: Лабиринт, 2007, с. 99). А.А. Потебня дифференцирует язык мысли и язык чувства. Последний выражается целым рядом модусных средств – не только собственно языковыми (частицами, междометиями, фразовыми сочетаниями), но и мимикой, жестами, тоном. Эти средства А.А. Потебня называет общепонятными (Там же : 84).

Наиболее полный и логически обоснованный анализ языка пытался дать Ф. де Соссюр, который стремился создать философию языка – диалектику, отражающую единство и противоположность созданий (Соссюр Ф. де *Труды по языкознанию*. М.: Про-

гресс, 1977). Среди идей Ф. де Соссюра доминирующими и релевантными к вопросу об устройстве языка являются пять антиномий (называемых также дихотомиями), которые касаются основных сущностных характеристик языка и отражают специфику мыслительной деятельности человека. Ф. де Соссюр сформулировал основной тип связи в системе языка как наличие отношения симметрии и тождества. Все пять дихотомий являются отражением контрастности и обобщенной дифференцированности языковых характеристик. В них не учитываются основные специфические черты языка, но содержится много установочных рассуждений, наводящих на необходимость изучения того или иного аспекта языка, с учетом причин, стимулирующих динамику в какой-то период и развитие языка, что является самым ценным в его концепции.

В первой дихотомии Ф. де Соссюр характеризует язык как науку о «знаках особого рода», предмет, специфический при сопоставлении с другими семиологическими системами. Действительно, особенность языка состоит в его нежесткости, уровневой и категориальной многомерности, иерархическом устройстве, наличии разных планов, не всегда совпадающих и динамически используемых – формы, значения, функции; неразграничение сложных форм и обычной синтагматической комбинаторики при формировании общего смысла и др. Все это обеспечивает гибкость его использования.

Во второй дихотомии – синхронического/диахронического изучения языка – учитываются изменения общего объема языка, пополнение через заимствование и при смешивании населения, этнология, т.е. специфика национального осмысления действительности, в том числе, диалекты, географическое распространение и др.

Третья дихотомия касается языкового знака, т.е. дифференцированности/связанности ментальной единицы и языкового ее выражения. Метод традиционного определения знака как соотношение конкретной сущности любого ранга и ее представленности в системе языка с точки зрения Ф. де Соссюра не отражает реального положения дел. Он определяет знак как связанность понятия (ментального образа) и акустического образа (что создает единство означаемого/означающего). Поскольку ментальный образ субъективно изменчив, а акустический образ есть лишь психологический отпечаток знания, знаки языка многозначны и переменчивы. Отсюда выявление двусторонней сущности знака, его произвольность, безразличие знака к способу его реализации (в виде описания, устно), широта его функциональной адекватности, но вместе с тем количественная ограниченность знаков и линейная зависимость от окружения. Значение как соотносимости означаемого и означающего переменчива. Все эти характеристики знака послужили в дальнейшем основой для развития теории знака: осмысление концепта как индивидуального акта сознания; дифференцирование денотата и сигнификата, глубинных и поверхностных структур.

Четвертая дихотомия касается внутреннего устройства системы языка – парадигматики и ее функционирования, т.е. синтагматики. Основой парадигматики являются ассоциативные отношения (одномерные), основой синтагматики являются нормы реализации в линейной последовательности. Эти два вида отношений соответствуют двум формам умственной деятельности (Там же : 155). В синтагматике, поскольку отношения реализуются в линейной последовательности, образуются синтагмы, имеющие протяженность, которые и реализуются в процессе общения; поэтому в результате синтагма получает свою значимость лишь в мере своего противопоставления предшествующей синтагме. С другой стороны, вне процесса речи слова получают свое смысловое толкование при сопоставлении и ассоциировании с другими сходными по ряду признаков словами, т.е. при выявлении ассоциативных отношений в парадигматике. Оба элемента этой дихотомии закреплены в ментальной деятельности человека, составляя фонды его памяти, с заложенностью единиц и норм их употребления, т.е. тех двух видов мышления, которые обеспечивают речевую деятельность, в том числе и творческую деятельность поэтов и писателей, при заучивании докладов и выступлений и т.д.

Центральной и наиболее значимой для лингвистики стала пятая дихотомия, тесно связанная с предыдущей, – язык / речь. Эта дихотомия не касается влияния внешних факторов на развитие и функционирование языка. Она касается лингвистики индивидуальных речевых актов. Как считал Ф. де Соссюр, здесь отбрасывается также связанность языка с другими науками – логикой, физиологией, психологией, общественным устройством, историей, социально-обусловленными факторами и др. В этой трактовке язык есть арсенал средств, сигналов, необходимых для коммуникации, безразличных к материализации. Языку противопоставляется речь – сузубо индивидуальная сущность. Между ними существует диалектическая связь: без речи нет языка, помимо языка не существует речи. Между ними имеется соотношение как между канонизированной системой и возможной реализацией.

Соотношение между канонизированной системой и реализацией может быть разным. Ф. де Соссюр отмечает следующие дифференцирующие признаки. Это, во-первых, объем. Язык образует систему с постоянным набором правил и ограничений в выборе форм, функций и значений; речь практически необозрима во всем этим параметрам. Во-вторых, различие проявляется по степени участия сознания при реализации: в языке большинство аспектов его использования основано на привычке, механистичности или автоматичности; в речи преобладает сознательный, свободный отбор с отрывом от логики, неограниченный количественно. В речи представляются и новые фазы отражения сознания, например, двуязычность, расширение моделей и их формы, сохранение малоупотребительных и совсем неприемлемых форм...

Важным дифференцирующим моментом между языком и речью является индивидуальность в речи и сам процесс речевой деятельности. Эту дифференцированность Ф. де Соссюр отразил в виде переходного элемента, который репрезентирует саму деятельность: Язык – речевая деятельность – речь (*langue*) (*langage*) (*parole*). Речевая деятельность – это своего рода когнитивный мостик, обозначающий активизацию, компетенцию и концептосферу говорящего или производящего текст, необходимый для окончательного формирования высказывания. Представление речепорождения с выделением мостика «речевая деятельность» – очень важный момент в общей концепции Ф. де Соссюра. Это по существу признания когнитивной деятельности человека при порождении речи. Первичными исходными данными являются все же языковые данные (по существу – то, что предполагается коллективным договором, без знания которых индивид не может быть участником коммуникации). «Язык – всегда есть наследство», – говорил Ф. де Соссюр. Все это позволяет определить язык и речь как диалектически соотносимые сущности. Установив эту связанность, Ф. де Соссюр констатировал связь и между языком и мыслительной деятельностью, поскольку речь есть чисто импульсивный, обусловленный ситуацией и восприятием действительности вид деятельности. Позже это признали многие психологи и лингвисты (Л.С. Выготский «Мышление и речь», С.Д. Кацнельсон «Типология языка и речевое мышление», В.А. Михайлов «Смысл и значение в системе речемышлительной деятельности» и другие). В частности В.А. Михайлов внес уточнение, понимая под «связью» единство языка и сознания, речевой деятельности и сознания, считая сознание высшей формой мышления, которое могло сложиться только при воздействии языка у существа с высшей ступенью мыслительной деятельности. На стадии возникновения первичного языка действовало более примитивное мышление, язык был на уровне сигналов, не образующих системы в той стадии сложности, которая сформировалась позже (Михайлов В.А. Смысл и значение в системе речемышлительной деятельности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992).

Отход от этого принципа – игнорирования роли мыслительной деятельности в языковых процессах трансформации, характерное для трансформационной грамматики Н. Хомского на первом этапе ее становления, и последующее разочарование в этих позициях при использовании этого метода, оказались очень полезными для дальнейшего развития когнитивного направления...

Трансформационная грамматика Н. Хомского преследовала цель изучения только предложения, в основном простого, хотя трансформация возможна и на уровне словосочетания, для выявления самой возможности трансформирования. Например, **обложка книги** можно трансформировать в **книжная обложка**, но **течение реки** не допускает трансформацию в ***речное течение**; или **заморозить мясо** трансформируется в замороженное мясо, но словосочетание **заморозить зарплату** не дает *замороженная зарплата. Совершенно очевидно, что трансформация не приемлема для фигур речи, метафор, усложненных структур, так как всегда меняет характер отношений путем включения дополнительных элементов или изменения функционального статуса входящих слов. А Н. Хомский в трансформационном методе разные синтаксические изменения трактовал изомерно, даже если они относятся к разным уровням предложения. В ряде случаев трансформация выходит за уровень синтаксиса предложения, так как включает и порождение разных коммуникативных типов предложения. Все попытки упростить сущность трансформаций до уровня механической операции, с трактовкой языковых структур как языковых схематизмов, с небольшим количеством речевых отклонений оказались пагубными для концепции в целом. Язык – не самонастраивающаяся система, которая отбрасывает все неграмматичное, как считал Н. Хомский в начале своей деятельности. На самом деле все в языке контролируется и определяется носителями языка. Сама идея выбора подходящего варианта требует пересмотра смысловой нагрузки составляющих компонентов предложения. В языках флективного строя смысловая нагрузка тесно связана даже с простым изменением порядка слов в любой структуре. Например, предложение **Он не читает газет** имеет общий смысл констатации ситуации; в предложении **Не читает он газет** акцентируется его упрямство и нежелание выполнять это действие; в предложении **Газет он не читает** акцентируется именно этот вид чтения, который не реализуется...

Трансформационная грамматика Н. Хомского строилась с целью выявить механизмы порождения структур. По существу же выявился (точнее, подтвердился) семантический прескриптивизм, т.е. ограниченность при порождении структур, зависимость от этой процедуры от факта совместимости/несовместимости значений в комбинаторике. Не учитывалось, что в языке всегда действуют две тенденции – тенденция к типизации структуры, формы вообще, и тенденция к выражению индивидуального смысла, путем выражения отношений между компонентами, т.е. конкретными лексическими единицами. Именно это диалектическое единство противоречий лежит в основе многозначности языковых единиц и поступательного развития языка. Сходство с автоматическим механизмом только для образования структур без одновременного изменения смысла тут искать не уместно.

Задание 5. Прочитайте фрагмент из учебного пособия М.К. Тимофеевой «Когнитивная лингвистика и когнитивная наука». Обозначьте основные события, связанные с историей формирования когнитивной лингвистики. Укажите имена ученых, даты и факты, ставшие значимыми в истории создания данного направления лингвистики.

М.К. Тимофеева. Когнитивная лингвистика и когнитивная наука // Введение в экспериментальную когнитивную лингвистику: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2010. – С. 15 – 20.

Появление этой дисциплины (когнитивной науки – Е.Д.) обычно связывают с 70–80-ми гг. прошлого века, когда вышли в свет работы Э. Роуи (*On the internal structure of perceptual and semantic categories*, 1973), Л. Талми (*How language structure space*, 1983), Дж. Лакоффа и Х. Томпсона (*Dative questions in cognitive grammar*, 1975), Дж. Лакоффа и М. Джонсона (*Metaphors we live by*, 1980), Ж. Фоконье (*Mental spaces*, 1985), Дж. Ла-

коффа (*Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind*, 1987), Р. Лэнкера (*Foundations of cognitive grammar*, 1987–1991) и др.

В 1989 г. в Германии состоялась первая конференция по когнитивной лингвистике, на ней было принято решение о создании Международной ассоциации когнитивной лингвистики. Годом позже вышел первый номер журнала «*Cognitive Linguistics*». По словам одного из первопроходцев в данной области, Рональда Лэнкера, это событие знаменовало собой рождение когнитивной лингвистики как «интеллектуального движения» [Langaker, 1991, p. XV]. К началу 90-х уже довольно большое число европейских и американских исследователей именовали себя когнитивными лингвистами.

Основные области интересов новой науки: соотношение между языком и мышлением (языковой структурой и внеязыковыми реалиями); когнитивные принципы и механизмы, общие для разных языков; сравнительный анализ когнитивных особенностей разных языков; процессы категоризации и когнитивные модели понимания (прототипы, ментальные пространства, концептуальные метафоры и т. д.); концептуальное взаимодействие между синтаксисом, семантикой, прагматикой.

Появлению когнитивной лингвистики предшествовало возникновение когнитивной психологии и когнитивной науки. Размышления о мыслительных и познавательных способностях человека имеют долгую историю: такие проблемы интересовали людей еще со времен античности. Однако в качестве самостоятельных сфер исследований когнитивная психология и когнитивная наука оформились лишь в XX столетии.

В появлении этих направлений особенно важную роль сыграл Джордж Миллер. Он имел базовое филологическое образование (в 1941 г. защитил магистерскую диссертацию по лингвистике), одновременно занимался психологическими исследованиями, проводя их в рамках бихевиоризма – направления, обладавшего в США того времени абсолютной властью: иной вариант работы психолога был тогда практически невозможен.

Бихевиористы настаивали на ненадежности данных сознания и отрицали возможность его научного изучения. Они видели свою цель в экспериментальном исследовании поведения, описываемого в терминах взаимосвязей между «стимулами» (внешне наблюдаемыми воздействиями на изучаемый организм) и «реакциями» (внешне наблюдаемыми ответными действиями данного организма). В своем наиболее радикальном варианте этот подход исключал возможность научного обсуждения процессов и устройства сознания. Метод самонаблюдения (интроспекции), то есть наблюдения человеком над своим собственным сознанием, был провозглашен ненаучным. Как писал основоположник бихевиоризма Джон Уотсон, состояния сознания «не носят объективно доказуемого характера, и потому они никогда не смогут стать предметом истинно научного исследования», «интроспективный метод – серьезное препятствие для развития психологии», значит, «интроспективная психология более не нужна» (Уотсон, 1998, с. 259–261). Уотсон стремился превратить психологию в точную науку, отвечающую критериям достоверности, действующим в рамках естественнонаучного познания.

Радикальный бихевиоризм, сформировавшийся в начале XX в., был революционным событием для развития психологии. Безапелляционно отрицая всю прошлую историю психологической мысли, неразрывно связанную с рассмотрением проблем сознания и использованием метода интроспекции, он не мог не спровоцировать появление контрреволюционных настроений и действий. Противники бихевиоризма, правда, не были настроены столь категорично и настаивали не на полном отказе от него, а на возможности развития наряду с ним других направлений психологии, связанных с изучением сознания.

Дж. Миллер был одним из тех, кто подверг сомнению безальтернативность бихевиоризма. К середине 1950-х гг. в связи с началом эпохи компьютеров сформировался еще один популярный взгляд на сознание, успешно конкурировавший с бихевиоризмом и основанный на идее сходства человеческого мышления с работой компьютера. По сути, эта идея вошла под иной («кибернетический») критерий достоверности познания: достоверна та теория, которая позволяет построить надежную математическую (компь-

ютерную) модель изучаемого объекта (в данном случае – мышления), достаточно точно воспроизводящую функционирование данного объекта.

Идея о сходстве мышления с работой компьютера удачно сочеталась с теорией трансформационных грамматик, предложенной в то же время Нозмом Хомским. Трансформационные грамматики позволяли описывать языковую деятельность в виде алгоритма, реализуемого на компьютере. Мысль о возможности «обучить» компьютер думать и разговаривать «по-человечески», как говорится, витала в воздухе. Поскольку задача эта была совершенно новая, трудно было сразу достоверно оценить ее сложность. Поэтому лингвисты и математики, увлекшиеся реализацией этой идеи, предполагали, что некоторые интеллектуальные способности человека (например, межъязыковой перевод) можно будет научиться моделировать посредством компьютера довольно быстро.

В 1960 г. Дж. Миллер вместе с Дж. Брунером создал при Гарвардском университете исследовательский центр по изучению процессов мышления. Выбор названия для того вида исследований, которыми будет заниматься новый центр, вызвал некоторые затруднения, в итоге обсуждения нескольких версий остановились на термине «когнитивный». Миллер отрицал революционность нового направления (хотя многие объявляют его таковым), что, вообще говоря, оправдано: он не требовал полностью отказаться от бихевиоризма, а лишь считал недопустимым ограничивать исследования и спектр интересов психологии одним только анализом поведения. Созданный им центр когнитивных исследований должен был заниматься изучением познавательных процессов и структур, охватывающих память, язык, восприятие, мышление и т.д. Так возникла междисциплинарная область, именуемая когнитивной наукой и объединяющая когнитивные исследования, проводимые на стыке ряда направлений: философии, психологии, нейронауки, лингвистики, антропологии, искусственного интеллекта и др.

Термин «когнитивная психология» появился в 1967 г., когда вышла в свет имевшая большой резонанс книга Ульрика Найссера «Cognitive psychology». Найссер первоначально собирался стать физиком и изучал этот предмет в Гарвардском университете, но, попав на лекции Миллера, увлекся его идеями об исследовании сознания. Найссер, как и Миллер, не испытывал симпатий к бихевиоризму. Его книга в значительной степени способствовала смещению бихевиоризма с доминирующей позиции и обращению психологии к проблемам познания.

В рамках когнитивной психологии рассматриваются различные процессы и структуры, участвующие в представлении, хранении, преобразовании информации: память, язык, восприятие, внимание, воображение, обучение, категоризация, формирование понятий, логика рассуждений, принятие решений, распознавание образов и т. д. В отличие от бихевиоризма когнитивная психология признает возможность научного исследования составляющих сознания (верований, желаний, мотивов и т. д.). Вместе с тем, когнитивные психологи, как правило, сохраняют свойственное бихевиористам скептическое отношение к методу интроспекции (самонаблюдения).

Эксперимент, математическое и компьютерное моделирование, аппаратное наблюдение над мозговыми процессами – базовые методы проведения исследований в когнитивной науке и когнитивной психологии.

Возникновение когнитивной лингвистики в середине XX в. было вполне закономерно не только потому, что сфера интересов когнитивной науки не могла не содержать язык, являющийся важнейшей составляющей познания. Помимо этого, происходившее параллельно расширение и углубление интереса лингвистов к языку неизбежно должно было столкнуться с фактом многоплановости языка, его связанностью с широким спектром характеристик человека, с внешними обстоятельствами использования. Действительно, в середине XX в. образовался целый ряд междисциплинарных областей, занимавшихся изучением связи языка с мышлением, процессами и строением мозга, социокультурным окружением и т. д.

Однако, как отмечают многие исследователи, например, [Evans et al, 2007, p. 3] даже сейчас, после 20 лет своего существования, когнитивная лингвистика так и не сложилась в целостное направление и все еще представляет собой не единую теорию, а определенное «движение» или «предприятие», исследующее соотношения между языком, мышлением, психофизическими характеристиками, социокультурным опытом...

Задание 6. С опорой на теоретический материал, изложенный в первом разделе (п. 1.4.), и приведенные ниже фрагменты из «Краткого словаря когнитивных терминов» сформулируйте цели и задачи когнитивной науки вообще и когнитивной лингвистики в частности.

1. Предмет или объект исследования когнитивной науки – это и знание, и познание, и информация, и человеческий разум и сознание, и человеческий мозг как носитель соответствующих систем и их биологическая основа и т.п. ... Термин когнитивная наука следует рассматривать как «зонтиковый» для объединения определенного количества научных дисциплин и создания междисциплинарной науки, которая вырабатывает методы и приемы, необходимые для интеграции усилий ученых разных специальностей с целью более адекватного и полного представления об одном из самых сложных феноменов природы – человеческого сознания и разума (Е.С. Кубрякова).

2. Несмотря на исключительную престижность когнитивных исследований и их широчайшую распространенность, несмотря на значительное влияние когнитивизма и на такие науки, как литературоведение, социология, антропология и др., когнитивная наука не может считаться монолитной или же предложившей какой-либо один подход к исследованию когниции и разума. Иногда утверждают поэтому, что когнитивными называют науки, каждая из которых занимает когницией со своих собственных позиций и применяя свои методики. Однако дело когнитивной науки заключается как раз в том, чтобы интегрировать данные из разных наук под определенным углом зрения, а для этого сформулировать известные предпосылки исследования и его конкретные цели.

3. В сферу когнитивной лингвистики входят «ментальные» основы понимания и продуцирования речи, при которых языковое знание участвует в переработке информации. Результаты исследований в области когнитивной лингвистики дают ключ к раскрытию механизмов человеческой когниции в целом, особенно механизмов категоризации и концептуализации. Поскольку в когнитивной лингвистике на явления языка, особенно на значение и референцию, смотрят через призму когниции человека, лексическая структура языка трактуется как результат взаимодействия когниции человека с семантическими параметрами, присущими данному языку.

4. В отличие от остальных дисциплин когнитивного цикла, в когнитивной лингвистике рассматриваются когнитивные структуры и процессы, свойственные человеку как homo loquens: системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов. Ментальные процессы не только базируются на репрезентациях, но и соответствуют определенным процедурам - «когнитивным вычислениям», что ведет к постановке вопросов о числе и типе операций, совершаемых над символами.

5. Центральная задача когнитивной лингвистики состоит в описании и объяснении языковой способности и/или знаний языка как внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего-слушающего, рассматриваемого как система переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных модулей и соотносящая языковую информацию на различных уровнях.

6. Существуя как новая область теоретической и прикладной лингвистики, когнитивная лингвистика оказывается связанной с изучением когниции в ее лингвистических аспектах и проявлениях, с одной стороны, и с исследованием когнитивных ас-

пектов самих лексических, грамматических и пр. явлений, с другой. В этом смысле она занимается как репрезентацией собственно языковых знаний в голове человека и соприкасается с когнитивной психологией в анализе таких феноменов, как словесная или вербальная память, внутренний лексикон, а также в анализе порождения, восприятия и понимания речи, так и тем, как и в каком виде вербализуются формируемые человеком структуры знания, а, следовательно, когнитивная лингвистика вторгается в сложнейшую область исследования, связанную с описанием мира и созданием средств такого описания.

Задание 7. Прочитайте приведенные ниже дефиниции. Согласно их содержанию вставьте наименование термина в таблицу 3 (термины: *когниция, когнитивная деятельность, когнитология, лингвокогниология, категоризация, категория, концепт, концептуальная система / структура, репрезентация, информация*).

Таблица 3

Термин	Дефиниция
	это подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта, признание его членом некоторой группы; это одно из ключевых понятий в описании познавательной деятельности человека, связанное едва ли не со всеми когнитивными способностями и системами в его когнитивном аппарате, а также с совершаемыми в процессах мышления операциями – сравнением, отождествлением, установлением сходства и подобия (Е.С. Кубрякова).
	это единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» (Е.С. Кубрякова).
	это наука о системах представления знаний и получения информации, или наука об общих принципах, управляющих ментальными процессами.
	это познавательный процесс или же совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов – восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку либо извне по разным чувственно-перцептуальным каналам, либо уже интериоризированной и реинтерпретируемой человеком (Е.С. Кубрякова).
	ключевое понятие когнитивной науки, относящееся как к процессу представления мира в голове человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах (Е.С. Кубрякова).
	это одна из форм существования знаний о мире в человеческом сознании, способ «представления знаний на мыслительном или языковом уровне» (Н.Н. Болдырев); специфика данного «формата знаний» заключается в объединении в своей структуре феноменов, подобных друг другу по каким-либо признакам.
	это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму (С.Г. Воркачев).
	это все данные, которые поступают к человеку извне по разным чув-

Термин	Дефиниция
	ственно-перцептуальным и сенсорно-моторным каналам, а также данные, которые уже переработаны центральной нервной системой, интeриоризованы и реинтерпретированы человеком и представлены в его голове в виде ментальных репрезентаций (Л.Г. Лузина).
	это научное направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм (В.З. Демьянков).
	деятельность, в результате которой человек приходит к определенному решению и/или знанию, т.е. мыслительная деятельность, приводящая к пониманию (интерпретации) чего-либо.
	ментальный уровень или та ментальная (психическая) организация, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение (Е.С. Кубрякова).
	это процесс сведения бесконечного разнообразия своих ощущений и объективного многообразия форм материи и форм ее движения в определенные рубрики, то есть процесс классифицирования их, процесс их подведения под такие объединения – классы, разряды, группировки, множества, категории.

Задание 8. Прочитайте высказывания современных исследователей о достижениях и перспективах когнитивной лингвистики. Прокомментируйте мнения ученых. Укажите, какие достижения когнитивной лингвистики исследователи считают наиболее значимыми. Объясните, в чем состоит значение лингвокогнитивных исследований для лингвистики и науки в целом.

1. *Важнейшее достижение современной лингвистики состоит в том, что язык уже не рассматривается «в самом себе и для себя»; он предстает в новой парадигме с позиции его участия в познавательной деятельности человека. Язык – это вербальная сокровищница нации, средство передачи мысли, которую он «упаковывает» в некую языковую структуру. Знания, используемые при этом, не являются лишь знаниями о языке. Это также знания о мире, о социальном контексте, знания о принципах речевого общения, об адресате, фоновые знания и т. д. Ни один из названных типов знания нельзя считать приоритетным, только изучение их всех в совокупности и взаимодействии приблизит нас к пониманию сути языковой коммуникации.*

Вышедшие в последние годы монографии, коллективные труды и отдельные статьи Н.Д. Арутюновой, А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, Г.И. Берестнева, Г.А. Волохина, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, В.Н. Теля и других исследователей содержат важные теоретические положения по вопросу о том, как хранятся наши знания о мире, как они структурированы в языке в процессе коммуникации. Этим кругом проблем занимается когнитивная лингвистика, лингвистика будущего (В.А. Маслова. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2007: 4).

2. *...Оглядывая достижения когнитивной лингвистики..., нельзя не отметить их положительную роль в оживлении интереса к проблемам семантики вообще – не только исторической, но и синхронической, так как вопросы семантического развития тесно связаны с проблемой полисемии. Признание закономерностей в семантических изменениях позволяет с единых позиций рассматривать историю значений, анализировать синхронные семантические структуры, выявлять системные связи в лексике и выдвигать гипотезы относительно возможных изменений значений в будущем.*

Когнитивная лингвистика сосредоточивает свое внимание на одной из возможных причин семантических изменений, связанной с проявлением в языке общекогнитивных ме-

ханизмов. Этот акцент обусловлен общей спецификой данного направления, стремящегося в языке увидеть проявление общекогнитивных механизмов. Справедливости ради следует сказать, что остающиеся за рамками таких исследований факторы, касающиеся структурных особенностей языков и исторических условий жизни народов, издавна привлекали внимание лингвистов. Напротив, когнитивный аспект семантических изменений – то, как в законах изменения значений отражаются законы мышления, – по большей части игнорировался. В этом смысле позитивный эффект когнитивных исследований в области исторической семантики не вызывает сомнений, несмотря на возможные возражения, касающиеся методики выявления закономерностей, их обоснования, а также интерпретации конкретных случаев. Рассмотрение старой проблемы под новым углом зрения, как правило, способствует ее переосмыслению и выходу на новый уровень обобщений. Поэтому обращение когнитивистов к проблемам семантического развития продуктивно не только и не столько для когнитивной науки, сколько для языкознания. В этом, на наш взгляд, заключается выгодное (с точки зрения лингвиста) отличие данной темы от многих других областей когнитивной лингвистики, где язык служит не более чем «поставщиком» материала, средством познания ментальных структур (Т.Г. Скребцова. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. – СПб., 2011: 81 – 82).

3. Когнитивный подход порождает новые перспективы изучения языка. Одно из обнаружений на этом пути – колоссальная роль компонента «восприятие» в языковых концептах слов и категорий, в частности, наличие в их семантике фигуры наблюдателя (Падучева Е.В. Когнитивные идеи в теоретической семантике. Конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность», секция «Русистика и когнитивная наука». Москва, МГУ, филологический факультет, 21-22 марта 2007 г.).

РАЗДЕЛ II. МЕТОДОЛОГИЯ ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В данном разделе представлены общие вопросы методологии научного исследования: определяется сущность научного познания, формулируются понятия метода, методики и методологии; в кратком изложении предлагается классификация обще- и частнонаучных методов исследования, описываются современные методы лингвокогнитивных исследований.

2.1. Сущность научного и обыденного познания

Человеку доступны многообразные способы познания самого себя и окружающего мира: посредством наблюдения, ума, логики, воображения, творческой фантазии. Основной формой познания является, безусловно, научное. Однако особенностью именно когнитивных исследований является то, что посредством научного познания исследователи пытаются главным образом постичь познание обыденное.

Обыденное познание (в других терминах – житейское, повседневное, наивное) доступно всякому здравомыслящему человеку. В нем находят отражение повседневные условия существования человека: природная среда, быт, социальные и политические явления и процессы, жененный опыт индивида и некоторые производственные знания. Обыденное познание строится на наблюдении за окружающим миром, обобщении житейского опыта, но, в целом, оно функционирует стихийно.

Научное познание упорядоченно и систематизировано: оно подчинено главной научной цели и осуществляется посредством продуманной системы приемов и способов получения нового знания. Результатом научных исследований является система взаимосвязанных понятий и категорий, законов или теорий. Научное знание, в отличие от обыденного, направлено на получение объективного знания и не допускает тенденциозности в формировании научных теорий. Для научного познания мир предстает как реальность, данная человеку в его чувственных и логических образах. Задача научного познания заключается в выявлении объективных законов действительности – природных, социальных, а также законов самого познания и мышления. Ученый ориентируется в первую очередь на общие, существенные свойства предметов и явлений и выражает их в системе абстракций, ведь сама идея научности предполагает открытие законов и законо-

мерностей, предполагает проникновение в сущность изучаемых явлений [см. подробнее: Баксаков, Туленков 2004: 6 – 7].

Главной целью и высшей ценностью научного познания является открытие истины, которая достигается посредством рациональных средств и методов, разумно сопряженных с наблюдением и творческим осмыслением действительности. Спецификой же научного познания являются такие его характерологические черты, как объективность и системность, непротиворечивость и опытная проверяемость, нацеленность на результативность и практическая значимость, открытость для критики и свобода от тенденциозности любого рода.

Основными структурными единицами научного познания являются следующие:

- 1) субъект познания, имеющий специальную подготовку в определенной области научного знания;
- 2) объект познания, обладающий новизной (возможно, новый аспект известного объекта);
- 3) система научных средств и методов познания;
- 4) исследовательский инструментарий (в широком смысле).

Особое значение в достижении научных целей имеет система взаимосвязанных и особым образом организованных методов и приемов научного познания. Общеизвестно выражение Рене Декарта *«Хвалите методу, а не открытие»*. Российский физиолог И.П. Павлов также заметил: «Метод – самая первая, основная вещь. От метода. От способа действия зависит вся серьезность исследователя. Все дело в хорошем методе. При хорошем методе и не очень талантливый человек может сделать много. А при плохом методе и гениальный человек будет работать впустую и не получит ценных, точных данных» [Павлов 1951: 21].

2.2. Понятие метода и методологии научного исследования

Деятельность людей в любой ее форме определяется целым рядом факторов. Конечный результат деятельности «зависит не только от того, кто действует (субъект) или на что она направлена (объект), но и от того, как совершается данный процесс, какие способы, приемы, средства при этом применяются» [Жомарова 2012: 219]. В этом суть проблемы метода.

Метод (греч. *methodos*) – в самом широком смысле слова – путь к чему-либо, способ деятельности субъекта в любой ее форме. Иначе говоря, это способ, путь познания и практического преобразования действительности, система приемов и принципов, регулирую-

щих познавательную деятельность человека. Метод представляет собой систему принципов и требований, которыми исследователь руководствуется при решении конкретной задачи; «дисциплинирует поиск истины, позволяет экономить силы и время, двигаться к цели кратчайшим путем. Истинный метод служит своеобразным компасом, по которому субъект познания и действия прокладывает свой путь, позволяет избегать ошибок» [Комарова 2012: 219].

Совокупность взаимообусловленных и подчиненных единой цели теоретических принципов, приемов и средств, используемых в познавательной деятельности, составляет методологию исследования.

Понятие методологии имеет два основных значения:

- 1) система определенных способов и приемов, применяемых в той или иной сфере деятельности (в науке, политике, искусстве и т.п.);
- 2) учение об этой системе, общая теория метода, теория в действии.

Методология конкретного научного исследования стратегически направляет деятельность по оптимальному пути в интересах приобретения нового знания по важной, актуальной проблеме, регулирует использование конкретных приемов и методов исследования, обобщает результаты исследовательской деятельности в виде системы научных понятий, категорий, закономерностей или теорий.

Понятие метода неотделимо от понятия *теория*, так как методы разрабатываются на основе и в логическом соответствии с той или иной теорией. З.И. Комарова подчеркивает: «Теория и метод одновременно тождественны и различны. Их сходство состоит в том, что они взаимосвязаны, и в своем единстве есть аналог, отражение реальной действительности. Будучи единными в своем взаимодействии, теория и метод не отделены жестко друг от друга и в то же время не есть непосредственно одно и то же. Они взаимопереходят, взаимопреобразуются: теория, отражая действительность, преобразуется, трансформируется в метод посредством разработки, формулирования вытекающих из нее принципов, правил, приемов и т.п., которые возвращаются в теорию (а через нее – в практику), ибо субъект применяет их в качестве регулятивов, предписаний, в ходе познания и изменения окружающего мира по его собственным законам» [Комарова 2012: 220 – 221]. Вместе с тем, научную теорию и методы познания нельзя полностью отождествлять: «метод не тождествен прямо и непосредственно теории, а теория не является непосредственно методом, ибо не она есть метод познания, а необходимо вытекающие из нее методологические установки, требования, регулятивы» [Комарова 2012: 220].

З.И. Комарова отмечает основные различия теории и метода, которые состоят в следующем:

а) теория – результат предыдущей деятельности, метод – исходный пункт и предпосылка последующей деятельности;

б) главные функции теории – объяснение и предсказание (с целью отыскания истины, законов, причины и т.п.), метода – регуляция и ориентация деятельности;

в) теория – система идеальных образов, отражающих сущность, закономерности объекта, метод – система регулятивов, правил, предписаний, выступающих в качестве орудия дальнейшего познания и изменения действительности;

г) теория нацелена на решение проблемы – что собой представляет данный предмет, метод – на выявление способов и механизмов его исследования и преобразования.

Таким образом, теории, законы, категории и другие абстракции еще не составляют метода. Чтобы выполнять методологическую функцию, они должны быть соответствующим образом трансформированы, преобразованы из объяснительных положений теории в ориентационно-деятельные, регулятивные принципы (требования, предписания, установки) метода» [Комарова 2012: 221].

Исследователь в то же время предостерегает от возможных заблуждений, отмечая, что «недопустимо рассматривать метод как некий механический набор предписаний, «список правил», на основе которых можно будто бы решить любые вопросы. Кроме того, он не есть жесткий алгоритм, по которому строго регламентированно осуществляются познание или иные формы деятельности. Применение же того или иного метода в разных сферах не есть формальное внешнее наложение системы его принципов на объект познания или действия, а необходимость использования этих принципов не привносится извне» [Комарова 2012: 222]. Метод глубоко детерминирован спецификой объекта исследования и самим субъектом познания, а также социальным, научным и иным контекстом научных изысканий.

Обязательными составляющими методологии, таким образом, являются взаимообусловленные теория и метод, однако и сам метод следует рассматривать как явление дискретное, состоящее из набора методик и технологических приемов.

Теоретическо-методологическая и технологическая система научного познания удачно, на наш взгляд, представлена в концепции понимания метода, сформулированной З.И. Комаровой. Исследователь предлагает в содержательной структуре метода выделить четыре взаимообусловленных компонента:

1. Методология [нем. Methodologie < греч. methodos – «путь вслед за чем-нибудь» + logos – «учение, наука»] – 1. Учение о принципах, основ-

ных путях, методах и способах познания языковой действительности; программа исследования. 2. Общая теория лингвистического метода.

2. Метод [греч. *methodos* – «путь вслед за чем-нибудь»] – совокупность исследовательских методик, приемов и операций, т. е. средств исследования, используемых для достижения цели и решения исследовательских задач в соответствии с лингвистической теорией и методологией познания языковой действительности.

3. Методика – процедура применения тех или иных методов и приемов на всех этапах лингвистического исследования, которая зависит от личности лингвиста-исследователя.

4. Технология – фиксированная совокупность приемов научно-практической деятельности, приводящая к заранее определенному результату, включающая способы и средства описания получения нового знания и результатов лингвистического исследования как внешнюю форму методики, которая представляет собой операционно-технологическую процедуру [см. подробнее: Комарова 2013: 26 – 27].

Итак, методология делает любое научное изыскание логичным и цельным, определяя гармоничную взаимообусловленность следующих элементов исследования: объекта и субъекта познания, цели и задач, методов и приемов исследования.

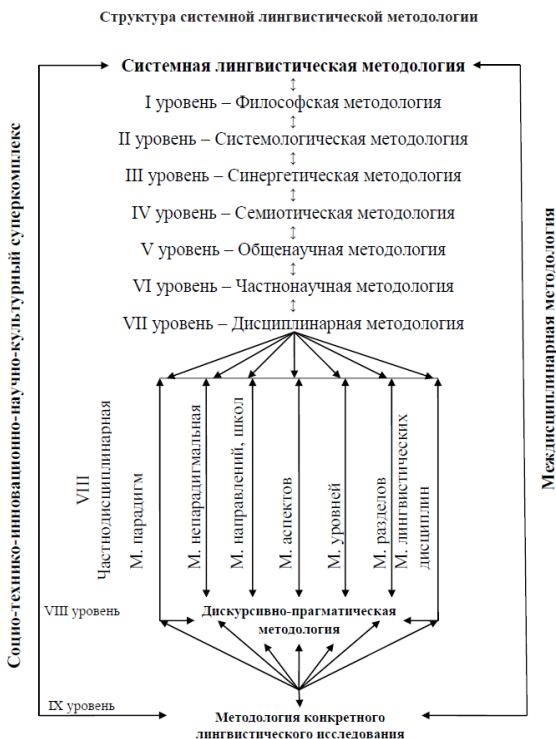
2.3. Классификация методов научного познания

В своем фундаментальном труде «Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике» [Комарова 2012: 225 – 346]. З.И. Комарова указывает, что классификаций методов научного познания существует значительное количество, что обусловлено многообразием возможных оснований группирования:

- роль и место в процессе научного познания (формальные и содержательные, фундаментальные и прикладные методы, методы изложения и исследования);
- специфика объекта исследования (методы естественных и социально-гуманитарных наук);
- содержательная специфика исследуемой научной информации (методы качественного и количественного анализа);
- способ формирования метода (оригинальные и производные методы);
- отрасль науки (математические, биологические, медицинские, лингвистические и др. методы);
- область применения (всеобщие, или философские, общенаучные, частнонаучные, дисциплинарные) и др.

Серьезным достижением З.И. Комаровой, на наш взгляд, является разработанная исследователем модель системной лингвистической методологии, включающая девять иерархических уровней. Исследователь представляет эти уровни в схематичном виде (см. Схему 1.):

Схема 1.

Коротко обозначим общенаучные методы, которые могут быть актуальны для лингвокогнитивных исследований. К собственно **философским методам познания** З.И. Комарова относит *натурфилософский* (метод исследования природы во всех ее проявлениях), *диалектический* (метод познания путем вскрытия внутренних противоречий), *метафизический* (метод создания теоретических концепций), *трансцендентальный* (метод априорного познания, обуславливающего опыт и предшествующего ему), *феноменологический* (метод анализа с опорой на деятельность сознания).

К **философско-логическим методам**, согласно концепции З.И. Комаровой, относятся следующие (см. Таблицу 4).

Таблица 4

Философско-логические методы и приемы познания

<i>Абстрагирование</i>	фокусирование на актуальных для исследования свойствах объекта познания при относительной независимости их от других характеристик
<i>Анализ</i>	расчленение объекта познания на элементы с целью подробного изучения
<i>Аналогия</i>	выведение заключения о возможном сходстве некоторых свойств предметов, если эти предметы уже подобны по установленным характеристикам
<i>Аргументация</i>	полное ли частичное обоснование какого-либо положения через приведение доводов, чаще связанных с доказываемым положением причинно-следственными связями
<i>Верификация</i>	установление соответствия концепции или гипотезы некоторому факту или экспериментальному результату, которое никогда не является полным и окончательным
<i>Генерализация (обобщение)</i>	мысленный переход от частного знания к общему, от менее общих научных понятий и суждений к более общим
<i>Дедукция</i>	логический прием доказательства путем выведения частных положений из общей теоретической мысли
<i>Доказательство</i>	приведение достоверных и достаточных обоснований какого-либо спорного утверждения
<i>Идеализация</i>	мыслительная реконструкция какого-либо объекта, не существующего в действительности, но сохраняющего черты реального объекта
<i>Индукция</i>	логический прием выведения общей мысли из частных положений
<i>Обоснование</i>	способ рационального убеждения в надежности или в истинности какого-либо высказывания, теории, концепции путем предъявления дополнительных аргументов или доводов
<i>Объективация (опредмечивание)</i>	перевод результатов деятельности из внутреннего плана во внешний, конструирование объекта предмета познания как противостоящего созерцанию
<i>Объяснение</i>	логическая операция, состоящая в подведении утверждений о фактах, законах под более общие законы, принципы, теории
<i>Определение (дефинирование)</i>	установление значения слова или термина
<i>Синтез</i>	обобщение промежуточных выводов, полученных при изучении расчлененного объекта познания
<i>Сопоставление: сравнение, противопоставление (контрастивный метод)</i>	сопоставление предметов познания с целью выявления схожих (сравнение) или различных свойств (контрастивный анализ)
<i>Фальсификация</i>	сознательное искажение, намеренное создание ложной гипотезы или теории
<i>Формализация</i>	фиксация содержательного знания в виде формализованных знаков

З.И. Комарова подчеркивает особую значимость философских методов познания, которая заключается в создании метаэпистемологической и методологической основы любого научного исследования, целью которого является получение объективно-истинного знания.

К **общенаучным методам** и приемам исследований З.И. Комарова относит методы и приемы эмпирического исследования: научное **наблюдение** (познавательный процесс, направленный на получение эмпирической информации с использованием органов чувств человека, а также научных приборов), **эксперимент** (метод эмпирического исследования, посредством которого, воздействия на предмет познания в специально отобранных условиях, исследователь целенаправленно актуализирует нужное ему состояние и данный предмет на качественном или количественном уровне), **измерение** (установление численного значения одной величины путем сравнения ее с другой величиной, принятой за эталон), **описание** (познавательная операция, состоящая в фиксации результатов опыта, наблюдения или эксперимента с помощью определенных знаковых систем – вербальных или невербальных).

Значимость антропометрических методов для собственно лингвистических (в частности – семантических) исследований подчеркивают И.А. Стернин и А.В. Рудакова. К таким методам, предполагающим получение знаний о языке через обращение с различными вопросами и заданиями к носителям языка, они относят **метод лингвистического наблюдения**, сущность которого заключается в анализе языкового материала и обязательной фиксации наблюдаемых явлений (на бумаге, на специальных карточках, в магнитофонной форме, в компьютерной форме или в форме видеозаписи); **метод лингвистического эксперимента**; **метод лингвистического интервьюирования** (опроса); **метод описания**.

И.А. Стернин и А.В. Рудакова подчеркивают необходимость разграничения двух последних методов в силу их существенного различия. По мнению исследователей, оба метода в равной степени направлены на получение информации и используются исследователями как определенный запрос информации, однако **опрос** предполагает прямой запрос информации (задаются прямые вопросы, ответы на которые непосредственно являются результатом исследования и из которых непосредственно делаются обобщения и выводы); **эксперимент** предполагает косвенный запрос информации (исследователь получает от испытуемых некоторый новый языковой материал, который затем подвергается исследованию и интерпретации, и только потом полученные результаты используются для обобщения и выводов). Данные методы различаются также ходом исследования: эксперимент предполагает создание его участниками некоторого речевого произведения

(словесная ассоциативная реакция, минисочинение (письменная рефлексия, создание текста), завершение некоторой фразы и под.), интервьюирование (или анкетирование, опрос) предполагает ответы на прямые вопросы исследователя – устные или письменные, открытые или закрытые. Участниками эксперимента при этом являются испытуемые, участники опроса – информанты / респонденты [см. подробнее: Стернин, Рудакова 2011].

Исследователи предлагают рассматривать такие виды лингвистического интервьюирования и эксперимента. Среди разновидностей лингвистического опроса они рассматривают

- прямое лингвистическое интервьюирование (возможные вопросы: *Что значит это слово? Знаете ли вы значение этого слова? Употребляете ли вы это слово? Это русское или заимствованное слово?*);

- метод семантической дифференциации (метод выявления 20 дифференциальных признаков языковой единицы; например: *Различаются ли эти слова по значению? Это литературное или разговорное слово? Укажите, какими из приведенных в списке компонентов значения различаются данные слова?*);

- метод оценочной дифференциации (вопросы: *Выражена ли положительная оценка в данной фразе или фраза является неоценочной? X – это хорошо или плохо?*);

- рецептивный метод исследования (вопросы: *Как вы понимаете эту фразу? это слово? Какое из предложенных пониманий значения данной фразы (слова) вы считаете правильным? Какое из предложенных в данном списке значений имеет данное слово?*);

- экзemplификационный (в другой терминологии – иллюстративный), метод, т.е. метод исследования, заключающийся в подборе испытуемыми языковых примеров-иллюстраций под то или иное предложенное экспериментатором языковое понятие [см. подробнее: Стернин, Рудакова 2011].

В качестве видов (разновидностей) метода лингвистического эксперимента исследователи выделяют свободный и направленный ассоциативные эксперименты метод субъективной экспликации и метод письменной рефлексии (минисочинения по заданному слову). Таким образом, лингвистика и психолингвистика обладают комплексом методов (методик, приемов) исследования языкового материала, а также используют общенаучные методы.

Среди лингвистических методов описания в частности – семантики языковых единиц – И.А. Стернин и А.В. Рудакова выделяют

- **лексикографическое описание** (выявление логически сформулированного лексикографами минимума признаков для узнавания значения слова, описание ядерных сем слова в представлении лексикографов);

- **психолингвистическое описание** (установление совокупности семантических компонентов, выявленных или верифицированных экспериментальными приемами разного типа, ранжированных по относительной яркости в языковом сознании носителей языка);

- **коммуникативное описание** (формулирование значения, полученного из контекстуальной семантики употребления слова, включающего совокупность семантических компонентов, нашедших актуализацию в контекстах употребления слова в языке);

- **когнитивно-семантическое описание** (определение совокупности когнитивных признаков концепта как единицы когнитивного сознания человека, не имеющего обязательной связи с языком).

Возвращаясь к классификации методов научного познания, предложенной З.И. Комаровой, обозначим некоторые **методы и приемы теоретического исследования**:

- **аксиоматический метод** (построение научной концепции на основании исходных аксиоматичных (беспорных) утверждений),

- **вероятностно-статистические методы** (установление некоторых закономерностей из количественного анализа множества случайных явлений),

- **выборочный метод** (исследование общих свойств совокупности объектов познания на основе выборочного изучения свойств части этих объектов),

- **генетический метод** (исследования объекта познания путем изучения причин и механизмов его возникновения),

- **метод диахронического** (изучение объекта познания в его историческом развитии) и **синхронного анализа** (изучение структуры объекта познания, взятого в конкретный момент реального времени),

- **идеографический метод** (выявление уникальных, существенных черт объекта познания) и **номотетический** (выделение общности различных объектов и формулировка общих законов, которым подчиняется функционирование этих объектов),

- **исторический метод** (изучение длительности и скорости формирования и развития объекта познания с учетом его внутренних закономерностей и внешних условий существования),

- **метод антиномий** (изучение объекта на основании выявления, противоречий между одинаково доказуемыми суждениями о нем),

- **метод ранжирования** (выявление главных и второстепенных признаков объекта познания),

- **структурно-функциональный метод** (выявление элементов и их взаимосвязей в структуре объекта познания как целостной системы),
- **метод экстраполяции** (распространение выводов полученных при изучении некоторой части объекта познания на другие его части) и др.

Особое место в науке занимает **метод моделирования**, который предполагает создание информационно-знакового аналога изучаемого объекта. Модели могут быть материальными (геометрические, физические, социальные и др.) и идеальными (метафорические, когнитивные, концептуальные и др.) и являются либо результатом исследовательской деятельности, либо объектом для дальнейшего изучения и совершенствования с целью переноса данных, полученных в результате исследования, с модели на оригинал.

Перечисленные философские и общенаучные методы познания активно применяются в исследованиях по когнитивной лингвистике, наряду с дисциплинарными методами – методами собственно лингвокогнитологии.

2.4. Современные методы лингвокогнитологии

За несколько десятилетий существования лингвокогнитологии были разработаны разные методы исследования, среди которых наиболее актуальны следующие.

Метод прототипического анализа. Сущность метода заключается в выявлении на материале опросов носителей языка наиболее и наименее типичных образцов категорий с учетом актуальных для данной категории существенных признаков. Автор теории прототипов Э. Рош на основании многочисленных экспериментов с испытуемыми пришла к выводу, что члены одной категории не являются равноправными, среди них выделяются «лучшие» и «худшие» примеры [Rosch 1973; 1975a; 1975b].

Серьезный вклад в развитие прототипического подхода к изучению языка и мышления внесли Дж. Остин, Лотфи Заде, Ф. Лонсбери, Б. Берлин, В. Кей, Ш.М. Даниель, Р. Браун, П. Экман, Э. Рош и др. [Лакофф 2004]. Значение прототипических эффектов в формировании когнитивного опыта человека подчеркивали А. Вежицка [Вежицка 1996a], У. Лабов [Labov 1972], Дж. Лакофф [Lakoff 1972; 1973; 1982; 1987], Т. Гивон [Givón 1982; 1986], Л. Колеман и П. Кей [Coleman, Kay 1981], М. Монелья [Монелья 1997], Дж. Росс [Ross 1972; 1974; 1975], Б. Тверски [Tversky 1990], Дж. Тэйлор [Taylor 1995], Ф. Унгерер и Х.Дж. Шмид [Ungerer, Schmid 1996], Ч. Филлмор [Fillmore 1975; 1977;

1978], А. Ченки [Ченки 2002] и другие зарубежные исследователи. Среди отечественных специалистов, так или иначе затрагивающих в своих исследованиях теорию прототипов, следует отметить Р.Р. Айрапетян [Айрапетян 2013], Н.Н. Болдырева [Болдырев 20076], С.Н. Бредихина [Бредихин 2014а; 2014б], В.З. Демьянкова [Демьянков 1994б; 1995; 1996], А.А. Карелину [Карелина 2003], Е.С. Кубрякову [Кубрякова 1997; 2004]; А.П. Лобанова и Н.П. Радчикову [Лобанов, Радчикова 2011], Д.Н. Новикова [Новиков 2010], Л.О. Трушкову [Трушкова 2010], Е.В. Рахилину [Рахилина 2000; 2008] Т.С. Скребцову [Скребцова 2011], О.Ю. Шмелеву [Шмелева 2010], Т.С. Шунтову [Шунтова 2009] и др.

Специалисты по когнитивной психологии отмечают, что во многих работах по философии, психологии, лингвистике и антропологии утверждается, что категории – это логически ограниченные явления, членство в которых определяется строгим и однотипным набором критерияльных признаков, что любой объект, обладающий такими признаками, в равной степени становится равно- и полноправным членом категории. В противоположность такому подходу американские исследователи [Lakoff 1972; Rosch 1973] доказывают, что некоторые естественные категории имеют аналоговый вид, и поэтому должны логически представляться таким образом, чтобы их аналоговая структура была отражена. Вслед за Л. Витгенштейном, американские исследователи при моделировании категорий используют принцип «фамильного сходства», ср.: «...members of a category come to be viewed as prototypical of the category as a whole in proportion to the extent to which they bear a family resemblance to (have attributes which overlap those of) other members of the category. Conversely, items viewed as most prototypical of one category will be those with least family resemblance to or membership in other categories» [Rosch, Mervis 1975: 575]; «The concept of family resemblances is also of general use because it characterizes prototype formation as part of the general process by which categories themselves are formed» [Rosch, Mervis 1975: 602].

Э. Рош подчеркивает, что среди членов категории, объединенных на основании признаков «фамильного сходства», существуют наиболее и наименее яркие образцы, лучшие и худшие представители категории. Иными словами, некоторые естественные категории включают в свою внутреннюю структуру, с одной стороны – прототипы (наиболее явные члены), с другой стороны – непрототипичные члены, которые представлены членами с разной степенью типичности для данной категории, ср.: «...has further characterized some natural analog categories as internally structured into a prototype (clearest cases, best examples of the

category) and nonprototype members, with nonprototype members tending toward an order from better to poorer examples» [Rosch, Mervis 1975: 573-574]. При этом прототипы характеризуются исследовательницей как такие члены категории, которые наиболее явно отражают избыточность структуры в целом, ср.: «In short, prototypes appear to be just those members of a category that most reflect the redundancy structure of the category as a whole» [Rosch, Lloyd 1978: 37].

Наиболее прототипичными оказываются те члены категории, у которых имеются признаки, позволяющие им включаться в типичные и общепринятые сценарии, ср.: «With respect to prototypes, it appears to be those category members judged the more prototypical that have attributes that enable them to fit into the typical and agreed upon script elements» [Rosch, Lloyd 1978: 45].

Прототипы развиваются по тем же принципам (таким, как максимизация валидности признака и максимизация фамильного сходства), которые используются при формировании и самих категорий (ср.: «... prototypes develop through the same principles such as maximization of cue validity and maximization of category resemblance 1 as those principles governing the formation of the categories themselves» [Rosch, Lloyd 1978: 37]), но прототипы не представляют собой ни какой бы то ни было процессуальной модели категорий, ни какой бы то ни было теории репрезентации категорий, ни какой бы то ни было теории обучения категориям, ср.: «Prototypes do not constitute any particular processing model for categories...; Prototypes do not constitute a theory of representation of categories...; Although prototypes must be learned, they do not constitute any particular theory of category learning» [Rosch, Lloyd 1978: 40 – 41].

Созданная Э. Рош теория прототипов легла в основу многих лингвистических исследований, в частности – изучения языковых категорий: лексических, грамматических, оценочных и др.

Метод когнитивно-таксономического анализа представляет собой «систему приемов исследования иерархической организации лингвистических объектов, основанную на... иерархии концептов» [Болдырев 2008: 12]. Следует заметить, что таксономия в лингвистике трактуется как «классификация, представленная в виде иерархически организованной системы лингвистических объектов» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 504].

Метод берет свое начало в теории категорий базисного уровня Э. Рош, отметившей, что в структуре понятийной системы человека категории занимают отнюдь не одинаковые позиции. Категории находятся на разных таксономических уровнях: высшем (суперординатном) – среднем (базисном) – низшем (субординатном) [см. об этом по-

дробнее: Berlin 1992; Lakoff 1987; Rosch 1978; Ungerer, Schmid 1996; Болдырев 2007б: 29 – 30; Кубрякова 1996; Рахилина 2000; Скребцова 2011: 100 – 106]. При этом Э. Рош доказала наличие особого – привилегированного – статуса категорий базисного уровня, которыми в первую очередь и мыслит человек. Категории других уровней в понятийной структуре человеческого сознания играют второстепенную роль, потому что при выборе наименования какого-либо объекта человек из ряда всевозможных имен выбирает то, которое относится именно к базисному уровню. Так, в таксономическом ряду категорий *продукты – продукты растительного происхождения – овощи – баклажан* для работы операционного мышления человеческим сознанием чаще выбирается, разумеется, не понятие *продукт растительного происхождения*, но понятие *овощ*. Для носителя языка привычны выражения: *блюда из овощей, овощной гарнир, как вкусно приготовить овощи, купить овощей*, но никто никогда не спросит: *Как приготовить рагу из продуктов растительного происхождения?* Носители языка чаще оперируют именно категориями базисного уровня. Однако можно также употребить более конкретное выражение: *приготовить рагу из картофеля, кабачков и капусты*. В этом случае будут задействованы категории субординатного (нижнего) уровня, но выбор этих категорий обусловлен лишь конкретной коммуникативной ситуацией, в ситуации обобщенной будут использоваться именно категории базисного уровня. Как правило, категории базисного уровня являются опорной точкой толкования слов определенной тематической группы (в структуре лексического значения слова это категориальная сема; ср.: *Рена – овощ с утолщенным корнем...* [Большой толковый словарь русского языка, электронный ресурс]).

Метод выявления криптоклассных систем (глубинных когнитивных структур) в языковой картине мира. Идея существования скрытых категорий (криптоклассов) в языковой картине мира высказывалась изначально зарубежными учеными (Э. Сэпир, Б.Л. Уорф), а затем развивалась в работах отечественных лингвистов (А.Н. Баранова [Баранов 2001], Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева [Булыгина, Шмелев 1997], С.Д. Кацнельсона [Кацнельсон 2010], Е.В. Падучевой [Падучева 1989], А.А. Потебни [Потебня 1958], Ю.С. Степанова [Степанов 1980] и др.). Наиболее продуктивное развитие теория анализа криптоклассов как структурно-семантической организации языковой картины мира получила в работах представителей Воронежской лингвистической школы О.О. Борискиной и А.А. Кретова [Борискина, Кретов 2003]. Под криптоклассом исследователи понимают «скрытую языковую категорию, характеризующуюся тождеством семантического признака

составляющих ее слов и проявляющуюся в особенностях лексико-синтаксической сочетаемости» [Борискина, Кретов 2003: 14 – 15]. Каждый криптокласс и субкриптокласс характеризуется признаком однотипности (т.е. он формируется языком однотипно), что позволяет глаголам, прилагательным и существительным, репрезентирующим тот или иной криптокласс, выступать в качестве классификатора имен. Криптоклассы, по мнению О.О. Борискиной и А.А. Кретова, также отличаются признаком неоднородности, так как структурно содержат «ядро – моделирующее и периферию – моделируемое» [Борискина, Кретов 2003: 15]. При этом ядерные единицы – имена-эталоны – обладают «прототипическими категориальными признаками». Эти положения подтверждаются примером криптокласса ВМЕСТИЛИЩЕ, где ядерным – наиболее типичным (моделирующим) – является представление о сосуде (емкости), а периферийным – моделируемым – категоризация воздуха как вместилища (ср.: *воздух наполнен, пуст, открыт* и т.п.).

Данная теория и разработанная уникальная методика выявления потенциальной сочетаемости группируемой криптоклассом лексики позволила исследователям проанализировать криптоклассы первостихий в русском и английском языках. По словам В.Б. Гольдберг, предпринятое О.О. Борискиной и А.А. Кретовым исследование убеждает, что криптоклассы, во-первых, выполняют функции регуляторов сочетаемости языковых единиц в речи; во-вторых, являются формой существования типов образности в психике человека (ср.: *воздух наполнен...*); в-третьих, представляют собой еще один параметр сравнения языков – сравнение их криптоклассных систем» [Гольдберг 2004б: 115 – 116]. Автор рецензии на монографию О.О. Борискиной и А.А. Кретова подчеркивает, что метод описания криптоклассных систем позволяет представить полную и достаточно точную картину наших знаний о природе вещей, а также может иметь существенное значение для создания искусственного интеллекта [Гольдберг 2004б: 116].

Методы психолингвистического анализа как инструмент изучения когнитивных процессов в языковом сознании. Одним из распространенных методов исследования языкового сознания (независимо от аспекта его изучения: психолингвистического или лингвокогнитивного) является психолингвистический эксперимент, осуществляемый посредством прямых и косвенных методик. Прямыми методиками считаются такие, «где регистрируемые изменения непосредственно отображают исследуемый феномен» [Леонтьев А.А. 2003: 75]; косвенные методики предполагают фиксацию результатов о психических феноменах посредством анализа физиологических реакций, например, че-

рез регистрацию сосудистых реакций испытуемых на какие-либо вербальные импульсы и т.п. [см. подробнее: Леонтьев А.А. 2003: 77 – 76].

Среди разработанных в психолингвистике прямых методов анализа языкового сознания для данного исследования наиболее актуальны следующие: 1) метод вербально-ассоциативного эксперимента; 2) метод семантического шкалирования; 3) метод незавершенных предложений.

Метод вербально-ассоциативного эксперимента был разработан и положен в основу лексикографического описания модели языкового сознания такими учеными, как Ю.Н. Караулов, Ю.С. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.Ф. Уфимцева, Г.А. Черкасова [Русский ассоциативный словарь 1994; Славянский ассоциативный словарь 2004; Черкасова 2008], А.А. Леонтьев [Леонтьев 1977]. Посредством данного метода исследователь «получает информацию о структуре внутреннего лексикона испытуемых, т.е. о тех познавательных процессах, которые лежат в основе ассоциирования» [Леонтьев А.А. 2003: 75; см. подробнее также: Ушакова 2000, 2004].

Методика семантического шкалирования (или «метод семантического дифференциала» Ч. Осгуда [Osgood 1957]») направлена на изучение эмоционального отношения информантов к тем или иным понятиям для определения их смысла. Метод предполагает создание такой экспериментальной ситуации, при которой испытуемые размещают тестируемые объекты (в данном случае – слова) на градуированной шкале в соответствии со своей субъективной оценкой значения предложенных слов.

Метод незавершенных предложений, или метод свободных дефиниций, описанный в работах В. Вундта, Ф. Гальтона, А. Пейна, А. Ронде, Дж. Роттера, Д. Сакса, А. Тендлера, Б. Форера, К. Юнга, А.Р. Лурии и других зарубежных и отечественных исследователей, является видом направленного эксперимента проективного характера. Эксперимент позволяет актуализировать осознаваемые и неосознанные мысли, чувства, оценки информантов в отношении каких-либо заданных тем или проблем.

Метод когнитивного моделирования. Разработчиком метода считается Дж. Лакофф, сформулировавший понятие идеализированной когнитивной модели [Lakoff 1987], однако, как замечает сам исследователь, в основу концепции когнитивного моделирования легла теория фреймового анализа семантики [Филлмор 1983], теория метафоры и метонимии Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004], теория когнитивных сфер (областей) Р. Лангакера [Langacker 1991] и теория ментальных пространств Ж. Фоконье [Fauconnier 1994]. Вероятно, можно добавить также теорию ментальных моделей Ф. Джосона-

Лэрда [Джонсон-Лэрд 1988]. Все перечисленные теории, как и собственно теория когнитивного моделирования, с одной стороны, предполагают стремление человеческого сознания к организации «концептуальной системы человеческого знания как той базы, на которой мышление протекает» [КСКТ 1996: 57], с другой стороны, основываются на признании «определяющей роли когнитивных контекстов в процессах формирования и понимания языковых значений» [Болдырев 2004: 26], что способствует необходимости привлечения к языковому анализу лингвистических и нелингвистических (энциклопедических) знаний, т.е. признания многоуровневого характера семантики.

Дж. Лакоффом выделяются четыре типа когнитивных моделей: пропозициональные, схематические (образные), метафорические и метонимические [КСКТ 1996: 57]. Некоторые из них стали объектом целого ряда лингвистических исследований, нередко сформировавших отдельное научное направление. Значительное место в зарубежной и отечественной лингвистике занимает **теория концептуальной метафоры и когнитивно-метафорического моделирования в разных видах дискурса** [Бикертон 1990; Бирдсли 1990; Блэк 1990; Дэвидсон 1990; Гудмен 1990; Кассирер 1990; МакКормак 1990; Лакофф, Джонсон 2004; Миллер 1990; Ортони 1990; Рикер 1990; Серль 1990; Арутюнова 1990; Будаев 2007б; Калашникова 2006; Телия 1988а, 1988б; Чудинов 2001а, 2006]. А.П. Чудинов отмечает, что «основным способом познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира», а также формой экспликации концептуальных структур является метафора «как проявление аналоговых возможностей человеческого разума» [Чудинов 2008: 143]. Изучая метафорические модели в политическом дискурсе, исследователь резюмировал теорию концептуальной метафоры следующим образом: «В основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате однонаправленной метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры» [Чудинов 2008: 144]. Формирующаяся и/или существующая схема связи между понятийными сферами называется метафорической моделью. А.П. Чудинов приводит примеры метафорических моделей политической коммуникации: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА, ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ – это ПУТЕШЕСТВИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ – это ДЕНЬГИ [Чудинов 2006]; РОС-

СИЯ – МАТЬ, РОССИЯ – ЦВЕТУЩИЙ САД, РОССИЯ – ДОМ ТОРЖЕСТВА ЗАКОНА И СПРАВЕДЛИВОСТИ, РОССИЯ – ЛЕГЯЩАЯ ПТИЦА или МЧАЩАЯСЯ ВПЕРЕД ТРОЙКА и др. [Чудинов 2001a].

Компонентами любой метафорической модели, по мнению исследователя, являются 1) исходная понятийная область, 2) новая (моделируемая) понятийная область, 3) фреймы (единица знаний, организуемая вокруг некоего понятия и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия; это своего рода структура данных для представления стереотипной ситуации), 4) типовые слоты (элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации), 5) концепты (составляющие слот единицы), 6) компоненты, связывающие первичные и метафорические смыслы, 7) дискурсивные характеристики (прагматический и эмотивный потенциал, взаимосвязи модели с существующей политической ситуацией) и т.д. [Чудинов 2006: 130–133]. Методика анализа метафорических моделей изложена в работах А.П. Чудинова и широко применялась в исследованиях представителей его научной школы (Э.В. Будаева, Т.С. Вершининой, М.Б. Шинкаренковой, Е.Г. Кабаченко, А.А. Касловой, Е.В. Колотниной, С.Я. Колтышевой, А.Б. Ряпосовой, О.А. Солоповой, А.М. Стрельникова, Е.В. Шустровой и др.). Среди исследований когнитивных моделей можно также назвать работы Т.Л. Верхотуровой [Верхотурова 2009], О.В. Дехнич [Дехнич 2004], Л.В. Калашниковой [Калашникова 2006], О.Н. Кондратьевой [Кондратьева 2014], М.Н. Конновой [Коннова 2007], Н.А. Мишанкиной [Мишанкина 2013], Ю.А. Соловьевой [Соловьева 2007] и др.

Одним из продуктивных методов описания структуры когнитивных моделей является **метод фреймового анализа**. Впервые термин *фрейм* был использован М. Минским при проведении исследований по искусственному интеллекту [Минский 1979]. По мнению американского ученого, «человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ) ... с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных частей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений и процессов. Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации» [Минский 1979]. Первым, кто применил фреймовый анализ в лингвистике, был Ч. Филлмор. По его убеждению, «теория фреймов представляет собой полезный инструмент лексической семантики, грамматической семантики и семантики текста» [Филлмор 1988: 53]. Исследователь подчеркнул, что фрейм весьма пригоден для удержания вместе целых групп слов на том основании, что «они мотивируются, опре-

деляются и взаимно структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта» [Филмор 1988: 54].

Поскольку фрейм – это «тип когнитивной модели, репрезентирующей знания и мнения, связанные с конкретными, часто повторяющимися ситуациями» [Ungerer, Schmid 1996], его отличает две специфические черты:

1. Фрейм формируется на взаимодействии «семантического пространства языка (языковых значений) и структур знания, мыслительного пространства» [Болдырев 2000а; 2014а: 104]; при этом граница между языковыми значениями и человеческим опытом нивелируется, иными словами «языковое значение находится в полной зависимости от познавательного опыта человека» [Болдырев 2000а: 37; 2014б].

2. Фрейм является «структурированной единицей, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними» [Болдырев 2000а: 40]. По терминологии М. Минского, фрейм представляет собой некую сеть, состоящую из узлов разных уровней (суперординатного и субординатного) и связей между ними. Узлы верхнего (суперординатного) уровня представляют собой неизменные и четко определенные для типичной ситуации понятия. Узлы нижнего (субординатного) уровня – слоты – заполняются частными данными на основе известной ситуации [см. подробнее: Минский 1979].

Метод фреймового анализа языковых единиц активно используется в самых разных лингвистических областях: коммуникативной лингвистике [Никонова 2006, 2007, 2008]; лингвокультурологии [Бурцева 2013; Буторин 2010 и др.], метафорологии [Чудинов 2001а, 2001б, 2003, 2005; Будаев 2006а, 2006б, 2007а, 2007б; Вершинина 2002; Веснина 2010; Кабаченко 2007; Каслова 2003; Колотнина 2001; Перескочкова 2005; Прокопьева 2006; Ряпосова 2002; Солопова 2006; Шустрова [Шустрова 2008] и др.], лингвоконцептологии [Зырянова 2011] и т.д. Метод фреймового анализа широко применяется для описания единиц разных языковых уровней: словообразования [Евсеева 2011; Косырева 2008], лексики и фразеологии [Болдырев 2000а; Болдырев, Гунина 2000; Гончарова 2000; Ромашина 2008; Старостина 2004; Сытникова 2008; Ширококолобова 2011 и др.]. Такую популярность в исследовательских кругах метод фреймового анализа заслужил, по словам С.В. Буториной, благодаря своей универсальности, которая «объясняется тем, что фрейм является максимально обобщенной системой репрезентации различной информации» [Буторин 2010].

Метод анализа блендов (концептуально интегрированных пространств). Данный метод восходит к концепции Ж.Фоконье о менталь-

ных пространствах и теории концептуального смешения (блендинга) Ж. Фоконье и М. Тёрнера, хотя, как отмечает Э.В. Будаев, идею «смешения» концептов обозначил еще А. Ричардс, отметивший следующее: «Когда мы используем метафору, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, чье значение как раз и есть результат этого взаимодействия» [Будаев, Чудинов 2006б: 50].

Согласно теории Ж. Фоконье и М. Тёрнера, блендинг, или концептуальная интеграция, – это базовая ментальная операция взаимодействия ментальных пространств [Turner 2014]. В основе данной теории лежат следующие положения: «а) одной из основных особенностей человека, отличающей его от других биологических видов, является способность создавать новые смыслы на основе уже имеющихся; б) одна из основных форм реализации этой способности, находящаяся разнообразное применение в языке и культуре, состоит в порождении несущего новые смыслы интегрального ментального пространства (blending space), или бленда, на основе нескольких базовых ментальных пространств (input spaces)» [Глебкин 2013: 161].

Создание интегрированных ментальных пространств (блендов) предполагает объединение элементов разных входных пространств для получения эмерджентной структуры-новообразования. При этом блендинг отличается от метафорической концептуализации и числом входных пространств, участвующих в процессе интеграции, и разнообразием задействованных в процессе мышления когнитивных механизмов, и областью создания нового смысла.

Э.В. Будаев замечает: «Основатели теории блендинга М. Тернер и Ж. Фоконье пришли к выводу о том, что метафоризация не исчерпывается проекцией из сферы-цели в сферу-мишень, как эксплицировано в теории концептуальной метафоры, а включает в себя сложные динамические интеграционные процессы, создающие новые смешанные ментальные пространства, которые способны в самом процессе концептуальной интеграции выстраивать структуру значения. ...Прежде всего, М. Тернер и Ж. Фоконье предложили альтернативную двухдоменной модели метафоры (two-domain model) модель нескольких пространств (many-space model) [Fauconnier, Turner 1994]. По мнению исследователей, однонаправленная метафорическая проекция из сферы-источника в сферу-цель представляет собой только частный случай более сложного, динамического и вариативного комплекса процессов, для экспликации которых необходимо ввести в исследование когнитивной метафоры два промежуточных пространства (middle spaces)» [Будаев, Чудинов 2006.: 51]. Ж. Фоконье М. Тернер говорят о целой

сети интегрированных концептуальных пространств, которые характеризуются наличием внешних и внутренних «определяющих отношений» (outer-space vital relations and inner-space vital relations), необходимых для переноса элементов из родовых пространств в бленд: отношений роли, аналогии, дизаналогии, сходства, причинно-следственных отношений и др. (полный список приведен в [Turner 2007: 381]). Описывая модель интегрированной сети пространств, Ж. Фоконье отмечает, что основной вариант концептуальной интеграции – это сеть, состоящая из четырех пространств: двух входных (исходных) пространств; родового (общего) пространства, который маркирует обобщенный фрейм, определяющий основу для взаимодействия исходных пространств; бленда – новообразования, наследующего признаки из родительских пространств, но обладающего собственными уникальными характеристиками [Fauconnier 2002: 249].

В монографии «Метафора в политическом интердискурсе» Э.В. Будаев иллюстрирует прием блендинга, обращаясь к работе основателей теории концептуальной интеграции, ср.: «М.Тернер и Ж. Фоконье демонстрируют практическое применение такого подхода на примере некогда популярной в Вашингтоне политической метафоры: «Если бы Клинтон был Титаником, то утонул бы айсберг». В рассматриваемом бленде осуществляется концептуальная интеграция двух исходных ментальных пространств, в котором президент соотносится с кораблем, а скандал с айсбергом. Бленд заимствует фреймовую структуру как из фрейма «Титаник» (присутствует путешествие на корабле, имеющем пункт назначения, и столкновение с чем-то огромным в воде), так и каузальную и событийную структуру из известного сценария «Клинтон» (Клинтон уцелел, а не потерпел крушение). В рассматриваемом примере общее пространство включает один объект, вовлеченный в деятельность и побуждаемый к ней определенной целью, который сталкивается с другим объектом, представляющим огромную опасность для деятельности первого объекта. Очевидно, что в общем пространстве результат этого столкновения не предопределен. Междоменная проекция носит метафорический характер, однако смешанное пространство обладает каузально-событийной структурой, не выводимой из фрейма источника. Если метафорические инференции выводятся только из ментального пространства-источника, то Клинтон должен потерять президентский пост. Полученные инференции не выводятся и из пространства-цели. В бленде появляется новая структура: Титаник все-таки не потопляем, а айсберг может утонуть. Эта «невозможная» структура не доступна из исходных пространств, она кон-

струируется в бленде и привносит совершенно новые, но понятные инференции» [Будаев 2006б: 52].

Э.В. Будаев также отмечает, что «в теории блендинга процесс концептуальной интеграции проходит в три этапа: композиция (composition), оформление (completion) и разработка (elaboration) [Grady et al. 1999: 106]. На этапе композиции содержание исходных пространств проецируется в смешанное пространство. При оформлении смешанное пространство воспринимается как долгосрочная единая концептуальная структура, которая может бесконечно видоизменяться и разрабатываться на завершающем этапе» [Будаев 2006б: 52].

Исследователи подчеркивают, что блендинг понимается довольно широко и не ограничивается изучением только метафоризации; блендинг – «когнитивный механизм, охватывающий многие (возможно, все) когнитивные феномены, включая категоризацию, построение гипотез, инференцию, происхождение и комбинирование грамматических конструкций, аналогию, метафору и нарратив» [Fauconnier, Turner 1994: 3-4]. Отмечая тотальную значимость блендинга в когнитивных процессах, Э.В. Будаев уточняет: «...в теории блендинга метафора занимает место только одного из когнитивных механизмов, точнее является разновидностью всеобщего механизма концептуальной интеграции» [Будаев 2007: 53]. Исследователь также подчеркивает, что при осмыслении двух теорий: теории концептуальной метафоры и теории интегральных пространств – вряд ли следует говорить о значимых разногласиях на теоретическом уровне, так как оба подхода «объединены общим взглядом на онтологический статус и эпистемологическую роль метафоры». Э.В. Будаев утверждает, что теория блендинга, с одной стороны, дополняет теорию концептуальной метафоры, с другой стороны, имеет собственное проблемное поле. Исследователь также подчеркивает сложность изучения блендинга на объемном материале в силу уникальности задействованных концептуальных интеграционных сетей в каждом конкретном случае. В этом смысле блендинг как сложный когнитивный процесс человеческого сознания нуждается в дальнейшем исследовании.

Востребованным в современной лингвистике является **метод когнитивно-пропозиционального анализа**. Метод берет начало в логическом направлении языкознания [см. об этом подробнее: Frege 1952], затем проецируется на собственно лингвистический материал [Арутюнова 1991; Залевская 1985; Караулов 1987; Кубрякова 1998; Павиленис 1983, 1986; Панкрац 1992; Филлмор 1981; Чейф 1983 и др.].

Пропозиция является одной из форм репрезентации мира и отношений объектов реальной действительности в сознании человека и

представляет собой структуру, которая отражает отношения, характеризующие объекты и события. Сущность пропозициональной структуры кратко охарактеризовал А.С. Кравец: «Пропозиция является элементарным высказыванием, связывающим имя номинации с предикатом... Субъект высказывания (подлежащее) намечает тему мыслительного акта, тогда как доминанты смысла (то, что хотим сказать о субъекте) разворачивается в предикации. Лишь соединение субъекта с соответствующим предикатом образует законченную мысль, т.е. предложение» [Кравец 2001: 21].

Некоторые ученые считают предикацию главной функцией языка и подчеркивают первостепенную значимость пропозициональных моделей в процессах получения и хранения информации о мире [Anderson, Bower 1973; Norman, Rumelhart 1975], другие указывают на их определенное место среди других форм хранения знания, например, образных и гештальтных [Paivio 1971, 1990; Залевская 1985].

Т.А. ван Дейк и В. Кинч отмечают значимость пропозициональной стратегии как одной из стратегий понимания любого высказывания или текста: «...распознавание слов основывается на лежащей в основе семантической интерпретации, порождающей ожидания о возможных значениях и, следовательно, возможных классах слов и общей синтаксической структуре предложения» [Дейк, Кинч 1988: 166 – 167]. «Так, существительному или местоимению, – поясняют авторы – ... в функции грамматического подлежащего, обозначающему лицо, стратегически приписывается в пропозициональной схеме позиция агенса, даже до завершения анализа остальной части предложения» [Дейк, Кинч 1988: 167].

Метод когнитивно-пропозиционального анализа в современной лингвистике используется при описании естественного и поэтического языка. Так, Л.Г. Бабенко посредством выстраивания и анализа пропозициональных моделей рассматривает концептуальное пространство художественного текста. Исследователь использует теорию пропозиции при анализе концепта *жизнь* в поэзии А.П. Пушкина и концепта *счастье* в рассказах Н. Тэффи [Бабенко 2004: 102–154]. Л.Г. Бабенко предлагает начинать анализ когнитивно-пропозициональных структур текста с изучения контекстов, содержащих предикатные слова одной семантической области, имеющие в тексте концептуальную значимость. Чаще такими предикатными словами, по мнению исследователя, являются глаголы, прилагательные, наречия, а также существительные с предикатной семантикой. Например, рассматривая концепт *жизнь* в творчестве А.С. Пушкина, Л.Г. Бабенко обобщает регулярные лексические репрезентации всех возможных вариаций субъекта *жизни* (ср.: *я, ты, мы, поэт, священник, Сократ, парнасские жрецы, гусары,*

Гораций, душа, вечная любовь и т.д.) и всех возможных реализаций сопряженных предикатов (ср.: *Я жить хочу...*, *Я жить люблю...* и т.д.). Далее анализируются все употребляемые атрибутивные и предикатные позиции при имени *жизнь* (ср.: *жить мирно, дружно, согласно, благополучно, в любви; жить мало; жить в кругу чужих...*; *жить ...для жизни...*; *жить, чтоб мыслить и страдать*). Пропозициональная структура в данном случае, по мнению ученого, состоит из следующих позиций: субъект – предикат жизни – образ жизни и ее характеристика – цель жизни – временные параметры жизни.

Следующим этапом исследователь предлагает проанализировать образные репрезентанты концепта *жизнь*, отмечая такие метафорические реализации: *жизнь – природная стихия (водная стихия, огонь, погода)*, *жизнь – пространство (пустыня, даль, могила, поле)*; *жизнь – дар*; *жизнь – текст*; *жизнь – живое существо, способное перемещаться, обмануть, играть или с которым можно играть*; *жизнь – сон*; *жизнь – предмет (предмет, имеющий цену, форму, вкус; предмет, которым можно играть; предмет, который можно спрятать)*; *жизнь – цветок*; *жизнь – дорога*.

Заключительный этап исследования предполагает выявление отношения лирического субъекта к жизни сквозь призму таких оппозиций: желанность – нежеланность, приятие – неприятие, любовь – не-любовь, отвращение – восхищение и т.д.

Все отмеченные компоненты Л.Г. Бабенко распределяет по уровням концептуального поля, ядром которого является обобщенная когнитивно-пропозициональная структура. Приядерная зона включает все номинации субъекта и предиката, т.е. когнитивно-пропозициональной структуры; ближайшая периферия поля состоит из образных номинаций концепта; дальнейшая периферия включает субъективно-модальные смыслы концепта. Л.Г. Бабенко подчеркивает обязательный индивидуальный, уникальный характер содержания данного поля, поэтому в произведениях других авторов оно может быть структурировано иначе [Бабенко 2004: 138 – 154].

Изучение концептов посредством описания когнитивно-пропозициональной структуры актуально также при анализе естественного языка. И.К. Миронова в диссертационной работе «Концепт *еда* в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозициональные структуры и их лексические репрезентации» предприняла успешную попытку проанализировать названный феномен на лексикографическом материале [Миронова 2002].

Теория пропозициональных моделей является методологической основой лексикографической работы. Коллективом авторов

(Л.Г. Бабенко, Т.М. Воронина, Ю.В. Казарин, М.Л. Кусова, М.Ю. Мухин, А.М. Плотникова, Е.И. Плотникова, С.В. Плотникова, Т.В. Попова, Т.Н. Сивкова, Д.Р. Шарафутдинов) составлен экспериментальный синтаксический словарь «Русские глагольные предложения» [Экспериментальный синтаксический словарь 2002], в котором систематизированы семантические модели русских глагольных предложений, отражающие все типовые ситуации процессуально-событийного мира. При этом основными единицами описания в словаре являются базовые семантические модели, отображающие определенную типовую ситуацию, и её лексико-семантические варианты. Так, по данным словаря, группа «Предложения, отображающие ситуацию однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов» реализует базовую пропозициональную модель: СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ ОДНОНАПРАВЛЕННОГО ДВИЖЕНИЯ – ИСХОДНЫЙ ПУНКТ – КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ, где предикатами являются следующие единицы: *двигаться, опускаться, передвигаться, перемещаться, подниматься, следовать, спускаться, трогаться*. Типовая семантика предложений, реализующих данную модель, такова: «Человек, группа лиц, живое существо (животное, птица, рыба, насекомое), транспортное средство, предмет движется в каком-либо направлении от одного пункта к другому пункту самостоятельно или под действием какой-либо силы по твердой поверхности, в воздушной или водной среде горизонтально или вертикально» [Экспериментальный синтаксический словарь 2002]. Следует заметить, что предпринятый в словаре подход структурно-семантического описания глагольных предложений в русском языке успешно сочетает метод когнитивно-пропозиционального структурирования с методом прототипического анализа, направленного на выявление типовой (прототипической) семантики, соответствующей определенной модели глагольного предложения.

Метод матричного анализа лингвокогнитивных структур. Данный метод анализа предложил и применил на практическом материале со своими последователями Н.Н. Болдырев [Болдырев 2008; Болдырев, Алпатов 2008, Болдырев, Куликов 2006; Шелховская 2009 и др.]. Под когнитивной матрицей исследователь понимает «систему взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта» [Болдырев 2014а: 58], а под когнитивным контекстом – «структуры знаний, лежащие в основе формирования и интерпретации языковых значений» [Болдырев 2014б: 119] (о специфике формирования понятия когнитивного контекста в зарубежной и отечественной лингвистике см. также [Сазонова, электронный ресурс]). Когнитивная матрица способна охватить все много- и разнообразие репрезентаций

концептов, актуальных в разных сферах человеческой деятельности. Автор данного метода приводит примеры: «понятие УПРАВЛЯЮЩИЙ МЕХАНИЗМ в области корабельного дела именуется термином *штурвал*, в области автомобильного дела – термином *руль*, в технике – *пульт*, в компьютерной сфере – *джойстик*, в сфере общественного и экономического управления – *рычаг* и т.п. ...Одно и то же вещество в быту мы называем солью, в профессиональной сфере – хлоридом натрия...» [Болдырев 2014а]. Процесс осмысления конкретного смыслового элемента в разных когнитивных контекстах и вариативность вербальных репрезентаций одного ментального феномена в зависимости от когнитивного контекста определяют специфику матричного анализа.

Н.Н. Болдырев подчеркивает, что в основе теории матричного анализа лежат научные концепции о т.н. «матрицах доменов» (или концептуальных областях), которые разрабатывали Л. Ленекер [Langacker 1987: 154], У. Крофт и Д.А. Круз [Croft, Cruse 2004], В. Иванс и М. Грин [Evans, Green 2006] и др. Однако автор отечественной концепции отмечает целый ряд отличительных особенностей когнитивной матрицы от образных схем, фреймов, концептуальных полей и им подобных феноменов, описываемых зарубежными исследователями: отсутствие иерархии компонентов в структуре когнитивной матрицы; сложный и интегративный характер компонентов, обусловленный пересечением когнитивных контекстов; варьирование содержания матрицы в пределах от обыденного до экспертного знания; наличие как общих, так и частных вариантов когнитивной матрицы [Болдырев 2014а: 57 – 67].

Развитие теории когнитивно-матричного анализа осуществляется главным образом в аспекте изучения основных лингвокогнитивных механизмов реализации смысла на функциональном уровне. К таким механизмам формирования и репрезентации смыслов относятся профилирование, фокусирование, конкретизация, перспективизация, шкалирование, а также инференция, эвфемизация, концептуальная деривация, концептуальная интеграция, концептуальная метафора и метонимия и др. [Болдырев 2011; Болдырев 2014а: 101 – 103; Фурс, Назарова 2008; Дзюба К.А. 2014 и др.].

Метод концептуального анализа. Данный метод описания лингвоментальных феноменов является, пожалуй, одним из самых разработанных в отечественной лингвистике.

Р.М. Фрумкина в общетеоретической работе по вопросам лингвоконцептологии определила, что «заниматься концептуальным анализом синонимично анализировать концепт» [Фрумкина 1992б: 3]. Концепт, как отмечает Е.С. Кубрякова, отражает представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отра-

жают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких *квантов* знания...» [КСКТ 1996: 90].

За несколько десятилетий активного развития лингвоконцептологии накопился значительный опыт в области изучения концептов в самых разных аспектах, что объясняет существующее многообразие методик концептуального анализа. Как отмечает М.В. Зацепина, выбор методик описания смысловой структуры концепта остается во многом субъективным и «определяется содержанием, которое вкладывает автор работы в термин концепт, материалом исследования, типом изучаемого концепта» [Зацепина 2006: 24]. В настоящее время наиболее актуальными направлениями лингвоконцептологии являются лингвокультурологическое и когнитивное (в т.ч. когнитивно-семантическое и когнитивно-дискурсивное).

Главным отличием этих двух подходов является признание или непризнание первостепенного значения ценностной (культурно значимой) составляющей концепта, обусловленной спецификой той или иной лингвокультуры. Сугубо как факт культуры концепт рассматривают С.Г. Воркачев [Воркачев 2001, 2004, 2009 и др.], В.И. Карасик [Карасик 1996; Карасик, Слышкин 2001 и др.], Н.А. Красавский [Красавский 2008], В.А. Маслова [Маслова 2004], Ю.С. Степанов [Степанов 1997]; описание концептов через систему существующих в национальной культуре кодов предлагает М.В. Пименова [Пименова 2006а; 2006б; 2007], Т.В. Леонтьева [Леонтьева 2003], Н.М. Сергеева [Сергеева 2004] и др.

Изучение репрезентации концептуальных структур на уровне лексики (семантики) и/или грамматики языка ставят во главу угла Л.В. Бабина [Бабина 2009], Н.А. Беседина [2009], Н.Н. Болдырев [Болдырев 2014а], В.Б. Гольдберг [Гольдберг 2009], Е.С. Кубрякова [Кубрякова 2004], З.Д. Попова и И.А. Стернин [Попова, Стернин 2006], Л.А. Фурс [Фурс 2009], А.С. Щербак [Щербак 2009] и мн. др.

Осмысля различия когнитивно-семантического и лингвокультурологического подходов к изучению концептов, В.И. Карасик подчеркнул, что когнитологов интересуют общие процессы сохранения и структурирования в индивидуальном сознании информации о мире и самом себе в виде определенных структур представления знаний и оценок. При этом акцент делается на переработке информации от сенсорных сигналов до ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т.п.) в сознании человека. Лингвокультурологов интересуют только те концепты, которые характеризуют специфику культуры как совокупности человеческих до-

стижений во всех сферах человеческой жизни. По мысли исследователя, «когнитивные концепты – это индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность. Культурные концепты – это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры» [Карасик 2005: 96].

В одной из своих работ В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин подчеркивают: «Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, выделяемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип), акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит ценностный принцип» [Карасик, Слышкин 2001: 77]. Ученые приводят пример с выделяемыми исследователями-когнитивистами З.Д. Поповой и И.А. Стерниним концептами, обозначающими специалистов по разведению воробьев, носорогов, крыс и т.д., для которых нет языкового обозначения (ср. нет таких лексем: *носороговод* или *крысовод*). Когнитивисты делают вывод, что не все концепты имеют прямые номинации, лингвокультурологи же вовсе будут отрицать наличие таких концептов. В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин пишут: «Для лингвокультурологии концепты *носороговод* и *крысовод* не существуют, но не потому, что для них нет языкового обозначения, а потому, что в сознании носителей языка нет ценностного отношения к подобным феноменам» [Карасик, Слышкин 2001: 77].

Приведем еще один пример, который позволяет разграничить два подхода к интерпретации термина *концепт*. Так, выражение *Любовь не картошка – не выбросишь за окошко* выражает семантический компонент ‘глубина чувства’, выражение *Любовь зла – полюбишь и козла* актуализирует концептуальный смысл ‘неподвластность, неуправляемость чувства’ и т.д. Совокупность подобных признаков в рамках одной лингвокультуры и концептосферы одного языка позволяет говорить о **лингвокультурном концепте** как о сложном ментальном образовании, обладающим высокой языковой плотностью (многообразием и разнообразием лингвистических средств репрезентации концепта), несущем историческую память народа-носителя конкретного языка о данном феномене и имеющем культурологическую (в первую очередь – ценностную) значимость. Однако в конкретном речевом акте человеческое сознание не может оперировать сложно-структурированными единицами. В каждом коммуникативном акте реализуется конкретный смысл концепта, что позволяет говорить о нем *как о единице оперативного мышления*, т.е.

как о когнитивной единице, которая соотносится с фрагментом знания человека о мире вообще и которая не всегда обладает культурной ценностью. В этом видится различие двух подходов к рассмотрению концепта: лингвокультурологического и когнитивного.

Нередко концепт становится объектом когнитивно-дискурсивного анализа. Концепты политического дискурса изучались Л.В. Балашовой [Балашова 2010], В.И. Карасиком [Карасик 2010], И.П. Рябковой [Рябкова 2011а; 2011б; 2014], Л.Н. Синельниковой [Синельникова 2010], Т.Д. Фоминой [Фомина 2006], Е.И. Шейгал [Шейгал 2000] и мн. др. Концепты педагогического дискурса стали предметом диссертационных исследований Е.Г. Кабаченко [Кабаченко 2007], Ю.Ю. Поспеловой [Поспелова 2009], Н.В. Гавриловой [Гаврилова 2007], И.А. Караваевой [Караваева 2007], Е.Н. Заречневой [Заречнева 2009] и др.

Метод полевой стратификации содержания когнитивных феноменов. Данный метод вряд ли можно назвать собственно когнитивным, скорее это общелингвистический метод, который, однако, оказывается весьма востребованным при наглядном представлении содержательного наполнения лингвокогнитивных единиц (концептов и категорий). Теоретическое обоснование метода полевой стратификации получил в работах Й. Трира [Trier 1931, 1932] и Г. Ипсена [Ipsen 1924; 1932], после чего он широко стал использоваться при описании лексики (см. работы Ф. Дорнзайфа [Dornseiff 1934], Р. Халлига и В. фон Вартбурга [Hallig, Wartburg 1952]), морфосемантики [Guiraud 1955], синтагматики [Porzig 1986], грамматики [Гухман 1961] и т.д. В настоящее время этот метод широко применяется для систематизации данных о единицах всех уровней языка [Абрамян 2009; Бондарко 1987; 2002; 2003; 2004; Павлов 1996, 1998, 2001; Уфимцева 1961, 1962; Шафиков 1999; Щур 1974 и др.].

Востребованность метода полевой стратификации в когнитивной лингвистике объясняется тем, что при таком подходе элементы лингвокогнитивных структур рассматриваются не как «ящички» с четкими границами, а как структуры с диффузными переходами между разными уровнями внутренней организации поля [см. об этом подробнее: Daneš 1966]; при этом крайняя граница также не является четко очерченной, что позволяет отобразить интегрированный характер сосуществующих и взаимодействующих феноменов. Так, большинство отечественных ученых, признавая условность данного положения, говорят о полевой организации концептов, в структуре которого выделяются единицы разных уровней, при этом границы этой структуры весьма расплывчаты (см. об этом: Л.Г. Бабенко [Бабенко 2004], Е.В. Дзюба [Дзюба 2014а, 2014б; 2015а, 2015б, 2015в; 2016а, 2016б, 2016в],

В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин [Карасик, Слышкин 2001], И.А. Стернин [Попова, Стернин 2001; 2006], Н.К. Рябцева [Рябцева 1991], Л.О. Бутакова [Бутакова 2005], М.В. Зацепина [Зацепина 2006] и др.).

В виде поля с размытыми границами между уровнями внутренней структуры целесообразно рассматривать разные лингвокогнитивные феномены, которые включают набор когнитивных признаков, располагающихся по степени значимости и смысловой оформленности от центра к периферии. Поле, таким образом, имеет ядерную и приядерную зоны, уровень ближайшей, дальнейшей и крайней периферии. При этом основные (общие, универсальные, наиболее частотные, прототипические и т.п.) когнитивные признаки находятся в центре и составляют ядро; второстепенные (дополнительные, интерпретационные: этно-, социо-, идиоспецифичные, наименее частотные и т.п.) признаки располагаются на периферии. Важно заметить, что полевая структура, изображаемая обычно в плоскости и представленная во многих исследованиях в виде круга, – понятие весьма условное, в действительности структура концепта – это скорее сфера ментальных смыслов, вряд ли имеющая четкие границы. Тем не менее, такое графическое изображение смысловой структуры концепта удобно для представления и ранжирования когнитивных признаков, формирующихся как единицы разных уровней ментального обобщения.

Итак, когнитивная лингвистика за несколько десятилетий своего существования выработала значительное число разнообразных методов анализа лингвокогнитивных феноменов, которые, однако, существуют не изолированно относительно друг от друга. Чаще лингвокогнитивные разработки в отношении методов исследования носят интегрированный характер, где методы переплетаются и дополняют друг друга. Более того, список методов когнитивной лингвистики активно пополняется, в первую очередь за счет развития компьютерных технологий и корпусной лингвистики и т.д. Так, исследователи выделяют **вычислительные методы** (методы анализа рекуррентности концептов в той или иной национальной лингвокультуре) [Кресин 2015, Тимофеева 2010], методы корпусного анализа [Голубкова 2015; Заботкина 2015; Заячковская 2015; Коннова 2015; Котов 2015; Миттелберг и др. 2007; Позднякова, Суворина 2015 и др.].

Особое место в разработке методов корпусного изучения когнитивной семантики занимают исследования, которые были обобщены в монографии «Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / Под общ. ред. В. И. Заботкиной — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 344 с. — (Studia philologica)». Авторами настоящей монографии поставлена и решена проблема раз-

работки общей методологии когнитивного анализа семантики слова на основе компьютерно-корпусных методов исследования. Основные результаты работы коллектива состоят, прежде всего, в преодолении фрагментарности применения корпусных методов для анализа семантики слова с когнитивных позиций, а также в создании новых или усовершенствовании существующих методов в области когнитивной семантики. Важно отметить, что впервые корпуса английского и русского языков (НКРЯ, BNC и др.) были системно использованы авторами с целью моделирования когнитивных структур и когнитивных процессов. Данные исследования внесли вклад в развитие методов фреймового анализа, пропозиционального анализа, анализа qualia-структур, метода концептуального моделирования, метода анализа лексического ядра группы слов с опорой на корпусные данные, метод концептуального прайминга. Авторами были предложены новые методы, основанные на данных, представляемых корпусами: метод анализа структуры ментального лексикона с помощью компьютерных программ, построенных на корпусных данных; метод построения лексических профилей слова; были представлены методы, позволяющие создавать мультимодальные корпуса.

Обобщение. В распоряжении современной лингвокогнитологии находится внушительный массив научных методов: от общефилософских, разработанных в античные времена, до самых современных, реализуемых с использованием компьютерно-информационных технологий.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

Задание 1. С опорой на предложенный в теоретической части материал перечислите основные методы анализа лингвокогнитивных феноменов. Определите специфику каждого из методов, назовите имена ученых, развивающих ту или иную методологию.

Задание 2. Прочитайте фрагменты научных статей. В каждом случае определите объект и предмет исследования, а также использованную автором методику анализа, свой ответ аргументируйте.

1. Согласно Джорджу Лакоффу (Lakoff 1973) (который основывает свои утверждения на исследованиях Рош), мяч и кукла находятся в числе «центральных членов» категории 'игрушка', подобно тому как малиновка и воробей – в числе «центральных членов» категории 'птица'. Качели и коньки являются «периферийными членами» категории «игрушка», подобно тому, как куры и утки – «периферийные члены» категории 'птица'. Следовательно, как нельзя сказать, являются ли куры, утки (и летучие мыши) птицами или не-птицами, точно так же нельзя сказать, являются ли качели и коньки игрушками или не-игрушками. Можно сказать только, что они являются игрушками в некоторой степени (меньшей, чем мячи и куклы). Однако аналогия между птицей и иг-

рушкой столь же ложна, сколь и аналогия между птицей и мебелью. В то время как птица – это таксономическое понятие, которое соотносится с особым ВИДОМ объектов, игрушка является таксономическим понятием не в большой мере, чем мебель. Это чисто функциональное понятие, которое соотносится с объектами ЛЮБОГО ВИДА, изготовленными для детских игр. Нельзя нарисовать игрушку вообще, как нельзя нарисовать мебель вообще. Категория 'игрушка' является 'размытой' – потому что, в силу своей семантической структуры (совершенно отличной от семантической структуры категории 'птица'), она непригодна для идентификации отдельных ТИПОВ объектов. Можно показать, что такие слова, как воробей, цыпленок или страус содержат в своем значении компонент 'игрушка'. Из можно считать «центральными членами» категории 'игрушка', однако это совершенно не существенно с точки зрения их семантической структуры. И было бы совершенно неоправданно начинать толкование слов мяч или кукла с выражения 'вид игрушек'. Огромное количество мячей используется в разных видах спорта (резби, футбол, крикет и т. д.) отнюдь не в качестве 'игрушек', и огромное количество кукол (к примеру, фарфоровые статуэтки на каминной полке) не считаются игрушками. Что бы мы ни обнаружили в структуре чисто функциональных понятий типа 'игрушка' (или 'транспортное средство', или 'оружие' или 'инструмент'), это не может быть перенесено на таксономические категории типа 'птица', 'цветок' или 'дерево'. Семантические отношения между воробьем или птицей совершенно отличны от семантических отношений между мячом и игрушкой (А. Вежбицка. Прототипы и инварианты // Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – С. 201 – 231. <http://philology.ru/linguistics1/wierzbicka-96a.htm>).

2. Как показал анализ, наиболее активно метафоры с исходной сферой «Театр» использовались Юлией Тимошенко в 2010 – 2011 гг., в период судебного разбирательства по «газовому делу», в рамках которого ей инкриминировали превышение должностных полномочий и нанесение ущерба в размере 1,5 миллиарда гривен. Судебные заседания в многочисленных комментариях Юлии Тимошенко по данному поводу регулярно описывались как некое зрелище, представление различных видов и жанров, тем самым создавался образ казачного, постановочного процесса, разворачивающегося по уже заранее известному сценарию. Следует отметить не только частотность, но и детальную структурированность театральной метафорической модели, ее высокую эмоциональную нагруженность в текстах данного временного периода...

Фрейм «Вид зрелища и жанр представления». В выступлениях и текстах Юлия Тимошенко регулярно интерпретирует свой судебный процесс как казачное политическое зрелище, имеющее весьма сомнительный характер: Зато действующая власть предлагает сомнительные политические зрелища, показательные судилища, перемывание грязного белья, инспирированные идеологические конфликты (24.08. 2011), детально характеризует это представление в жанрово-видовом отношении. **1. Слот «Вид зрелища».** Судебный процесс над Ю. Тимошенко описывается как представления различных видов, спектакль, цирк, шоу: Прокуроры ... не реагируют ни на какие незаконные действия судьи. Это говорит о том, что все это – спектакль (24.06.2011); Не превращайте суд в цирк... (27.07.2011); Текст обвинительного заключения не содержит описания событий преступления и соответствующих доказательств. Прокурор должен был отказаться от обвинения на данной стадии судебного разбирательства. Несмотря на отсутствие состава преступления, он продолжает это судебное шоу (27.07.2011); Суд начал повторно читать фальшивое обвинительное заключение с трансляцией в Мезжгорье. Повторяют шоу „на бис“ для одного зрителя – Януковича (22.07. 2011)... (О.Н. Кондратьева, К.А. Ковалева. Судебный процесс над Юлией Тимошенко в зеркале театральной метафоры // Политическая лингвистика – 2015. - № 1 (51). – С. 115 – 119).

3. Примером пропозициональной схемы, структурирующей представления о гендере в патриархальной культуре, может служить известная оппозиция мужчина – субъект, женщина – объект, которая проявляется в языке в виде предпочтительной ассо-

циации мужчин с функцией субъекта, а женщин – с позицией объекта. Данная пропозициональная схема характеризует, например, смеховые тексты русской культуры (анекдоты), где “женщина часто выступает как дополнительный по отношению к мужчине объект, не нуждающийся в добавочной идентификации (чучка говорит жене, “новый русский” сидит с девушкой в ресторане и т.д.)” (Е.С. Гриценко. Пропозициональные модели как способ структурирования знаний о гендере // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 2. – С. 45 – 52).

4. ...В концептуальной «формуле любви» как межличностного чувства более или менее четко выделяются такие семантические блоки, связанные отношениями производности, как: 1) дезидеративный, диахронически исходный, включающий желание получить объект в свою личную сферу и желание сохранить его в ней; 2) каритативный, производный от желания сохранить и уберечь объект; 3) оценочно-аксиологический, индуцируемый влечением к объекту любви как к благу, ценности; 4) оценочно-гносеологический, отрывающий к интересу, любопытству – теоретической оценке предмета любви, 5) аффективный, производный от всех предшествующих, включающий все виды эмоциональных проявлений, сопровождающих любовное влечение (С.Г. Воркачев, Е.А. Воркачева. Лингвокультурный концепт «Любовь»: значимостная составляющая // Научные труды КубГТУ. – 2016. - № 4).

5. В языках, где показатель классности отсутствует или стерт (в частности, в английском), выявление именных криптоклассов начинается с контекстного анализа эталонов.

Эталоны. В качестве эталонов класса выступают имена материальных объектов природного происхождения и артефактов, ассоциирующихся в англоязычном сознании с удлиненной, стабильной, остроконечной формой, например: *stick* (палка, посох), *needle* (иголка, игла), *rod* (ветка, побег, прут, шест, стержень, жезл), *prickle* (шип, коготь), *arrow* (стрела) и т.п. Примечательно, английская лексема *stick* (палка) восходит к общегерманскому корню *stakkan* ‘колоть, пронзать, воткнуть’. Таким образом, эталон длинно-тонкой стабильной формы, которым является палка (*OE stacca*), по сути, есть не что иное, как то, что можно воткнуть, то, чем можно колоть или пронзать, т.е. остроконечное. По всей видимости, здесь мы наблюдаем некий семантический сплав стабильной удлиненной формы и остроконечности, т.е. длинно-острую форму. Признаковые слова, связанные с основными свойствами таких объектов, также можно расценивать как эталоны функционирования формы, например: *to penetrate* (проникать), *to puncture* (прокалывать), *to stick* (воткнуть, зафиксировать, торчать). Отметим, что для целей криптоклассного исследования не принципиальна полнота списков эталонов. Достаточно отобразить наиболее релевантные и частотные и изучить их левое и правое окружение при варьировании параметров контекстного окна в электронном корпусе. Практически все тридцать шесть эталонов имен нашего исследования – это односложные слова с развитой полисемией, что является показателем «возраста» слова, а возраст слова можно считать своего рода «гарантом» употребимости (коммуникативной востребованности) эталона (С.С. Борискина. Классифицирующие структуры в криптоклассном исследовании // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2010. – № 2. – С. 28 – 33).

6. Говоря об оценочных категориях, необходимо различать два существенно разных понятия и два типа категорий, репрезентирующих разные типы знания: оценочное знание о языковых объектах внешнего мира – собственно оценочные категории, и знание о единицах языка, выполняющих определенную оценочную функцию – категории оценочных слов. Собственно оценочные категории формируются в сознании человека на основе языка (задаются семантикой конкретного слова, которое служит названием данной категории) и объединяют любые объекты окружающего мира по типу и характеру их оценки. Категории оценочных слов объединяют языковые единицы по сходству их оценочной (интерпретирующей) функции, заложенной в их семантике и/или реализующейся в определенном контексте, т.е. задаются конкретной оценочно-языковой

функцией. В первом случае мы, например, говорим о хороших или плохих вещах, о полезных или бесполезных предметах, о том, что нам нравится или не нравится в окружающем нас мире: хорошие/плохие книги; умные/глупые люди; приятные/неприятные поступки и т.п. Во втором – речь идет о всей совокупности языковых единиц, используемых для оценки предметов и явлений соответствующей тематической области, например, слова, характеризующие положительно или отрицательно внешний вид или поступки человека: хороший / плохой, приятный / противный, красивый / безобразный, опрятный / неряшливый, привлекательный / отталкивающий и т.д. Формирование оценочных категорий происходит на основе соответствующей (задаваемой названием категории) интерпретации характеристик объекта. Категории оценочных слов формируются в результате интерпретации семантических и функциональных характеристик слов. В этом заключается принципиальное отличие двух типов категорий, которое проявляется в их структуре и содержании, а также в самих принципах их образования (Н.Н. Болдырев. Исследование оценочных смыслов в контексте познавательных процессов // Язык. Текст. Дискурс. 2010. № 8. С. 24-37).

7. При когнитивно-матричном анализе языкового материала первостепенным является выделение и описание компонентов когнитивной матрицы. На основе изучения словарных толкований понятия «христианство», как то диктует объект исследования, и языковых фактов можно выделить три основных взаимосвязанных контекста осмысления географического места в рамках общей концептуальной области ХРИСТИАНСТВО, а именно: СВЯТЫНЯ, ЦЕРКОВЬ, БИБЛИЯ. Второй этап связан с выделением тех характеристик концепта 'место', которые обуславливают возможные способы осмысления географического объекта. Такими характеристиками, как показывают результаты концептуального анализа, являются: ПРОСТРАНСТВО, ВМЕСТИЛИЩЕ, ПРЕДМЕТ, ЧАСТЬ, КАЧЕСТВО, ГРАНИЦА, СОБЫТИЕ, ОРИЕНТИР, ОБИТАТЕЛЬ, ВЛАДЕЛЕЦ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ, ПРЕДНАЗНАЧЕННОСТЬ. Этот перечень не является однородным и включает способы осмысления географического объекта ('место' может осмысляться как ПРОСТРАНСТВО, ВМЕСТИЛИЩЕ, ОРИЕНТИР, ПРЕДМЕТ, ЧАСТЬ) и собственно его характеристики: 'место' имеет КАЧЕСТВО, ГРАНИЦУ, ОБИТАТЕЛЯ, ВЛАДЕЛЬЦА, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ, ПРЕДНАЗНАЧЕННОСТЬ, связано с СОБЫТИЕМ. Различное осмысление выделенных характеристик концепта 'место' в рамках соответствующего когнитивного контекста общей концептуальной области ХРИСТИАНСТВО при топонимической номинации обуславливает многообразие типов английских христианских топонимов. Это определяет и дальнейший ход исследования при избранном виде когнитивного анализа, который состоит в последовательном рассмотрении ядра матрицы – в нашем случае концепта 'место' с его характеристиками – в каждой компонентной области (Н.Н. Болдырев. В.В. Алпатов. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № (017). – 5 – 14).

8. В блюде «смешиваются» концептуальные компоненты исходных пространств, в результате чего образуется качественно новая концептуальная структура. Общее пространство содержит наиболее абстрактные элементы, присущие обоим исходным пространствам, т.е. выступает основанием метафоризации на самом абстрактном уровне. Визуальная метафора формируется посредством «сплавления» образов из двух ментальных пространств в едином образе, который представляет собой не существующий в действительности феномен. В качестве примера можно привести рекламное изображение столатологических материалов (Рис. 3. Метафорический блендинг).

Рис. 3

В данной рекламе актуализирована метафора зубные протезы – это гаечный ключ, при этом в одном образе совмещены визуализированные концепты человеческих челюстей и зубов, с одной стороны, и гаечного ключа, с другой. Визуальная метафора актуализирует знание о прочности инструмента для захвата и работы с металлическими объектами при концептуализации зубных протезов.

В отличие от сопоставления, при котором концепты визуализированы и соположены друг другу, и замещения, при котором визуализирован концепт только одной концептуальной сферы, при блендинге происходит «сплавление» концептов обоих пространств, ведущее к созданию нового визуализированного концепта (бленд) (Э.В. Будаев Когнитивная метафора в рекламе: сопоставление, замещение, блендинг // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2015. № 13. С. 172-180).

Задание 3. Из любого рецензируемого журнала выберите научную статью, посвященную изучению лингвокогнитивных феноменов. Определите объект и предмет, цель и задачи исследования. Укажите используемые автором методы анализа (философские, общенаучные, дисциплинарные). Расскажите о собственном исследовании (курсовой работе или ВКР), ометив используемый вами научный инструментарий.

Задание 4. Прочитайте фрагмент статьи «Зооморфные метафоры в российском политическом дискурсе». Проследите за ходом исследования. Укажите, какие основные подходы, методы и методики использовались для анализа концептуальной метафоры в публицистических текстах.

Е.В. Дзюба. Зооморфные метафоры в русскоязычном политическом дискурсе // Русистика и современность: сборник статей. Польша: Силезский университет в Катовице, 2017. – С. 139 – 151.

...Исследование посвящено изучению концептуальной метафоры, ее миромоделирующего и манипулятивного потенциала. Исследование носит интегрированный характер и находится на стыке когнитивного и коммуникативно-риторического направлений политлингвистики. При этом специфика используемого материала (публикации в современных СМИ) предполагает широкий взгляд на политический дискурс. Объектом исследования являются зооморфные (в частности – «хищнические») метафоры в российском политдискурсе, предмет рассмотрения – воздействующий потенциал «хищнических» метафор.

...Одним из продуктивных методов описания структуры когнитивных моделей является **метод фреймового анализа**. По мнению американского ученого М. Минского, «человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ) ... с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных частей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений и процессов. Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации».

Исследуемая здесь «хищническая» метафора, представляющая субъектов политической коммуникации сквозь призму оппозиции «ХИЩНИК – ЖЕРТВА», является структурным элементом (фреймом) метафорической модели «ПОЛИТИКА – это МИР ЖИВОТНЫХ». В структуру данного фрейма включаются следующие слоты: «ХИЩНИКИ», «ПРИЗНАКИ ХИЩНИЧЕСТВА», «ЖЕРТВЫ», «АГРЕССИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ХИЩНИКА».

Субъекты политической власти в средствах массовой информации, описывающих политические события, нередко представляются в таких образах, как политические львы и тигры, волки и лисы, политики-шакалы, акулы местной политики и под.

Примеры:

1) Если следовать классической политологической теории элит, то приднестровский политический процесс может быть представлен как противоборство между «львами» и «лисами» (<https://regnum.ru/news/polit/2003584>).

2) «Дружеская» критика Януковича из уст Лукашенко 26 марта больше походила на пинание **дохлого льва**, о политической смерти которого, несмотря на «вишность», месяцем ранее заявили ЕС и США (<http://www.gezitter.org/politic>).

3) Управлять выборами поставили бывшего главу Красногвардейского района Виктора Панкевича. А обиженный Пучнин то и дело среди ночи пишет посты о том, что готов рассказать всю правду о петербургских выборах. Откровения до сих пор не были опубликованы. Однако, по слухам, в городе бывший глава Горизбиркома старается не показываться. Макаров же теперь не стесняется называть Пучнина «**мертвым шакалом**» и «бесчестным человеком» (<http://www.rosbalt.ru/piter/2016/12/30/1580263.html>).

4) «Барак Обама сам признал, что США приложили существенные силы для того, чтобы создать ИГ (запрещено в РФ). Также ЕС много сделал для того, чтобы любыми способами свергнуть режим Асада и поддерживал этих террористов. Они думали, что, воспитывая **крокодила** с целью направлять его на других, он их не укусит. Таково не бывает. Рано или поздно **крокодил** укусит своего хозяина», – заявил Алексей Журавлев (<https://news-front.info/2016/12/21>).

5) Интервенционисты вращаются вокруг Белого дома подобно **акулам**, а помогают им американские СМИ... (<https://regnum.ru/news/polit>).

6) С Трампом пора составить все акценты по местам. Удар американских ракет по Сирии – это не начало третьей мировой. И не война с Россией. На это у загнанного **кролика** Дональда, судорожно лавирующего между электоратом и бизнес-**ястребами**, не хватит пороха. Статус у него пока что не тот. Поиграться с ядерной кнопкой ему никто не даст. Не дорос. Мировая элита потому и набросилась на неожиданно возникшее перед ней президентство, что появления его никак не предполагала. Видимо, **трансатлантичные акулы** так твёрдо рассчитывали на президентство Хиллари, что несколько растерялись, увидев на месте засушенной леди эпатажного бело-рыжего Трампа с голливудскими замашками Рональда Рейгана (<https://www.novorosinform.org/articles/9034>).

7) ... А вот теперь простой и совершенно логичный вопрос к Вашингтону. Ребята, а штаны не порвутся? Широко шагаете... Политика силового диктата, даже при поддержке "всего цивилизованного человечества", ушла в прошлое. "Закидать шапками" Россию и Китай не получится. А вот получить не только военных, но другие "ответы" вполне реально. Россия дома. На своем континенте. И доставить войска к любой точке собственной границы сможет достаточно быстро. Смотрите результаты учений. И китайцы могут вдруг захотеть продать американские государственные обязательства... Восток дело темное. Может пора понять, мир стремительно меняется. Кто ещё недавно "был ничем" стал "всем". И наоборот, кстати. **Медведь** и **дракон** живут рядом. Мирно живут. Периодически встречаются. Грызутся, делают добычу. Но в целом, живут мирно. А вот если на их территорию решит заявиться ещё и **слон**, то могут и загрызть травоядного... (<https://topwar.ru/113247>).

8) Но не всё так безоблачно на политическом небосводе вечно янтарного края. Конкурент у нынешнего врио есть. Это руководитель областного отделения партии ЛДПР Евгений Мишин, возглавивший **региональных соколов** Жириновского после Александра Ветошкина (<http://39rus.org/news/policy/23914>).

9) Все путинские «авантюры» вроде стрельбы по **тигру** и поиска амфор на дне Чёрного моря инсценируются, чтобы «подтвердить его статус и сохранить место **возжака стаи**» (<https://russian.rt.com/inoty/2017-04-11>).

Использование метафорических образов хищников: львов, тигров, волков, шакалов, крокодилов, соколов, акул и др. – позволяет актуализировать семантику охоты с ее смысловыми компонентами 'преследование', 'добыча', 'убийство', 'уничтожение' и под., ср.: «ХИЩНИК, животное, которое получает пищу, охотясь и убивая добычу»; «**Охотиться** – заниматься поисками, выслеживанием зверя, птицы с целью убить или поймать» (Научно-технический энциклопедический словарь. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ntes/>).

Сравнение политиков с хищниками подчеркивает идею агрессивного поведения людей, стремящихся к власти или ее имеющих, их стремления получить или удержать власть любой ценой. Спецификой такой стратегии поведения политиков является то, что политики-хищники проявляют агрессию в борьбе за власть как по отношению к себе подобным, так и по отношению к своим жертвам – избирателям.

Второй смысловой компонент (слот) рассматриваемого фрейма – «ПРИЗНАКИ ХИЩНИЧЕСТВА». Очевидно, что хищник, добывающий пищу посредством охоты, обладает особыми чертами, чертами агрессивного поведения. Хищники обычно имеют сильные лапы, острые зубы и когти, отличаются быстротой реакции и передвижения (особенно хищники-преследователи), им свойственна хитрость и изворотливость, выдержка (касается хищников-засадников) и т.д. Очевидно, что сравнение политиков с хищниками позволяет авторам высказываний переносить агрессивные свойства хищников-животных на хищников-политиков.

Примеры:

1) Львы и в природе, и в политике редко отрываются от реальности и занимаются самолюбованием. **Льсы, несмотря на хитрость, не могут достигать своих целей, если у них нет зубов и когтей** (<https://regnum.ru/news/polit/2003584.html>).

2) США дали сигнал политическим элитам и олигархическим кланам России, что ее нынешний президент Владимир Путин не способен решать мировые проблемы. Пришла пора **вырвать когти русскому медведю**, чтобы в Кремле появился новый договороспособный лидер (<https://www.obozrevatel.com>).

3) Так же получилось и с США. Превознесли Трампа до небес, не имея каких-либо оснований. Хотя ещё на стадии избирательной кампании было известно, что среди кандидатов в команду к Дональду немало русофобов, причем ярых, **да с заточенными когтями и клювами**, с конца 80-х! (http://news.eizvestia.com/news_politics/full/1104).

4) На сей раз Спецфор «КП» Дарья посетила Швецию и ужаснулась: европейское государство, которое всегда считалось символом спокойствия и процветания, покорно отдало себя в **лапы мигрантов-исламистов**, насаждающих там свои **дикие порядки** (<https://rua.gr/news/migrantskij-front/20778>).

5) «Лисий» подход демонстрируют «обновленцы», рассчитывая на **хитрость и изворотливость** в борьбе за власть (<https://regnum.ru/news/polit>).

6) Перед голосованием за бюджет народные депутаты **рысью** пролились по законопроектам, без принятия которых утверждение главной сметы страны, по мнению **Андрея Парубия**, председателя Верховной Рады, было бы невозможным (<http://ua-retail.com/2016/12>).

Примечательно, что признаки хищничества в политическом дискурсе могут быть применимы для **характеристики конкретных политиков** (ср.: Почему не выступают

за захват власти такие, как Мадумаров, Субаналиев, Жекиенкулов, из оппозиции? Как ни говори, указанные политики уже опытные, зубастые политики, у них есть глубокое понятие, хватает способностей чисто без примеси взвесить обстоятельства. Поэтому они не ступили на дорогу захвата власти силой (<http://www.gezitter.org/society/50682>); **характеристики политических объединений** (ср.: Первый заместитель Председателя комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов ... призвал ведомство быть «зубастее», отстаивая в Правительстве социально важные инициативы (<http://www.er-duma.ru/news>)); **характеристики политических стратегий поведения в целом** (ср.: На нашу полянку вернулась настоящая зубастая политика (<http://echo.msk.ru/programs>)).

Важное место в рассматриваемой модели отведено ЖЕРТВЕ, без которой невозможен природоподобный в данном случае политический «экобаланс».

Примеры:

1) «Травоядный» электорат с пониманием относится к тому, когда его «доят», но может очень обидеться, когда его начнут «обладывать». Если это начнется, то «травоядные» в лице малого и среднего бизнеса, производителей, пенсионеров вполне могут превратиться из безобидных «дойных коров» в разозлившись «носорогов». Или вырастить своих «хищников» в своем коллективе для выравнивания ситуации и появления долгожданной «третьей силы» (<https://regnum.ru/news/polit/2003584.html>)

2) Сейчас я вижу, что маленькие страны должны объединяться. Если большие страны считают, что вас можно сожрать, то **стаяка пираний** все-таки акулу съест. Если **рыбки** будут не пираниями, а **сеledкой**, то их сожрет акула. Поэтому нам надо переставать быть сеledками, а объединяться и быть пираниями. НАТО для Украины сейчас – это уже вариант (<http://from-ua.com/obzor-pressi/380464>).

Актуальным для данной модели является смысловой компонент (слот) «АГРЕССИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ХИЩНИКА». Политики, подобно хищнику, преследуют свою жертву и нападают на нее, кусают ее и терзают, рвут на куски и обладывают. Эти предикаты актуализируют смысловые компоненты, репрезентирующие идею о том, что многие политики действуют исключительно в собственных интересах, пренебрегая интересами граждан; деятельность целого ряда политиков нацелена на получение материальной выгоды от занимаемого положения.

Примеры:

1) Когда все друг другу улыбаются и все друг друга хотят **сожрать** без соли, пост главы Администрации очень привлекателен для конкурентов.

2) «Травоядный» электорат ... может очень обидеться, когда его начнут «обладывать» (<https://regnum.ru/news/polit/2003584>).

3) ...уже в последние дни перед капитуляцией Франции, как шакал, пыталась **вырвать какие-то куски** (Приморские Альпы, Савойю) из уже поверженной Франции (<https://www.novayagazeta.ru/articles>).

4) Трамп собирает **"попробовать Путина на зуб"**. Обычная технология уличных хулиганов. Если выбранная жертва "показала слабость" от количества нападающих, значит **знобить** её можно по полной программе. Но, если жертва вдруг превращается в "хищника" и **нападает** уже сама, все прихлебатели дружно "тикают" с поля боя (<http://planet-today.ru/geopolitika/item/67525>).

Известно, что отношения «хищник-добыча» служат для регуляции численности популяций. Это обеспечивает естественное существование экосистемы на планете («Экосистема – сообщество организмов, существующих в физической среде. В типичной цепи питания травяные, первичные потребители, например, кролики, поедают растения и, в свою очередь, служат пищей вторичным потребителям, например, лисам...»).

Смысловой компонент 'работа экосистемы, включающая естественные отношения «хищник – жертва»', также репрезентируется в рассматриваемой метафориче-

ской модели в виде слотов «ЭКОСИСТЕМА» и «СРЕДА ОБИТАНИЯ». Человеческое общество именуется фауной, место действия называется средой обитания или лесом, отношения между политиками, между политиками и избирателями описываются как борьба за существование (здесь: за власть), как пищевая цепочка и т.п. Более того, за работой экосистемы могут наблюдать специалисты-охотоведы (охотоведами метафорически именуется политики влиятельных государств).

Пример: ...политические «львы» и «лисы» обычно думают о других субъектах не только как о звене в **пищевой цепочке**. Хочется надеяться, что в нынешней ситуации знатоки приднестровской **политической «фауны»** ... будут четко, быстро и эффективно реагировать на нарушения «**экологического баланса**» и массовую миграцию жителей земли Приднестровской... Политические «львы» и «лисы» иногда думают, что они существуют в изолированном, свободном от внешних факторов «**лесу**». Однако не стоит забывать об «**экологическом контроле**», который может и должен осуществляться силами «**охотоведов**» из **Большого Северного Леса**. Этот контроль должен возвращать в реальность заигравшихся приднестровских политиков, разборки которых и эксперименты над населением наносят куда больший ущерб приднестровской государственности и российским интересам, чем любое внешнее давление (<https://regnum.ru/news/polit/2003584.html>).

Выводы. Концептуальная метафора, являющаяся основным способом познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира и, таким образом, обладающая эффективным воздействующим и миромоделирующим потенциалом востребована в российском политдискурсе. Отношения между политиками, ведущими жесточайшую борьбу за власть, носят сопернический характер, взаимоотношения потенциальных и действующих политиков с электоратом строятся зачастую отнюдь не на принципах паритетности. Это позволяет современным СМИ, описывающим политические события, использовать метафоры с агрессивным потенциалом, который заложен, например, в такой разновидности зооморфной метафоры, как хищническая метафора. В выстраиваемой метафорической модели «ПОЛИТИКА – это ЖИВОТНЫЙ МИР» политики выстунают в роли хищников, преследующих, настаивающих и терзающих свою жертву, а жертвой представляется «травоядный» электорат. При этом данная ситуация подается как естественное существование своеобразной политической «экосистемы». Примечательно, что актуальными для метафоризации политической борьбы за власть являются лишь типичные ситуации хищничества – среди зверей и птиц. В анализируемом материале не встретились метафоры с использованием обозначений иных форм хищничества, наблюдаемых в природе. Не оказались востребованными, например, такие метафоры: паразитирующие политики, политики – растения-хищники, политики – насекомые-хищники и под. Эти формы хищничества не предполагают моментального уничтожения жертвы или не предполагают ее смерти вообще, в то время как истинные хищники свою жертву никогда не оставляют живой и уничтожают ее сразу, едва наступив. В этом видится агрессивный потенциал используемых в современном политическом дискурсе «хищнических» метафор, представляющих политическую жизнь как жесточайшую и бескомпромиссную борьбу за власть, позволяющую извлечь выгоду из высокого социального положения.

Задание 5. Прочитайте публицистическую статью Владимира Ястребчака «Приднестровье: псевдольвы, недолисы и иные субъекты политического процесса». Подумайте, какие концепты репрезентируют метафорические выражения *политические львы и лисы, приднестровские «хищники», лисий подход, «травоядный» электорат* и под. Какой методикой, по Вашему мнению, можно воспользоваться для

анализа концептуальных структур, репрезентированных в тексте? Свой ответ аргументируйте, представив фрагмент такого анализа.

В. Ястребчак «Приднестровье: псевдоЛьвы, недоЛисы и иные субъекты политического процесса» // <https://regnum.ru/news/polit/2003584.html>

Как известно, впервые в приднестровской политической истории в 2015 году состоятся одновременные выборы и в Верховный Совет, и в местные представительные органы власти. Избирательная кампания в Приднестровье входит в завершающую фазу: до голосования осталось меньше месяца, выдвижение кандидатов уже завершено, хотя регистрация, сопровождаемая многочисленными скандалами, всё еще продолжается, и неизвестно, сколько человек в итоге попытаются стать обладателями заветных мандатов.

Заслуживает внимания основная тенденция в предвыборной кампании: она воспринимается как противостояние двух основных политических сил: президентской вертикали (партия «Возрождение») и партии «Обновление», представляющей, по мнению многих экспертов, интересы крупнейшего регионального финансово-промышленного холдинга «Шериф»...

Если следовать классической политологической теории элит, то приднестровский политический процесс может быть представлен как противостояние между «львами» и «лисами». Президентская вертикаль претендует на статус «львов», которые готовы к любым действиям ради получения и удержания власти, вплоть до силовых мер (отсюда регулярные ссылки на недопустимость «майданов»). «Лисий» подход демонстрирует «обновленцы», рассчитывая на хитрость и изворотливость в борьбе за власть.

Но приднестровские «хищники» забывают о нескольких серьезных нюансах. Во-первых, львы и в природе, и в политике редко отрываются от реальности и занимаются самолюбованием. Лисы, несмотря на хитрость, не могут достигать своих целей, если у них нет зубов и когтей. Во-вторых, политические «львы» и «лисы» обычно думают о других субъектах не только как о звене в пищевой цепочке. «Травоядный» электорат с пониманием относится к тому, когда его «доят», но может очень обидеться, когда его начнут «облаживать». Если это начнется, то «травоядные» в лице малого и среднего бизнеса, производителей, пенсионеров вполне могут превратиться из безобидных «дойных коров» в разозлившихся «носорогов». Или вырастить своих «хищников» в своем коллективе для выравнивания ситуации и появления долгожданной «третьей силы».

В-третьих, приднестровские «львы» и «лисы» иногда думают, что они существуют в изолированном, свободном от внешних факторов «лесу». Однако не стоит забывать об «экологическом контроле», который может и должен осуществляться силами «охотоведов» из Большого Северного Леса. Этот контроль должен возвращать в реальность заигравшихся приднестровских политиков, разборки которых и эксперименты над населением наносят куда больший ущерб приднестровской государственности и российским интересам, чем любое внешнее давление. Хочется надеяться, что в нынешней ситуации знатоки приднестровской политической «фауны» из НИИ, расположенных За Зубцами, на Площадах и Набережных, в Лесу и других центрах выработки решений, будут четко, быстро и эффективно реагировать на нарушения «экологического баланса» и массовую миграцию жителей земли Приднестровской.

P.S. При написании этой статьи ни одно природное или политическое животное не пострадало.

Задание 6. Прочитайте фрагмент научной статьи «Политический конфликт: стихия или игры разума?». Проследите за ходом исследования. Укажите, какая методика и какие методы использовались для анализа концепта *политический конфликт*. Подумайте, какие другие ме-

тоды и методики можно использовать для изучения данного концепта. Свой ответ аргументируйте.

Е.В. Дзюба. Политический конфликт: стихия или игры разума? (когнитивно-пропозициональный анализ концепта) // Лингвокультура и концептуальное пространство языка. Сер. «Концептуальный и лингвальный миры». – СПб., 2016. – С. 137 – 144.

Специфика когнитивных процессов, происходящих в сознании человека, заключается не просто в получении информации из окружающего мира, но в первую очередь в интерпретации, в придании этой информации собственной оценки. Результатом когнитивной обработки знаний являются концептуальные структуры [1], обычно зафиксированные единицами языка (вербализованные), и реализующиеся в речи посредством языковых единиц разного уровня: лексических, фразеологических, синтаксических и др. Именно поэтому анализ языковых (речевых) контекстов позволяет «проникнуть» в сознание человека, в сферу его взглядов, мировоззрений, убеждений, постичь его картину мира.

Чрезвычайно актуальный на сегодняшний день концепт ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ (точнее – его оценочная составляющая), формируемый в сознании современного носителя языка, так же может быть изучен на лингвистическом материале. Важный для человеческого общезнания вопрос: Что или кто является движущей силой политических конфликтов? – может быть рассмотрен через анализ субъектно-объектных отношений, реализуемых в структуре высказываний.

Для решения поставленной задачи методом сплошной выборки из современных русскоязычных СМИ за период с 2000 по 2016 гг. было отобрано 200 контекстов, включающих единицу политический конфликт. Для изучения собранного материала использовался метод когнитивно-пропозиционального анализа, который берет начало в логическом направлении языкознания [см. об этом подробнее: 2], а затем проецируется на собственно лингвистический материал [3, с. 103 – 154; 4, с. 150 – 171; 5; 6, с. 47 – 51; 7, с. 380 – 389; 8; 9, с. 369 – 495; 10, с. 35 – 73 и др.].

Пропозиция является одной из форм репрезентации мира и отношений объектов реальной действительности в сознании человека и представляет собой структуру, которая отражает отношения, характеризующие объекты и события. Сущность пропозициональной структуры кратко охарактеризовал А.С. Кравец: «Пропозиция является элементарным высказыванием, связывающим имя номинации с предикатом... Субъект высказывания (подлежащее) намечает тему мыслительного акта, тогда как доминанты смысла (то, что хотим сказать о субъекте) разворачивается в предикации. Лишь соединение субъекта с соответствующим предикатом образует законченную мысль, т.е. предложение» [11, с. 21].

Некоторые ученые считают предикацию главной функцией языка и подчеркивают первостепенную значимость пропозициональных моделей в процессах получения и хранения информации о мире [12; 13], другие указывают на их определенное место среди других форм хранения знания, например, образных и гештальтных [14; 15]. Т.А. ван Дейк и В. Кинч отмечают значимость пропозициональной стратегии как одной из стратегий понимания любого высказывания или текста: «...распознавание слов основывается на лежащей в основе семантической интерпретации, порождающей ожидания о возможных значениях и, следовательно, возможных классах слов и общей синтаксической структуре предложения» [16, с. 166 – 167]. «Так, существительному или местоимению, – поясняют авторы – ... в функции грамматического подлежащего, обозначающему лицо, стратегически приписывается в пропозициональной схеме позиция агенса, даже до завершения анализа остальной части предложения» [16, с. 167].

Анализ когнитивно-пропозициональной структуры предложений, в которых единица политический конфликт занимает позицию либо субъекта, осуществляющего действие, либо объекта, на который направлено действие, позволит понять, как современ-

ные носители русского языка представляют себе политический конфликт: как стихийно, самостоятельно развивающееся событие или как логическое следствие сложившихся обстоятельств, или как кем-то намеренно организованная акция.

Статистический анализ показал, что из двухсот случайно отобранных контекстов в 82 (41 %) политический конфликт представляется самостоятельно, стихийно развивающимся событием, причем проходящим фазы начала, развития, кульминации и угасания. Так, политический конфликт может самостоятельно **возникать** (ср.: А митотворцы просто разделяют враждующие силы внутри какой-нибудь республики, если там возникает межэтнический или политический конфликт), **начинаться, происходить, назревать, случаться, обнажаться, разворачиваться** (ср.: политический конфликт, который после президентских выборов развернулся в Южной Осетии, связан не только с борьбой за власть...); **обостряться, тянуться, длиться, развиваться, усиливаться, затягиваться, не утихать, находиться в острой фазе** (ср.: В течение 18 месяцев в острой фазе находится политический конфликт между сторонниками и противниками изменений в законодательстве города), **набирать обороты** (ср.: Политический конфликт между Анкарой и Москвой из-за сбитаго ВВС Турции российского бомбардировщика Су-24 в Сирии набирает обороты на самом высоком уровне), **разгораться** (ср.: По словам прокурора, Бескоровайный решился на этот шаг после поездки на родину, где разгорелся политический конфликт, который и повлиял на настроения украинца) или даже **полюхаться** (ср.: В Бразилии с прошлой осени полюхает политический конфликт, связанный с импичментом президента Дилмы Роуссефф), **перетекать в иное русло** (ср.: По словам знакомого с подробностями наблюдателя, это именно политический конфликт, перетекивший в межличностный), а также **плеть, маргинализироваться** (ср.: Сейчас политический конфликт маргинализируется, решения все больше принимаются в ходе консультаций), **заходить в тупик** (ср.: Мирный процесс в этой стране открыл качественно новый этап в развитии зашедшего в тупик военно-политического конфликта, продолжающегося на протяжении пяти лет) или **принимать иные формы** (ср.: принимать скрытые формы, скатываться в гражданскую войну).

Единица политический конфликт в роли субъекта действия может синтагматически связываться с каузативными глаголами, что выявляет причинно-следственные отношения между действиями политического конфликта и их последствиями. Так, политический конфликт может **выявлять противоречия** (ср.: Политический конфликт между двумя сильнейшими лидерами Турции выявил тщательно скрывавшиеся противоречия между ними), **ставить что-либо под сомнение** (ср.: В стране налицо политический конфликт, который поставил под сомнение избирательное право граждан), **вести / приводить к чему-либо нежелательному** (ср.: Политический конфликт между европейскими странами ... ведет к распаду Европы как политической и культурной целостности), **осложнять что-либо** (ср.: Политический конфликт между Москвой или Тбилиси еще больше осложнит и без того натянутые отношения России и США), **вредить чему-либо** (ср.: Джон Керри по итогам переговоров в Ираке 8 апреля дал понять, что политические конфликты в нынешней ситуации могут серьезно навредить Ираку), **подрывать стабильность** (ср.: Независимое исследование выявило почти 500 политических конфликтов в различных регионах России, которые потенциально подрывают стабильность в стране), **поражать кого-либо или что-либо** (ср.: Кабмин не может работать, если он поражен конфликтами политического характера), **влиять на что-либо или кого-либо** (ср.: Только политические конфликты могут негативно повлиять на экономическую систему и привести к кризису. В ином случае я не прогнозировал бы каких-либо проблем), **подталкивать к чему-либо** (ср.: В прокуратуре утверждают, что на этот поступок его подтолкнул политический конфликт двух государств. 4 ноября в Лондоне прошло первое слушание по делу). **От политического конфликта что-либо или кто-либо может пострадать** (ср.: Авторы рейтинга отметили, что Львов не постра-

дал от политических конфликтов в стране; Актер впервые прокомментировал свою поездку в регион, пострадавшие от политического конфликта) и т.д.

В остальных 118 (59%) рассматриваемых контекстах словосочетание политический конфликт замещает в структуре анализируемых высказываний объектную позицию (ср.: Они создают партии, занимаются манипуляциями и политическими конфликтами и изобретают себе врагов).

Политический конфликт также проходит разные фазы, но уже в зависимости от намерений организатора (субъекта). Так, политический конфликт может **начинаться** или **стартовать по чьей-либо инициативе** (ср.: Не секрет, что политический конфликт между Исламабадом и Вашингтоном, стартовавший после операции по устранению бен Ладена, отразился на взаимодействии двух стран не только в военной, но и в политико-экономической сфере), быть **кем-то организованным** или **созданным** (ср.: И вот с этими десятками миллионов господин Мединский намеревается организовать открытый политический конфликт?); Для этого ему надо было создать жесткий политический конфликт...), **кем-то развязанным** (ср.: Если политический конфликт не будет развязан, то проиграют все); **кем-то или чем-то спровоцированным** (ср.: Скандал, вызванный публикацией в датской прессе карикатур на пророка Мухаммеда, спровоцировал серьезный политический конфликт в Ливане). Однако политический конфликт также может быть **предотвращен** (ср.: Результаты работы специалистов по информационной безопасности позволяют предотвратить как экономические преступления, так и возможные военные и политические конфликты).

Политический конфликт может **продолжаться** и **получать новое развитие** в зависимости от чьей-то воли или обстоятельств (ср.: По мнению мэра, и сейчас под видом борьбы с сепаратизмом, нардеп снова хочет привести лжедобровольческие батальоны, чтобы вывести политический конфликт в городе на новый виток). Организаторы конфликта могут **«снизить градус»** в его развитии (ср.: Переговоры с представителями окружного руководства партии снизили градус конфликта), **объявить перерыв** (ср.: В Нижнем Новгороде наметился перерыв в политическом конфликте между главой города и губернатором), могут конфликт **заморозить** (ср.: «Замороженный» в 1994 году военно-политический конфликт вокруг Нагорного Карабаха, похоже, вновь становится актуальным), могут **изменить его направление / течение, перевести конфликт в иную плоскость** (ср.: К сожалению, не прекращаются попытки перевести политический конфликт в некую виртуальную плоскость, подменить обсуждение насущных проблем борьбой с некими силами зла, существующими разве что в воображении их создателей; Тем самым политически конфликт между Россией и Украиной был аккуратно перемещен в пространство музыки; Праймериз вводят существующие политические конфликты в электоральное русло уже на первом этапе кампании и не дают им перерасти в «борьбу без правил»; В ход пошли «теневые» санкции, несмотря на указания ведомств и прямые призывы Кремля не переносить политический конфликт на гуманитарную сферу). Конфликт может намеренно **затягиваться** (ср.: Министр обвинил Киев в затягивании политического конфликта в Донбассе. Запад начинает понимать, кто ответственен за срыв минских договоренностей на Украине), может **усугубляться** (ср.: Вашингтон считает режим Асада нелегитимным, поэтому его сохранение может только усугубить военно-политический конфликт на Ближнем Востоке).

Политический конфликт может быть **остановлен** (ср.: Как утверждают инсайдеры, «именно правоохранительные органы могут поставить точку во всех политических конфликтах, связанных с экс-губернатором) или **решен** (ср.: Казахстанский лидер предложил отказаться от применения силы для решения политических конфликтов; Лидеры ЛНР и ДНР уверены: Киев не заинтересован в разрешении политического конфликта). Он может быть **урегулирован** (ср.: ...все их акты не имеют ничего общего с реализацией мирного плана урегулирования политического конфликта между Киевом и Донбассом), **погашен** (ср.: ...назначением Тишанина Кремль хотел погасить внутривре-

гиональный политический конфликт), **прекращен** (ср.: По некоторым данным, на таком неожиданном кадровом шаге настояла администрация президента РФ, решившая прекратить все политические конфликты на Среднем Урале) или **устранен** (ср.: Федеральный центр заинтересован, чтобы местные и региональные политические конфликты были устранены, а «Единая Россия» показала хороший результат).

В политический конфликт можно **быть стянутым** или **вовлеченным** (ср.: Считаю крайне некорректным втягивать нас в этот политический конфликт: наша компания находится вне политики; Прямой характер характера Надежды Савченко может стать причиной ее вовлечения в политические конфликты, в том числе внутри фракции "Батьківщина"). Однако из конфликта также можно **выйти** (ср.: Обновленное РБК может стать неполитическим деловым изданием: вероятно, именно таким образом Михаил Прохоров пытается выйти из политической конфликта) или вообще его **избежать** или от него **отгородиться** (ср.: Чувствуя недоверие к политике, власти и оппозиции, они хотели отгородиться от политических конфликтов, думая, что борьба „Пис“ против конституции не так уж важна; Мы хотим максимально избежать каких-либо конфликтов, политических моментов).

Кроме того, политический конфликт может быть **объектом аналитической работы: размышлений и оценок** (ср.: Экс-спикер Верховной Рады Владимир Литвин расценивает нынешний политический конфликт на Украине как результат столкновения геополитический интересов России и США) – и даже **объектом симпатии или антипатии** (ср.: Экономика не любит ссор и политических конфликтов. Реформы не будет, пока есть конфликт).

Анализ контекстов, собранных методом сплошной выборки, показал следующую статистику: в 41 % контекстов отражается представление о том, что политический конфликт является стихийной, нерегулируемой, бессознательной силой, которой невозможно управлять; 59 % контекстов обнажили иное представление – о том, что политический конфликт есть следствие сложившихся обстоятельств, однако нередко политический конфликт является и намеренной, сознательно организованной и кем-то спланированной акцией.

РАЗДЕЛ III. ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИЯ КАК ЧАСТЬ КОГНИТИВНОЙ НАУКИ

3.1. Современные направления изучения концептов

Концепт является ключевым понятием теории концептуальной лингвистики. В зависимости от аспекта и методов изучения концепта, в зависимости от рассматриваемых способов репрезентации концептуальных смыслов выделяют разные направления изучения концептуальных структур. В.Я. Тихонова в диссертации «Концепт *борьба* в русской языковой картине мира» [Тихонова 2005] выделяет такие подходы к изучению концепта: психологический (С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачев); логический (Н.Д. Арутюнова и др.); философский (В.В. Колесов и др.); лингвокультурологический (Ю.С. Степанов, В.А. Маслова, В.В. Воробьев, В.Н. Телия и др.); интегративный (С.Х. Ляпин, Г.Г. Слышкин, С.Г. Воркачев и др.); лингвоантропологический (М.П. Одинцова, О.С. Иссерс, Л.Б. Никитина и др.); когнитивный (Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, Н.Н. Болдырев и др.) [Тихонова 2005]. Нельзя не согласиться с автором, предлагающим такую классификацию. Однако в данной работе будут охарактеризованы наиболее активно развивающиеся в настоящее время направления изучения концептуальных структур: логическое, когнитивно-семантическое, когнитивно-дискурсивное, лингвокультурологическое.

Логическое направление предполагает изучение концепта как логической единицы языка, общего для всех понятия, «по средневековой терминологии – универсалии» (С.А. Аскольдов-Алексеев). Концепты, познавательный характер которых ограничивается мышлением, изучаются целым рядом современных исследователей, работающих с материалом естественного языка. Были изучены концепты *истина* (Н.Д. Арутюнова, 1991; В.А. Лукин, 1993), *долг* (Т.В. Бульгина, А.Д. Шмелев, 1991), *свобода* (А.Д. Кошелев, 1991), *человек и личность* (Р.И. Розина, 1991), *вопрос* (Н.К. Рябцева, 1991), *причина* (Ю.С. Степанов, 1991) и т.д. Эти и многие другие исследования логических концептов были представлены в целой серии сборников научных трудов под общим названием «Логический анализ языка» [Логический анализ языка...].

Основные вопросы концептуализации и категоризации, природа и структура концепта, типы концептов, способы представления знаний и т.п. изучаются специалистами **когнитивно-семантического направления** (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, А. Вежибicka, В.З. Демьянков, А.А. Кретов, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.).

З.Д. Попова и И.А. Стернин (одна из самых известных публикаций – монография «Семантико-когнитивный анализ языка» [Попова, Стернин 2006: 10–13]) обозначили направление своих исследований как семантико-когнитивное, которое предполагает «исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средство их моделирования от семантики языка к концептосфере» [Попова, Стернин 2006: 12].

В последние годы ученые-когнитивисты стали рассматривать структуры представления знаний с точки зрения **когнитивно-дискурсивного подхода**. При этом под дискурсом понимается «текст, погруженный в ситуацию общения» [Карасик 2000: 5]. Преимущество такого подхода, как замечает А.П. Чудинов, заключается в том, что «дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний» [Чудинов 2006: 40].

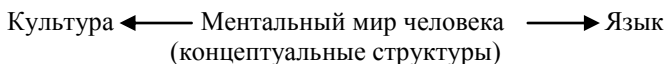
Теоретические вопросы дискурсивного анализа были рассмотрены в работах Р. Водак [Водак 1997], В.И. Карасика [Карасик 2002], Ю.Е. Прохорова [Прохоров 2006], Г.Г. Слышкина [Слышкин 2000], Е.И. Шейгал [Шейгал 2000] и мн.др. Отдельные концепты или целые концептуальные области политического дискурса стали предметом изучения в исследованиях Е.И. Шейгал [Шейгал 2001; 2002], Н.М. Чудаковой [Чудакова 2005], Т.Д. Фоминой [Фомина 2006] и др.

Рассмотрению концептуальной метафоры в политическом дискурсе посвящены работы А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [Баранов, Караулов 1991], В.З. Демьянкова [Демьянков 2002], И.М. Кобозевой [Кобозева 2001], Е.Р. Левенковой [Левенкова 2009], А.П. Чудинова [Чудинов 2001, 2003, 2006 и др.] и представителей его научной школы: Э.В. Будаева [Будаев 2006], Т.С. Вершининой [Вершинина 2002], А.А. Касловой [Каслова 2003], Е.В. Колотниной [Колотнина 2001], А.Ю. Перескоковой [Перескокова 2005], А.Б. Ряпосовой [Ряпосова 2002], А.М. Стрельникова [Стрельников 2005] и др.). Концепты педагогического дискурса стали предметом диссертационных исследований Е.Г. Кабаченко [Кабаченко 2007], Ю.Ю. Поспеловой [Поспелова 2008], Н.В. Гавриловой [Гаврилова 2007], И.А. Караваевой [Караваева 2007], Е.Н. Заречневой [Заречнева 2009] и др. В настоящее время концептуальные структуры изучаются также в научном (медицинском, агротехническом, юридическом и т.д.), художественном, публицистическом, рекламном и других дискурсах.

Ю.С. Степанов стал родоначальником **культурологического** направления изучения концептов. Так, в работе «Константы. Словарь

русской культуры. Опыт исследования» исследователем были описаны такие культурные концепты, как *быть, знание, вера, любовь, мир, наука, Русь, родная земля, слово, хлеб* и др. [Степанов 1997]. При этом ученый использует широкий – не только языковой – материал из области философии, социологии, истории, археологии, политологии и других гуманитарных наук.

Однако многие специалисты делают акцент на лингвистическом материале при изучении концептов культуры и представляют, таким образом, **лингвокультурологическое направление** изучения концепта. Предметом лингвокультурологии является концепт в его двунаправленности:

С одной стороны, концепт, по определению Ю.С. Степанова, представляет собой «основную ячейку культуры в ментальном мире человека» [Степанов 1997: 41], с другой стороны, важнейшим средством материализации и объективизации концепта является язык. При этом, как отмечает Е.А. Пименов, формой языковой экспликации лингвокультурного концепта могут быть: 1) лексемы, 2) различные фразеологические образования (идиомы, пословицы, поговорки, афоризмы), 3) тексты [Пименов 2004: 90]. Они составляют языковую модель концепта. Выявление культурологических особенностей образов, которые заложены в формах языковой экспликации, даёт возможность частично или целиком восполнить недостаток той информации, которая, по мнению Е. А. Пименова, является главной составляющей концептуальной модели мира, выраженной через языковую модель мира [Пименов 2004: 90].

Значительный вклад в развитие концептуальной лингвокультурологии внесли ученые, представляющие сложившиеся научные школы: Волгоградскую (В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин, Е.И. Шейгал), Кемеровскую (Е.А. Пименов, М.В. Пименова, Р.Д. Керимов, О.Н. Кондратьева, Н.М. Сергеева). Результатом многолетнего труда названных и других исследователей стало издание многотомной «Антологии концептов», целой серии сборников научных статей «Концептуальные исследования» и «Концептуальные и лингвальный миры», в которых современные ученые предлагают описание лингвокультурных концептов. Значительны достижения в области теоретической и практической лингвокультурологии С.Г. Воркачева, В.В. Воробьева, В.А. Масловой, Е.Ю. Прохорова, В.Н. Телия и др.

Поскольку лингвокультурный концепт, изучаемый на материале того или иного национального языка и культуры, отражает специфику

национального сознания, мышления народа-носителя данного языка, концепт рассматривают как «главную единицу культурологии и основную единицу культурной и межкультурной коммуникации» [Зацепина 2006: 20]. Известны работы сопоставительного характера, направленные на изучение двух или нескольких лингвокультур в том или ином аспекте [Голованивская 2009, Дубровская 2002, Зацепина 2006, Красавский 2008, Пименова 2001, Тихонова 2006 и др.].

Отдельное место в лингвокультурологии занимает **область изучения художественных концептов**. Их особое положение обусловлено, во-первых, тем, что художественные концепты обладают высокой степенью индивидуальности и свидетельствуют об уникальности (не универсальности) системы представлений автора художественного текста о мире; во-вторых, художественные концепты чаще всего представлены образной формой, которая обладает не меньшей значимостью, чем ее содержание, т.е. эстетически самоценна. Однако художественные концепты отнюдь не остаются лишь единицей художественной модели мира автора текста. По словам Д.С. Лихачева, писатели и поэты своим творчеством вносят серьезный вклад в формирование общей концептосферы национального языка [Лихачев 1997].

Художественные концепты изучались многими исследователями, вот некоторые примеры: концепт *жизнь* в поэзии А.С. Пушкина и концепт *счастье* в творчестве Н. Тэффи изучался Л.Г. Бабенко (Л.Г. Бабенко 2000; 2004), концепт *любовь* и его словесное воплощение в поэзии А. Ахматовой рассматривался в диссертации Т.Н. Даньковой (Т.Н. Данькова 2000), концептуальная метафора *жизнь – движение* в творчестве Ф.Сологуба была изучена Н.А. Кузьминой (Н.А. Кузьмина 1996), описание концептуальной картины мира и ее отражения в произведениях Н.С. Лескова было осуществлено М.Л. Левченко (М.Л. Левченко 2000), метаязыковая концептуализация сферы «творчество» в эстетической и художественной системе В.В. Набокова была описана в диссертационном исследовании Л.Н. Рагузовой (Л.Н. Рагузова 2000), концепт счастья в романах «Машенька» В. Набокова и «Вечер у Клэр» Г. Газданова изучался В.Г. Русаковым (В.Г. Русаков 2000), концепты *жизнь* и *смерть* в поэзии М.Цветаевой были предметом исследования Е.В. Дзюбы (Дзюба 2001), концепт *ревность* в художественной прозе Ф.М. Достоевского рассмотрен Н.А. Юшковой (Н.А. Юшкова 2003), концепт *жизнь–смерть* в идиолекте Михаила Зощенко изучался Т.А. Бычковой (Т.А. Бычкова 2004), концепт *дом* в художественной картине мира М.И. Цветаевой стал предметом диссертации О.А. Фещенко (О.А. Фещенко 2005), художественные концепты *жизнь* и *смерть* в идиостиле Н.А. Заболоцкого рассматривались в работе Е.В.

Туктангуловой (Е.В. Туктангулова 2006), концептуализацией *света и тьмы* в языковой картине мира Ф.М. Достоевского занималась В.В. Колесникова (В.В. Колесникова 2008), художественный гиперконцепт *пространство* в поэзии конца XX века проанализирован Д.В. Калужениной (Д.В. Калуженина 2008) и т.д. Особое место в разработке многих теоретических и практических вопросов изучения художественных концептов занимают работы Н.С. Болотновой [Болотнова 1994, 2000а, 2000б] и представителей ее школы, а также В.А. Пищальниковой [Пищальникова 1984, 1991, 1993, 1998].

Обобщенные данные об основных направлениях изучения концептов и способов репрезентации концептуальных структур можно представить в виде таблицы (см. Таблицу 5).

Таблица 5

Современные направления лингвоконцептологии

Наименование направления	Объект исследования	Материал исследования	Ведущие представители
Логическое	Языковые концепты	Данные естественного языка	Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, Р.И. Павлинис и др.
Лингвокультурологическое	Лингвокультурные концепты / лингвокультурема	Национальные языки, произведения фольклора, паремийный фонд, произведения национальной литературы	С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, М.В. Пименова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов и др.
	Художественные концепты	Художественный текст (поэтический, драматургический, прозаический)	Н.С. Болотнова и представители Томской школы, В.А. Пищальникова и др.
Когнитивное	«Соотношение семантики языка с концептосферой народа» [Попова, Стернин, 2006: 13]	Национальные языки, лексико-фразеологическое поле слов-концептов, данные ассоциативных экспериментов	А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.
Когнитивно-дискурсивное	Концептуальные структуры в разных видах дискурса (научном, педагогическом, политическом и др.)	Речевые произведения отечественной и зарубежной публицистики	А.Н. Баранов, В.З. Демьянков, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.

3.2. Концепт как объект лингвокогнитивных исследований

В современной науке существует множество определений ключевого понятия лингвоконцептологии – концепта, что обусловлено разнообразием подходов к его интерпретации. Не сразу утвердился и сам термин *концепт*. Так, некоторые лингвокультурологи предлагают использовать такие термины, как *логоэпистема* (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова) или *лингвокультурема* (В.В. Воробьев, Е.В. Бусурина, Г.А. Кажигалиева, И.С. Потапова и др.). Большинство ученых, однако, употребляют термин *концепт*, который, по словам С.Г. Воркачева, оказался наиболее жизнеспособным, так как по частоте употребления он значительно опередил все прочие терминологические новообразования [Воркачев 2003: 5]. Однако сам исследователь в своих последних работах предпочитает использовать более объемный по содержанию термин *идея*, отказываясь от единицы *концепт* из-за «вызывающего раздражение концептуализма без берегов» [см. об этом подробнее: Воркачев 2009: 21; Карасик 2006: 26; Слышкин 2006: 27]. Исследователь подчеркивает, что *идея* – это имя, которое органично соответствует семантическим сущностям вообще и обладает признаками, приписываемыми концепту; более того, термин «лингвокультурная идея, по мнению С.Г. Воркачева, способен вывести «из тени» т.н. антиконцепты («концепты-противоположности») и исключить некоторые псевдофеномены (**концепт березы, черемухи* и под.). По мысли С.Г. Воркачева, нет у единицы *идея* и этимологического дублета, что должно быть свойственно терминологическим единицам [см. подробнее: Воркачев 2009: 24].

Термин *концепт* изначально появился в философской науке [см. подробнее об этом: Суржанская 2011; Татарская 2014; Фещенко 2016], затем начал использоваться в лингвистике, социологии и других гуманитарных науках.

Теория концепта складывалась не без научных споров. Однако вряд ли здесь необходимо излагать историю данного вопроса, так как это успешно было рассмотрено в работах З.Д. Поповой [Попова 2001], Н.М. Сергеевой [Сергеева 2004], Л.Г. Зубковой [Зубкова 2002], Н.А. Кобриной [Кобрина 2000] и др. В данном пособии кратко изложено то, как складывались некоторые основные положения теории концептуальной лингвистики.

3.2.1. Вопрос об интегрированной природе концепта

Проблема определения **природы концепта**, т.е. источников информации, участвующих в формировании концептуальных структур, в конце XX века был предметом дискуссии для многих ученых. Одни исследователи высказывали мнение, что единицами и средством познания являются только логические формы, то есть отражательный процесс ограничивается логическим мышлением, иные формы, участвующие в познании, исключаются; язык способен лишь отражать систему знаний и представлений человека. Другие ученые подчеркивали активное участие языка в формировании концептуальных структур.

Представителем первого направления является В.Г. Колшанский. Исследователь отрицает способность языка (тем более других – иррациональных – структур) к отражению действительности и связывает этот процесс только с мышлением человека. Роль языка в когнитивном процессе, по мнению исследователя, ограничивается сферой выражения концептуальных структур. «Язык не познает мир, а, следовательно, не создает какой-либо картины мира... Язык только выражает мыслительные процессы познания и отображения действительности...», – отмечает В.Г. Колшанский [Колшанский 1990: 34].

Частично с мнением исследователя нельзя не согласиться. Действительно, объективно существующий язык сам по себе не может познавать действительность и ее отображать. Эти ментальные процедуры способен осуществлять субъект познания – носитель языка. Однако нельзя также утверждать, что язык абсолютно не влияет на формирование знания, ведь он участвует в процессе категоризации полученных знаний, формировании системы упорядоченных представлений и знаний в сознании человека. Язык также способен репрезентировать эти ментальные (концептуальные) структуры, благодаря чему исследователь имеет возможность (хоть и весьма относительную) их реконструировать. А.П. Бабушкин подчеркивает: «Информация поступает к человеку по разным каналам; знания аккумулируются в голове человека в виде определенных структур. Хотя каждая когнитивная дисциплина имеет свой собственный объект исследования, именно через язык можно получить доступ к наиболее объективному анализу этих структур» [Бабушкин 2001: 52].

Мнение о том, что границы сферы источников информации значительно шире, чем только логические структуры, отстаивают Дж. Андерсон, К. Джонсон, Г. Кларк, Дж. Лакофф, А.Пайвио, В. Чейз, Дж. Энгелькемп и другие зарубежные ученые; а также отечественные исследователи: А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов, С.Д. Кацнельсон,

Н.Г. Комлев, Е.С. Кубрякова, Р.И. Павленис, М. Павлова, Ю.Г. Панкрац, В.А. Пищальникова, В.И. Постовалова, А.А. Уфимцева, З.А. Харитончик и др. Эти исследователи выделяют следующие источники информации: язык в его когнитивной функции; социально-культурный и исторический опыт народа-носителя языка; практические и житейские знания; воображение как психическую способность индивида; сенсорную, моторную и даже волевою стороны субъекта познания. Так, Р.И. Павленис утверждает, что «еще до знакомства с языком человек в определенной степени знакомится с миром, познает его... Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система как система определенных представлений человека о мире. Построение такой системы до усвоения языка есть невербальный этап ее образования» [Павленис 1983: 101].

Однако и здесь не наблюдается единства точек зрения. Исследователи разделились на два лагеря. Первый из них представляет ученый А. Пайвио, который, выделяя различные типы знания – вербальный и образный, – считает их «разными символическими системами», структурно и функционально независимыми, нигде в сознании человека не пересекающимися. Другая группа ученых (Дж. Андерсон, Г. Кларк, В. Чейз и др.) предполагает, что «языковые и неязыковые знания репрезентируются в человеческой памяти ... единой пропозициональной формой» [Панкрац 1992: 83]. Иначе говоря, различного рода знания переплетены в сознании человека, они «существуют в виде пропозициональных деревьев, каждое из которых включает некоторый набор узлов памяти..., репрезентирующих понятия (концепты)...» [Панкрац 1992: 88].

Вторая точка зрения представляется автору настоящей работы наиболее оправданной. Одно из веских доказательств правильности этого вывода – распространенное в языке явление синестезии («переноса части значения ЛСВ одного канала перцепции на другую модальность» [Житков 1999: 29]). Ср.: *теплый ветер – теплая атмосфера; режущий предмет – режущая боль – режущий глаз цвет; сладкий вкус – сладкий аромат – сладкая встреча – сладкие слезы – сладкая жизнь* и т.д. Смешение разных сенсорных значений, таким образом, подтверждает идею о совмещении в сознании человека разнородной информации.

Более того, указанная «переплетенность» знаний различного рода, то есть знаний, полученных по различным каналам, является основой совмещения явлений различных логических порядков – абстрактного и конкретного, мысленно и чувственно воспринимаемых. В этом совмещении кроется суть метафорического процесса, который является важнейшим способом познания путем сравнения нового (выявления общего) с уже познанным. Дж. Лакофф в своих работах [1981, 1988,

1990, 1996] заострил внимание на метафорическом характере человеческой концептуализации: «В те области, для которых в сфере человеческого мышления не обнаруживается доконцептуальной структуры, мы переносим ее аналог, используя естественно-языковую метафору. Метафора дает нам возможность понимать те области опыта, которые не обладают собственной доконцептуальной структурой... Привлечение метафоры для понимания опыта является одним из величайших триумфов человеческого мышления [Лакофф 1988]. Таким образом, воображение человека, способность совмещать явления разных «логических порядков» (В.Н. Телия) становится важным средством познания мира [см. об этом подробнее: Гудмен 1990: 194 – 201; МакКормак 1990: 359; Ортони 1990: 219 – 236; Рикер 1990: 416 – 435; Потенция 1997: 72; Рябцева 1991; Склярская 1993; Телия 1988; Чудинов 2001, 2003, 2006 и др.]».

Другим источником знания и представления человека о мире является опыт сенсорного «общения» с окружающей действительностью. В.И. Постовалова, определяя границы языковой и концептуальной картины мира, отметила большую широту охвата информации последней. «В концептуальной картине мира, – пишет В.И. Постовалова, – существуют зоны как вербального выражения концептов, так и невербального. Ведь более 90% информации о мире человек получает через зрительные ощущения и живое созерцание...» [Постовалова 1988: 53]. Эту мысль развивают и другие исследователи: Е.С. Кубрякова [Кубрякова 1992], В.А. Пищальникова [Пищальникова 1991], Б.А. Серебренников [Серебренников 1988а, 1988б] и др. Так, Е.С. Кубрякова отметила, что «ощущения, которые возникают у человека при его взаимодействии со средой, приходят к нему по разным каналам – зрительному, слуховому, тактильному и т.д.» [Кубрякова 1992: 15]. Далее происходит, по мнению исследователя, ментальные процессы преобразования сенсорных ощущений, в результате которых последним придается символический характер. В свою очередь «эти трансформированные символические образования и являются представлениями, репрезентациями чего-то» [Кубрякова 1992]. К этому мнению присоединяется А.П. Бабушкин, подчеркивающий, что «...проблема ступеней и форм познания мира сводится к существованию иерархической лестницы, ведущей от чувственного к рациональному (ощущения – восприятия – представления – понятия), при этом понятия рассматриваются как высшая, итоговая ступень познания» [Бабушкин 2001: 52 – 53].

Итак, в когнитивном процессе «принимают участие все стороны психической деятельности человека, начиная с ощущений, восприятий, представлений и кончая высшими формами – мышлением и само-

сознанием человека» [Постовалова 1988: 20]. Язык же обрабатывает эту информацию, полученную различными путями, участвует в процессе ее категоризации и выражает эту уже переработанную информацию (т.н. концептуальные структуры) в речевой / текстовой форме. То есть язык, во-первых, помогает разными средствами (чаще лексическими, а именно: образными, метафорическими) выразить имеющиеся представления, сенсорные ощущения (с помощью лексики цвето-, термо-, звукообозначений); во-вторых, участвует в «подведении нового опыта ... в концептуальной системе человека под привычные рубрики человеческой классификации» [Кубрякова 1998: 146]. Иными словами, язык является средством, которое участвует в формировании знания о мире – с одной стороны, объективирует (вербализует) это знание – с другой стороны.

Исследователи отмечают наличие особого «ментального уровня репрезентации, на котором информация, передаваемая с помощью средств естественного языка сопоставляется с информацией, поступающей из различных органов чувств. Именно на этом уровне ментальной репрезентации происходит совмещение лингвистической, сенсорной и моторной информации» [Харитончик 1992: 102].

Эту идею развивают также представители семантико-когнитивного направления лингвистики. З.Д. Попова и И.А. Стернин утверждают, что «концепты в сознании человека возникают в результате деятельности, опытного постижения мира, социализации, а точнее, складываются из а) его непосредственного чувственного опыта – восприятия мира органами чувств; б) предметной деятельности человека; в) мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами; г) из языкового знания (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме); д) путем сознательного познания языковых единиц» [Попова, Стернин 2001: 40].

Однако важно подчеркнуть, что концептуальная структура, сформированная из единиц разных психофизиологических и собственно психических уровней сознания, не носит исключительно мозаичный характер. Рассуждая о разноуровневой природе концепта, исследователь Л.В. Бронник замечает: «Представим концепт на вершине иерархии, в основании которой находятся физические сущности, далее вверх по иерархической лестнице – биологические, психические (аффективно-перцептивные) и, наконец, высшие когнитивные. ... Наиболее фундаментальная связь, выражается отношением «часть – целое»: все сущности на данном уровне состоят из сущностей низших уровней, за исключением элементарного уровня, не имеющего структуры. Концепт как сущность высшей когнитивной организации непосред-

ственно образуется из низших психических компонентов – образов, эмоций, чувств и т.д. [Бронник 2009: 17]. «В то же время, – продолжает рассуждение исследователь, – концепт обладает уже качественно иными свойствами, отличными от психических...» [Бронник 2009: 17]. Такое свойство концепта Л.В. Бронник называет **эмерджентцией**. «С эмерджентной точки зрения, – поясняет исследователь, – структурная сложность концепта отражает разнообразие способов составления целого из компонентов, что приводит к гетерогенности целого» [Бронник 2009: 18]. Иными словами, концепт как целостное ментальное образование не тождествен составляющим его частям (результатам воображения, сенсорики и т.п.).

Таким образом, в формировании концептуальных структур участвуют различные процессы: перцептивное восприятие мира человеком (слуховые, зрительные, тактильные и др. ощущения), воображение, мышление в разных его вариантах. Все знания и представления человека о мире и себе самом получают ментальную обработку: проходят через разные процедуры, например, процедуры сравнения или противопоставления (поиска «аналогий» и вычленения «аномалий» сопоставляемых объектов), процедуры обобщения, анализа и под., т.е. упорядочиваются в человеческом сознании. Результат этих ментальных процедур и есть собственно концептуальные структуры. Многие из познанных феноменов получают имена, т.е. вербализуются, закрепляясь таким образом в национальном языке, что позволяет говорить о языковой картине мира как о корреляте картины мира концептуальной.

3.2.2. Соотношение терминов *понятие, значение, смысл, концепт*

В конце XX века одним из важнейших и спорных вопросов концептуальной лингвистики становится разграничение терминов *значение, понятие, концепт, смысл*. Н.Д. Арутюнова наделяет термин *концепт* собственным статусом, но ассоциирует с ним понятийное содержание языковых выражений. Термины *концепт* и *понятие* в работах Н.Д. Арутюновой нередко употребляются как синонимы. В своей статье «Истина: фон и коннотации» исследователь замечает: «Сам концепт *Истины*, как и другие понятия религиозного сознания, определяется как совокупность взаимозависимых признаков – атрибутов некоторой сущности, обозначаемой символом» [Арутюнова 1991: 24]. В другой работе Н.Д. Арутюнова отмечает: «Концепт – это понятие практической или обыденной философии, возникающей в результате

таких факторов как социальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства» [Арутюнова 1999: 3; цит. по: Welt im der Sprache 2005: 67].

Идея Н.Д. Арутюновой о некоей взаимозаменяемости этих терминов – *концепт* и *понятие* – обуславливается не только спецификой направления, которому принадлежит исследователь, но также тем, что концепт и понятие имеют много общего (и то, и другое принадлежит ментальному миру человека). К тому же, употребление одного лишь слова *концепт* в научных текстах вызывает стилистические трудности, поэтому *концепт* и *понятие* нередко фигурируют как синонимы. А.П. Бабушкин подчеркнул в работе 1996 года: «языковеды почти не оперируют термином «понятие» в его классическом смысле и предпочитают говорить о мыслительных конструктах, именуемых концептами» [Бабушкин 1996: 14].

Большинство лингвокогнитологов разграничивают данные термины. Так, В.З. Демьянков отмечает: «Понятия – то, о чем люди договариваются, их люди **конструируют** для того, чтобы иметь «общий язык» при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди **реконструируют** с той или иной степенью (не)уверенности» [Демьянков 2001: 45].

В.И. Карасик, обобщая исследование Ю.С. Степанова, отмечает существенное различие понятия и концепта: «Понятие – это мысль о предметах и явлениях, отражающая их общие и существенные признаки, а концепт – это идея, включающая не только абстрактные, но и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки» [Карасик 2005: 24]. При этом, безусловно, понятие и концепт не противопоставляются друг другу. Понятие, по справедливому замечанию В.И. Карасика, является одним из модусов концепта (стороной, ипостасью, аспектом изучения) [Карасик 2005: 26].

Таким образом, понятие – то, что объединяет людей для их взаимопонимания, концепты – то, что надстраивается на общее понятие, но при этом различает людей, так как у каждого свой сенсорный, жизненный, бытовой, социальный, культурный опыт.

Е.Ю. Прохоров отмечает, что «при всей специфике этого слова (концепт – *Дзюба Е.В.*) сохраняется его внутренняя связь с понятием – вместе это представляет собой нечто вроде «зародыша» понятия / понятий» [Прохоров 2008: 16]. Исследователь поддерживает свою мысль цитатой из работы другого ученого С.Х. Ляпина, который для осмысления сущности концепта использовал термин «прото-знание», вступающего в определенные отношения с другими элементами сознания, ср.: «Когда человек живет, общается, мыслит, действует в мире поня-

тий, образов, поведенческих стереотипов, ценностей, идей и др., ...одновременно он живет, общается, мыслит, действует в мире концептов, по отношению к которым традиционно понимаемые понятия, образы, поведенческие стереотипы и т.п. выступают частными, проективными, редуцированными формами. Последние, тем самым, могут быть истолкованы как вторичные и производные... формообразования человеческого бытия-в-мире; как разнообразные понижения его исходной глубинной симметрии; как знаки, символы, репрезентанты соответствующих концептов» [Ляпин 1997: 11, цит. по: Прохоров 2008: 16]. Л.О. Чернейко также подчеркивает, что «концепт включает понятие, но не исчерпывается им, а охватывает все содержание слова – и денотативное, и коннотативное, отражающее представления носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым в многообразии его ассоциативных связей» [Чернейко 1995: 75].

Наиболее убедительно в вопросе соотношения терминов *значение* и *концепт* рассуждение Н.Н. Болдырева в статье «Концепт и значение слова» [Болдырев 2001б: 25-36]. Автор подчеркивает, что «языковые средства передают лишь часть концепта, что подтверждается существованием многочисленных синонимов, разных дефиниций, определений и текстовых описаний одного и того же концепта. Значение слова – это лишь попытка дать общее представление о содержании выражаемого концепта, очертить известные его границы, представить его отдельные характеристики данным словом» [Болдырев 2001б: 26-27]. «Языковые значения, – продолжает рассуждение Н.Н. Болдырев, – передают лишь некоторую часть наших знаний о мире. Основная же доля этих знаний хранится в нашем сознании в виде различных мыслительных структур – концептов разной степени сложности и абстрактности, в содержание которых могут постепенно включаться новые характеристики. Эти характеристики, в свою очередь, будут требовать новых форм вербализации» [Болдырев 2001б: 27].

Чтобы продемонстрировать разницу между значением слова и концептом автор цитируемой работы приводит пример с единицей *пятерка*. Правильно интерпретировать эту единицу, по мнению Н.Н. Болдырева, можно только в рамках определенного *когнитивного пространства* (варианты термина: *ментального пространства*, *когнитивной модели* (Ж. Фоконье, Дж. Лакофф), *мыслительной области*, *области концептуализации* и т.п.). Так, в пределах концепта «оценка» все, кто учился в русской школе, подразумевают высший балл; в пределах концепта «деньги» понимают 5 рублей (в советское время особенно); в пределах когнитивной модели «общественный транспорт» понимают номер маршрута трамвая, троллейбуса или автобуса...

[Болдырев 2001б: 29 – 31]. Этот список можно продолжать: жители одного из районов Санкт-Петербурга понимают под этим словом название магазина под номером 5 (ср.: *Купил в «Пятерке»*) и т.д. Таким образом, «чтобы проанализировать значение слова в когнитивном аспекте, – подчеркивает исследователь, – необходимо установить когнитивный контекст, или область знания, которая лежит в основе значения данного слова, и определенным образом ее структурировать, показав, какие участки этой области и каким образом «схвачены» этим знаком, или какие прототипические характеристики легли в основу формирования данного значения» [Там же: 35].

Эта идея, высказанная Н.Н. Болдыревым, лежит в русле развивающегося современного направления – дискурсивного анализа концептов, так как одно и то же слово-концепт может участвовать в образовании разных когнитивных моделей в разных дискурсах.

Не менее авторитетно мнение В.А. Масловой, которая утверждает: «...*значение, концепт и понятие* – разные термины. Так, концепт и понятие – два параллельных термина: они принадлежат разным наукам: понятие – термин логики и философии, концепт – математической логики, культурологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, хотя по своей внутренней форме они сходны. Концепт и значение также не находятся во взаимодозначном соответствии. Концепт являет собой относительно стабильный и устойчивый когнитивный слепок с объекта действительности, так как он связан с миром более непосредственно, чем значение. Слово же своим значением всегда представляет лишь часть концепта. Однако получить доступ к концепту лучше всего через средства языка, через слово, предложение, дискурс» [Маслова 2007а: 40].

«Если понятие, – поясняет В.А. Маслова, – это совокупность познанных существенных признаков объекта, то концепт – ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, паремиологических и др.) [Маслова 2007а: 37]. Данное положение исследователь иллюстрирует следующим примером: «... в 60-ые годы считалось, что интеллигент – это тот, кто любит стихи. Сема, семантический множитель «любовь к поэзии» является несущественным признаком и не включается в понятие, однако в концепт он включен, и здесь он очень важен...» [Маслова 2007а: 38].

Соотнося концепт и понятия с видами картины мира, Л.И. Аверьянова утверждает следующее: «Как показывают современные научные исследования, понятие может быть определено как концепт, обрабо-

таннный наукой. Таким образом, понятие относится к научной картине мира, а концепт является основной единицей наивной картины мира» [Аверьянова 2009].

Нередко концепт отождествляют с термином *смысл* или *совокупность смыслов (смысловых компонентов)*. Смысл представляет собой «актуализированное речевое значение выражения в сиюминутной ситуации интерпретирования» [Демьянков 1996: 32]. При этом различию между речевым значением (смыслом) и значением как элементом языка еще в середине прошлого столетия сформулировал А. Р. Лурия: «... современные психолингвисты с полным основанием считают, что если "референтное значение" является основным элементом языка, то "социально-коммуникативное значение" или "смысл" является основной единицей коммуникации (в основе которой лежит восприятие того, что именно хочет сказать говорящий и какие мотивы побуждают его к высказыванию) и вместе с тем элементом живого, связанного с конкретной аффективной ситуацией использования слова субъектом» [Лурия 1979: 54].

Обратимся также к концепции Н.Н. Болдырева, осмысление которой позволяет выявить различие между понятиями *смысл* и *концепт*. Н.Н. Болдырев предлагает разграничивать концепты **тематические** и **операционные**. И те, и другие ментальные феномены исследователь именуется концептами, однако первые (тематические), согласно концепции Н.Н. Болдырева, представляют собой собственно единицы хранения знаний о мире, в том числе – о языке и языковой форме. Тематические концепты представляют собой «основные элементы концептуальной системы человека во всей полноте их содержания, которое подвержено влиянию многих факторов: исторического, национального, территориального, социального, образовательного и т.д.; ... результат количественного и качественного накопления знаний в процессе всей познавательной деятельности людей как определенного социума» [Болдырев 2014а: 69 – 70]. Такие концепты целесообразно, по мнению исследователя, рассматривать в статическом аспекте.

Операционные концепты, связанные с динамическим аспектом концептуализации, «выступают как единицы оперативного знания, которые формируются и передаются в процессе общения» [Болдырев 2014а: 71 – 72]. Иными словами, операционные концепты – это такие смыслы, которые рождаются в конкретной коммуникативной ситуации, ими оперирует человек в каждодневной языковой практике; тематические концепты (в их число включаются и лингвокультурные концепты) нацелены на хранение и передачу накопленной информации в виде неких теоретических конструкторов человеческого сознания. Ины-

ми словами, *смысл* (концептуальный смысл) – это лингвоментальный феномен, созданный в конкретном акте коммуникации (в речевом общении, конкретном тексте, дискурсе). Концепт имеет более сложную структуру, он «вбирает» всю совокупность смыслов, представленных разными высказываниями, репрезентирующими концепт, что делает последний значительно более объемным по содержанию, чем смысл.

Подобной точки зрения придерживается О.А. Алимуратов, отметивший различие данных понятий, которое состоит в следующем: «Концепт рассматривается как сущность, гораздо более широкая и информационно нагруженная, чем фрегевский смысл» [Алимуратов 2005]. (Одним из первых, кто поставил проблему соотношения значения и смысла, был немецкий математик и философ Г. Фреге, который еще в 1892 года предложил логическое основание для различения смысла и значения применительно к слову (имени) и предложению, языковому выражению). О.А. Алимуратов рассматривает концепт как более сложный и многоаспектный в сравнении со смыслом феномен и предлагает описание сложного механизма языковой концептуализации, действующего в сознании человека: от сфокусированного на объекте познания восприятия к созданию смыслов и их вербализации [см. подробнее: Алимуратов 2005: 43 – 56].

Необходимо подчеркнуть и различие терминов *контекстное значение*, которое рождается в процессе речевой коммуникации в результате взаимодействия конкретных значений используемых в акте коммуникации единиц языка, и *смысл*, который обладает эмерджентной природой. Смысл представляет собой такой феномен, который по объему содержания не тождествен совокупности конкретных значений языковых средств, его выражающих.

Безусловно, термины – *значение, понятие, концепт, смысл* – соотносимы по содержанию, но не тождественны. Они отличаются тем, что они 1) являются объектами разных областей научного знания; 2) имеют разную природу и разную сферу формирования; 3) обладают способностью / неспособностью к унификации (способностью / неспособностью быть одинаковыми в сознании разных людей); 4) отличаются объемом содержания (см. Таблицу 6).

Таблица 6

**Соотношение терминов
понятие, значение, концепт, смысл**

Единица исследования	Область научного применения	Природа феномена	Способность / неспособность к унификации	Объем содержания
Значение (лексическое, грамматическое)	Лингвистика	Лингвистическая (язык и его единицы)	Общее для всех носителей одного языка	Объем содержания ограничен знаниями, закрепленными в конкретном национальном языке
Понятие	Философия, логика	Ментальная (область сознания, мышления)	Общее для всех людей	Объем содержания ограничен универсальностью знания, имеющегося у всех людей
Концепт	Когнитивная (концептуальная) лингвистика, лингвокультурология	Ментальная и/или лингвоментальная (при наличии закреплённости языковыми знаками). Для лингвистов актуально соотношение языка и мышления, а также ментально обработанные и вербально закреплённых данных сенсорики, воображения, фантазии, опыта и т.д.	Имеет общие и различные признаки у людей разных этнических, социальных, гендерных, возрастных и иных групп	Обладает широкими границами, максимально охватывает знания и представления людей о мире, является результатом всех когнитивных процессов
Смысл	Гуманитарные науки, в т.ч. лингвокогнитология	Ментальная и/или лингвоментальная (при наличии закреплённости языковыми знаками). Рождается в конкретном акте коммуникации.	Имеет общие и различные признаки у людей разных этнических, социальных, гендерных, возрастных и иных групп	Объем содержания ограничен информационным пространством речевого выражения текста, дискурса

3.2.3. Определение концепта

Ученые предприняли множество попыток сформулировать понятие концепта, однако многообразие научных направлений и методов изучения концептуализации, разнообразие материала для исследования концептуальных структур отнюдь не способствуют установлению четких границ данного понятия. Ученые отмечают универсальность термина *концепт* и многоаспектность последнего, что позволяет использовать термин в разных гуманитарных науках и трактовать его по-разному [Воркачев 2009; Сорокина 2011; Татарская 2014 и др.]. Д.А. Татарская отмечает: «С точки зрения лингвистики, он (концепт – Е.Д.) представляет собой смысловое значение знака, его исследование направлено на поиск различных средств репрезентации концепта в языке, а также выявление их частотности. Лингвокогнитология имеет своей целью построение когнитивной модели представления данного понятия в языковом сознании носителя языка. Особенностью лингвокультурологического подхода является направленность на поиск национально-культурного компонента концепта. А философско-культурологическое исследование нацелено на выявление сущности данного феномена в общем контексте культуры» [Татарская 2014: 287].

Действительно, в лингвистике – и даже в лингвоконцептологии – существуют разные подходы к интерпретации концепта. В самом общем смысле концепт понимается следующим образом: информация как «идеальный продукт отражательного процесса ... сегментирована»... на отдельные части (понятия), «содержащие обобщения относительно превращенной формы мира» [Черняховская 1993: 118]. Целостная система знаний о мире, содержащаяся в сознании человека, состоит из структурно-организованных элементов – фрагментов общего знания, или **концептов**. Далее мнения о концепте расходятся.

Спорным является даже тот факт, когда впервые был использован этот термин. Так, С.А. Тихонова утверждает, что понятие *концепт* появилось в лингвистике в шестидесятые годы прошлого века в трудах Фреге и Черча и было заимствовано из математической логики [Тихонова 2005: 16]. Однако русский исследователь А.С. Аскольдов еще в двадцатые годы XX века использовал данный термин и предложил классификацию концептов, выявляя среди них познавательные и художественные [Аскольдов 1997: 271]. Некоторые же ученые (В.В. Колесов, Л.Г. Зубкова, Ю.С. Степанов) возводят данный термин к древнейшим истокам – «истокам античности (Платон – *эйдосы*), эпохе Возрождения (Августин Блаженный, *conceptus* – «зародыш, зернышко») [Сергеева 2004: 19].

В широкий научный обиход за рубежом данный термин вошел в 70-ые годы прошлого столетия, в отечественной лингвистике – в 80-ые гг. XX века. Однако и термин *концепт*, и свойства концепта понимались весьма неоднозначно. Так, например, В.Я. Шабес указывал на такое свойство концепта, как универсальность, отрицая при этом существование индивидуального или общенационального компонентов, ср.: «Система ... концептов ... является структурированным тривиальным фоновым знанием, поскольку именно на этом уровне нивелируется различие между индивидуальными опытами. Системы концептов лишены уникальности и, в силу их универсального характера, служат социальной когнитивной основой общения для людей с максимально различными индивидуальными опытами» [Шабес 1989: 19].

Иные акценты (*лингвокультурологические*) в понимании концепта составляет А. Вежбицка, которая предлагает такое определение: «**концепт** – это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность»... «Если концепт, – продолжает А. Вежбицка, – это объект идеальный, т.е. существующий в нашей психике, то естественно одному и тому же имени (слову) в психике разных людей могут соответствовать разные ментальные образования» [цит по: Фрумкина 1987: 3].

Н.Д. Арутюнова трактует концепт как «понятие практической (обыденной) философии, являющейся результатом взаимодействия таких факторов, как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. Концепты образуют «своего рода *культурный слой*, посредничающий между человеком и миром» [Арутюнова 1993: 3].

В.А. Лукин, продолжающий вслед за Н.Д. Арутюновой изучение концепта *Истина*, осуществляет попытку толкования термина концепт, опираясь на происхождение слова. Ученый дает следующее определение термина **концепт**: это «инвариант языковых форм выражения (соответствующей концептуальной идеи), который вбирает в себя их основные семантические свойства» [Лукин 1993: 70]. Такую дефиницию исследователь выводит из значения латинского слова *conceptus*, что означает ‘собирающий’, ‘вбирающий в себя’. Таким образом, **концепт** как термин когнитивной лингвистики «вбирает в себя обобщенное содержание множества форм выражения (концепта) в естественном языке, а также в тех сферах человеческой жизни, которые предопределены языком и немислимы без него» [Лукин 1993: 63] (*собственно лингвистический подход*).

Интересный подход (*психолингвистический*) к трактовке концепта предпринят В.А. Пищальниковой, обобщившей исследования А.Н. Леонтьева и продолжающей его традиции. А.Н. Леонтьев, решая проблему изучения смысла художественного текста, выделяет в его содержательной структуре «психологическое значение» и «личностные смыслы». При этом под «психологическим значением» исследователь понимает то, что открывается в предмете или явлении объективно, ...что фиксируется в языке, составляя содержание общественного знания»; «личностным смыслом» А.Н. Леонтьев считает «личное отношение субъекта к миру, фиксирующееся в субъективных значениях» [Леонтьев 1983: 147]. В.А. Пищальникова, предлагает уточнить в исследованиях предшественника характер взаимоотношений «личностных смыслов» и «психологического значения» и присоединить к этой оппозиции «еще одну определяющую сознания», назвав ее *смыслом*. При этом термин *смысл*, который включает в себя помимо «психологического значения» и «личностных смыслов» (в разных их соотношениях) «визуальные, тактильные, вкусовые, слуховые, вербальные... и другие возможные характеристики объекта» [Пищальникова 1991: 9], выступает в работе В.А. Пищальниковой как синоним к слову *концепт*. Таким образом, по мнению исследовательницы, **концепт**, кроме понятийного (логического) содержания, включает также «личностные смыслы», то есть ментально преобразованные данные сенсорного восприятия, житейского опыта, результаты воображения индивида и т.д.

На основании такого признака, как *сфера образования и функционирования*, понятие *концепт* было «расшифровано» В.В. Колесовым, определившим, что **концепт** «образуется и функционирует в силовом поле между значением слова и смыслом понятия, где значение слова – отношение языкового знака к содержанию понятия, а смысл понятия – отношение понятия к референту» [Колесов 1995: 15].

Д.С. Лихачев отметил, что «**концепт** не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев 1997: 281].

Ю.С. Степанов, представитель *культурологического* направления лингвистики, предлагает такое определение концепта: «**Концепт** – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997: 40].

Многие противоречия, которые наметились в 80-ые и в конце 90-ых гг. XX века в области определения природы и сущности концепта, смогли преодолеть авторы «Краткого словаря когнитивных терминов» [КСКТ 1996]. Так, Е.С. Кубрякова сформулировала общее определение

концепта, подчеркнув, что концепт отражает представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких *квантов* знания...» [Кубрякова и др. 1996]. Это общее определение подвело некий итог накопившемуся опыту изучения концептуальных структур как *когнитивного* феномена.

В последние годы в связи с нарастающим интересом к природе, структуре, специфике содержания концепта, в связи с появлением новых направлений в науке, число определений концепта растет. По признанию учёных, термин обладает «диффузным» содержанием, поскольку «покрывает предметные области нескольких научных направлений, прежде всего: когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, занимающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации» [Кубрякова 1996: 58]. Эту идею поддерживают и другие ученые, включая в этот список наук лингвокультурологию [см. Воркачев 2004: 42; Зацепина 2006: 19; Карасик 2005; Маслова 2001, 2004а, 2007а и др.]. Так, С.Г. Воркачев отмечает эту своего рода универсальность концепта и называет этот термин «зонтиковым» [Воркачев 2004: 40-50].

Новое столетие породило новые направления науки. Так, в настоящее время в рамках концептуальной (когнитивной) лингвистики активно развиваются *лингвокультурологическое* и *когнитивное* (в т.ч. *когнитивно-дискурсивное*) направления. Представители каждого из них акцентируют внимание на тех или иных особенностях концепта.

Представители лингвокультурологического направления рассматривают концепт как вербализованный феномен культуры: «**Концепт** – это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму.

План содержания лингвокультурного концепта включает как минимум два ряда семантических признаков. Во-первых, в него входят семы, общие для всех языковых реализаций, которые «скрепляют» лексико-семантическую парадигму и образуют его понятийную либо прототипическую основу. Во-вторых, туда входят семантические признаки, общие хотя бы для части его реализаций, которые отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой и связаны с ментальностью носителей языка либо с менталитетом национальной языковой личности [Воркачев 2004: 36-37].

В.И. Карасик, сопоставляя собственное осмысление концепта с мнениями других ученых (С.Г. Воркачева, В.В. Колесова, М.В. Пиме-

новой, Т.Н. Снитко и др.), понимает под **концептом** ментальное образование, в котором важным является ценностный компонент. Этот компонент исследователь признает культурно значимым и понимает под ним след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами, т.е. в единстве с «перцептивно-образным компонентом» [Карасик 2005: 27]. Ценностная составляющая признается как важнейшая в структуре концепта, что позволило ученым ввести понятие ценностной картины мира [см. подробнее: Арутюнова 1988; Карасик 2002; Телия 1996 и др.].

Так, В.И. Карасик подчеркивает: «...наряду с языковой картиной мира (в качестве ее аспекта) объективно выделяется ценностная картина мира в языке. Здесь уместно разграничить, по меньшей мере, этнокультурный и социокультурный планы, применительно к различным видам оценочных отношений, например, отношение к старшим и младшим, детям, женщинам и мужчинам, к животным, к собственности, к здоровью и болезням, к смерти, к состязаниям и играм, к труду и подвигу, к чуду и обыденности, к приватности, к жилищу, к земле и небу, к явлениям природы, ко времени и пространству. Такой материал прослеживается в этнографических, социологических, литературоведческих, лингвистических исследованиях. При изучении ценностной картины мира в языке мы исходим из следующих положений:

1) ценностная картина мира в языке включает общечеловеческую и специфическую части, при этом специфическая часть этой картины сводится к различной номинативной плотности объектов, различной оценочной квалификации объектов, различной комбинаторике ценностей;

2) ценностная картина мира в языке реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными литературными сюжетами;

3) между оценочными суждениями наблюдаются отношения включения и ассоциативного пересечения, в результате чего можно установить ценностные парадигмы соответствующей культуры (например, из определенного типа отношения к старшим и младшим можно вывести тип отношения к собственности, к состязанию, к приватности и т.д.);

4) в ценностной картине мира существуют наиболее существенные для данной культуры смыслы, **ценностные доминанты**, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик 2002].

Исследователь также подчеркивает практическую значимость изучения ценностной картины мира, которая заключается в следующем:

- в возможной интеграции достижений в области культурологического языкознания (от В. фон Гумбольдта до новейших лингвострановедческих работ), прагматической и социальной лингвистики;

- в наличии прикладной пользы от изучения рассматриваемой проблемы для преподавания языка, практики перевода, оптимизации межкультурного общения.

Лингвокогнитологи не настаивают на особой значимости аксиологической составляющей концепта, хотя, конечно, и не отрицают ее, однако сам концепт они рассматривают иначе: как мельчайшую единицу человеческого мышления, которой оперирует сознание в процессе когнитивной деятельности, ср.: «концепты представляют собой те идеальные, абстрагированные единицы, смыслами которых человек оперирует в процессе мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания. Человек мыслит концептами» [Болдырев 2001а: 23 – 24].

Г.Г. Слышкин указывает на различное понимание концепта с точки зрения когнитивной семантики и лингвокультурологии, подчеркивая, что «для когнитивиста одному концепту соответствует одна языковая единица; для лингвокультуролога концепт обладает свойством полиапеллируемости, т.е. он может и должен реализовываться при помощи целого ряда единиц языка и речи; для когнитивиста любому слову соответствует свой концепт, для лингвокультуролога именами концептов является ограниченное число культурно значимых единиц» [Слышкин 2004]. Действительно, если говорить, например, о феномене *автомобиль*, то вряд ли для лингвокультурологов он станет культурно значимым концептом, для когнитологов же это, безусловно, концепт.

В.И. Карасик, осмысляя различие названных подходов, также подчеркивает, что когнитологов интересуют общие процессы сохранения и структурирования в индивидуальном сознании информации о мире и самом себе в виде определенных структур представления знаний и оценок. При этом акцент делается на переработке информации от сенсорных сигналов до ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т.п.) в сознании человека. Лингвокультурологов интересуют только те концепты, которые характеризуют специфику культуры как совокупности человеческих достижений во всех сферах человеческой жизни. По мысли исследователя, «когнитивные концепты – это индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность. Культурные концепты – это коллек-

тивные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры» [Карасик 2015: 29].

Итак, общее определение **концепта** может быть сформулировано следующим образом: **это ментальный феномен, представляющий собой фрагмент знания о мире и, как правило, закрепленный в виде языковых знаков.** Однако концепты способны различаться по объему содержания, по характеру охватываемой информации, а также по ряду других признаков. В последние годы наметилось два основных толкования концепта: как мельчайшей единицы ментального мира человека – памяти, мышления и т.п. (когнитивный подход) – с одной стороны, как сложноорганизованного, культурно значимого ментального образования, отражающего фрагмент знаний и представлений конкретного народа о мире (лингвокультурологический подход).

3.2.4. Особенности и свойства концепта

Специалисты в области концептуальной лингвистики предлагают выделять разные особенности изучаемого феномена, среди которых целесообразно отметить общие и частные (или аспектные). Так, Л.Г. Бабенко в работе «Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа» указывает на общие признаки концепта, выделяя следующие: 1) «значимость концептуального пространства для любого развитого национального языка; 2) включение языка в процессы формирования концептуальных структур; 3) константность концептов в культуре, которая понимается как их постоянное присутствие в культурном сознании; 4) универсальность концептов, которая рассматривается как нечто общечеловеческое, панхроническое, всеобщее; 5) способность концепта к развитию, его динамическая природа» [Бабенко 2004: 104 – 106].

Исследователь В.А. Маслова определяет инвариантные признаки концепта в следующих положениях:

1) концепт – это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру;

2) концепт – это основные единицы обработки, хранения и передачи знаний;

3) концепт имеет подвижные границы и конкретные функции;

4) концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику;

5) концепт – это основная ячейка культуры [Маслова 2007: 47].

Однако в зависимости от того или иного аспекта изучения концепта исследователи дополняют этот список некоторыми другими признаками. Так, С.Г. Воркачев, обобщая результаты исследований других специалистов, называет такие признаки лингвокультурного концепта:

- внутренняя расчлененность,
- «семиотическая плотность» (т.е. представленность концепта целым рядом языковых единиц: языковыми синонимами, пословицами и поговорками, афоризмами, фольклорными и литературными произведениями и т.д.),
- коммуникативная релевантность,
- «переживаемость», «этимологическая память»,
- языковая абстрактность («концепт обобщает значения своих реализаций»),
- многоуровневость («концепт задается интервалом абстракции на множестве этих реализаций») [Воркачев 2004: 51].

Авторы учебника по лингвокультурологии Е.И. Зиновьева и Е.Е. Юрков, вслед за О.А. Ипановой, обобщившей работы Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, Ю.С. Степанова об особенностях концепта, указывают на наличие одиннадцати обязательных критериев для выделения лингвокультурного концепта: 1) слово-имя концепта должно быть частотным; 2) слово-имя концепта должно содержать активную производящую основу; 3) словарепрезентанты концепта должны активно входить в состав устойчивых идиоматических конструкций; 4) «переживаемость» концептов; 5) «номинативная плотность» (З.Д. Попова, И.А. Стернин); 6) «непредельность»; 7) «мировоззренческая ориентированность»; 8) «лингвокультурная отмеченность»; 9) коммуникативная релевантность; 10) «языковая абстрактность» (концепт обобщает значения своих лексических репрезентантов); 11) наличие «этимологической памяти» [Зиновьева, Юрков 2006: 149].

Следует упомянуть также наличие у концепта некоей «эмержентной» природы (термин Л.Г. Бронника, [Бронник 2009: 17]): концепт как целостное ментальное образование не тождествен составляющим его частям (результатам воображения, сенсорики и т.п.).

3.2.5. Структура концепта

Не менее актуален, чем вопросы о природе, сущности, разновидностях концептов, вопрос о структуре концепта как лингвокогнитивной единицы. Так, некоторые ученые высказывают мысль о потенциальной

бесструктурности концепта, так как смыслы, представления и вообще разные по степени ментальной обработки образования вряд ли могут быть логично упорядочены в человеческом сознании. З.Д. Попова и И.А. Стернин уточняют, что утверждение о полевой и иерархической структуре концепта относится скорее не к самому концепту, а к «той части концептуального мира, которая получила наименования и структуриацию средствами языка» [Попова, Стернин 2001]. Исследователи поясняют, что «нельзя моделировать то, что не имеет четких очертаний (типа облака), хотя получение списка признаков концепта, возможность распределения их на главные и второстепенные, более или менее яркие для национального сознания вполне очевидны» [Там же].

Большинство ученых соглашаются с идеей о наличии структуры у концепта, признавая условность данного положения, и говорят о его полевой организации, при этом в структуре концепта выделяют единицы разных уровней, границы которых, безусловно, весьма расплывчаты (см. подробнее Раздел II данного пособия).

Н.К. Рябцева в статье «Вопрос: прототипическое значение концепта» выделила структурные элементы концепта *вопрос*. Исследователь выявила базисный (центральный) элемент и периферийные компоненты, «заданные производными значениями слова *вопрос* и содержащие прототипическое значение, которое связывает их с центром радиально или цепочечно». При этом базисный элемент концепта задает модель ситуации, которая повторяется во всех случаях употребления слова *вопрос*, и содержит прототипическое значение «незнания» для всех смыслов, которые можно вложить в это слово» [Рябцева 1991: 75 – 76].

И.А. Стернин настаивает, что в структуре концепта выделяется ядро и периферия. Ядро, по мысли исследователя, будут составлять базовый слой и совокупность когнитивных слоев или сегментов; периферию – интерпретационная часть, которую составляет «совокупность слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из содержания концепта» [Стернин 2001: 61].

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин отмечают, что концепт включает три составляющие: понятийную, образную, ценностную [Карасик, Слышкин 2001: 78; Карасик 2002: 129]. В.И. Карасик отмечает: «Понятийная сторона представляет собой языковую фиксацию концепта, его обозначение, описание, признаковую структуру, дефиницию. Образная сторона – это характеристики, полученные через органы чувств, предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это признаки практического знания. Ценностная сторона – это сторона, присущая любому концепту, она

является определяющей для выделения концепта. Именно рассмотрение концептов с этой стороны может выявить ценностные доминанты, образующие определенный тип культуры» [Карасик 2002:129].

Мнение о трехкомпонентной структуре концепта разделяет и С.Г. Воркачев. Исследователь выделяет понятийную, образную и значимостную (у В.И. Карасика – ценностная!) составляющие концепта. С.Г. Воркачев подчеркивает, что «понятийная составляющая ... отражает признаковую и дефиниционную структуру концепта, образная составляющая фиксирует когнитивные метафоры, поддерживающие его в языковом сознании, значимостная составляющая определяется местом, которое занимает имя концепта в языковой системе [Воркачев 2002: 80, Воркачев 2004: 46].

Важно уточнить, что для большинства лингвокультурологов (В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина и др.) наличие именно ценностной составляющей отличает лингвокультурный концепт от других ментальных образований. Так, представители Волгоградской школы концептуальной лингвистики подчеркивают: «Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, выделяемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип), акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит ценностный принцип» [Карасик, Слышкин 2001: 77]. Ученые приводят пример с выделяемыми исследователями-когнитивистами З.Д. Поповой и И.А. Стерниным концептами, обозначающими специалистов по разведению воробьев, носорогов, крыс и т.д., для которых нет языкового обозначения (ср. нет таких лексем: *носороговод* или *крысовод*). Когнитивисты делают вывод, что не все концепты имеют прямые номинации, лингвокультурологи же вовсе будут отрицать наличие таких концептов. В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин указывают: «Для лингвокультурологии концепты *носороговод* и *крысовод* не существуют, но не потому, что для них нет языкового обозначения, а потому, что в сознании носителей языка нет ценностно-отношения к подобным феноменам» [Карасик, Слышкин 2001: 77].

Если рассматривать лингвокультурные концепты сквозь призму оппозиции «универсальное – специфичное», то в их структуре можно выделить три компонента: универсальный, этноспецифический, индивидуальный. **Универсальный компонент концепта** – это «семантические признаки, общие для всех языковых реализаций концепта, которые образуют его понятийную основу» [Воркачев 2002: 27]. В этой понятийной основе заложено то общее в концепте, что присуще всему человечеству.

Национальный компонент концепта – «семантические признаки, общие хотя бы для части его реализаций, которые отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой и связаны с ментальностью носителей языка или с менталитетом национальной языковой личности» [Воркачѳв 2002: 27].

Индивидуальный компонент концепта – такие когнитивные признаки, которые обусловлены сугубо индивидуальным опытом человека (изучение таких структурных компонентов особенно важно при исследовании художественных концептов).

Однако не все концепты имеют такое содержание. Те из них, что присущи одной языковой и культурной общности, содержат только общенациональный и индивидуальный компоненты [Тихонова 2006: 28]. Таким, например, является этноспецифичный концепт *юродство* в русской культуре, которое представляет собой форму добровольного безумия «ради Христа», добровольного отречения от жизненных благ во исполнение особой миссии – служения Богу и людям).

При изучении этнокультурных концептов в сопоставительном аспекте (в разных лингвокультурах) обнаруживаются т.н. концепты лакунарные, или «специализированные этнокультурные ментальные репрезентации, в концентрированном виде выражающие особенности той или иной культуры» [Долинский 2010]. В.А. Долинский указывает, что к числу таких лингвоментальных образований относят «активно транслируемые концепты, основанные на архетипических образах, укорененных в коллективном бессознательном и наделенных большой психической энергией. Значение концепта определяется ценностной составляющей, определяемой местом, которое занимает имя концепта в лексико-семантической системе конкретного языка, куда входят также и ассоциативные характеристики этого имени. Изучение концепта включает интерпретативный анализ ассоциативных реакций информантов на вербальные обозначения концепта» [Долинский 2010]. Так, например, концепт ХАЛЯВА в русской языковой картине мира отражает ментальные особенности русского человека.

В.А. Маслова выделяет большее количество компонентов в структуре концепта и отмечает, что «лингвокультурный концепт многомерен...», «что каждый концепт, как сложный ментальный комплекс, включает помимо основного смыслового содержания еще и оценку, отношение человека к тому или иному отражаемому объекту и другие компоненты:

- 1) общечеловеческий, или универсальный;
- 2) национально-культурный, обусловленный жизнью человека в той или иной культурной среде;

3) социальный, обусловленный принадлежностью человека к определенному социальному слою;

4) групповой, обусловленный принадлежностью языковой личности к некоторой возрастной и половой группе;

5) индивидуально-личностный, формируемый под влиянием личностных особенностей – образования, воспитания, индивидуально-го опыта, психофизиологических особенностей» [Маслова 2007а: 54].

Многие ученые, несмотря на различие подходов, организуют результаты своего исследования в виде поля. Так, концептуальные структуры в виде поля представлены в работах Л.Г. Бабенко, Л.О. Бутаковой, Ф.К. Сагдеевой, И.А. Стернина, Т.Г. Рабенко, А.П. Чудинова, М.В. Зацепиной, Е.В. Дзюбы и др.

Так, Л.О. Бутакова в работе «Концептуально-смысловой анализ русских пословиц и поговорок о *чести* / *бесчестии*» реконструирует поле концепта, руководствуясь большей или меньшей представленностью в паремиологических единицах того или иного понятийного компонента. Так, ядро концепта (80%) составляют высказывания, в которых присутствует маркер *честь*, репрезентирующий смысл в чистом виде. Основное поле концепта представлено выражениями с понятийными компонентами ‘уважение со стороны окружающих’, ‘принадлежность бескорыстного человека’, ‘ценность’ и другими, актуализирующимися соответственно в 45%, 25%, 20% случаев, причём, некоторые высказывания в семантическом отношении отличаются имплицитностью субъекта. На периферии концепта находятся высказывания, реализующие негативную оценку *чести* (5%) и высказывания, репрезентирующие значение ‘честь как нечто исходное, глубинное’ (2%) [Бутакова 2005: 82-88].

Ф.К. Сагдеева в исследовании «Отражение концепта *труд* в лексико-фразеологических средствах» рассматривает паремиологические единицы языка и на их основе реконструирует отношение к труду русских и татар. Автор отмечает, что *труд* как фрагмент концептуальной картины мира имеет много общего в этих двух культурах. «Оценка труда в обоих языках носит в большей степени положительный характер и определяется одинаковыми лексемами»; «и в русских, и в татарских паремиях необходимость трудиться и разумное отношение к труду предполагает совмещение работы и игры»; и в русских, и в татарских пословицах и поговорках «лень и безделье не кормят человека и не прибавляют ему достатка».

Однако исследователю удается методом компонентного и концептуального анализа выявить некоторые этноспецифические различия. Например, несмотря на то, что «общим для сравниваемых языков явля-

ется осмысление концепта *труд* через соотнесение с компонентом *душа*,.. в русском языке душа ассоциируется с делом, которое выполняется с увлечением, интересом, полной отдачей сил: *работать с душой, вкладывать в работу душу*, а в татарском языке на первый план выходит идея напряжённого труда, требующего значительных усилий, наполненная положительной коннотацией: *работать, проливая пот* [Сагдеева 2004: 120-123]. Таким образом, общие для обеих культур единицы являются ядерными, базовыми; этноспецифичные – периферийными.

М.В. Зацепина в диссертационном исследовании «Концептуализация феномена *отчуждение* в русской и немецкой этноконцептосферах» предпринимает успешную попытку компаративного исследования названного феномена. Автор рассматривает данный концепт в научной и языковой картине мира, в частности, в различных философских течениях, анализирует репрезентацию понятия *отчуждение* в русском и немецком языках в справочных пособиях социологического, психологического, теологического, юридического характера, а также в художественном дискурсе и прецедентных текстах. Исследователь структурирует концепт *отчуждение* в виде поля, где ядром является имя концепта и ключевые лексемы-репрезентанты. По мере удаления от центра в поле концепта включаются синонимы и антонимы ключевой лексемы. Периферию концепта составляют фразеологические сочетания, свободные словосочетания, грамматические категории, структурные и позиционные схемы предложений и даже текстов и совокупностей текстов [Зацепина 2006].

Важно заметить, что полевая структура, изображаемая обычно в плоскости и представленная во многих исследованиях в виде круга, – понятие весьма условное. Структура концепта вбирает ментальные единицы – смыслы, вряд ли имеющая четкие границы. Тем не менее, такое графическое изображение смысловой структуры концепта удобно для представления и ранжирования когнитивных признаков, формирующихся как единицы разных уровней ментального обобщения.

3.3. Современные классификации концептов

В настоящее время известно множество классификаций концептов. Впервые, еще в первой трети XX века, русский исследователь С.А. Аскольдов (Алексеев) разграничил **познавательные** и **художественные** концепты и определил специфику каждого из них. Автор пионерской в этой области статьи «Концепт и слово» отметил, что в искусстве познание идет иным путем, чем в логике, науке. По мнению С.А. Аскольдова, познавательные концепты характеризуются «общностью», так как это всего лишь схематический чертеж многих сходных предметов», то есть «схематические представления, лишенные тех или иных конкретных деталей», приписываемых предметам индивидуальным сознанием [Аскольдов 1997: 271]. Если «концепты познания – общности, то концепты искусства – индивидуальные» [Аскольдов 1997: 274], так как любое художественное видение мира, его представление субъективно, что и отражает текст того или иного автора. Другое существенное отличие художественного концепта и концепта познания исследователь видит в том, что «к концептам познания не примешиваются чувства, желания, вообще иррациональное. Художественный концепт чаще всего есть комплекс того и другого, то есть сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений» [Аскольдов 1997: 274].

Таким образом, художественный концепт способен создавать определенное «эмоциональное и эстетическое напряжение», чего чаще всего лишены концепты познания. Вероятно, поэтому в структуре художественного концепта, кроме собственно общих и индивидуальных познавательных смыслов, можно выделить также эмотивно-оценочные: негативные и позитивные, или аксиологические, перцептивные и т.д.

В современной науке также выделяют, по крайней мере, два типа концептов в соответствии с аспектом рассмотрения данного феномена: концепт как единица лингвокультурологии и концепт как объект когнитивно-семантического анализа.

Однако эта общая классификация требует более мелкого рубрицирования. Ю.С. Степанов предлагает рассматривать два важных типа концептов: концепты, представляющие собой **«рамочные понятия»**, и **«концепты-«понятия с плотным ядром»**.

Рамочные концепты, по мнению исследователя, имеют «некоторый основной, актуальный признак (или некоторую небольшую совокупность таких признаков), который, собственно, и составляет главное содержание концепта. Возникновение концепта как «коллективного бессознательно» или «коллективного представления» – результат стихийного, органического развития общества и человечества в целом. ...Далее эти концеп-

ты, собственно – их «рамка», могут «примериваться», «накладываться» на то или иное общественное явление, в данных случаях – на то или иное общество (причем другие исключаются), на ту или иную социальную группу (причем другие также исключаются). Здесь мы имеем дело с другим процессом, который вряд ли можно назвать «органическим» или стихийным. Это есть процесс социальной оценки, подведения под норму, под норматив, процесс, связанный с сознательной деятельностью общественных сил и даже с их борьбой» [Степанов 1997].

Такие «накладываемые» концепты Ю.С. Степанов называет «понятиями с плотным ядром» [Там же]. Исследователь продолжает свои рассуждения: «Конечно, могут сказать, что не только концепты, которые мы назвали «рамочными», отличаются этой особенностью, что многие, а может быть и все, духовные концепты имеют некоторое идеальное содержание (что, собственно, и составляет сам концепт), которое можно «примеривать» к разным конкретным социальным или личным явлениям. Так, мы говорим, например, что «это (какое-то конкретное нечто) есть *Любовь*», а «вот это (другое нечто) – не *Любовь*». ...Однако между этими концептами и концептами первой группы, «рамочными», есть существенное различие. Вторые, т.е. *любовь, вера* и т.п. культурно значимы в своей целостности, во всем своем составе признаков, и отвлечение одного из них в качестве «рамки» концепта, хотя и возможно, но есть лишь искусственная логическая процедура. В первом же случае, напротив, «рамка» и есть основное содержание концепта, в силу которого концепт и является культурно и социально значимым, – высшая точка его развития. ...Это различие может быть поставлено в параллель с некоторыми философскими соображениями о разделении понятий на две группы – понятий априорных и понятий апостериорных (опытных или эмпирических) [Степанов 1997].

В.И. Карасик выделяет такие типы концептов: «1) специализированные этнокультурные и социокультурные концепты, в концентрированном виде выражающие особенности культуры; 2) неспециализированные концепты, культурная специфика которых выражена в меньшей мере и требует поиска скрытых культурно значимых ассоциаций; 3) универсальные концепты, не имеющие культурной специфики» [Карасик 2005б: 9].

Среди этноспецифических концептов В.И. Карасик предлагает содержательно «противопоставить **параметрические** и **непараметрические** ментальные образования. «К первым, – уточняет исследователь, – относятся те концепты, которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, количество, качество и др.» [Карасик 2005б: 30]. Одним из важнейших признаков категориального статуса таких концеп-

тов «является их автоматический характер, наличие **бинарной оппозиции** как конструктивного признака концепта» [Карасик 2005б: 31].

К непараметрическим относятся концепты, имеющие предметное содержание. Их, по мысли В.И. Карасика, можно разбить на 2 класса. Первый представляют **регулятивные концепты**. К ним относятся те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент (например: *счастье, долг, щедрость* и т.д.) и которые детерминируют и регулируют поведение человека. При этом среди них выделяются телеономные концепты (т.е. отправляющие к универсалиям духовной культуры и создающие для человека смысл жизни, например: *счастье, любовь*) и более частные концепты (*гордость, милосердие* и т.д.). Именно эти регулятивные концепты в большей степени представляют интерес для лингвокультуролога. Ко второму классу В.И. Карасик относит **нерегулятивные концепты**, которые представляют собой синкретичные ментальные образования разного характера (например: *путешествие, подарок, здоровье* и т.д.), они выражают как негативные, так и позитивные ценности (например: *надежда и зависть*) [Карасик 2005б: 30 – 33].

Среди концептов-регулятивов исследователь также выделяет **универсальные, этноспецифические, социоспецифические и индивидуальные концепты** [Карасик 2005: 32]. Однако ученый подчеркивает возможность и других подходов к типологизированию концептов, например, лингвистичную (точнее – частеречную) в своей основе типологию, в которой выделяются предметные, сценарные и качественные концепты (аналогия с семантикой прототипных существительных, глаголов и прилагательных); когнитивно-психологическую, предполагающую картинки, схемы, сценарии, гиперонимы и т.д. [Карасик 2005: 32–33].

Последняя из названных классификаций подробно рассмотрена исследователем А.П. Бабушкиным, который предлагает следующую типологию: мыслительные картинки, схемы, фреймы, сценарии, кейдоскопические и логически-структурируемые концепты.

Мыслительные картинки сугубо индивидуальны, они основаны на конкретном жизненном опыте человека. Так, исследователь рассуждает: «...один носитель языка может ассоциировать лексику *дорога* с проселочной дорогой к дому, где знаком каждый бугорок и выбоинка, другой «мысленным взором» видит широкую автостраду, ведущую к аэропорту, но общая схема ‘протяженье’... будет включаться в состав семемы этого слова» [Бабушкин 2001: 28]. **Концепт-фрейм**, по мнению исследователя, «имплицитно включает комплексную ситуацию; его можно сопоставить с «кадром», в рамки которого попадает все, что типично и суще-

ственно для данной совокупности обстоятельств» [Бабушкин 2001: 29]. Исследователь приводит пример со словом *больница*. В этом случае фрейм будет включать такие компоненты, как приемный покой, палаты с кроватями для больных, врачи и медсестры и т.д. **Сценарий**, как считает А.П. Бабушкин, это развернутый в динамике концепт. Сценарий состоит из этапов, так как в нем есть завязка, кульминация сюжета и развязка.

Логически-конструируемые концепты в типологии А.П. Бабушкина абсолютно лишены образного начала, они вообще далеки от чувственного человеческого опыта. Смысл таких концептов равен их словарному толкованию. **Калейдоскопические концепты**, напротив, сопряжены с когнитивными метафорами (гештальтами), через призму которых постигается сущность абстрактного имени [Бабушкин 2001: 55 – 57].

Рассуждая о названных типах концептов, А.П. Бабушкин подчеркивает, что «эти типы носят универсальный характер, а национальная специфика концептов заключается в различии их содержания при тождестве их типов» [Бабушкин 2001: 57].

В.И. Карасик предлагает дополнить данную классификацию еще одной рубрикой: «Наряду с картинками, схемами, сценариями, гиперонимами и другими разновидностями концептов можно выделить лингвокультурный типаж [Карасик 2005б: 30-33]. При этом под лингвокультурным типажом (далее – ЛТ) исследователь понимает «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик 2007: 88]. Исследователь приводит в качестве примера наиболее яркие типажы: *чужак* в английской культуре, человек с забавными странностями в поведении, обычно увлеченный каким-либо занятием и никому не причиняющий неудобств; *юродивый* в русской средневековой культуре, нищий, придурковато-блаженный, истязающий себя и обладающий даром прорицания человек, и т.п. [Карасик 2005б: 89].

По признакам яркости и оценочности В.И. Карасик выделяет 1) яркий ЛТ, 2) неяркий ЛТ, 3) положительный ЛТ, 4) отрицательный ЛТ.

Поскольку ЛТ – это ментальное образование, он также является концептом, следовательно, в его структуре можно выделить образную, понятную и ценностную составляющие [Карасик 2005б].

О.А. Дмитриева, изучающая лингвокультурные типажы России и Франции XIX века, дает самое общее определение ЛТ («языковая личность в ракурсе лингвокультурологии выступает в качестве лингвокультурного типажа» [Дмитриева 2007: 56]) и указывает, что «коммуникативное поведение ЛТ регулируется ценностными приоритетами, стереотипами, архетипами» [Дмитриева 2007: 57]. Из этого следует, по

мнению исследователя, что черпать материал для изучения ЛТ необходимо на основании анализа паремий и афоризмов, сюжетов литературы, ассоциаций слова и речения, юридических норм общества, данных опросов, анкетирования и других источников» [Дмитриева 2007: 57].

Подробную классификацию типов и видов концептов лингвокультурологии разработала М.В. Пименова. Исследователь предлагает классифицировать концепты по нескольким основаниям. Так, концепты были разделены исследователем на три категориальные класса: 1) **базовые концепты**, которые составляют фундамент языка и всей картины мира (космические, социальные и психические (духовные) концепты); 2) **концепты-дескрипторы**, квалифицирующие базовые концепты, среди которых выделяются дименсиональные концепты (концепты измерений: *размер, объем, глубина, высота, вес* и др.); качественные концепты, выражающие качество (*тепло – холод, целостность – партиитивность, твердость – мягкость*); квантитативные концепты, выражающие количество (*один, много, мало, достаточно – недостаточно*); 3) **концепты-релятивы**, реализующие типы отношений, среди которых отмечаются концепты-оценки (*хорошо – плохо, правильно – неправильно, вредно – полезно*); концепты-позиции (*против, вместе, рядом, близко – далеко, современный – несовременный*); концепты-привативы (*свой – чужой, брать – отдавать, владеть – терять, включать – исключать*) [Пименова 2007б: 81].

Далее М.В. Пименова конкретизирует каждый из классов базовых концептов. Так, например, среди психических (духовных) концептов исследователь выделяет концепты внутреннего мира (*душа, дух, сердце*); концепты характера (*азартность, терпение, благодущие, великодушные, гордость, грубость, доверчивость, мечтательность*); концепты эмоций (*веселье, радость, счастье, злость, грусть, страдание, верность, тоска, тревога, любовь*); ментальные концепты (*знание, ум, мысль, понимание, память, представление, разум, рассудок, воображение, вдохновение, сознание*) [Пименова 2007б: 81 – 82].

Исследователь предлагает также выделить основные типы концептов по разным основаниям и предлагает следующую классификацию:

1) по признаку развития структуры концепты можно разделить на **развивающиеся** (активно используемые в национальной концептосфере, пополняющие свою структуру новыми признаками) и **застывшие** (концепты, структуры которых перестали пополняться новыми признаками; обычно такое явление объясняется исчезновением реалий, связанных с этим концептом, процессом перехода слова – репрезентанта концепта – из активного словарного запаса в пассивный (архаизмы и историзмы);

2) по признаку появления концепты можно подразделить на **исконные** (те концепты, которые зародились в национальной концептосфере) и **заимствованные** (те концепты, которые были привнесены из других национальных концептосфер);

3) по признаку постоянства базовой структуры концепты бывают **сохранившимися** (такие концепты, у которых понятийная и ценностная часть структуры концепта не изменилась, несмотря на исчезновение или трансформацию референтов) и **трансформировавшимися** (те концепты, которые были перенесены в связи с исчезновением референтной базы на новые реалии);

4) по признаку первичности концепты делятся на **первичные** (те концепты, которые появились первыми и послужили базой для развития производных) и **производные** (на последнее указывают производные слова – репрезентанты концепта; первоначально производные концепты входили в качестве составных признаков в структуру основного концепта, позже они развивались самостоятельно, однако их структуры до сих пор не достигли той степени развития, которая существует у первичного концепта);

5) по признаку актуальности концепты можно разделить на **ведущие**, или ключевые (концепты, широко представленные в паремиологическом фонде, фольклоре, художественной литературе: *душа, сердце, ум, человек, природа* и др.), и **второстепенные** (концепты, которые находятся на периферии концептосферы, они вторичны, менее актуальны, их репрезентанты менее частотны, например, концепты *чиновник, консультант*).

Также выделяются **постоянно актуальные, неактуальные и переменные («плавающие») концепты**.

Постоянно актуальные – ведущие (ключевые) концепты, неактуальные – второстепенные концепты, переменные («плавающие») – это концепты, периодически становящиеся то актуальными, то неактуальными.

В зависимости от промежутка времени, когда концепт становится снова актуальным, концепт может стать трансформировавшимся. Переменные концепты могут иметь имя, репрезентирующее концепт, и даже часть своей структуры. Так, в период войны на Кавказе в XIX веке в русской концептосфере был актуален концепт *абрек*. В последнее десятилетие этот концепт трансформировался и стал не менее актуальным под именем *чеченец* [Пименова 2007б: 84 – 86].

С точки зрения объема содержания и функции Н.Н. Болдырев разграничивает концепты **операционные** и **тематические**. К первым, по мнению исследователя, относятся собственно единицы мышления, формирующиеся в результате действия таких когнитивных механиз-

мов, как профилирование, перспективизация, фокусирование, сравнение, концептуальная метафора, концептуальная метонимия и др. Вторые представляют собой «результат количественного и качественного накопления знаний в процессе всей познавательной деятельности людей» [см. подробнее: Болдырев 2014а: 68 – 74].

И.А. Стернин, рассматривая данную ментальную единицу с точки зрения структурной организации, выделяет в структуре концепта базовый слой, или ядро, к которому прирастают дополнительные когнитивные слои, «отражающие определенный результат познания внешнего мира, то есть результат когниции» На это основании исследователь разграничивает три типа концептов: 1) **одноуровневые**, состоящие только из базового слоя (*желтый, зеленый, соленый, ложка, чашка, тарелка* и т.п.); 2) **многоуровневые**, имеющие, помимо базового слоя, когнитивные слои, отличающиеся уровнем абстракции (ср.: *грамотный* – базовый слой: образованный человек; когнитивные слои разной степени абстракции: умеющий читать и писать; умеющий хорошо читать и писать; умение эффективно общаться и т.д.); 3) **сегментные**, состоящие из базового слоя, окруженного несколькими сегментами (ср.: концепт *толерантность* – базовый слой: терпимость, сдержанность; сегменты: политическая толерантность, научная толерантность, бытовая толерантность, административная толерантность и т.п.) [Стернин 2001: 59–61].

В современной науке, таким образом, сложились разные подходы к типологизации концептов, что обусловлено сложной природой образования концептов, разнообразием когнитивных механизмов, участвующих в процессе концептуализации, сложностью структурной организации концептов и – как следствие – многоаспектностью изучения данной единицы ментального мира человека.

3.4. Понятие концептосферы

С точки зрения структуры и принципа системности концепт является как составляющей, так и составной единицей. «Каждый концепт, обладая определенным смысловым пространством, которое, в силу непрерывности формирования концепта или концептуальной системы в целом, находится в процессе постоянного структурирования, т.е. взаимодействия с другими» [Пищальникова 1991: 58]. На основании взаимодействия имеющихся концептов и включения новых формируются ментальные пространства, т.е. объединения концептов одного смыслового

поля, совокупность которых представляет собой концептуальную систему целостного знания и представления о мире, т.е. концептосферу.

Термин *концептосфера* в научный обиход был введен Д.С. Лихачевым в статье «Концептосфера русского языка». Исследователи довольно быстро ввели термин в научный обиход, отмечая разные оттенки его значения. В.А. Маслова понимает под концептосферой «совокупность концептов, из которых, как из мозаичных кусочков, складывается полотно миропонимания носителя языка» [Маслова 2007а: 34]. В качестве иллюстрации исследователь приводит пример концептосферы православного русского сознания, отмечая, что «генетический код, вошедший в сознание нашего народа, в его менталитет и духовный опыт, может быть репрезентирован концептами *Слово, Творец, Истина, Добро, Благо, Мир, Свобода, Польза, Человек*, каждый из которых обладает сакральными смыслами в пределах концептосферы русского православного сознания» [Маслова 2007а: 34].

Представители семантико-когнитивного подхода к изучению концептов З.Д. Попова и И.А. Стернин употребляют термин *концептосфера* в таком значении: «это упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления» [Попова, Стернин 2006: 26]. Исследователи отмечают, что концептосферу составляют не случайно собранные концепты, З.Д. Попова и И.А. Стернин подчеркивают, что это упорядоченная совокупность концептов, это совокупность единиц, находящихся друг с другом в системных отношениях [Попова, Стернин 2006: 26].

Ученые говорят о некоей изоморфности структуры самого концепта и целой концептосферы. В.А. Маслова отстаивает положение о полевой структуре концептосферы: «В структуре концептосферы есть *ядро* (когнитивно-пропозициональная структура важного концепта)», *приядерная зона* (иные лексические репрезентации важного концепта, его синонимы и т.д.) и *периферия* (ассоциативно-образные репрезентации). Ядро и приядерная зона преимущественно репрезентирует универсальные и общенациональные значения, а периферия – индивидуальные» [Маслова 2007а: 35].

Концепты, связанные системными отношениями, образуют некие ментальные пространства в рамках одной концептосферы.

Термин *ментальные пространства* используется в работах Ж. Фоконье и М. Тернера (см. подробнее: Раздел 2). Однако В.Г. Гольдберг в работе «Ментальные пространства, отражающие биологическое существование человека» отмечает, что данный термин у Ж. Фоконье и М. Тернера трактуется довольно узко, исследователи понимают под ментальным пространством «небольшие концептуальные объединения / «пакеты», создаваемые по мере того, как мы думаем и го-

ворим» (перевод В.Г. Гольдберг). Авторы сосредоточиваются, по словам В.Г. Гольдберг, лишь на изучении причинно-следственных отношений между концептами, которые создают основу ментального пространства. Отечественный исследователь утверждает, что «в основе формирования ментального пространства может находиться не только причинно-следственная концептуальная связь, но и другие типы концептуальных связей. В зависимости от этого будут различаться типы ментальных пространств» [Гольдберг 2004а: 7]. Автор цитируемой работы выделяет разные типы концептуальных связей: меронимическую связь (отношения включения), меронимо-динамическую связь (отношения части и целого), фазовые связи, связь «тяготение», реминисцентные связи, антонимические связи, градуарные связи, полярные связи, мотивирующе-целевые связи и т.д. [Гольдберг 2004а: 8 – 20].

Действительно, смысловые единицы одной концептосферы могут образовывать ментальное пространство на основе таких типов отношений: отношения включения (например, *ум – знание, мудрость – опыт – возраст* и т.п.), отношения антинимичности (*ум – глупость, свет – тьма жизнь – смерть* и др.), причинно-следственные отношения (*преступление – наказание, грех – вина*) и др.

В последние годы активно изучались как отдельные концепты разных лингвокультур, так и концептуальные пространства (концептосферы), формируемые концептами, объединенными разного рода смысловыми связями. Так, в многочисленных диссертациях и научных статьях, в сериях сборниках научных трудов «Логический анализ языка» (1988–2008 гг.), «Когнитивные исследования языка» (2008–2017 гг.), «Антология концептов» (2005–2011 гг.), «Концептуальные исследования» (2002 – 2015 гг.), «Концептуальный и лингвальный миры» (2011 – 2017 гг.) и др. на материале разных языков и лингвокультур была описана значительная часть концептов **сферы «Человек и его мир»**, среди которых можно выделить:

- **эмоциональные концепты** (*счастье, любовь, ненависть, радость, мечта, душа / сердце, красота, страх, удивление, страх, радость, печаль, гнев* и др.);

- **ментальные концепты** (*ум, глупость, дурак, homo sapiens, остроумие, рассудок* и др.);

- **социальные концепты** (*Европа, ЕС, Германия, Америка, Россия, свободная страна, родина, народ, власть* и др.);

- **артефактные концепты** (*язык, русский язык, игра, театр, дом, деньги* и др.);

- **категориальные концепты** (*подлинность, жизнь, смерть, бессмертие, истина, правда, ложь, свобода, воля, причина, дружба, об-*

ман, приватность, пунктуальность, предательство, верность, толерантность и др.);

- **этические концепты** (*грех, преступление, наказание, оскорбление, внутренний человек, добро, зло, обман, вежливость, воровство, запрет* и др.).

Вероятно, менее интересна ученым **сфера «окружающий человек мир»**, среди концептов этой сферы описаны *вода, свет, тьма, цветоток* и др. Такой перевес в описании концептов двух сфер является еще одним свидетельством своеобразного «крена» лингвистической науки в сторону антропоцентризма.

Обобщение. Лингвоконцептология является таким направлением когнитивной лингвистики, которое сосредоточено на изучении одного из аспектов когниции – на процессе концептуализации. Объектом концептуальных исследований является результат концептуализации – собственно концепт, который понимается, с одной стороны – как единица оперативного мышления, с другой стороны – как сложно структурированный феномен, обобщающий познавательный опыт индивида, социума, человечества. При этом концепт интегрирует информацию, поступающую к человеку извне по разным каналам перцепции, обобщает абстрактные и конкретно-чувственные образы, тем самым отличаясь от других ментальных единиц: понятия и языкового значения. Концепт является дискретной единицей, включающей набор иерархически организованных (ядерных и периферийных) когнитивных признаков. Собственно по структуре и объему информации концепты разграничиваются на разные виды (мыслительные картинки, рамочные понятия и понятия с плотным ядром, фреймы, сценарии и т.д.). Разграничение в содержательной структуре концептов универсального, национального и индивидуального компонентов позволяет выявить этнокультурную специфику концептов при их сопоставлении в разных лингвокультурах или обнаружить индивидуально-авторские особенности представлений о мире у разных поэтов и писателей при сопоставлении разных художественных картин мира. Между собой концепты как фрагменты знания о мире способны вступать в определенные отношения: отношения включения (*любовь – семья*), противопоставления (*ум – глупость, добро – зло*), причины и следствия (*преступление – наказание, грех – вина*) и т.д. Такие взаимосвязанные концепты представляют собой концептосферы, или ментальные пространства, а все знание о мире, вероятно, образуют целостную концептуальную систему знаний и представлений человека о мире.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте фрагмент статьи Д.А. Татарской о разных подходах к интерпретации концепта. Что, по Вашему мнению, обуславливает высокую востребованность термина *концепт* со стороны разных гуманитарных наук? Как можно оценить этот факт: позитивно или негативно? Свой ответ мотивируйте.

Татарская Д.А. Понятие «концепт» в системе наук о культуре // Вестник МГИМО. – 2014. – № 4 (37). – С. 287 – 293.

Хотелось бы отметить приобретение термином «концепт» исключительного значения в рамках парадигмы гуманитарного знания. Данное понятие отличается универсальностью, но в то же время реконструкция различного рода «концептов» имеет в науках о культуре свои особенности, в зависимости от выбранного метода анализа. Лингвистические исследования ориентированы в основном на поиск различных средств репрезентации концепта в языке, построении когнитивных моделей, понимании структур, фиксирующих информацию у нас в сознании, лингвокультурологические поиски направлены на отыскание «национально-культурного» компонента концепта, изучении ментальности народов на основе языка. Для философского же исследования характерен широкий взгляд на мир человека, языка и культуры, философия ищет «всеобщее» в исследуемом объекте, поэтому исследование «концепта» с точки зрения этой науки будет отличаться более широким взглядом на предмет. Философско-культурологические исследования способны внести глубину в проблему изучения базовых ценностей представителей различных народов, а также теорию современных международных отношений. Как отмечает академик А.В. Торкунов, «философские науки остаются важнейшим средством упорядочения знаний о действительности – российской и международной» [21, с. 416]. С учётом всего вышеизложенного, хотелось также дать собственное определение концепта, который, на наш взгляд, представляет собой культурно-исторический феномен, продукт индивидуального и коллективного творчества народа, обладающий целостной структурой, а также выступающий в роли транслятора культуры как в межкультурном взаимодействии, так и последующим поколениям. Концепт, в полной мере реализует собой идею междисциплинарного подхода, может выступать как один из методов познания современной гуманитарной реальности.

Задание 2. Прочитайте определения концепта, предложенные разными учеными. Определите, какой подход к изучению концепта предпочитает каждый из исследователей. Обозначьте аспекты изучения концепта. Своё мнение аргументируйте.

1. **«Концепт»** – семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определённой этнокультуры. Отражая этническое мировидение, концепт маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия». В то же время – это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не возникает непосредственно из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Он окружён эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» (В.А. Маслова).

2. **«Концепт»** понимается ... как дискретное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об

отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» (И.А. Стернин).

3. **«Концепт** – это идея, включающая не только абстрактные, но и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, в отличие от понятия – мысли о предметах и явлениях, отражающей их общие и существенные признаки» (З.Д. Попова).

4. **«В лингвистике эмоциональные концепты** определяются как этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя, помимо понятия, образ и оценку, и функционально замечающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации множество однопорядковых предметов (в широком смысле слова), вызывающих пристрастное отношение к ним человека» (Е.А. Пименов).

5. **«Концепт** (concept, Konzept) – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis) всей картины мира, отраженной в человеческой психике» (Е.С. Кубрякова и др.).

6. **«Концепт** – это содержательная сторона словесного знака..., за которой стоит понятие (т.е. идея, фиксирующая существенные «умопостигаемые» свойства реалити и явлений, а также отношения между ними), принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека, выработанное и закрепленное общественным опытом народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально субъективно осмысливаемое и – через ступень такого осмысления – соотносимое с другими понятиями, ближайшее с ним связанными или, во многих случаях, ему противоположаемыми» (Н.Ю. Шведова).

7. **«Концепт** – это всегда знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности» (В.Н. Телия).

8. **«Концепт** – это некий смысл, выражаемый в лексемах (или граммах) естественного языка» (Е.В. Урысон).

9. **«Концепт** – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц - репрезентантов концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры» (М.В. Пименова).

10. **«Концепт** – это действительно некий смысл, мыслительный образ достаточного широкого структурного диапазона: по горизонтальной оси – от обобщенных наглядных образов до логических понятий; по оси вертикальной – с разной степенью эксплицирования его глубинных смысловых слоев» (Н.Ф. Алефиренко).

11. **«Национальный концепт** – самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергаясь когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» (В.В. Красных).

12. **«Концепт** есть сущность, явлением которой выступает понятия», «как и всякая идеальная сущность, концепт нематериален, ибо он неподвижен и лишен структуры; он находится вне этнотелехи поведения» (В.В. Колесов).

Задание 3. Установите соответствие между термином и его дефиницией. Ответ оформите в следующем виде: 1 – ?, 2 – ? ... Вместо знака вопроса вставьте необходимые буквы.

1. концепт	А. «единицы теоретического знания, репрезентирующие весь накопленный человечеством опыт в конкретной области» (Н.Н. Болдырев)
2. значение	Б. любая дискретная единица коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти носителей языка в виде познанного вербально обозначенного субстрата» (А.П. Бабушкин).
3. смысл	В. содержание, заключенное в языковой единице, связанное с понятием как отражением в сознании предметов и явлений объективного мира (лексическое) или выражающее различные отношения (отношение к другим словам в словосочетании или предложении, отношение к лицу, совершающему действие, или другим лицам, отношение сообщаемого факта к действительности и времени, отношение говорящего к сообщаемому и т. д.; грамматическое).
4. понятие	Г. «единицы концептуального содержания, выделяемые человеком в процессе познания с целью последующей их передачи преимущественно в языковой форме или дальнейшего накопления» (Н.Н. Болдырев).
5. мыслительный конструкт	Д. «единицы оперативного знания онтологии мира, ... которые формируются и передаются в процессе общения» (Н.Н. Болдырев)

Задание 4. Опираясь на выдержки из работ современных ученых, укажите различие понятий *языковая картина мира*, *наивная картина мира*, *научная картина мира*, *концептуальная картина мира*, *ценностная картина мира*. Сформулируйте определения перечисленных понятий, укажите, каким образом они взаимосвязаны.

1. *Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Такковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, наивную этику, психологию и т.д. (Ю.Д. Апресян).*

2. *Научную картину мира определяют как «систему знаний, синтезирующую результат исследования конкретных наук сознанием мировоззренческого характера, представляющим собой целостное обобщение совокупного практического и познавательного опыта человечества» (И.М. Кобозева).*

3. *Концептуальная картина мира как совокупность определенным образом организованных концептов значительно шире и богаче языковой картины мира, поскольку сведения о мире кодируются не только вербально, но и невербально. Концептуальная*

картина мира – феномен более сложный, чем языковая картина мира, которая вторична по отношению к концептуальной картине мира: национальный язык «живет» в концептуальной сфере (Л.И. Гришаева).

4. Концептуальная картина мира и языковая картина мира «связаны между собой как первичное и вторичное, как ментальное явление и его вербальное овнеишение, как содержание понятия и средство доступа исследователя к этому понятию» (З.Д. Попова, И.А. Стернин). Языковая картина мира называет, обозначает основные элементы концептуальной картины мира и выражает концептуальную картину мира языковыми средствами. ... языковая картина мира лишь отчасти отображает концептуальную систему. Поэтому изучение языковой картины мира «лишь фрагментарно позволяет судить о концептосфере, хотя более удобного доступа к концептосфере, чем через язык, видимо, нет» (З.Д. Попова, И.А. Стернин). ... концептуальная картина мира «существует в виде концептов, образующих концептосферу народа, языковая картина мира – в виде значений языковых знаков, образующих совокупное “семантическое пространство языка”» (З.Д. Попова, И.А. Стернин).

5. Лингвистика конца XX века ознаменовалась введением в свой терминологический аппарат термина ‘картина мира’. Картина мира – ценностный образ мира, складывающийся в голове человека в процессе познавательной деятельности (Т.А. Светоносова). В более узком значении данный термин можно рассматривать как всю совокупность и систему знаний в отдельной науке, в которой фиксируется ценностное видение предмета данной науки, формирующееся на определенном этапе ее истории и меняющееся с переходом от одного этапа к другому (М.В. Пименова).

Ценностная картина мира включает в себя общечеловеческую и специфическую части и реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными сюжетами. В ней бытуют наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке. Кроме того, в рамках одной языковой культуры данное понятие представляет собой неоднородное образование, поскольку у разных социальных групп могут быть различные ценности. В то же время, ценностная картина мира существует как в коллективном, так и в индивидуальном сознании (В.И. Карасик).

Оценка рассматривается учеными как фактор, формирующий ценностную картину мира, так как ценностные представления присущи каждой культуре. Ценности приписываются человеком миру и в то же время пребывают вне его. По мнению И. А. Стернина, ценности представляют собой социальные, социальнопсихологические идеи и взгляды, разделяемые лингвофилогический анализ, центральные и исследуемые каждым новым поколением (И.А. Стернин).

Ценностная картина мира включает определенные набор и иерархию ценностей, которые выражаются в оценках (Н.Д. Арутюнова). Процесс оценки – это осознание субъектом ценностной предметности объекта, реализующееся в виде суждения до той ценности, которая стала предметом оценки (С.А. Прищепчук). В основе факта оценивания, в значимости того или иного объекта для человека, в ориентированности на его потребности и интересы заключается принцип антропометричности, т. е. измерение сущностей в соответствии с собственно человеческим масштабом знаний и представлений, а вместе с тем и с системой национально-культурных стереотипов.

Ценностная картина мира является одним из аспектов мировоззрения и определяется как характеристика системы идеалов, задающих представления о том, каким мир должен быть или стать в результате естественной эволюции либо управляемого развития, и с которыми субъект сопоставляет существующее положение вещей (Н. Юргина). Многие ученые утверждают, что ценностная картина мира должна рассматриваться в рамках лингвокультурологии, а не чисто лингвистики. Е. В. Бабаева считает,

что лингвокультурный концепт выступает той структурой сознания, в которой фокусируются ценности социума, а его центром является ценность (Е.В. Бабаева). В 90-е годы XX века на базе данной науки начинается новое направление в лингвокультурологии с философским названием аксиологическая лингвистика, предметом изучения которой и стали ценности и оценочные суждения (Т.А. Светоносова). Многие философы утверждают, что для того, чтобы лучше понять, как складывается ценностная картина мира того или иного народа в ту или иную эпоху, нужно обращаться не к истории, а к художественной литературе этого народа. Исторические факты можно подменить или неправильно трактовать, и только в литературе состояние умов народа, их идеалов и ценностей отражены наиболее достоверно. В связи с этим для достижения поставленной цели - выявления ценностных ориентиров современного британского общества - закономерным представляется обращение к современной британской литературе (Кадачиева Х.М., Магомедова Н.З. Ценностная картина мира и ее отражение в английском языке (на материале современных британских рассказов) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 34 (215). Филология. Искусствоведение. Вып. 49. С. 48-50).

Задание 5. Прочитайте выдержки из научной статьи «Концепт и исторический контекст». Проследите методику концептуального анализа, обозначив его основные этапы, материал исследования, используемые методы.

Дзюба Е.В. Концепт и исторический контекст // Политическая лингвистика. – 2011. – № 37. – С. 194 – 201.

...Анализ смыслового наполнения концепта пятилетка осуществляется по комплексной методике, сложившейся под влиянием работ С.Г. Воркачева [Воркачев 2004], В.А. Масловой [Маслова 2007], И.А. Стернина [Стернин 2001, 2006], и включающей 1) изучение данных ассоциативного эксперимента; 2) анализ лексического значения по словарям разных эпох; 3) рассмотрение текстов фольклорных жанров о пятилетках (анекдоты, пословицы, частушки); 4) изучение художественных текстов, актуализирующих рассматриваемый концепт; 5) анализ текстов пропагандистского характера, в частности – дозунков.

Метод ассоциативного эксперимента позволяет определить специфику содержания того или иного концепта в сознании современных носителей языка. Целью проведения данного эксперимента является определение смыслового наполнения концепта пятилетка в русском языковом сознании современного человека. Эксперимент проводился среди представителей четырех возрастных категорий: 1) от 17 до 23 лет (студенты Уральского государственного педагогического университета) – 36 человек; 2) от 24 до 40 лет (преподаватели УрГПУ и некоторых других российских вузов) – 60 человек; 3) от 41 до 65 лет (представители разных профессий, жители Екатеринбурга) – 24 человека; 4) от 66 до 85 лет (пенсионеры, жители Екатеринбурга) – 10 человек. Всего опрошенных – 148 человек.

Данная часть исследования – проведение ассоциативного эксперимента – основывается на методике, предложенной И.А. Стерниным и Л.А. Тавдигридзе [Стернин 2005; Тавдигридзе 2005; Попова, Стернин 2006], которая включает следующие этапы: 1) формулировка задания эксперимента (Запишите 5 – 7 ассоциаций на слово «пятилетка»); 2) объединение ассоциатов по общности семантики; 3) распределение ассоциатов по количественному признаку (по степени уменьшения частотности вариантов); 4) распределение ассоциатов по семантическому признаку (объединение ассоциатов в группы по общности содержания); 5) установление коэффициента частотности для определения границ уровней в смысловом поле концепта; 6) распределение ассоциатов в смысловой структуре концепта (определение ядерных компонентов, смысловых единиц уровня ближайшей зоны, дальнейшей зоны и элементов крайней периферии).

Результаты обработки материалов ассоциативного эксперимента в сокращенном виде приводятся в таблице ниже, где продемонстрированы лишь наиболее частотные и показательные ответы, количество которых обозначено цифрой. При этом ответы респондентов были распределены по следующим уровням: ядерная зона, приядерная зона, ближайшая, дальнейшая и крайняя периферия.

Таблица

**Обобщение результатов выполнения
первого задания анкеты**

Ядерные компоненты (более 50% отве- тов)	Единицы приядерной зоны (от 25 до 50% ответов)	Единицы ближайшей периферии (от 10 до 25% ответов)	Единицы дальнейшей периферии (от 5 до 10% ответов)
83 – возраст ребенка	43 – Площадь Первой пятилетки	23 – исторический термин	8 – передовик (стахановец)
79 – СССР, Советский Союз	40 – тюремный срок 40 – план / госплан	20 – Сталин 17 – перестройка (реформирование, нововведение)	8 – первая пятилетка 7 – красный
73 – труд, работа 73 – работа в поле, работа в колхозе, работа на заводе)	38 – досрочное выполнение 37 – вуз / учеба в вузе	16 – Ленин 15 – коммунизм	7 – школа (школа-семилетка) 7 – производительность труда 7 – успехи (достижения) 7 – партия

Единицы крайней периферии (менее 5% ответов, в т.ч. единичные): по 6 ответов: социализм; соцсоревнования; экономика; политика; установка; ускорение; по 5 ответов: Хрущев; кукуруза; результаты; по 4 ответа: эффективность; совещания; обман; приписки; по 3 ответа: индустриализация; название магазина; по 2 ответа: «раз в пятилетку»; догнать и перегнать США; единичные ответы: общежитие; новая; шеститонка; половина десятилетия; музыкальная группа; демонстрация.

Анализ экспериментальных данных показал, что в настоящее время слово пятилетка утратило в значительной степени свое идеологическое наполнение, так как самое большое количество ответов связано с категорией возраста человека (пятилетний ребенок), немало респондентов также связывают это слово с представлениями об учебе в вузе или сроком заключения в тюрьме. Однако собственно как концепт пятилетка по-прежнему воспринимается в границах такой мыслительной области, как **СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ НАШЕЙ СТРАНЫ**, о чем свидетельствует подавляющее большинство вариантов ассоциаций (название государства в определенный период: СССР, Советский Союз; политические деятели прошлого: Сталин, Ленин, Хрущев; некоторые знаки идеологии того времени: партия, красный, передовик, стахановец, догнать и перегнать США, досрочное выполнение; некоторые атрибуты деятельности политиков (так, например, в ответах упоминается кукуруза, вероятно, в связи с реформами Н.С. Хрущева в области сельского хозяйства). Среди ответов респондентов встречаются и такие, которые детерминированы опытом определенной социальной группы: Площадь Первой пятилетки находится недалеко от вуза, где проводился ассоциативный эксперимент. В целом, такие выводы соотносятся с данными «Русского ассоциативного словаря», в котором среди наиболее частотных вариантов отмечены такие ассоциации: ГЭС, стройка, экономика, план, год, ритм [Русский ассоциативный словарь 1994: 706].

При проведении эксперимента учитывался возрастной критерий. Исследование показало, что в четвертой возрастной группе (от 66 до 85 лет) наиболее частотными

были ответы, содержащие негативную оценку, что, вероятно, связано с памятью о трудностях первых пятилеток, выпавших на начало и середину XX века (период после Гражданской войны, Вторая мировая война, послевоенное время). Интересен и тот факт, что 10% (16 человек) представителей первой группы (от 17 до 23 лет) вообще не связывали пятилетку с политической или идеологической жизнью страны, в их ответах были указания лишь на временной признак (обучение в вузе, творческий срок) и возрастной критерий (пятилетний ребенок, детство, песочница и под.).

Анализ лексических дефиниций слова пятилетка проводился по словарям разных исторических периодов. В т.н. исторических словарях («Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского. Санкт-Петербург, 1893. В 3 т.; «Словарь Академии Российской» 1789 – 1794 гг. (URL: www.philiprovich.ru); В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб.: ТОО «Диамант», 1996) данный языковой феномен не фиксируется, поскольку вряд ли можно говорить о политической, идеологической или культурной значимости пятилетки до 20-х годов XX века. В данных источниках встречаются слова, так или иначе связанные по семантике с числом пять (пятак, пятеро, пятерик, пятеричный, пятина, пятерня, пятница, пятнадцать, пятьсот), или слова, обозначающие явления религиозной жизни (пятничать – поститься по пятницам; пятидесятница – Духов день, праздник сошествия Святого Духа; пятикнижие – пять первых книг Библии). Лишь в «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля фиксируется слово пятилетний (ср.: Пятилетний – совершаемый через каждые пять лет, через четыре года на пятый; длящийся пять лет; чему, кому пять лет), которое, естественно, лишено каких-либо социально или исторически обусловленных компонентов значения и коннотаций.

В других словарях (Толковый словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935; Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981 – 1984; 6) С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999; Т.Ф. Ефремова. Толковый словарь русского языка (URL: <http://www.slovoblog.ru/efremova>); В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. Русский толковый словарь. М.: ЭКСМО, 2006) слово пятилетка фиксируется в следующих значениях: 1. то же, что пятилетие, или период в пять лет. 2. Пятилетний план развития народного хозяйства СССР. 3. Возраст в пять лет.

При анализе практически одинаковых дефиниций словарей советского периода интересно обратить внимание на пометы и очередность значений: так, в словаре Д.Н. Ушакова это слово во 2 значении приводится с пометой нов., что свидетельствует о появлении нового лингвокультурного феномена, отражающего специфику политической и экономической жизни страны тех лет (пятилетки начали свой отсчет с 1928 года). В словаре Д.Н. Ушакова, в МАС, в словаре В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной практически обусловленное значение стоит на 2 месте, в то время как в словарях С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой и Т.Ф. Ефремовой первым фиксируется значение 'пятилетний план развития народного хозяйства СССР', а вторым 'то же, что пятилетие'. Третье значение 'возраст кого-либо, чего-либо' фиксируется только у Д.Н. Ушакова, в МАС и в словаре Т.Ф. Ефремовой.

В словаре актуальной лексики конца XX – начала XXI вв. (Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скияревской. М.: ЭКСМО, 2006) данное слово не фиксируется, так как оно потеряло свою социально-политическую значимость, зато данным словарем были «реанимированы» такие слова, как Пятидесятница и пятница с уточнениями Страстная пятница, Великая пятница, обозначающими христианские праздники. В этом словаре появилось и слово пятизвездочный (например, пятизвездочный отель). Все это свидетельствует об изменении системы ценностей в постсоветское время: отказ от антирелигиозных взглядов, приобщение к явлениям современной комфортабельной жизни.

Однако лексикографические источники не отражают той палитры чувств и оценок, которые сопровождали понятие пятилетка в сознании «*homo soveticus*». С точки

зрения выражения отношения к данному явлению показательны многочисленные анекдоты той поры. Вот один из многочисленных примеров: «К концу пятилетки у нас будет по десять килограммов мяса на человек», - говорит лектор. Его перебивает Рабинович из заднего ряда: «Простите, тут плохо слышно. Вы сказали 'ка' или 'ке'?» Лектор: «Не понимаю вопроса». Рабинович: «На человека или на человеке?».

Данные тексты построены на антитетичном приеме, суть которого заключается в противоречии между обещаниями политиков поэтично, пятилетка за пятилеткой, вывешивая народ из голодного и нищенского состояния – с одной стороны, и реальной ситуацией, когда для выполнения госплана от простого человека требовалось не только работать без остатка сил, но иногда отбиралось и собственное имущество – с другой стороны. Р.А. Медведев в политической биографии Н.С. Хрущева детально описал подобную ситуацию:

«...Иное положение складывалось в животноводстве, где производство мяса возросло за год только на 3 % и лишь на 33 % превысило данные 1953 года. Пришлось фактически отказаться от лозунга «Догнать и перегнать США по производству мяса». ... И всё же Хрущёв не отказывался от мысли добиться резкого скачка в производстве мяса. Не без одобрения Хрущёва руководители Рязанской области выступили с необычным обязательством – всего за один 1959 год увеличить производство мяса в области в 3, 8 раза, а государственные заготовки – в 3 раза. ...Вся рязанская земля стала своеобразной сценой, на которую были направлены прожекторы ослепительного света, чрезвычайно пристального общественного внимания не только нашей страны. ...Гремли победы рапорты. Однако пристальный взгляд мог заметить, что уже подкрадывается несчастье, которое неизбежно, когда безответственно эксплуатируется революционный энтузиазм народа. ...Хрущёв ... с разочарованием ознакомился с итогами сельскохозяйственного производства за 1960 год. Поголовье крупного рогатого скота увеличилось за год в колхозах и совхозах на 5 миллионов голов, а в частном владении уменьшилось на 2 миллиона, что свидетельствовало о массовой закупке скота у частных владельцев. ... Мнимые успехи явились результатом обмана и фактического беззакония. В области отправили на мясокомбинаты в 1959 году значительную часть основного стада и молочных коров. Под фиктивные расписки отбирался скот у частных владельцев, который также шёл на мясокомбинаты. За деньги колхозов и взятые в банках кредиты приобретался скот в соседних областях, в результате чего многие хозяйства оказались разорёнными. В 1960 году область не смогла выполнить даже плановых заданий, не говоря уже о повышенных обязательствах. Убедившись в крахе своей авантюры, первый секретарь обкома А. Н. Ларионов покончил жизнь самоубийством. ЦК КПСС и Правительству пришлось принимать срочные меры по оказанию помощи разорённым хозяйствам Рязанской области» [Медведев 1990: 89 – 92].

Приписки и обман стали логичным следствием голословных и невыполнимых обещаний руководителей разных уровней. Ярким примером такого положения дел является следующий анекдот: Лектор делает доклад об успехах пятилетки: «В городе А. построена электростанция». Реплика из зала: «Я только что оттуда. Никакой электростанции там нет!» Лектор продолжает: «В городе Б. построен химический завод». Тот же голос: «Неделю назад я там был. Никакого завода там нет!» Лектор взрывается: «А вам, товарищи, нужно поменьше шляться и побольше газеты читать».

Пустые слова, за которыми нет дела, превратившиеся в бессмысленные изречения – лозунги, – стали приметой времени, признаком советской власти (ср.: Дайшь пятилетку за 4 года!, Пятилетку – досрочно!, Догоним и перегоним Европу и Америку!, Планы пятилетки – в жизнь! и др). Стремление коммунистических лидеров формулировать мысли в форме лозунгов отразилось в следующем анекдоте: Сидят Кощей Бесмертный и Баба-Яга у Избушки на курьих ножках, а над лесом летит Змей Горыныч и кричит: «Все на коммунистический субботник!», «Повышайте производительность труда!», «Пятилетке качества – рабочую гарантию!» и т.д. Кощей: «Чего это с ним?»

Баба-Яга: «Небось, в город летал – коммунистов объелся, сердешный». Неудивительно, что вера людей в скорую благополучную жизнь была уже не столь прочна.

Позуни тоже нередко переосмыслились народом с целью выразить свое отношение к реалиям жизни, ср. игру слов-чисел в перефразированном знаменитом выражении: «Пятилетку в четыре года, в три смены, в две руки и за одну зарплату!»

В приведенных выше текстах нашло свое отражение крайне негативное отношение народа к такой форме ведения народного хозяйства – путем завязанного планирования, стремления победить в соцсоревнованиях любой ценой, отказа от учета разного рода временных, климатических, сезонных и иных факторов. Более жесткая оценка отразилась в иных фольклорных жанрах, в которых отношение выражено с помощью нецензурной лексики, ср. текст частушки: Вставай, Ленин, вставай, дедка – / За...ла пятилетка, / Ленин встал, развел руками: / Х...ли делать с дураками. / Ж...на гола, лапти в клетку, / Выполняем пятилетку.

Однако официальная культура тиражировала тексты, в которых был представлен иной – светлый и романтический – образ пятилетки. Так, в одном из выпусков тележурнала «Хочу все знать» в исполнении детского хора прозвучала песня о пятилетках: Эта цифра непростая, / У нее большой размах. / Карту родины меняет / Пятилеток твердый шаг. / Как отличные ставят отметки / Тем, кто в школьной учебе силен, / Так пятерки пятилетки / В дневнике родной страны и т.д. В данном тексте были отражены многие стереотипы и штампы советской поэтики: символизация цифры пять (пятилетка, отметка пять, пятиконечные звезды Кремлевских башен), восхваление труда и человеческих достижений, бесконечность покоренных пространств (ср. выражения: от Амура до Байкала, освоение новых земель, межпланетное пространство), создание образа нового времени, образа светлого будущего (ср.: И светлей, чем день вчерашний, новый день родной страны), определение великой цели всех усилий (ср.: Мы готовы к новым стартам Межпланетных кораблей. Покоряем грозный атом Ради счастья на земле).

Энтузиазмом улучшить жизнь в самые короткие сроки были заражены и поэты. Так, у В. Маяковского во многих стихотворениях 1929 – 1930 годов встречаются призывы к активному участию в быстром подъеме экономики страны, ср.: ...8. Не спи на работе! Работник этакий может продрыгнуть все пятилетки («Тексты для плакатов издательства «Вопросы труда» и «Гострудиздата»); Товарищ жизнь, давай быстрее протопаем, протопаем по пятилетке дней остаток («Во весь голос»); ...идет капиталистическое соревнование. Они соревнуются, а мы чего же нашей отсталости отпустили вожжи? Двиньте в пятилетку, вперед на пятнадцатку, чтоб наши кулаки и мускулы видели! В работе и в обороне выходите соревноваться, молодой республики молодые строители! («Два соревнования»); Эх, машинишку пустим... Наладим, подмажем да пустим! На карте Союза из каждой клетки встают гиганты на смотр пятилетки... Всем пафосом стихотворного рыка я славлю воевую, трубку и приветствую тебя – производственная непрерывка («Голосуем за непрерывку») и мн.др. С.И. Кирсанов назвал свою последнюю поэму «Пятилетка». В этом произведении автор, зараженный пафосом широкомасштабного социалистического строительства, выразил надежду на скорое процветание молодой советской России.

Однако не все поэты так однозначно восторженно принимали новые стандарты жизни. В этом смысле интересно посвящение Б. Пастернака «Борису Пильняку» (1931), в котором пятилетка становится знаком-символом мнимой счастливой советской жизни. В этом стихотворении лирический герой подчеркивает свое внешнее стремление «вписаться» в советскую действительность (ср.: И разве я не мерюсь пятилеткой, Не падаю, не поднимаюсь с ней?), стремление как-то приспособиться к жизни в мире штампов и стандартов, пытаться заглушить честный голос поэта, обличающего ложный пафос счастливого социалистического строительства. (Известно, что Борис Пильняк не сразу сумел подчинить свое творчество законам официальной идеологии).

Итак, концепт пятилетка, помимо «значимостных» (термин С.Г. Воркачева) компонентов смысла ('период в 5 лет, охватываемый госпланом развития народного хозяйства в СССР'), включает оценочные коннотации, которые распределяются по двум полюсам: позитивная оценка – в рамках официальной идеологии и негативная – в народном бытовом сознании (см. анекдоты, частушки).

В постсовететской России концепт пятилетка утратил свою значимость вместе со всеми атрибутами официальной советской идеологии. Однако в настоящее время можно говорить о некоей «реабилитации» данного лингвокультурного феномена: слово пятилетка начинает активно использоваться в языке средств массовой информации. Происходит восстановление данного концепта в массовом сознании, но при этом меняется оценочный компонент: пятилетка становится не знаком насилия со стороны государственной власти, теперь, утрат личное во имя общественного и т.п. В структуре данного концепта появляются новые позитивные коннотации: в банковской, торговой, шире – экономической сфере, слово-концепт пятилетка содержит положительную оценку, так как важнейшим компонентом значения становится такой: 'наличие стабильности'. В разных отраслях стало возможным планирование деятельности на следующие пять лет после нестабильного кризисного периода, начавшегося в 2009 году. Однако нельзя не заметить, что такое «реанимирование» концепта с новым аксиологическим эффектом возможно только тогда, когда в значительной степени угасает историческая память о трудностях советских пятилеток.

В качестве доказательства частотного употребления слова-концепта пятилетка в современных СМИ следует привести некоторые примеры заголовков и фрагментов статей о событиях политической, экономической и даже культурной жизни нашей страны, ср.: *Back in the USSR*: путинский Фронт решил вернуться к пятилеткам; Россия вряд ли переживет пятилетку пустоты и болтовни; Пятилетка образовательных надежд; Профсоюзная пятилетка: шаги в будущее; Мэр объявил «Пятилетку здоровья»; Пятилетка. **Проект галереи ВХУТЕМАС** в рамках XVI Международной выставки архитектуры и дизайна «АрхМосква – 2011»; Пятилетка без радости; Российский прессе предрекли пятилетку спада; Ударная пятилетка ижевской «четверки» и т.п.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что с точки зрения обусловленности категорией времени концепты делятся на два типа: постоянные (вневременные) и переменные (исторически обусловленные). Со сменой системы ценностей, сменой идеологии содержательные и коннотативные компоненты переменных концептов могут меняться. Это произошло с концептом пятилетка, актуальным в период СССР, сохранившимся в постсоветском российском сознании только под знаком советской идеологии и восстанавливаемым в настоящее время с новым содержанием и коннотациями.

Задание 6. Прочитайте фрагмент монографии «Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании» о критике лингвокультурологии. Укажите имена оппонентов, отметьте ключевые моменты их научных концепций. Какую позицию занимает Вы? Свой ответ мотивируйте.

Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация действительности. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2015. 286 с. (С. 31 – 37).

Лингвистические исследования, направленные на выявление этнокультурной взаимосвязи языка и мышления, отвергаются в основном западноевропейскими исследователями. Так, П. Серю подверг последовательной критике учение А. Вежбицкой, формирующееся с семидесятых годов и до наших дней (на данную дискуссию обратили особое внимание Е.Е. Аникин и А.П. Чудинов, осветив эту полемику на страницах журнала «Политическая лингвистика» [Аникин, Чудинов 2011]). Швейцарский ученых подчеркнул неправомочность свойственных теории Анны Вежбицкой универсализма (описание универсального естественного метаязыка через семантические примитивы) и релятивизма

(признание того, что язык влияет на национальную ментальность и картину мира), указал на поиски национальной языковой картины мира и на выявление следов национального характера в языке как на необоснованную подмену объекта лингвистических исследований вообще, ср.: «Если из разговоров на террасе кафе мы узнаем, что все шотландцы скупы, а все корсиканцы ленивы, – прекратим ли мы когда-нибудь использовать лингвистику в качестве доказательства для наших фантазий, которые на самом деле должны быть предметом изучения психоанализа?» [Серий 2011: 39].

Апогея критика теории лингвистической относительности достигла в работах А.В. Павловой и М.В. Безродного [Павлова 2009, 2012; Павлова, Безродный 2011], которые, заручившись поддержкой, по их словам – многих – европейских ученых (их имена они не приводят), выдвинули против изучения национальной специфики языка и мышления, против существования феномена языковой картины мира следующие положения.

1. Лингвокультурология как наука, изучающая специфику в частности русской лингвокультуры, создана взамен утраченной национальной идеи в постсоветском пространстве, эта наука имеет четкий политический заказ – объединить на основании русской национальной идеи народ, проживающий на территории России [Павлова 2012: 15 – 16], а теория лингвистической относительности является благодатной почвой для подобного рода исследований, поэтому «Сепир – Уорф попросту заменили Маркса – Энгельса» [Павлова, Безродный 2011: 13]. Идея уникальности русского национального характера сформирована российскими лингвокультурологами намеренно, с целью самолюбования, удовлетворения собственного национального самолюбия, ср.: «...апология родного языка... (является) русским вариантом национального превосходства» [Павлова, Безродный 2011: 12]. Идиом, некоторого количества художественных и философских текстов, отражающих те или иные черты национального характера, по словам А.В. Павловой, недостаточно для построения лингвистических теорий об уникальности русской лингвокультуры [см. подробнее: Павлова 2009].

2. Язык, носителем которого является человек, ни в коей мере не детерминирует его мышление: «Смысл предшествует языковому оформлению и не подчиняется ему. Если человек владеет тремя языками, его возможности выразить то, что он хочет выразить, возрастают втрое. При этом ни один из языков не навязывает ему способ мировидения. Языковые формы служат для окончательной отливки мысли, причем свобода мышления индивида выражается в том, что он может не только варьировать и смешивать языки, которыми владеет, но и бесконечно переносить свойства одного предмета на другой или создавать новые слова посредством продуктивных словообразовательных моделей» [Павлова 2012: 6]. Эту мысль А.В. Павлова подтверждает свойственным немецкоязычным СМИ обилием окказиональных слов, не зафиксированных в словарях.

3. Язык не может отражать национальный характер, национальную ментальность, потому что таковых у народа не существует. Представление русских людей о собственном национальном характере надуманно, оно складывается с детства, со школьной скамьи, когда ученики впитывают чужое авторитетное мнение о русской ментальности, складывающееся из высказываний русских писателей и самих учителей [см. подробнее: Павлова 2009].

4. Понятие языковой картины мира бессмысленно: «Эта «языковая картина мира» столь размыта, туманна и неопределенна, что вряд ли стоит о ней вообще говорить» [Павлова 2012: 9]. Национальной языковой картины мира не существует тем более. Например, у научного работника и заводского рабочего, живущих в одной стране, не может быть общих представлений о действительности. Значительно больше совпадений в речи и знаниях о мире у научных работников-представителей разных лингвокультур, но принадлежащих одной профессиональной сфере. Поэтому следует говорить не о национальной языковой картине мира, но о неких иных феноменах, вероятно, собственно лингвистических: стилистических вариантах языка, социальных дискурсах (например, профессиональных) и т.п., ср.: «Если исходить из презумпции «у

носителей одного языка общая культура», следовало бы проверить, нет ли причин исходить из презумпции «у всех буддистов мира общая культура» или «у всех скрипачей общая культура» [Павлова 2012: 12].

Удивительно, почему, по мнению исследователя, в сознании человека не могут переплетаться разные ментальные области. По нашему мнению, в ментальном мире человека этноспецифические представления, детерминированные национальной культурой и языком, вполне могут сосуществовать с профессиональными и иными представлениями, которые обусловлены принадлежностью субъекта к той или иной социальной группе. Более того, у него имеются и сугубо индивидуальные представления о мире, обусловленные его собственным опытом, собственными фоновыми знаниями и т.п. Это сочетание разных представлений о мире: этно-, социо-, идиоспецифических и делает ментальный мир каждого человека оригинальным, неповторимым, уникальным.

Наивысшей точкой отрицания в работах А.В. Павловой становится, пожалуй, следующее заявление (которое, впрочем, весьма второстепенно относится собственно к лингвистике): «Существует ли вообще единая русская культура? Не миф ли она?» [Павлова 2012: 13]. При этом главный аргумент исследователя – наличие существенных отличий жаргонного языка современной молодежи от в чем-то устаревающего лексикона предыдущих поколений. Вероятно, по мнению исследователя, современные школьники-носители актуального жаргона не способны понимать, например, язык А.С. Пушкина.

В качестве аргументов к выдвинутому положению А.В. Павлова приводит многочисленные примеры анализа фактов русского и немецкого языков. При этом проведенный исследовательницей контрастивный лингвокогнитивный анализ богатого иллюстративного материала столь профессионально выполнен [см. особенно: Павлова 2009; 2012], столь много в этих работах отмечено ярких различий, что читатель невольно начинает задумываться, не противоречит ли автор сам себе, доказывая идею отсутствия национальной специфики многочисленными примерами различий двух лингвокультур: русской и немецкой.

На статьи А.В. Павловой и М.В. Безродного особенно остро отреагировали отечественные ученые В.В. Дементьев [Дементьев 2012], М.М. Руссо [Руссо 2014], А.Д. Шмелев [Шмелев 2011].

М.М. Руссо, во-первых, опроверг обвинение российских языковедов в «лингварцистизме», демонстрируя с потрясающей лингвистической эрудицией широту исследований зарубежных коллег, которые на материале разных языков изучают лингвоментальные феномены как факты национальной лингвокультуры. Исследователь приводит многочисленные примеры: изучение пространственных метафор представления времени в разных лингвокультурах американской исследовательницей Лерой Бородицки; анализ различий в лексическом членении семантических полей в разных языках, предпринятый израильским по происхождению, британским по месту деятельности ученым Гаем Дейчером; рассмотрение специфики именной категоризации в разных языках, проводившееся американским исследователем Джоном Люси и мн. др. [см. подробнее: Руссо 2014].

М.М. Руссо подчеркивает, что в подобном «лингварцистизме», если и стоит обвинять, то не только русских. Исследователь приводит в качестве примера высказывание В.М. Алпатов о т.н. «учении о японцах», созданное японскими исследователями [Руссо 2014]. В.М. Алпатов указывает на излишнюю склонность японоведов к преувеличениям, хотя и находит с опорой на оноματοпоэтическую лексику, лексику цветообозначений, лексику животного мира и другие единицы японского языка факты подтверждения наличия специфики национальной картины мира японцев [Алпатов 2008].

Далее М.М. Руссо с опорой на мнения таких отечественных исследователей, как Ю.Д. Апресян, А.А. Леонтьев, З.Д. Попова и И.А. Стернин и др., отмечает наиболее актуальные направления изучения языковой картины мира (семантическое, психолингвистическое, лингвокогнитивное); справедливо подчеркивает отсутствие прямой и абсолютной зависимости языка и мышления; отмечает отсутствие тождественности

понятия языковой картины мира и ментального образа мира, который имеется в сознании человека (концептуальная картина мира); приводит собственное определение языковой картины мира, под которой понимается «специфическая для данного языка структура лексико-семантических полей и значений слов». Исходя из данного понимания языковой картины мира, М.М. Руссо предлагает черпать факты для построения лингвистических концепций только из следующих областей: 1) структура лексических систем; 2) полисемия и коннотация, 3) метафорическая сочетаемость; 4) мотивации при словообразовании («внутренняя форма»); 5) категоризация объектов, находящая отражение в языке в виде систем именных согласовательных классов и именных классификаторов. С опорой на единицы перечисленных областей М.М. Руссо на материале разных языков приводит многочисленные примеры их несовпадений, что доказывает правомерность рассмотрения вопроса об этнокультурной специфике понятия языковая картина мира [см. подробнее: Руссо 2014].

Остро и иронично ответил на критику А.В. Павловой и М.В. Безродного представитель Новомосковской семантической школы А.Д. Шмелев, который привел следующие аргументы против обвинений отечественных лингвистов в лингвоарциссизме. А.Д. Шмелев указывает, что его оппоненты опираются на весьма сомнительные источники – публицистические, часто дилетантские размышления, «не принадлежащие ни к каким научным школам» исследования и «давно защищенные и благополучно забытые всеми кандидатские диссертации». Представитель московской лингвистической школы, прибегая в т.ч. к манипулятивным приемам, иронически замечает, что, если следовать логике А.В. Павловой и М.В. Безродного, то в лингвоарциссизме можно обвинить и «фонетиста, который упивается звучностью русских слов, и специалиста по словообразованию, который лобуеться богатством словообразовательных возможностей русского языка, и синтаксиста, который приходит в восторг по поводу гибкого русского синтаксиса» [Шмелев 2011: 22]. А.Д. Шмелев подчеркивает, что Э. Сепира, Б.Л. Уорфа, А. Вежбицку и других «неогумбольдтианцев» вряд ли можно обвинить в лингвоарциссизме, так как объектом их исследований является отнюдь не родной язык [Шмелев 2011: 24]. Исследователь указывает на то, что доказательная база его оппонентов часто строится на приеме подмены тезисов (так, понятие о языковой картине мира подменяется понятием о национальном характере, который в силу своей нелингвистической природы не может являться объектом языкознания) [см. подробнее: Шмелев 2011: 25 – 33].

Однако отчасти с критикой западноевропейских коллег можно было бы и согласиться. В.В. Дементьев указал, что для современных лингвистических исследований характерна чрезмерная оценочность, оценочность, доведенная до абсолютизации, ср: «Абсолютизация применительно к языку или речи одного свойства – неизбежно в ущерб другим свойствам – представляется ... опасным явлением. Именно абсолютизация ... наносит сокрушительный удар по самой сути научного подхода, превращая все остальное в слабо внутренне дифференцированный континуум; соответственно страдает теория, методика, терминология» [Дементьев 2012: 14].

Иными словами, лингвокультурологи (в частности – отечественные) из критических замечаний, высказанных А.В. Павловой и М.В. Безродным, должны вынести массу полезных уроков. Во-первых, в лингвистике существует две тенденции: к описанию и к объяснению. Когнитивный подход к изучению языка предполагает именно стремление к объяснению генезиса того или иного выявленного лингвоментального феномена. Авторы многочисленных исследований, посвященных выявлению национальной специфики языковой картины мира, стремятся именно к объяснению языковых фактов, что в определенной степени обуславливает, возможно, значительную степень гипотетичности выводов. А.В. Павлова замечает, что для реконструкции особенностей национального языкового сознания, отраженных в языке, нужно вскрывать этимологические корни, подтверждать концепции большим числом лингвистических фактов, но не опираться на 2-3 примера для оформления выводов об уникальных чертах национального характере

ра. В этом исследователь, несомненно, прав, как и прав в том, что в последнее время лингвокультурология и лингвоконцептология были в чем-то дискредитированы именно из-за обилия, вероятно, случайных неглубоких исследовательских работ, созданных в угоду научной моде.

Во-вторых, выбранный исследователем узкий объект лингвистического описания и выводы о его специфике не должны доводиться до абсолютизации, предопределяя выводы, например, о ментальности целого народа, о специфике всей культуры и т.п. Как справедливо отметил В.В. Дементьев, если исследователи указали на пространственные особенности в представлении некоторых ментальных феноменов (душа, правда, дружба и т.д.), это не значит, что иные параметры, иные «измерения» должны быть исключены. Вероятно, лингвист должен обладать определенной скромностью по отношению к собственным выводам, собственным исследованиям, не возводя их в ранг неоспоримой истины, не придавая им статус универсальности, а деликатно вписывая их в существующий общий научный контекст. В этом смысле, вероятно, следовало бы более сдержанно формулировать выводы, используя более подходящее выражение специфика, но не уникальность национальной лингвокультуры.

В-третьих, читая такие замечания: «Носителем какой лингвокультуры является говорящий по-французски швейцарец: он представитель французской культуры или швейцарской» [Павлова 2012: 21], отечественные лингвокультурологи должны задуматься и о говорящем по-русски татарине, удмурте, башкире и т.д. Иными словами, действительно, отечественным лингвокультурологам, сосредоточившим внимание на изучении специфики русского языка, стоит избегать известного бахвальства, не следует быть столь громогласными со своими заключениями о сугубо русском характере в такой многонациональной и многоязычной стране, как Россия.

Именно поэтому критика российской лингвокультурологии кажется весьма уместной в настоящее время, когда накоплен уже определенный багаж информации о национальном языке и мышлении. Вероятно, наступает время остановиться, «оглянуться» и переосмыслить некоторые, как ранее казалось, истины. Хотя, безусловно, эта критика весьма преувеличена и, вероятно, также тенденциозна, именно поэтому она должна быть рассмотрена конструктивно. Указанными работами этот спор не ограничивается: в настоящее время в дискуссию вступили и другие ученые: представитель Волгоградской школы лингвокультурологии С.Г. Воркачев [Воркачев 2014], исследователь из Хакасского госуниверситета А.В. Прожилов [Прожилов 2015], представитель Московской семантической школы М.Ю. Федосюк [Федосюк 2012]. Вероятно, дискуссия о правомерности научного статуса лингвокультурологии еще будет продолжаться.

Задание 7. Прочитайте выдержки из статьи С.Г. Воркачева «Лингвокультурная составляющая: современное состояние, проблемы, вектор развития». Укажите, в чем автор видит специфику лингвокультурного подхода к изучению концептов. В чем отличие данного подхода от других? В каком виде автор представляет структуру лингвокультурного концепта? Каковы, по мнению С.Г. Воркачева, достижения ЛК-концептологии? В чем автор статьи видит проблемные места научного направления? Чем С.Г. Воркачев мотивирует столь длительное существование активно критикуемого направления в лингвистике?

С.Г. Воркачев. "Куда же нам плыть?" - лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 8. Воронеж, 2010. С. 5-27. <http://philology.ru/linguistics2/vorkachev-10a.htm>

Если лингвокультурология занимается исследованием лингвокультуры в целом, то лингвоконцептология изучает отдельные фрагменты лингвокультуры главным образом в сопоставительном аспекте. Как культурология и лингвокультурология, лингвоконцеп-

тология – также автохтонное «отечественное нововведение» в той мере, в какой этноспецифична её производящая основа «концепт» (см.: Воркачёв 2007: 18).

...Как уже установлено, концепт – «зонтиковый термин», покрывающий предметные области нескольких научных направлений, в языкознании – это, прежде всего, когнитивная лингвистика (лингвокогнитология) и лингвокультурология (см.: Воркачёв 2003). Лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы к концепту обычно разводятся по ориентации исследовательского вектора: если лингвокогнитология идёт от концепта в индивидуальном сознании к его представлению в коллективном сознании (культуре), то лингвокультурология движется от коллективных представлений о концепте к индивидуальным (см.: Карасик 2004: 117); если лингвокогнитологические исследования имеют типологическую направленность и сфокусированы на выявлении общих закономерностей в формировании ментальных представлений, то лингвокультурология ориентируется скорее на изучение специфического в составе ментальных единиц и направлена на описание отличительных семантических признаков конкретных концептов (см.: Воркачёв 2003: 7). По существу отличия эти, говоря юридическим языком, ничтожны, поскольку отделить культуру от формы её языкового представления невозможно, а разогласия по поводу лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов к изучению концепта напоминают споры лишуттов о том, с какого конца нужно разбивать яйцо.

Лингвоконцептология сейчас, пожалуй, самое модное направление в российском языкознании - «такое сейчас носят» - и «концепт» продолжает оставаться парольным термином, употребление которого, по мысли его пользователей, должно свидетельствовать об их научной «продвинутости».

Лингвоконцептология на сегодняшний день вполне состоявшееся и зрелое научное направление, о чем свидетельствует помимо наличия устоявшегося категориального аппарата и наработанных методологических алгоритмов исследования целый ряд когнитивных признаков: появление учебных курсов и пособий (см.: Карасик-Красавский 2009; Пименова-Кондратьева 2009), выход в лексикографическую практику - появление словарей концептов (концептуариев) (см.: Степанов 1997; Русское культурное пространство 2004), осмысление в терминах лингвоконцептологии практики перевода (см., например: Александрович 2010) и выход в лингводидактику (см.: Мишатица 2010).

...Определились основные функциональные предназначения лингвокультурных концептов: они, прежде всего, представляют собой конституирующие единицы этнического менталитета, его «опорные точки» (Колесов 1999: 112), совокупность которых образует лингвоконцептосферу как языковую картину мира, фрагментами которой они и являются. В то же самое время, некоторые из них способны выполнять функцию организующего начала дискурса и выступать в качестве базовых концептов последнего. Тогда политический дискурс организуется вокруг концептов «ВЛАСТЬ» и «ПОЛИТИК» (см.: Шейгал 2004: 69), религиозный – вокруг концептов «ВЕРА» и «БОГ» (см.: Бобырева 2007: 100-106), а базовыми концептами таких «экзотических» видов дискурса, как презентационный и виндиктивный, выступают «ТЕАТРАЛЬНОСТЬ» и «МЕСТЬ» (Олянич 2007: 133-134; Чесноков 2008: 79-80).

... В настоящее время в лингвоконцептологии обычно упоминаются понятийная, образная, ценностная и значимостная составляющие, причём более или менее согласованное единство мнений – и то с определёнными оговорками - существует лишь в отношении двух из них – понятийной и образной.

Понятийная составляющая ЛК-концепта – его «энциклопедическое поле» (Стернин 2008: 173) - включает в себя, естественно, всё то, что в логике называют содержанием понятия: совокупность общих и существенных признаков класса объектов (см.: Степанов 1997: 41; Карасик 2004: 128-129), представленных в сознании рационально и позволяющих последнему отделить этот класс от других видовых классов внутри соответствующей родовой области. Однако рациональность здесь понимается преимущественно апофатически: как часть содержания сознания, не имеющая чувственной

поддержки, и поэтому, как представляется, вполне допустимо толкование понятийной составляющей как того в семантическом составе концепта, что остаётся за вычетом всех прочих составляющих.

Как известно, в логике понятие, помимо содержания (сигнификата), имеет также и объём (денотат), куда входят все предметы, обладающие признаками, зафиксированными в его содержании. Резонно предположить, что понятийная составляющая ЛК-концепта в качестве «вещного субстрата» обладает также и своим объёмом, - классом носителей этих признаков. И если чаще всего мыслимые признаки и реальные свойства объекта изучения относительно легко разделимы, то при описании исторических событий, фактов и персонажей содержание и объём понятийной составляющей зачастую не совпадают: реальный Чапаев и его судьба отличаются от мифологизированного образа Чапаева в обыденном сознании, наполнение которого как раз и изучает лингвокультурология, а 'выстрел «Авроры»' и 'штурм Зимнего дворца' весьма отличаются от реальных событий октября 1917 года.

Обязательность присутствия в содержании ЛК-концепта образной составляющей признается практически всеми лингвоконцептологами (см., например: Карасик-Слышкин 2007: 13; Попова-Стернин 2007: 8). Более того, именно эта часть семантики концепта, очевидно, прежде всего и отличает его от соответствующего понятия.

...Ценностная (см.: Карасик-Слышкин 2007: 13) и значимостная (см.: Воркачёв-Воркачёва 2003) составляющие выделяются уже не всеми лингвоконцептологами, и согласованного единства мнений относительно их сущности и качественной определённости пока не существует. В отсутствие чёткого и жёсткого определения под ценностной составляющей ЛК-концепта, очевидно, понимается его культурная значимость, позволяющая трактовать особо важные для какой-либо культуры смыслы как «культурные доминанты» (Карасик 2004: 142).

...ЛК-концепт по определению – это некий культурно-значимый смысл, находящийся выражение в языке, где под «выражением» понимается совокупность языковых средств, иллюстрирующих, уточняющих или развивающих содержание этого концепта (см.: Карасик 2004: 110). Языковые средства здесь признаются неотъемлемой частью лингвокультурного концепта уже по умолчанию, но, тем не менее, отделяются от собственно содержания концепта, в то время как «выводы лингвиста о структуре и содержании описываемых концептов ограничены лингвистическим материалом» (Стернин 2008: 172), а изучение этимологии и «внутренней формы» имён-выразителей концепта стало обязательным атрибутом лингвоконцептологических исследований.

Как представляется, логично было бы выделить эксплицитно специфически языковую семантику средств выражения ЛК-концепта в отдельную его составляющую: значимостную, определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексической системе языка. Сюда войдут парадигматика, синтагматика и этимология имени концепта, а также, очевидно, соотношение частеречных реализаций этого имени и его словообразовательная продуктивность. В принципе, значимостными являются и прагматистические свойства лексико-грамматических единиц, поскольку они реализуются исключительно на фоне синонимического ряда (см.: Воркачёв 2007а: 103-105).

К настоящему времени сложились более или менее согласованная методика описания ЛК-концептов, включающая приёмы выделения имени концепта, способы этимологического и компонентного анализа этого имени, семантический анализ контекстов употребления средств выражения концепта, ассоциативный эксперимент, когнитивное моделирование, частотный анализ и пр. (Карасик 2009: 32; Попова-Стернин 2001: 96-159). В качестве источника языкового материала для исследования ЛК-концептов привлекаются данные выборки практически из всех видов дискурса, паремологии и лексикографии, опрос информантов.

...Как показывает история науки, любое научное направление имеет свой жизненный цикл: оно когда-то зарождается, какое-то время развивается и когда-то сходит

на нет, и, наверное, лингвоконцептология в этом отношении не составляет исключения. К тому же к середине «нулевых» в её триумфальном шествии намечился определенный застой и кризисные явления: вырождение её базового термина - концептом стали называть план содержания любого вербального знака, содержащего хотя бы намёк на культурную специфику, а в выборе объекта исследования лингвоконцептологи стали всё чаще использовать «метод дятла» - долбиться в одну точку, когда один и тот же концепт описывался по несколько раз («СУДЬБА», «СЕМЬЯ», «ЛЮБОВЬ», «ДРУЖБА», «ТРУД», «ДЕНЬГИ» и пр.). Тем не менее, «все врут календари» - прогноз относительно скорой кончины лингвоконцептологии (см.: Воркачёв 2006: 3) так и не оправдался, и её жизненный цикл оказался аномально долгим.

«Куда двигать науку?» – задавался вопрос в старом советском анекдоте. Вперёд - трудно, назад – идеология не позволяет, остаётся одно – двигать её вбок. И именно «вбок» двигалась лингвоконцептология в первые годы своего существования, развиваясь экстенсивно за счёт включения в свою предметную область всё новых и новых объектов, пока в ней не появились такие концепты, как «ПИТИЕ» (Бойченко 2009), «БРАНЬ» (Катуков 2006), «КНЯЗЬ» (Мешикова 2005), «ВОРОВСТВО» (Павлова 2009) и даже «БОЕВОЙ ЛИСТОК» (Лавриненко 2008: 15) как элемент концептосферы «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА».

Когда же возможности расширения предметной области ЛК-концептов оказались практически исчерпанными, лингвоконцептологи пришлось изменить вектор исследовательской направленности с горизонтального, экстенсивного на вертикальный, интенсивный и начать развиваться «вверх» и «вниз», ... и её предмет, с одной стороны, стал укрупняться, с другой, – дробиться.

...При движении «вверх» предметная область лингвоконцептологии изменилась за счёт заполнения противоестественного «гигантуса» между конкретными лингвоконцептами, список которых стал практически исчерпывающим, и лихачёвской концептосферой за счёт выделения укрупнённых, гиперонимических единиц, в границах которых можно было бы изучать как сами концепты, так и их семантические противочлены – «антиконцепты», и тогда в числе объектов исследования появились «концептуальная область» (Чудакова 2005), «концептуальное поле» (Долгова 2006; Слепнева 2008), «концептуальная диада» (Храмова 2010), «сверхконцепт» (Арутюнян 2010), «гиперконцепт» (Калуженина 2008), «макроконцепт» (Путий 2010), «градиент-концепт» (Луницова 2008), «бинарные концепты» (Русина 2008) и, наконец, «лингвокультурная идея» (Воркачёв 2008). Движение «вниз», прежде всего, привело к углублённому исследованию отдельных особо значимых для лингвокультуры концептов уже на уровне докторских диссертаций (см.: Черкасова 2005; Шаталова 2008 и пр.), а также к выделению новых типов концептов: лингвокультурных типажей (Дмитриева 2007), прецедентных личностей (Черноморец 2010), бинаминальных (Грабарова 2004; Костьева 2008 и пр.) и символических (Карасик 2009а; Черкасова 2009), ключевых концептов дискурса (см.: Якуга 2006). Стали также изучаться подвиды ЛК-концептов: их дискурсные (Воркачёв 2005; 2006а) и диахронические варианты.

Продолжается дробление и дифференциация основных составляющих ЛК-концепта и возникает своего рода «наноконцептология», когда объектом изучения становятся части частей концепта. Так, в составе образной составляющей к уже выделённому образно-метафорической и образно-перцептивной добавляется ещё и образно-прецедентная, включающая закреплённые в языковом сознании ассоциативные признаки литературных и фольклорных персонажей, олицетворяющих исследуемый концепт (см.: Несветайлова 2010: 17). В свою очередь, значимостная составляющая «расщепляется» на этимологическую, словарную (синонимы, антонимы, дериваты имени концепта) и собственно ассоциативную, включающую результаты ассоциативного эксперимента.

Выход из предрезисного состояния и постепенное изменение вектора развития, тем не менее, не избавили лингвоконцептологию от определённых слабых мест в её теории, внут-

ренных противоречий и даже парадоксов, вытекающих, главным образом, из принятых принципов деления ЛК-концепта на качественно отличные друг от друга составляющие.

Так, если не включать в состав ЛК-концепта языковую, значимостную составляющую, то признаки логического парадокса можно усмотреть в самом факте конституирования, например, концептов «ДОБРО» и «ЗЛО» (см.: Палеха 2007; Тихонова 2006), поскольку ЛК-концепт по определению сложное, многомерное ментальное образование, а «ДОБРО» и «ЗЛО» – это, по сути, результат гипостазирования аксиологической оценки, представленной рассудочно, рационально. Другой парадокс возникает при конституировании таких концептов, как, например, «АНГЕЛ» и «ДЬЯВОЛ» (см.: Черкасова 2005), когда статус концепта приписывается его образному воплощению: «АНГЕЛ» и «ДЬЯВОЛ» являются символами основных понятий бытия – «ДОБРА» и «ЗЛА», и это, по сути, означает, что в представлениях об ангеле персонафицируется, т. е. метафоризируется концепт добра, а в представлениях о дьяволе – концепт зла. Не совсем понятно, почему в качестве имени концепта берётся название его метафорической составляющей – ангела/дьявола, а не собственно универсальной философской категории добра.

...О возможности смещения собственно концептуального содержания и денотата концепта уже говорилось, существует также возможность смещения понятийной и значимостной составляющей ЛК-концепта, когда отождествляются ключевые концепты какой-либо лингвокультуры и её ключевые слова, что отнюдь не то же самое: ключевому слову «авось», например, соответствует ключевой концепт «беспечность».

После обзора достижений и «болевых точек» российской лингвоконцептологии хотелось бы попытаться объяснить феномен её дисциплинарной «живучести» в сегодняшнем мире методологического плюрализма.

1. Прежде всего, как представляется, продолжает оставаться востребованным базовый термин её категориального аппарата – лингвокультурный концепт, в котором воплотилась насущная необходимость лингвистической науки в термине, способном отправлять к семантическому содержанию не одной какой-либо языковой единицы, а к совокупной семантике определённого множества этих единиц.

2. В немалой степени сегодняшняя востребованность этой научной дисциплины определяется присутствием в лингвоконцептологических исследованиях некой «сверхзадачи»: выявления (подтверждения или опровержения) данных о структуре и наполнении этнического менталитета носителей определённой лингвокультуры, что выгодно отличает её от классического языкознания, в частности, структурной лингвистики, ориентированной на автономное описание языковой системы.

3. Конечная цель лингвоконцептологии: установление единой универсальной системы лингвоконцептов через изучение отдельных концептов и национальных концептосфер и их последующее сопоставление – на сегодняшний момент не достигнута.

4. И, наконец, длительность её жизненного цикла объясняется тем простым фактом, что на настоящий момент у неё нет реальных конкурентов...

Задание 8. Ознакомьтесь с фрагментом научной статьи Н.А. Красавского «Перспективы развития лингвоконцептологии». В чем исследователь видит перспективы развития данной науки? В чем, по вашему мнению, можно согласиться с автором статьи? Что из высказанного может являться дискуссионным? Свой ответ аргументируйте.

Красавский Н.А. Перспективы развития лингвоконцептологии // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 584-587.

Данное научное направление не исчерпало своего потенциала. Аргументируем нашу точку зрения. Во-первых, как показывает обзор изданных в последние годы работ, перспективной является теория лингвокультурных типажей, продуктивно разрабатываемая В.И. Карасиком и его учениками. Под лингвокультурными типажамми понимаются

«обобщенные узнаваемые образы представителей той или иной культуры» (В.И. Карасик). Лингвокультурные типажы – это разновидность концепта. Они обладают понятийной, образной и ценностной составляющими. В.И. Карасик выделяет этнокультурные (примерами могут служить американский ковбой, русский интеллигент) и социокультурные типажы (например, компьютерный хакер). Очевидно, что количество этнокультурных типажей ограничено (собственно говоря, как и лимитировано количество этномаркированных концептов национального языка – например, немецкая пунктуальность, русское гостеприимство). Многие этнокультурные типажы, насколько мы знаем, уже описаны лингвоконцептологами, в то время как социокультурные типажы в силу их большого количества окажутся в перспективе в поле зрения ученых. Можно прогнозировать интенсивное появление все новых и новых социокультурных типажей по мере развития усложняющейся практической деятельности человека.

Во-вторых, перспективными представляются исследования, эмпирической базой которых являются не отдельные концепты, а их, если так можно выразиться, кластеры. Укажем, что в последнее время имеет место устойчивая тенденция лингвокультурологического описания онтологически близких концептов, например, стыда и вины, зависти и ревности. Как правило, изучение диад концептов проводится на материале двух лингвокультур, поскольку исследование данных когнитивных образований в рамках одной лингвокультуры не позволяет выявить в полной мере их содержательные характеристики (в особенности, их этнокультурную специфику). Следует отметить появившиеся в последние годы работы, посвященные описанию концептуальных полей. Есть успешные попытки их анализа в лингвокультурологическом ключе. В качестве примера можно назвать диссертацию И.А. Долговой, объектом исследования которой является концептуальное поле «терпение», состоящее из концептов «смирение», «выдержка», «толерантность» и «страдание».

В-третьих, безусловно перспективны работы, направленные на изучение индивидуально-авторских концептов. ...При изучении индивидуально-авторских концептов определяется, с одной стороны, специфика их содержания, выявляются закодированные в них смысловые приращения, часто противоречащие стандартному, если так можно сказать, общенациональному пониманию конкретного концепта, а с другой – устанавливаются номинативные особенности вербализации данного ментального образования. Иными словами, при исследовании индивидуально-авторских концептов ученый определяет когнитивную специфику того или иного понятия, вскрывает посредством интерпретации коммуникативной деятельности человека механизм сложного индивидуального мыслительного конструкта, фиксирующего ценностные установки его создателя. Поскольку «добраться до мысли можно только через слова», изучение индивидуально-авторских концептов *volens volens* выводит ученого на описание идиолекта языковой личности. Специфика использования ею языка устанавливается, в частности, при выявлении образной составляющей индивидуально-авторского концепта, являющейся его облигаторным признаком. Через образную (перцептивно-образную) составляющую индивидуально-авторского концепта выражаются оценочные характеристики объекта, которые мы квалифицируем как производные ценностные установки языковой личности. Ценностная составляющая концепта наряду с его понятийным и перцептивно-образным признаками признается в современной лингвоконцептологии большинством исследователей в качестве обязательной в структуре этого когнитивного образования.

РАЗДЕЛ IV. ТЕОРИЯ КАТЕГОРИЗАЦИИ В ЛИНГВОКОГНИТОЛОГИИ

4.1. Теоретические основы изучения лингвокогнитивной категоризации

Изучение особенностей категоризации в языковом сознании человека является одним из перспективных направлений современной лингвокогнитологии (A. Appel, D. Divjak, C.J. Fillmore, S. Kalyan, W. Labov, G. Lakoff, G. Lepper, B.B. Lloyd, N. Mashal, C.B. Mervis, R. Pustet, T. Regier, E. Rosch, J.R. Taylor, A. Вежбицка; Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, О.О. Борискина, О.Л. Бутакова, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, Д.О. Добровольский, А.А. Залевская, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, А.А. Кретов, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина, А.П. Чудинов, А.Л. Шардин, А.С. Щербак и др.).

В настоящее время в науке по-прежнему дискуссионны проблемы сущности процесса языковой категоризации, влияния особенностей человеческого сознания и национального языка на формирование категорий. Далеки от окончательного решения вопросы о структуре категорий и их составляющих, о взаимоотношениях единиц категорий, о возможности конечного описания существенных признаков категорий, о значении достижений теории категорий для лексикографии и других прикладных областей. Нуждаются в уточнении теоретические и методологические основы изучения языковой категоризации: нельзя назвать окончательно разработанным понятийно-терминологический аппарат, обслуживающий данную сферу когнитивной науки, необходимо уточнить и дополнить методологические принципы изучения языковой категоризации и совершенствовать методику исследования лексических категорий. До сих пор не существует системной классификации типов категоризации и видов категорий. Некоторые из названных проблем будут освещены в данном разделе.

На необходимость изучения категорий человеческого сознания указывают в первую очередь философы. В.В. Орлов подчеркивает, что современная отечественная философия, отступив от изучения категориальных систем, вот уже несколько десятилетий развивается в ложном направлении [Орлов 2011: 184]. Важно отметить, что, поскольку категории являются лингвоментальными феноменами (абстрактное мышление оперирует, помимо прочих, вербальными средствами, а «единицы» познания фиксируются в языке), то в изучении процессов

категоризации следует объединить усилия не только философов, но также психологов и лингвистов.

Действительно ментальные процедуры получения, обработки, систематизации и репрезентации знаний в знаковой форме с той или иной стороны изучались с древнейших времен: сначала в основном философами, в более поздние годы и до настоящего времени психологами и психолингвистами, социологами и социолингвистами, антропологами и этнолингвистами, когнитологами и прагмалингвистами и т.д.

Последние годы многие отечественные исследователи-лингвокогнитологи плодотворно изучали процессы концептуализации. В настоящее время известны сотни диссертационных и монографических работ, посвященных изучению универсальных, этноспецифичных и индивидуально-авторских концептов [см. подробнее об этом: Дзюба 2011: 49 – 51]. Возможно, именно такое обилие исследований в области лингвоконцептологии в какой-то мере подорвало авторитет данной науки в глазах в первую очередь западных ученых. Значительно меньше в отечественной лингвистике исследований, посвященных изучению механизмов категоризации и описанию самих категорий, формирующих, упорядочивающих человеческое знание под влиянием языка и сохраняющих это знание в категориях языка. Именно эти вопросы являются наиболее перспективными и требующими научного обоснования в настоящее время.

Однако определенный опыт изучения категорий в отечественной лингвистике, безусловно, накоплен. Анализ частей речи как классов слов, существующих и функционирующих в языке в качестве естественных прототипических категорий был представлен Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1997, 2004]. Сущность процессов категоризации, методология и методы исследования категорий, виды языковых категорий (лексические, грамматические, модусные), соотносимые с главными функциями языка (соответственно – номинативной, коммуникативной и интерпретирующей) описаны в многочисленных трудах Н.Н. Болдырева [Болдырев 1996, 1999, 2000а, 2000б, 2001а, 2001б, 2004, 2006, 2007а, 2007б, 2008, 2011, 2013, 2014а, 2014б]. О.О. Борискиной и А.А. Кретовым была предложена модель описания языковой категоризации мира методом выявления криптоклассных систем английского и русского языков на примере категорий первостихий (воздуха, воды, огня и земли) в англоязычном и русском языковом сознании [Борискина 2011а; Борискина 2011б; Борискина, Кретов 2003].

Необходимо также отметить разноаспектные исследования, а именно: отдельные работы по методологии языковой категоризации [Абишева 2013; Мишанкина 2013 и др.] и проблемам прототипической

структуры категорий [Лобанов, Радчикова 2011; Маскадыня 2012 и др.], работы, направленные на выявление видов категори, исследования, посвященные изучению категорий в аспекте лингвокогнитивной иерархии (т.е. в рамках теории Э.Рош о распределении в человеческом сознании категорий по уровням: базисному, выше- и нижележащему) [Радчикова 2005].

Объектом лингвокогнитивных исследований являлись и отдельные категории языкового сознания: категории пространства, времени, причинности [Сулейманова, Беклемешева 2009], индивидуального пространства [Безукладова 2011], количества [Бажанова 2010], интенсивности [Ревенко 2013], градуальности [Фурс, Назарова 2008], роста [Бузинова 2010], инакости [Кислякова 2012], собирательности [Григорик 2012] и т.д.

Как было отмечено Н.Н. Болдыревым, языковые категории делятся на лексические, грамматические и оценочные, соотносимые с разными функциями языка (номинативной, коммуникативной, интерпретирующей). Учение о грамматических категориях существует сотни лет, со времен появления первых национальных грамматик, и развивается вплоть до нашего времени. Нельзя не упомянуть выдающихся отечественных ученых, которые внесли существенный вклад в учение о грамматических категориях русского языка (В.А. Богородицкий [Богородицкий 1935], А.Х. Востоков [Востоков 1831], В.В. Виноградов [Виноградов 1975; 1986], Г.О. Винокур [Винокур 1959], В.В. Лопатин [Лопатин 1977], С.П. Обнорский [Обнорский 1953], А.А. Потебня [Потебня 1958], А.А. Реформатский [Реформатский 1978], А.А. Шахматов [Шахматов 1941]; Л.В. Щерба [Щерба 1957]. В этом ряду следует указать также авторов «Грамматики русского языка» Н.Д. Арутюнову, А.В. Бондарко, И.С. Улуханова и др. [Русская грамматика 1980, электронный ресурс] и т.д.

В настоящее время не меньший интерес ученых вызывают лексические категории. Этот интерес обусловлен тем, что, с одной стороны, подобные исследования в значительной степени отражают особенности представлений носителей языка о мире, с другой стороны, имеют особую практическую ценность: они предоставляют плодотворную научную базу для современной лексикографии. Следует назвать некоторые из таких работ: терминология как когнитивные форматы хранения экспертного знания изучается Т.В. Дроздовой [Дроздова 2013]; категоризация растений, имеющих наименования орнитологического происхождения, рассматривается С.Ю. Дубровиной [Дубровина 2014]; вопросами фразеологической категоризации в сфере фитонимии русского и немецкого языков занимается Т.Ю. Капишева [Капишева 2009]; особенности категоризации артефактов (в частности – напитков)

являются предметом исследований Д.А. Мореля Мореля [Морель Морель 2012]; категоризация лекарственных средств на основании изучения внутренней формы их наименований является предметом исследования А.Н. Подоляки [Подоляка 2013]; категоризацией температурных представлений, отраженных в языковом сознании англичан, занимается Н.С. Сергеева [Сергеева 2012]; гендерные категории являются предметом научных изысканий Д.В. Погонцевой и Д.Д. Узловой [Погонцева, Узлова 2013]; категоризация интеллектуальных способностей человека и рассмотрение лексических маркеров понимания в русском языке представлены в диссертационном исследовании А.А. Прокубовского [Прокубовский 2009] и т.д.

Наименее исследованы, пожалуй, оценочные (т.н. модусные) языковые категории, отражающие интерпретирующую функцию языка. Оценочную категоризацию, в основном на материале русского и английского языков, в настоящее время активно изучает Н.Н. Болдырев и представители его научной школы [Болдырев 2011; Болдырев, Гунина 2000; Болдырев, Панасенко 2013; Панасенко 2014 и др.]; оценочная категоризация нравственных понятий ХОРОШО – ПЛОХО является предметом исследований А.Ж. Досановой и Ж.Б. Нурмахановой [Досанова, Нурмуханова 2015]; категории артефактов, природных субстанций и явлений как интерпретирующие форматы знания изучаются Л.А. Панасенко [Панасенко 2012а, 2012б]; наречия как средства оценочной категоризации интеллектуальных способностей рассматриваются в работах Н.М. Кравцовой [Кравцова 2011] и т.д.

Современные ученые выделяют **три ведущих подхода к осмыслению категорий** как ментальных феноменов: 1) классический подход, 2) критика классической теории, 3) прототипический подход, или теория прототипов [Болдырев 1996: 79 – 80; Боярская 2011; Скребцова 2011: 85 – 96].

Первый опыт научного размышления о категориях принадлежит древнегреческому философу Аристотелю. По его мнению, следует выделять категории сущности, качества, количества, отношения, пространства, времени, состояния, обладания, действия и претерпевания. Так, описывая категорию сущности, философ утверждает, что она «не допускает большей или меньшей степени; ...если эта вот сущность есть человек, то не будет человеком в большей или меньшей мере ни сам он по отношению к себе, ни один по отношению к другому. Ведь один человек не в большей мере человек, чем другой, не так, как одно белое в большей или меньшей степени белое, чем другое, и не так, как одно красивое называется более красивым или менее красивым, чем другое» [Аристотель. Категории, электронный ресурс]. Таким образом,

философ настаивает на том, что категории (в частности – категории сущности) носят исключительно онтологический характер, имеют четко очерченные границы и строгую организацию членства (категории определяются совокупностью равноправных между собой составляющих – элементов категории, которым свойствен одинаковый набор характерных, типичных для категории признаков, позволяющих включать эти элементы в одну категорию).

По словам Н.Н. Болдырева, классическая (Аристотелева) теория об онтологическом характере мыслительных категорий и их автономности по отношению к человеческому сознанию представлялась в лингвистике в самых разных вариациях: в виде концепции о божественном происхождении категорий (Платон, Декарт); в виде учения о врожденном, генетическом характере категорий Н. Хомский, Д. Бикертон; в виде рассуждений об отражении в устойчивых признаках реального мира в процессе категоризации (Б. Рассел, Р. Карнап и др. позитивисты) и т.д. [Болдырев 1996: 79].

Существенный вклад в развитие классической (умозрительной) теории категорий внес Иммануил Кант, который рассматривал генетическую природу категорий не в онтологическом ключе, а сквозь призму логических суждений, называя интересующий нас феномен категориями рассудка. Философ разделил суждения на четыре группы, каждая из которых в свою очередь предполагает логическую триаду. В соответствии с каждой группой и каждым видом суждений И. Кант выделил категории, в каждой категории он представил своего рода подкатегории. Соответствие логических суждений и категорий рассудка можно представить в виде таблицы (см. Таблицу № 7).

Таблица 7

Суждения и категории рассудка (теория Иммануила Канта)

№	Логическое суждение	Вид категории
1	Суждение о количествах - общих - частных - единичных	Категория количества - множественности - целокупности - единичности
2	Суждение о качествах - утвердительные - отрицательные - бесконечные	Категория качества - реальности - отрицания - ограничения
3	Суждение об отношении - категорические - гипотетические - разделительные	Категория отношения - субстанция и акциденция - причинность и зависимость (или причина и действие) - общение (или взаимодействие)

Модальность

- проблематические,
- ассерторические,
- аподиктические

Категория модальности

- возможности – невозможности
- существование-несуществование
- необходимость-случайность

Иммануил Кант, представляя триадическую структуру категорий рассудка, делал акцент на диалектической взаимосвязи и особой упорядоченности между элементами категории. При этом в структуре каждой категории первая подкатегория выступает как тезис, вторая как антитезис, третья как синтез (ср., например: целокупность ... есть не что иное, как множество, рассматриваемое как единство)), т.е. «третья категория возникает всегда из соединения второй и первой категорий», это соединение первой и второй категории, образующее третье понятие, требует особого акта рассудка, не тождественного с актом рассудка в первой и второй категории» [Кант 1964: 178].

Г.В.Ф. Гегель предложил свою систему категорий, которая, по мнению современных философов, представляет собой выдающееся достижение в области системно-категориального творчества [Орлов 2011: 186]. Отдавая дань уважения Аристотелю, предложившему перечень категорий, и И. Канту, представившему классификацию категорий, Г.В.Ф. Гегель разработал свою целостную (тотальную), кольцевую (в виде круга) систему философских категорий, основанных на идее взаимодействия сознания и материи. Так, первый круг в его философской концепции составляют категории ЛОГИКА – ПРИРОДА – ДУХ. Далее, каждая из этих категорий делится на категории малых кругов. Категория ЛОГИКА, например, включает категории БЫТИЕ – СУЩНОСТЬ – ПОНЯТИЕ. Далее вновь следует деление на более частные круговые области: БЫТИЕ включает категории КАЧЕСТВО, КОЛИЧЕСТВО, МЕРА, СТЕПЕНЬ и т.д. Подобным образом, категория ВЕЩИ включает категории МАТЕРИИ и ФОРМЫ; категория ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ включает категории ПРИЧИНЫ и ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, категории ВОЗМОЖНОСТИ, СЛУЧАЙНОСТИ и НЕОБХОДИМОСТИ и т.д. По замыслу Г.В.Ф. Гегеля каждая философская категория должна выводиться из диалектического противоречия двух ранее рассмотренных, как, например, выводится категория ОСНОВАНИЯ из противоположности ТОЖДЕСТВА и РАЗЛИЧИЯ. Вся система категорий у философа «строилась так, что каждая категория занимала строго определенное место в системе, выводилась из предшествующих, в конечном счете из начальной, служила необходимым звеном для выведения последующих... Способ такого выведения является, – как отмечает В.В. Орлов, – замечательным интеллектуаль-

ным приобретением того нового «типа интеллекта», каким служит философия великого мыслителя» [Орлов 2011: 195].

Уход от умозрительно-логического осмысления природы категорий в сторону ее практического, реалистического освоения осуществляет Людвиг Витгенштейн. Австрийский философ к. XIX – н. XX вв. указывает на более сложную природу категорий [Витгенштейн, электронный ресурс], нежели это представляли себе его предшественники. Автор «Философских исследований» настаивает на идее об отсутствии у мыслительных категорий четких границ и равноправного членства. Л. Витгенштейн выдвигает теорию о существовании так называемого «фамильного сходства» членов категорий. Философ настаивает на отсутствии равноправия элементов, входящих в ту или иную категорию: «Вместо того, чтобы выявлять то общее, что свойственно всему называемому языком, я говорю: во всех этих явлениях нет какой-то одной общей черты, из-за которой мы применяли к ним всем одинаковое слово. Но они родственны друг другу многообразными способами» [Витгенштейн, электронный ресурс].

В качестве иллюстрации Л. Витгенштейн приводит пример с категорией игры, ср.: «Рассмотрим, например, процессы, которые мы называем играми. Я имею в виду игры на доске, игры в карты, с мячом, борьбу и т.д. Что общего у них всех? Присмотрись, нет ли чего-нибудь общего для них всех. Ведь, глядя на них, ты не видишь чего-то общего, присущего им всем, но замечаешь подобия, родство, и притом целый ряд таких общих черт. Присмотрись, например, к играм на доске с многообразным их родством. Затем перейди к играм в карты: ты находишь здесь много соответствий с первой группой игр. Но многие общие черты исчезают, а другие появляются. Если теперь мы перейдем к играм в мяч, то много общего сохранится, но многое и исчезнет. Все ли они развлекательны? Сравни шахматы с игрой в крестики и нолики... И так мы могли бы перебрать многие виды игр, наблюдая, как появляется и исчезает сходство между ними» [Витгенштейн, электронный ресурс]. Философ приходит к выводу, что члены категории не являются абсолютно равноправными и тождественными по набору характеризующих их как единицы категории признаков; автор этих философских размышлений говорит о сложной сети подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом. Такие подобия, переплетения признаков членов одной категории Л. Витгенштейн называет «семейными сходствами» и указывает, что «так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т.п.» [Витгенштейн, электронный ресурс].

Вопрос о соотношении категорий с четкими и нечеткими границами автор «Философских исследований» совершенно справедливо, на наш взгляд, решает исключительно в пользу намерений человека, осмысляющего те или иные категории, ср.: «...я могу придать, например, понятию числа строгие границы, то есть использовать слово *число* для обозначения строго ограниченного понятия. Однако я могу пользоваться им и таким образом, что объем понятия не будет заключен в какие-то границы. Именно так мы и употребляем слово *игра*. Ибо как ограничить понятие игры? Что еще остается игрой, а что перестает ею быть? Можно ли здесь указать четкие границы? Нет. Ты можешь провести какую-то границу, поскольку она еще не проведена... Можно сказать, что понятие игры – понятие с расплывчатыми границами» [Витгенштейн, электронный ресурс]. Тем не менее, нельзя утверждать, что любая категория может исключительно интенционально осмыслиться человеком как категория с четкими и нечеткими границами. Есть основания полагать, что существуют категории, рамки которых объективно заданы: с какой точки зрения мы не взглянем на треугольник, даже если предположить переносные, метафорические значения (например, *любовный треугольник*), главный признак категории – наличие трех компонентов, трех точек отсчета – будет строго ограничивать список претендентов на членство в данной категории.

Действительно, если категории сущности, как их описывал Аристотель, и имеют место быть, то их, вероятно, и следует называть категориями с четкими границами. Это категории, которые не допускают степени или меры, не допускают двойной интерпретации. Набор составляющих таких категорий строго определен наличием у каждого представителя категории совокупности наиболее важных, типичных признаков, при этом все члены данной категории будут действительно равноправными. Такими категориями, вероятно, оперируют главным образом теоретики: философы, логики, математики и др.

Если речь заходит о практическом применении таких категорий, например, в юриспруденции, то их границы намеренно стараются очертить для справедливости оценки каждого встретившегося в практической жизни явления, подходящего под ту или иную категорию. Например, в юридической практике строго разграничиваются понятия абстрактного и конкретного, но также четко устанавливается их взаимосвязь, ср.: «Конкретное в процессе юридической квалификации понимается как непосредственно данное, чувственно воспринимаемое явление, конкретный жизненный случай, который сопоставляется с абстрактным. Норма права, в силу своей абстрактности, не может содержать массу разнообразных признаков, которыми обладают конкретные

жизненные обстоятельства, она лишь содержит некие общие понятия. Норма права не должна содержать каких-либо случайных признаков, она должна выделять такие из них, которые раскрывают сущность квалифицируемого явления. Образование общих, абстрактных понятий углубляет познание объективной действительности, позволяет осмыслить наиболее существенные связи и закономерности природы общественной жизни. Общее реально существует, но не само по себе, не самостоятельно, а в конкретных единичных явлениях. Закрепленные в правовой норме абстрактные юридические факты могут встретиться в реальной действительности не сами по себе, в реальной жизни мы сталкиваемся с жизненными фактами, которые содержат в себе признаки того или иного юридического факта, закрепленного в правовой норме» [Кудрявцев 2007: 36–37].

Таким образом, категории с четкими границами, предполагающие равноправие всех своих членов, все-таки существуют, без них нельзя было бы говорить о существовании науки вообще. Но нельзя отрицать и того, что, погружаясь в реальную жизнь, эти абстрактные категории начинают расшатываться. Например, мнение Аристотеля о сущности человека и его утверждение, что человек не может быть человеком в большей или меньшей степени, верно с биологической точки зрения или с позиции социального равноправия, но, к сожалению, в практической жизни это не всегда так. Например, раб в древнем мире считался вещью, а не человеком; женщина в восточной культуре имеет более низкий статус, чем мужчина; в обществе с жестким классовым расслоением было нормой разделять людей «с голубой кровью» – дворян и обычных людей – простолюдинов; для гражданина любой страны соотечественник всегда более уважаем, чем мигрант; значение женщины в воспитании детей, по мнению многих, больше, чем влияние мужчин и т.п. Вероятно, даже определение сущностных категорий зависит от общей модели мировидения: в рамках одной модели (например, научной картины мира) человек – это категория с четкими границами, и в этой категории все члены равноправны; но в «наивном» сознании под воздействием разных идей складываются разные модели мировидения. Следовательно, даже категории с четкими границами могут варьироваться в зависимости от модели мира: в рамках научной картины мира структура категории может быть упорядоченной, а все ее члены равноправными; в наивной картине мира структура категории может меняться: одни члены категории выходят на первый план и становятся типичными образцами категории, другие выходят на задний план и могут вообще не сразу осознаваться как члены данной категории. Е.С. Кубрякова в этом смысле уточняет, что следует рассматривать категории жесткие

(четкие), которые основаны на равенстве всех членов, и нежесткие (размытые), основанные на сходстве, подобии [Кубрякова 2004: 100].

Возвращаясь к размышлениям Аристотеля, следует обратить внимание на описание иных категорий, например, категории качества. Мыслитель разводит качества, допускающие большую или меньшую степень, и качества, этого не допускающие. Так, например, «об одном белом говорят, что оно более бело или менее бело, чем другое, и об одном справедливом – что оно более справедливо или менее справедливо, чем другое... Между тем треугольное или четырехугольное, как и всякая другая фигура, не допускает, видимо, большую степень» [Аристотель. Категории, электронный ресурс].

Иными словами, категории по своей структуре делятся на два вида: *с четкими границами* (категории, в которых все члены равноправны, так как они обладают одинаковым набором признаков, актуальных для данной категории) и *с нечеткими (размытыми) границами*, члены которых неравноправны. При этом категории с четкими границами могут допускать противоположности и располагаться на полюсах как оппозиции (*законно – незаконно, мужчина – женщина, жизнь – смерть, совершеннолетний – несовершеннолетний*), но существуют также категории с четкими границами, в составе которых все члены также равноправны, но они не допускают противоположности (ср. понятия: *треугольный, четырехугольный*) и т.д.

Третий подход к пониманию сущности и структуры категорий предпринят американским психологом Элеонорой Рош, автором знаменитой *«теории прототипов»* [Rosch 1973, 1975a, 1975b, 1978, 1983], хотя, впрочем, эти идеи высказывались и ранее в работах Б. Берлина и П. Кея [Berlin & Kay 1968; Kay et al. 1997; Kay 1999]. К сожалению, многие работы Э.Рош по необъяснимой причине до сих пор не переведены отечественными лингвокогнитологами на русский язык, но, к счастью, переведены, правда не всегда удачно и адекватно, работы Дж. Лакоффа, который подчеркнул значение исследований Э. Рош для теории категоризации: «Э. Рош сосредоточила внимание на двух следствиях классической теории. Во-первых, если категория определяется только теми свойствами, которыми обладают все ее члены, то не должно быть таких ситуаций, когда один из ее членов в большей степени соответствует представлению об этой категории, чем другие. Во-вторых, если категории определяются только теми свойствами, которые внутренне присущи ее членам, то сами категории должны быть независимы от особенностей строения тех существ, которые осуществляют категоризацию». Исследования Э. Рош и ее коллег, как поясняет Дж. Лакофф, «демонстрируют, что в общем случае

категориям свойственно иметь наилучших представителей (они названы прототипами) и что все перечисленные способности человека реально участвуют в процессах категоризации» [Lakoff 1987].

Для Э. Рош и ее коллег аксиоматичен тезис о существовании категорий в объективно-психологической системе знаний человека о мире, ср.: «For some years, I have argued that human categorization should not be considered the arbitrary product of historical accident or of whimsy but rather the result of psychological principles of categorization, which are subject to investigation» [Rosch, Lloyd 1978: 27]. Категории человеческого сознания обусловлены не их онтологической природой, но субъективной природой – природой самого человеческого сознания. Э. Рош подчеркивает, что значительная часть таких категорий человеческого сознания не имеет четких границ, ср.: «Most, if not all, categories do not have clear-cut boundaries» [Rosch, Lloyd 1978: 28].

Согласно классической теории, категории являются логически ограниченными явлениями, членство в которых определяется строгим и однотипным набором критериальных признаков. При этом считается, что каждый член категории, обладающий такими признаками, в равной степени становится равно- и полноправным членом категории. В противоположность такому подходу американские исследователи [Lakoff 1972; Rosch 1973] при моделировании категорий, вслед за Л. Витгенштейном, опираются на *принцип «фамильного сходства»*, ср.: «...members of a category come to be viewed as prototypical of the category as a whole in proportion to the extent to which they bear a family resemblance to (have attributes which overlap those of) other members of the category. Conversely, items viewed as most prototypical of one category will be those with least family resemblance to or membership in other categories» [Rosch, Mervis 1975: 575]; «The concept of family resemblances is also of general use because it characterizes prototype formation as part of the general process by which categories themselves are formed» [Rosch, Mervis 1975: 602].

Э. Рош подчеркивает, что среди членов категории, объединенных на основании признаков «фамильного сходства», существуют наиболее и наименее яркие образцы, лучшие и худшие представители категории. Иными словами, некоторые естественные категории включают в свою внутреннюю структуру, с одной стороны – прототипы (наиболее явные члены), с другой стороны – непрототипичные члены, которые представлены членами с разной степенью типичности для данной категории, ср.: «...has further characterized some natural analog categories as internally structured into a prototype (clearest cases, best examples of the category) and nonprototype members, with nonprototype members tending

toward an order from better to poorer examples» [Rosch, Mervis 1975: 573-574]. При этом прототипы характеризуются исследовательницей как такие члены категории, которые наиболее явно отражают избыточность структуры в целом, ср.: «In short, prototypes appear to be just those members of a category that most reflect the redundancy structure of the category as a whole» [Rosch, Lloyd 1978: 37].

Наиболее прототипичными оказываются те члены категории, у которых имеются признаки, позволяющие им включаться в типичные и общепринятые сценарии, ср.: «With respect to prototypes, it appears to be those category members judged the more prototypical that have attributes that enable them to fit into the typical and agreed upon script elements» [Rosch, Lloyd 1978: 45].

Прототипы развиваются по тем же принципам (таким, как максимизация валидности признака и максимизация фамильного сходства), которые используются при формировании и самих категорий (ср.: «... prototypes develop through the same principles such as maximization of cue validity and maximization of category resemblance 1 as those principles governing the formation of the categories themselves» [Rosch, Lloyd 1978: 37]), но прототипы не представляют собой ни какой бы то ни было процессуальной модели категорий, ни какой бы то ни было теории репрезентации категорий, ни какой бы то ни было теории обучения категориям, ср.: «Prototypes do not constitute any particular processing model for categories...; Prototypes do not constitute a theory of representation of categories...; Although prototypes must be learned, they do not constitute any particular theory of category learning» [Rosch, Lloyd 1978: 40 – 41].

Созданная Э. Рош теория и методология прототипов легла в основу многих лингвистических исследований. Так, прототипический подход может быть применим к анализу таких лингвистических явлений, как, например, словообразовательная деривация, полисемия, варьирование (в т.ч. метафорическое) типовой ситуации в структуре фрейма, дискурсивные модификации прототипического феномена и др. Вряд ли здесь целесообразно перечислять многочисленные работы, которые посвящены изучению прототипических эффектов, проявляющихся на разных уровнях языка и текста, а также в процессе коммуникации. Вероятно, будет достаточно показать потенциальные возможности применения прототипического подхода к анализу языковых и речевых фактов. В качестве примера изучения прототипических эффектов в грамматике может послужить рассмотрение категории глагола. Так, Н.Н. Болдырев, обнаруживая отличие феноменов *инвариант* и *прототип* в разнонаправленности классификационного процесса – в сторону обобщения (инварианты) и в сторону конкретизации (прототипы), от-

мечает следующее: «...понятие глагола как части речи является инвариантным для всех конкретных групп глагола и отдельных лексем. Прототипом всех категории глагола как части речи являются акциональные глаголы, проявляющие в наибольшей степени и в наиболее чистом виде характерные свойства в данной категории. Между тем акциональность тоже может рассматриваться как инвариантный признак всех акциональных глаголов, прототипом которых принято считать глаголы конкретного физического действия» [Болдырев 2003: 55].

Метод прототипического анализа также актуален при изучении семантических категорий. А.Э. Левицкий, опираясь на классический в лингвокогнитологии пример с птицами, иллюстрирует прототипическую специфику семантической категории четкости – нечеткости, ср.: «Птичность» выступает основой утверждения, что *малиновка, курица, пингвин и летучая мышь* относятся к категории птиц. На основании ее наличия у разных перечисленных видов, можно утверждать, что *малиновка – это птица; курица менее характеризуется как птица; пингвин – еще меньше, а летучая мышь вообще птицей не является. Корову же, к примеру, никак нельзя отнести к категории птиц на основании отсутствия у нее даже отдаленного свойства, им присущего. Если же идти от отрицания наличия свойств птицы у перечисленных видов, то *корова – совсем не птица, летучая мышь – почти совсем не птица, а пингвин – не совсем птица*» [Левицкий 2011]. Языковые маркеры *совсем не, почти совсем не, не совсем* и под. являются в данном случае вербальными репрезентантами, определяющими степень типичности или нетипичности образца в структуре лексической категории. Ср. также контексты, в которых благодаря оценочным языковым маркерам «выстраивается» категория АВТОМОБИЛЬ: *Лучше BMW, только BMW – это кому нужно авто в полном смысле этого слова – быстрое, маневренное, надежное...* (<http://reviews.drom.ru/bmw/1-series/69505/>); *LADA не совсем авто, но с «породистым» сердцем* (<http://www.drive2.ru/1/6845693/>); *Самый главный минус: это – OKA, что и автомобилем-то назвать сложно...* (<http://www.drive2.ru/r/lada/816148/>).*

А.В. Бондарко на основании принципа актуализации степеней прототипичности представил методику анализа семантических единиц одного смыслового поля. Данная методика включает следующие этапы: «1) ставится вопрос (как своего рода предварительная гипотеза) о возможности истолкования определенного семантического элемента как категориального значения, представляющего собой инвариант; 2) раскрывается система вариантов; именно в этой области целесообразно использование понятия прототипа как эталона, наиболее точно и полно представляющего специфику данного признака; 3) анализ вари-

антов начинается с прототипа как эталонного варианта, затем прослеживается цепочка постепенных переходов от эталона к его окружению – шаг за шагом, сначала к ближайшему окружению, которое чаще всего не отделено четкой гранью от прототипа, а затем к ближней и наконец к дальней периферии рассматриваемого семантического пространства. Рассмотрение таких переходов дает возможность ввести определенный принцип системности в анализ вариативности» [Бондарко 2001: 13].

Теория прототипов весьма успешно реализуется в лексикографической практике, в частности – при создании таких идеографических словарей, в которых лексические объединения группируются на основании типовой семантики и базовых имен или глаголов (см. серию словарей, подготовленных под редакцией Л.Г. Бабенко [Толковый словарь русских глаголов 1999; Большой толковый словарь русских существительных 2005; Большой толковый словарь русских глаголов 2007; Большой толковый словарь синонимов русской речи 2008; Словарь-тезаурус русских прилагательных 2011]).

Теория прототипа, по мнению некоторых исследователей, применима и к изучению текстов. К числу таких исследователей относится, например, Е.С. Кубрякова, которая выделяет прототипические тексты на основании следующих признаков: информативная самодостаточность, адресность, целенаправленность и некоторые другие когнитивные признаки [Кубрякова 2004: 512 – 515]. Т.Е. Литвиненко разделяет точку зрения о возможности выявления прототипических текстов, однако предлагает собственное видение набора признаков, которому должен соответствовать текст-прототип. Это признаки формальной и содержательной воплощенности, тематической определенности (цельности и связности), информационной самодостаточности, ситуативности, адресности, целенаправленности, отдельности, выделенности, завершенности, прагматической ориентации, интенциональности, интертекстуальности, признак малого речевого объема и др. [Литвиненко 2012: 145]. По мнению исследователя, к прототипическим денотатам категории ТЕКСТ, составляющим ее ядро, относятся письма, научные и публицистические статьи, тексты интервью, инструкции к артефактам, обобщенный образ рассказа и некоторые другие. В околоядерную зону и ближайшую периферию включаются такие тексты, которые лишены какого-либо признака (признаков) в отличие от прототипов. Например, если обобщенные образы текстов превышают прототипы по параметру их вербальной протяженности, т.е. объемны по форме (романы, монографии, конституции, религиозные трактаты, эпические поэмы и под.), то они будут относиться именно к периферии [см. подробнее: Литвиненко 2012: 143 – 147].

Действительно, теория категоризации и прототипической структуры категорий получила широкий резонанс в лингвистике, исследователи приводят все новые языковые факты для подтверждения ее достоверности. Одним из таких примеров-доказательств наличия прототипических эффектов даже, казалось, в рамках категорий с четкими границами является часто приводимый исследователями пример с категорией числа [см. об этом работы Вежбицка 1996а; Lakoff 1987; Скребцова 2011 и др.]. При абстрактном понимании категории числа все ее составляющие (то есть все числа) объективно равноправны и одинаково способны представлять данную категорию, но при экспериментальных опросах большинство русскоязычных людей называют в первую очередь числа 3 и 7. Речь здесь действительно идет о разнице в осмыслении строго теоретических, научных понятий – с одной стороны, и практически, жизненно применимых фактах – с другой стороны. Так, например, в речевом обиходе под влиянием сложившейся в сознании человека картины мира, его фоновых знаний, культурных традиций и т.д. некоторые числа воспринимаются более типичными представителями категории числа. Для русского человека 3 и 7 – знаковые числа, что объясняется влиянием фольклорной или религиозной традиции, жизненным опытом и т.п. (ср. символику числа 3 в русских сказках; устойчивые выражения *Бог троицу любит*, *Семь раз отмерь – один отрежь*, *Семеро одного не ждут*, *Семь пятниц на неделе* и др.). Такая речевая практика объясняет тот факт, что в обыденном сознании разные числа являются неравноправными членами одной категории. Структура категории числа в наивной картине мира, безусловно, этноспецифична. Если бы подобные эксперименты проводились среди китайцев, то они обязательно бы назвали 8, так как в их представлении это счастливое число, которое приносит удачу. В этом смысле интересно рассматривать структуру категорий сквозь призму их лингвокультурной специфики.

Следовательно, если речь идет о сугубо теоретических рассуждениях, обобщениях (о научной картине мира), то говорить о категориях с четкими границами и равноправии всех членов категории можно и даже нужно, но если речь идет о конкретном человеческом сознании, о носителе того или иного национального языка, то целесообразно говорить о категориях с нечеткими границами. Это подтверждает идею о том, что категории не могут формироваться без участия человеческого сознания, ср. высказывание Дж. Лакоффа: «...присущая человеку ментальная процедура категоризации в существеннейшей степени опирается на человеческий опыт и воображение – на особенности восприятия, моторной активности и культуры, с одной стороны, и свойства

метафоры, метонимии и ментальной образности – с другой. Как следствие этого человеческое мышление в решающей степени зависит от тех же факторов и не может характеризоваться просто в терминах манипулирования абстрактными символами» [Lakoff 1987].

Обобщая исследования предшественников и продолжая их рассуждения, Дж. Лакофф выдвигает некоторые фундаментальные положения, на которых базируется теория категоризации. Исследователь признает идею Л. Витгенштейна о наличии не общего набора устойчивых признаков, но лишь «семейного сходства» у представителей одной категории (ср.: «Члены категории могут быть связаны между собой, при том, что у них нет общего свойства, определяющего категорию»). Дж. Лакофф также поддерживает идею Э. Рош и ее коллег о градуированности членов категорий, которые выразили свое мнение следующим образом: «Cue validity is a probabilistic concept; the validity of a given cue x as a predictor of a given category y (the conditional probability of y/x) increases as the frequency with which cue x is associated with category y increases and decreases as the frequency with which cue x is associated with categories other than y increases» [Rosch, Lloyd 1978: 30]. Так, и Дж. Лакофф указывает на то, что «среди членов категории могут оказаться и более, и менее удачные примеры этой категории, ср.: «...the idea that at least some categories have degrees of membership and no clear boundaries» [Lakoff 1987: 12]. Иными словами, Дж. Лакофф настаивает на существовании градуальной структуры категорий с нечеткими границами. При этом исследователь акцентирует внимание на том, что «свойства некоторых категорий представляют собой отражение сущности биологических способностей человека и опыта его функционирования в материальном и социальном окружении»; Дж. Лакофф подчеркивает, что специфика процесса категоризации зависит от когнитивной модели, а концептуальные признаки того или иного феномена не *осознаются интеллектуально*, а *используются* автоматически, бессознательно и без заметных усилий, воспринимаясь просто как часть нормальной жизнедеятельности человека [Лакофф, 2004].

В отношении противопоставления классического и прототипического подходов к рассмотрению категорий некоторые когнитологи указывают на необходимость синтеза этих концепций [Н.Н. Болдырев 1996; Вежбицка 1996]. Так, Анна Вежбицка отмечает: «В семантическом анализе есть, конечно, место для прототипов, но есть и место для инвариантов, одно не исключает другого» [Вежбицка 1996: 201]. Исследователь подчеркивает, что идеализированные когнитивные модели, которые предполагают наличие категорий с четкими границами, погружаясь в реальный мир, помещаясь в контекст остального челове-

ческого знания о мире, «приобретает размытость, источником которой является не сама модель, но несоответствие исходных посылок, лежащих в основе модели, нашему знанию о мире» [Вежбицка 1996а: 202]. В доказательство этого положения А. Вежбицка приводит пример с понятием *холостяк* и указывает, что модель *холостяк – неженатый взрослый мужчина* не работает в случае, если речь идет, например, о Тарзане или Папе Римском. По мысли А. Вежбицкой, достаточно изменить основание для формирования категории, дополнить его другими признаками, чтобы модель заработала, ср.: «...почему бы нам, к примеру, не заменить модель на такую дефиницию: *холостяк – неженатый мужчина, который мыслится как такой, который мог бы вступить в брак?* Исследователь делает вывод, что «обсуждение «необходимых и достаточных признаков» обычно зацикливается на материальных признаках и не принимает во внимание нематериальные. Между тем, концепты естественного языка нередко представляют собой сплав компонентов обоего рода. Для холостяка считаться способным вступить в брак так же необходимо, как быть мужского пола и неженатым» [Вежбицка 1996а: 204]. А. Вежбицка подчеркивает, что категории с четкими границами все-таки существуют, главное – точно сформулировать такие признаки, которые стали бы достаточным основанием для выделения данной категории и включения того или иного члена в ее границы. При этом необходимо учитывать и материальные, и нематериальные (идеальные) признаки.

Итак, диапазон исследований по вопросам языковой категоризации необычайно широк, он варьируется от анализа грамматических категорий до изучения категоризации в сфере создания искусственного интеллекта и теории обучения [Divjak, Arppe1 2013; Kalyan 2012; Lepper 2000; Mashal et al. 2014; Pustet 1995; Regier 1995; Taylor 2011 и др.]. В отечественной лингвистике, по словам Л.С. Абросимовой, в настоящее время наиболее актуальны два направления лингвокогнитологии: когнитивная семантика и когнитивная грамматика. При этом «объектом когнитивной семантики являются знания и представления носителей культуры о внеязыковой действительности, отраженные в единицах языка» [Абросимова 2011: 7]. Исследователь поясняет, что когнитивная семантика стремится «рассмотреть за семантическими категориями общие понятийные категории, спровоцированные процессом освоения мира человеческим познанием. В этом смысле лингвокогнитологам важно определить границы энциклопедического и собственно лингвистического (семантического) знания. Когнитивная грамматика рассматривает «грамматические модели описания языков, ориентиро-

ванные на изучение когнитивных аспектов языковых явлений» [Абросимова 2011: 7]. Н.Н. Болдырев, размышляя о видах языковых категорий, помимо лексических и грамматических, выделяет модусные, или оценочные, категории, связанные с интерпретирующей функцией языка [Болдырев 2011, 2014а; см. также: Гаврилова 2005; Кумахова 2011; Панасенко 2014 и др.]. Исследователи считают, что языковые категории (хотя, как утверждают некоторые ученые, не в одинаковой степени) способны в своей структуре, на основе признаков «фамильного сходства» развивать прототипические эффекты, позволяющие выделять наиболее и наименее яркие образцы категорий. Указанный принцип прототипичности является исходной точкой для многих современных лингвистических исследований, направленных на изучение единиц разных уровней языка: от фонем до текстовых комплексов.

4.2. Методологические принципы изучения лингвокогнитивной категоризации

В разделе II данного учебного пособия излагались общетеоретические принципы лингвокогнитологии, которые лежат в основе любого исследования, направленного на изучение взаимообусловленности языковых структур и когнитивных процессов, происходящих в сознании человека. Однако в зависимости от специфики направления, теории, методики лингвокогнитивного исследования учеными разрабатываются более частные методологические принципы, на которых эти исследования базируются. Так, для изучения категоризации действительности в русском языковом сознании соответственно актуальны принципы теории языковой категоризации. Опыт формулировки таких принципов в теории лингвокогнитологии существует. Так, К.М. Абишева считает целесообразным выделять пять принципов языковой категоризации [Абишева 2013: 21 – 30]:

1) **принцип прототипичности**, сформулированный Э. Рош [Rosh 1978] и предполагающий выделение в структуре естественных категорий лучших представителей – прототипов, обладающих наибольшим числом типичных для данной категории существенных признаков;

2) **принцип нестрогости категоризации**, предполагающий «подключение новых членов к категории не благодаря буквальному повторению у объекта познания характеристик, свойственных остальным членам, но благодаря повторению части этих характеристик» [КСКТ 1996: 43] (эта идея, проиллюстрированная разными примерами, ранее высказывалась Л. Витгенштейном при описании теории «фамильного

сходства» [Витгенштейн, электронный ресурс] и обосновывалась Э. Рош [Rosh 1973, 1975а, 1975б, 1978], Дж. Лакоффом [Lakoff 1987] и др. учеными);

3) **принцип множественности и разнородности оснований категоризации**, предполагающий учет разнообразных человеческих когний и признание индивидуализированного характера категоризации;

4) **принцип континуальности**, т.е. цельности физического тела в пространственных границах;

5) **принцип градуированности**, реализующийся в наличии родовых отношений, в которые вступают члены одной категории [Абишева 2013: 23 – 27]. Однако эти принципы следовало бы дополнить и уточнить. В данном пособии предлагается **система методологических принципов изучения лингвокогнитивной категоризации**, которая включает принцип прототипичности; принцип «фамильного сходства»; принцип континуально-когнитивной относительности; принцип контекстно-когнитивной детерминированности; принцип пересекаемости категориальных структур; принцип вариативности категориальных структур в личностном, социальном и национальном лингвоментальном сознании; принцип корреляции онтологической и лингвоментальной природы категории; принцип статичности или динамичности категориальных структур; принцип иерархичности и градуированности.

1. Принцип прототипичности был разработан в трудах Элеоноры Рош [Rosch 1973, 1978, 1983], Дж. Лакоффа [Lakoff 1987], Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay 1969; Kay et al., 1997; Kay, 1999]. В основе данного принципа лежит выявление лучшего образца и его противопоставление худшим представителям категорий. Важно отметить, что данные формулировки охватывают лишь крайние точки структуры категорий. При таком рассмотрении не прослеживается специфика всей структуры категории, не обнаруживаются особенности плотности категории (характеристика по численности). Выявление лишь крайних точек (лучших и худших образцов), актуальных для каждой отдельно взятой категории, не позволяет увидеть закономерности структурирования категорий в сопоставлении. Эту проблему во многом решает более дробная уровневая классификация степеней типичности, выявляемая по принципу частотности на основании опросов носителей языка. Так, в структуре категории могут быть выявлены образцы **пяти степеней типичности**:

1) **сверхтипичные** (образцовые, идеальные) члены категории, обладающие высокой степенью типичности, обычно называемые при опросах более 80 % респондентов;

2) **типичные** члены категории, которые можно распределить по двум подгруппам:

- высокочастотные, упоминаемые 60 % – 80 % информантов и
- среднечастотные, упоминаемые 30 % – 60% респондентов;

3) **малотипичные**, называемые 10 % – 30 % опрошенных;

4) **нетипичные** члены категории, которые обычно отмечает 5 % – 10 % респондентов;

5) **сверхнетипичные** члены категории, называемые менее чем 5% участников анкетирования.

Единый подход к распределению членов категорий в соответствии со степенями типичности позволяет увидеть разницу в структурно-содержательной организации сопоставляемых лингвокогнитивных категорий, отражающую многообразные способы постижения человеческим сознанием разных фрагментов онтологического мира.

В отношении принципа прототипичности следует сделать еще одно замечание. Некоторые отечественные ученые указывают на сходство данного принципа с «работающим в лингвистике со времен Пражского лингвистического кружка принципа инвариативности / вариативности» и с принципом полевой организации языковых систем разного уровня [см. подробнее: Абрамян 2009; Бондарко 2004].

Как было указано выше со ссылкой на утверждение Н.Н. Болдырева о разном статусе прототипа и инварианта, эти понятия (*прототип* и *инвариант*) нельзя полностью отождествлять. Однако некоторые ученые рассматривают явление прототипичности сквозь призму оппозиции вариантности vs. инвариантности. При этом под прототипом понимается «наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты и (во многих случаях) наиболее высокой степенью регулярностью функционирования» [Бондарко 2004: 188].

С точки зрения полевого подхода, который в лингвистике нередко применяют к изучению единиц разных уровней языковой структуры (морфологии, словообразованию, лексике, синтаксису) [Павлов 1996; 1998; 2001], прототипические элементы категорий будут представлять собой ядерный уровень полевой организации, нетипичные представители категории будут относиться к периферийному уровню [см. подробнее: Абрамян 2009: 30 – 31].

2. **Принцип «фамильного сходства»**, определяющий членство категорий, был сформулирован Людвигом Витгенштейном и развит в трудах Элеоноры Рош и Кэролин Мервис [Rosch 1978; Rosch, Mervis

1975; Rosch et al. 1976]. Сущность этого принципа, заключается в следующем: члены категории объединяются в одну группу не на основании строгого и единообразного для всех набора категориальных признаков, но на основании разнообразного переплетения признаков у разных членов категории.

3. **Принцип континуально-когнитивной относительности** заключается в наличии нередко существенного отличия лингвокогнитивных структур (членства, структуры, границ лингвокогнитивных категорий) в разных сферах человеческого знания – научной (ботанической, агрономической, кулинарной и т.д.), торговой (в т.ч. таможенной) и наивной (бытовой), что позволяет утверждать идею о различных *вариантах* и *вариациях языковой картины мира*.

4. **Принцип контекстно-когнитивной детерминированности** (принцип формулирован с опорой на термин Н.Н. Болдырева *когнитивный контекст* [Болдырев 2014б]) предполагает взаимообусловленную зависимость трех составляющих процесса категоризации: 1) тип лингвокогнитивной категоризации (тот или иной вариант и/или вариация языковой картины мира); 2) существенные признаки лингвокогнитивной категоризации; 3) структура (членство) и границы категории. Тип лингвокогнитивной категоризации и актуальные для него существенные признаки определяют членство, особенности структуры и границы категории. В разных вариантах и вариациях языковой картины мира структуры категорий (то есть набор членов) различаются. Это обусловлено тем, что в разных сферах и даже науках, имеющих один предмет изучения, существуют разные основания для категоризации, разные способы получения информации, выделяются разные существенные признаки для классификационного рубрицирования объектов реального мира.

5. **Принцип пересекаемости категориальных структур** обнажает возможность отнесения одного и того же объекта действительности (реальной или воображаемой) к разным категориям. Очевидно, что, например, электросковородка, может в человеческом сознании одновременно относиться и к категории ПОСУДА, и к категории ЭЛЕКТРОПРИБОРЫ (или БЫТОВАЯ ТЕХНИКА).

6. **Принцип статичности vs. динамичности категориальных структур** основывается на признаке возможности – невозможности их динамического развития. Статические категории являются по типу своей структурной организации закрытыми, они не предполагают включения новых членов (ср.: категории ВРЕМЕНА ГОДА, МЕСЯЦЫ ГОДА, ДНИ НЕДЕЛИ, ВРЕМЯ СУТОК; ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА; ЦВЕТА СПЕКТРА и под.). Динамические категории, или категории с

открытой структурой, под влиянием внешних факторов способны изменять свою структуру. При этом члены внутри одной категории могут менять свой статус и переходить из разряда наиболее типичных в разряд наименее типичных и наоборот. Например, посудомоечная машина и компьютер еще пару десятилетий назад воспринимались обывателями как крупногабаритные, практически «производственные» агрегаты (посудомоечные машины устанавливались в учреждениях общественного питания, вычислительные машины занимали объемные пространства в исследовательских институтах). В настоящее время эти образцы стали типичными в структуре категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА. Обратный процесс (член категории являлся наиболее ярким представителем категории, но со временем перешел в разряд нетипичных образцов) можно наблюдать на примере категории ОВОЩИ: в сознании русских людей допетровских времен «лучшим» образцом данной категории была репа, сегодня для большинства носителей русского языка это далеко не самый яркий образец категории ОВОЩИ.

Существуют и иные механизмы изменения структур лингвокогнитивных категорий под влиянием внешних факторов: члены некоторых категорий могут полностью переходить в структуру иных категорий, либо одновременно становиться членом разных (смежных) категорий (см. п. 5). Так, для многих современных носителей языка чайник, пароварка, фритюрница и некоторые другие предметы бытовой утвари практически перестали быть членами категории ПОСУДА, стали типичными представителями категории ЭЛЕКТРОПРИБОРЫ, или БЫТОВАЯ (КУХОННАЯ) ТЕХНИКА.

7. Принцип вариативности категориальных структур в личностном, социальном и национальном лингвоментальном сознании предполагает признание значительного влияния человека на процесс категоризации. Специфика лингвокогнитивной категоризации во многом зависит от разного рода субъективных факторов: места жительства и индивидуального опыта субъекта(-ов) категоризации, социально-культурных и исторических условий, в которых протекает процесс категоризации и т.п. Например, на формирование категорий может оказывать влияние гендерный фактор. В структуре категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА (субкатегория «ПРИБОРЫ ЛИЧНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ») наиболее типичными образцами для мужчин является электробритва, для женщин – щипцы для завивки волос, фен, электробигуди и под.

Очевидно, что не менее важную роль при формировании категорий играет профессиональная принадлежность человека. Так, мастер швейного дела, профессионал (здесь может быть не важен даже гендерный аспект), обязательно при перечислении бытовых приборов

назовет швейную машину (для него это типичный представитель категории **БЫТОВАЯ ТЕХНИКА**), в то время как женщина, не увлекающаяся шитьем, о ней и не вспомнит (для нее швейная машина – нетипичный образец категории).

Признание значительной роли человеческого фактора при формировании когнитивных структур не исключает также наличие онтологической природы некоторых категорий. Из этого положения вытекает следующий принцип.

8. Принцип корреляции онтологической и лингвоментальной природы категории указывает на различное соотношение лингвоментальной и онтологической природы категории, которое нередко зависит от типа лингвокогнитивной категоризации и вида самой категории. Например, категории **ВРЕМЕНА ГОДА** или **ЧАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА** имеют преимущественно онтологическую природу, а значит – более устойчивую структуру и более четкие границы категории. Соответственно категория **ДУХОВНОСТЬ** имеет в большей степени субъективную природу, что обуславливает размытость границ данной категории, например, в отношении обязательности – необязательности включения в ее структуру концептов *религия, образование* и т.п.

9. Принцип иерархичности реализуется в явлении субкатегоризации, под которой понимается разделение категории на частные категориальные области, объединяющие члены по одному из существенных признаков. Этот принцип – выявления родо-видовых отношений – К.М. Абишева определила как принцип градуированности [Абишева 2013: 27], что вряд ли соответствует устоявшимся в науке представлениям о той градуированности, о которой говорили Э.Рош, Дж. Лакофф и др. Исследователи указывали на наличие градации членства как на отличительный признак некоторых категорий. Это, по их мнению, предполагало разную степень интенсивности проявления категориального признака у представителей одной категории. Так, огурец для носителя русского языка более овощ, нежели, например, авокадо. Поэтому целесообразно разграничить принцип иерархичности и принцип градуированности. При этом под иерархичностью следует понимать собственно таксономию, которая может выражаться, например, в явлении лингвокогнитивной субкатегоризации (*субкатегоризация* – членение категории на частные категориальные области, объединяющие члены по одному из существенных признаков).

10. Принцип градуированности реализуется в наличии у категорий внутренней и внешней градации. Рассуждая о наличии лучших и худших образцов в структуре категорий с нечеткими границами, когнитологи отстаивают идею о градуированной структуре таких катего-

рий. Дж. Лакофф подчеркивает: «По крайней мере, некоторые категории не имеют четких границ и принадлежность к ним выражается не абсолютно, а градуально» [Lakoff 1987: 12].

Следует уточнить, что здесь речь идет, по словам Дж. Лакоффа, о градации членства, или внешней градации, которая имеет исключительно психологическую основу (зависит от жизненного, социально-культурного опыта индивидуума, его фоновых знаний и т.п.). Однако существуют и категории с внутренней градацией, которая в большей степени обусловлена самой онтологической природой категории. Такие категории чаще идеальны, они предполагают градацию по качественному признаку.

Внутренней градацией обладает, например, категория ИНТЕЛЛЕКТ. В русском языке признак интеллектуальной градуированности прослеживается на всех языковых уровнях: семантическом (градация реализуется на уровне значений: *тупой – глупый – неразумный – разумный – толковый – образованный – способный – умный – мудрый*); словообразовательном (ср.: *туповатый, глуповатый, недоумок, умный-преумный* и др.); морфологическом (ср.: *более/менее умный, более/менее разумный, более/менее глупый; мудрейший, глупейший* и под.); лексико-фразеологическом (ср.: *шариков не хватает, выше своей головы не прыгнешь, мудрый яко змий*); синтаксическом (ср.: *Более мудрого человека я не знаю...; Что за дурь (чушь)?!; ...до того умен, что...*). Таким образом, внутренняя градация предполагает изменение интенсивности проявления категориального признака, что часто отражается в грамматических и лексических категориях языка.

Внешняя градация, или градация членства, предполагает наличие лучших и худших образцов в структуре категории, выявляемых на основании более и менее четкой выраженности существенных признаков у каждого из членов.

Указанные принципы лингвокогнитивной категоризации представляют теоретико-методологическую базу для аналитического описания широкого круга лексических категорий: выявления закономерности их структурной организации, определения специфики взаимовлияния разных категориальных структур, характеристики лингвокультурной обусловленности структуры категорий, выделения разных типов лексических категорий.

4.3. Типы лингвокогнитивной категоризации

При конструировании разного рода типологий необходимо отчетливо разводить понятия *вид* и *тип* так же, как разводятся общепедагогические понятия конкретного (частного) и общего, точнее – обобща-

ющего. В этом смысле первое понятие несет идею разделения на варианты, разновидности; второе понятие выполняет функцию объединения на основании общих подходов к интерпретации фактов. Здесь нуждаются в разграничении понятия *виды категорий* и *типы категоризации*. Под *видами категорий* понимаются конкретные варианты лингвоментальных феноменов, представляющих собой «ячейки» знаний о мире, которые разграничиваются на основании структурных, структурно-семантических, семантико-грамматических и аксиологических признаков. Типы категоризации являют собой лингвоментальные феномены, которые объединяют конкретные варианты на основании неких общих когнитивных подходов и тенденций субъекта(-ов) познания к интерпретации воспринимаемых фактов действительности. На основании указанных ниже критериев целесообразно выделить следующие *типы лингвокогнитивной категоризации*.

1. В соответствии со сферами человеческого знания, спецификой существенных признаков категоризации и особенностями лексической интерпретации можно выделить такие типы лингвокогнитивной категоризации: категоризация *научная, профессиональная, наивная*.

Научная категоризация строго определена границами той или иной науки, «замкнутой в самой себе» и не допускающей отступления от требований научной объективности. Например, специалистов по ботанике совершенно не смущает, что такие термины, как *ягода* или *орех*, совершенно иначе трактуются в бытовой речи, что в литературном языке за данными единицами закреплены иные значения. Научная категоризация свойственна ботанической, агрономической, физиологической, физической и др. картинам мира, соотносенным с теоретическими науками. При этом научная категоризация никоим образом не ориентирована на наивное сознание. Актуальные для научной категоризации существенные признаки, как правило, одинаково значимы для всех членов категорий научного сознания, в структуре которых вряд ли выделяются наиболее и наименее типичные образцы.

Наивная категоризация подвержена влиянию как объективных, так и субъективных факторов, которые способствуют специфическому структурированию категорий в сознании носителей языка, т.е. выявлению лучших и худших образцов осмысляемых категорий. Такие представления характерны для бытового видения окружающей действительности (наивной картины мира).

Профессиональная категоризация (при очевидной условности данного термина в силу близости понятий *наука* и *профессия*) в данном исследовании трактуется как процесс членения онтологического пространства, учитывающий научное знание, но также адаптирующий,

опосредующий научные представления о мире к условиям наивного восприятия. Именно в силу своего посреднического характера профессиональная категоризация, с одной стороны, учитывает научное и бытовое видение мира, с другой стороны, зависит и от условий, заданных требованиями профессиональной сферы. Именно поэтому профессиональная категоризация не тождественна ни научной, ни наивной.

Профессиональная категоризация свойственна, например, производственной, торгово-экономической, юридической, кулинарной, лексикографической картинам мира. Так, составители словарей при дефиниционном описании лексических единиц обобщают научные знания и наивные представления об объектах окружающего мира. Кулинария, с одной стороны, учитывает технологические процессы обработки продуктов растительного и животного происхождения и в этом смысле тяготеет к научному знанию, с другой стороны, нацелена на реализацию кулинарной продукции простому обывателю с его «наивным» взглядом на мир. Юридическая сфера основана на научном знании (правоведении), но многообразии квалифицируемых юристами фактов не всегда может быть определено абстрактными теоретическими положениями, что приводит к необходимости учета правоприменительной практики при решении многих правовых вопросов. Производство бытовой техники невозможно без знания физического устройства приборов, лежащего в основе принципа действия предмета бытовой техники, но сам процесс классифицирования данных объектов осуществляется с учетом закономерностей наивной категоризации, так как производитель бытовой техники нацелен в первую очередь на покупателя. Торговая сфера, во-первых, учитывает принципы научной категоризации, которой оперируют производители (например, агрономы – производители продуктов растительного происхождения, инженеры – производители бытовой техники и т.п.). Во-вторых, торговля, имеющая главной целью реализацию продукции, ориентирована на покупателя, носителя обыденного сознания. В-третьих, в торговой и таможенной сферах учитываются также особые правила, требования, нормы, регулирующие товароборот. Совокупность этих факторов, актуальных для указанных сфер деятельности человека, способствует формированию категориальной системы особого типа – профессионального [см. подробнее: Дзюба 2015б, 2016а].

2. По признаку намеренности / ненамеренности (осознанности / неосознанности) отмечаются *интенциональная* и *неинтенциональная категоризация*. В работе «Философские исследования» Л. Витгенштейн упомянул, что часто вопрос о формировании категорий решается в зависимости от намерений человека, осмысляющего те или

иные категории. Философ заметил: «Я могу придать, например, понятию числа строгие границы, то есть использовать слово *число* для обозначения строго ограниченного понятия. Однако я могу пользоваться им и таким образом, что объем понятия не будет заключен в какие-то границы» [Витгенштейн, электронный ресурс]. На таком основании – интенции субъекта категоризации – можно выделить **интенциональный и неинтенциональный типы категоризации**. Категоризация при этом находится в прямой зависимости от факторов, которые влияют на процесс упорядочения информации в человеческом сознании.

К **факторам неинтенциональной категоризации** относятся естественные условия, в которых происходит процесс получения и систематизации знаний: наличие индивидуального житейского опыта, место жительства человека, социально-культурный и исторический уклад, пол и возраст человека и т.п. Безусловно, процесс категоризации является большей частью бессознательным, категории формируются в сознании человека спонтанно, под влиянием окружающей среды. Таким образом, к факторам неинтенциональной (неосознанной) категоризации можно отнести следующие.

1) Категории формируются в сознании человека в зависимости от житейского индивидуального опыта, фоновых знаний, полученных, что вполне объяснимо, не из специальной и/или научной литературы. Например, источником информации для неспециалистов по растениеводству или ботанике чаще является житейский опыт: общение с окружающими людьми, информация с прилавков магазинов, перечисление ингредиентов на товарных упаковках, кулинарные книги и т.п., реже – специальная литература. Так, на прилавке магазина можно найти товар, на упаковке которого указано наименование «Сухофрукты и орехи». В состав данного продукта входит изюм, сушеная папайя, банановые чипсы, арахис, кешью и фисташки. С ботанической точки зрения в этом списке из всего перечисленного к фруктам можно отнести (и то – условно) лишь банан (если, конечно, не сомневаться, что перед нами именно фруктовые сорта, так как существуют и овощные сорта бананов, которые в некоторых южных странах варят или жарят), виноград и папайя имеют плоды в виде ягод; нет здесь и ни одного представителя семейства ореховых или буковых, которые называют орехами в строго научном смысле (арахис – представитель семейства бобовых, плоды этого растения называют бобами; кешью и фисташки – представители семейства анакардиевых, кешью и фисташка – это семена соответствующих растений). Следовательно, представления о категориях ФРУКТЫ и ОРЕХИ у носителей обыденного сознания значительно отличаются от научных концепций.

2) На процесс категоризации конкретного человека оказывает влияние место его жительства, что связано с особыми климатическими условиями и обусловленной ими спецификой тех или иных плодов, обладающих особыми вкусовыми качествами. Так, в китайской кулинарной традиции помидоры принято подавать в составе десертных блюд, поскольку китайские сорта томатов сладкие на вкус, что позволяет причислять их к фруктам.

3) Межкультурное взаимодействие, открытые границы, набирающий темпы международный товарооборот способствует расширению когнитивного кругозора. Так, в сознании носителей русского языка овощи и фрукты являются априорно съедобными. Показательно, что в одном из нормативных документов, регламентирующих товарооборот («Решении Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешней экономической деятельности Таможенного союза и Единого таможенного тарифа Таможенного союза») в Разделе II «Продукты растительного происхождения» (группа 08) дано примечание следующего характера: «1. В данную группу не включаются несъедобные орехи или фрукты» [Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 // Консультант-плюс, <http://www.consultant.ru/>]. Следовательно, таковые существуют. Действительно, в некоторых уголках планеты растут так называемые несъедобные фрукты. Жителям Техаса, штата на юге США, известна Маклюра оранжевая (дерево, несущее несъедобные плоды, по форме и цвету напоминающие апельсин), используемая в декоративном садоводстве. В тропических и субтропических районах Азии и Южной Америки, а также на островах Тихого океана произрастает Тунговое дерево, приносящее костянковидные плоды с тонкой деревянистой оболочкой. Семена этих плодов ядовиты, но богаты жирами, именно поэтому плоды Тунгового дерева используются для изготовления лакокрасочных материалов [<http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 08.01.2013)].

4) Процесс категоризации в человеческом сознании носит также индивидуальный характер. На структуру (членство) некоторых категорий в индивидуальном сознании не может не влиять, например, гендерная принадлежность субъекта познания. Таким образом, например, формируется категория БЫТОВАЯ ТЕХНИКА. Для мужчин типичными образцами данной категории является электробритва, машинка для стрижки волос и под., в сознании женщин это нетипичные образцы, чего нельзя сказать о фене, щипцах для укладки волос, депиляторе, электробигудях, маникюрном наборе и под. Несомненно, феном или щипцами для укладки волос в практической жизни могут воспользо-

ваться и мужчины, в основном те, которые особенно следят за своей внешностью, придерживаются какого-либо особенного стиля и т.п., однако обычно считается, что эти приборы принадлежат женщинам.

Под *интенциональной категоризацией* понимается намеренное воздействие на когнитивную сферу человека с целью формирования структуры знания в том виде, в котором этого требуют какие-либо формальности, внешние регламенты. К *факторам интенциональной категоризации* следует отнести, во-первых, идеологический. Господствующая в тот или иной исторический период система ценностей, идеология, установившийся в ту или иную эпоху социально-политический строй – эти факторы оказывают воздействие особенно на абстрактные (в частности – связанные с духовно-нравственной стороной жизни общества) категории, накладывая идеологический отпечаток на структурно-содержательные и особенно аксиологические характеристики категории.

Данное положение можно проиллюстрировать лексикографическим материалом из словарей разных эпох, представляющих содержание категории ИНТЕЛЛЕКТ. Оставаясь всегда актуальной для человеческого сознания, эта категория с течением времени претерпевала серьезные изменения в плане содержания и оценочности. В период Русского Средневековья категория ИНТЕЛЛЕКТ носила отпечаток религиозной идеологии: вряд ли вообще можно было говорить об этой категории как таковой. В сознании древнерусского человека существовало представление о некоем триедином феномене *ум – душа – дух*, который предполагал постижение Божией истины, основанном, как известно, не на суждении или умозаключении, но на вере. С конца XVIII века (в эпоху Просвещения) с развитием собственно научного знания начала формироваться такая категория, которая предполагала производство собственно умственной, аналитической деятельности.

В период господства советской идеологии определенной части лексики смыслового поля ИНТЕЛЛЕКТ (*интеллигенция, интеллигент*) дается весьма тенденциозное описание, ко многим словам (*мысль, мышление, логика* и др.) приводится сугубо специфичный для эпохи контекст (иллюстративный материал предлагается из источников классиков марксизма – ленинизма). Некоторым лексемам дается негативная оценка (используются стилистические пометы: *ироническое, презрительное* и др.).

В постсоветский период лексикографические источники фиксируют изменения: оценочная коннотация слов *интеллект, ум, мозг* стала позитивной. В «Голковом словаре...начала XXI века» [Голковский словарь русского языка... 2006] делается акцент на аксиологическом и прагматическом аспектах категории ИНТЕЛЛЕКТ: ум становится ценностью,

от которой зависит благополучие и развитие общества. Однако прагматический аспект становится столь значительным, что в смысловой структуре категории ИНТЕЛЛЕКТ постепенно затухает такой концепт, как ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ с его смысловыми компонентами ‘духовность’, ‘нравственность’, ‘культурная образованность’; на его смену приходит концепт ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОСТЬ, весьма актуальный в области политики и бизнеса. Остается надеется, что этот концепт сохранит не только такие смысловые компоненты, как ‘наличие глубоких знаний’, ‘интеллектуальная креативность и мобильность’, ‘высокий профессионализм’, но также возродит прежние смысловые компоненты ‘моральная чистоплотность’, ‘культурная образованность’, ‘духовное богатство’. Таким образом, влияние идеологии и системы ценностей того или иного исторического периода на формирование категорий является именно фактором интенциональной лексической категоризации.

Во-вторых, на процесс категоризации (и субкатегоризации) могут влиять и другие социальные факторы, например, нормативно-правовые регламенты. Так, расширение торгового пространства для той или иной страны (создание таможенных союзов, т.н. единых экономических пространств и иных экономических сообществ), и обусловленное этим введение нормативно-правовых ограничений в сфере торговли вносят коррективы в процесс категоризации овощей и фруктов. Известно, что в странах Евросоюза, например, некоторым продуктам, которые обыватели традиционно относят к категории ОВОЩИ, официально придан статус фруктов. К ним относятся томаты, съедобные части стебля ревеня, морковь, сладкий картофель, огурцы, тыква, дыня, арбуз и имбирь. Это намеренное допущение обусловлено стремлением легально производить из этих плодов и экспортировать соки, варенья, джемы, мармелад, которые по правилам Евросоюза производятся только из фруктов [<http://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 08.01.2013)].

В-третьих, границы категорий существенно расширяют научно-технические достижения. Например, современные технологии обеспечивают многообразие способов обработки продуктов растительного происхождения, что делает виды продукции все более разнообразными. Так, в последнее время стали известны способы высушивания овощей наряду с изготовлением известных ранее сухофруктов. Это способствовало появлению новой субкатегории в структуре категории ОВОЩИ – сухие овощи.

Справедливость данного положения можно также продемонстрировать на примере развития категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА. Так, в структуре данной категории совершенно нетипичными образцами для современных носителей русского языка становятся механические

устройства (ручные кофемолки, мясорубки, соковыжималки, устройство для отжима белья ручным способом и т.п.), что обусловлено именно уровнем развития электроники в современном мире. Безусловно, перечень факторов, влияющих на процессы лингвокогнитивной категоризации, может быть продолжен. Описание более широкого круга категорий, разных по своим сущностным характеристикам, позволит дополнить предложенную классификацию факторов новыми классификационными рубриками.

Обобщая рассмотрение факторов влияния на процессы лингвокогнитивной категоризации, следует заметить, что факторы неинтенциональной категоризации являются субъективными, факторы интенциональной категоризации чаще носят объективный характер.

3. На основании соотнесения когнитивного процесса с той или иной стороной языкового знака выделяется три типа категоризации: *лексическая*, *грамматическая* и *модусная*. При этом лексическая категоризация представляет собой «языковой аналог категоризации естественных объектов и объектов внутреннего мира человека», грамматическая категоризация «отражает онтологию самого языка, деление на естественные для языка категории, обеспечивающие его существование как определенной семиологической системы и выполнение возложенных на него функций» [Болдырев 2006: 9 – 10; см. также: Болдырев 2007а: 97; Шарандин 2011: 11 и др.]. Модусная категоризация «обеспечивает возможности различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов» [Болдырев 2006: 15]. По мнению исследователей, этот тип категоризации реализуется в существовании таких языковых категорий: отрицание, аксиологические категории (собственно оценочные) категории, категории аппроксимации, эвиденциональности, экспрессивности и др. [Болдырев 2006: 15 – 16].

4. Некоторые ученые различают типы категоризации по уровню идентификации объекта когниции и выделяют на данном основании *субординатный* и *суперординатный типы категоризации* (в основе такого разграничения лежит идея о категориях трех уровней Элеоноры Рош, описанная в ГЛАВЕ I). О.А. Сулейманова и Н.Н. Беклемешева указывают, что категориальная оценка объекта познания может осуществляться по двум направлениям: 1) *идентификация до уровня члена класса*, предполагающая выявление признаков, общих для всех членов класса; 2) *идентификация до уровня индивида*, основанная на определении индивидуальных свойств объекта, выделяющих его среди подобных [Сулейманова, Беклемешева 2009: 89]. Ярким примером репрезентации этих двух типов категоризации, по мнению исследовате-

лей, является использование определенного и неопределенного артикля в английском языке: очевидно, что определенный артикль подчеркивает индивидуализацию объекта познания, неопределенный – его общность с подобными объектами.

Нет сомнений, что предложенная классификация типов категоризации в перспективе может уточняться и дополняться иными классификационными основаниями и новыми рубриками.

4.4. Типы лингвокогнитивной категоризации: обобщение типологических свойств

С точки зрения типологических свойств лингвокогнитивная категоризация представляет собой особым образом организованный, разноаспектный и многоуровневый динамический процесс получения информации из окружающей среды и ее структурирования в человеческом сознании в виде лингвокогнитивных категорий.

Разноаспектным (полиаспектуальным) этот процесс является потому, что сознание человека допускает разные способы лингвокогнитивного осмысления одного и того же фрагмента действительности, что обуславливает существование разных вариантов языковой картины мира. Эти варианты формируются под влиянием типа лингвокогнитивной категоризации: научного, профессионального или наивного.

Тип лингвокогнитивной категоризации определяется следующим набором специфических характеристик:

- 1) сфера человеческого знания;
- 2) особенности субъекта и объекта познания;
- 3) существенные признаки лингвокогнитивной категоризации;
- 4) особая система категориальных имен;
- 5) степень подверженности категорий языкового сознания влиянию объективных и субъективных факторов.

Данные показатели определяют специфику типологических свойств лингвокогнитивной категоризации, поэтому они нуждаются в более развернутом описании.

Сфера человеческого знания. Научная категоризация представляет собой членение онтологического пространства на категории в соответствии с полученными в результате эмпирического и теоретического исследования данными, этот тип категоризации отвечает требованиям строгой научной объективности. Профессиональная категоризация, хотя базируется на научных основаниях, в силу своего практико-ориентированного характера допускает отступления от научных

установок, норм и правил в сторону их адаптации к условиям естественной жизни, предполагающей многообразие и многосложность различных обстоятельств, нестандартных ситуаций и т. п. С другой стороны, профессиональная категоризация формируется под давлением собственных, сугубо профессиональных установок и нормативных требований. Наивная категоризация свойственна обыденному восприятию действительности, часто не совпадающему ни с научным, ни с профессиональным взглядом на объекты окружающего мира.

Такое типологическое свойство, как *полиаспектуальность* лингвокогнитивной категоризации, в полном объеме проявляется в определении **существенных признаков категоризации**, актуальных для каждой конкретной вариации языковой картины мира. Так, например, одни и те же съедобные плоды некоторых растений становятся членами разных категорий: арбуз и дыня в ботанической картине мира на основании морфологического признака (особенности структуры плода) причисляются к ягодам; в агрономической картине мира в силу особенностей произрастания, культивирования и сбора урожая, как и все бахчевые культуры, считаются овощами; в кулинарной и наивной картинах мира по вкусовым признакам и в силу специфики подачи блюда из данных плодов относятся к фруктам.

Специфика субъекта и объекта познания. В научной сфере субъектом познания является научное сообщество (специалисты в той или иной отрасли научного знания), стремящееся к выработке универсальных методов и технологий познания, к унификации терминологического языка, общедоступного для всех членов научного сообщества. Именно поэтому терминосистемы той или иной науки, фиксирующие научную картину мира в виде терминов как языковых единиц, носит, как правило, интернациональный характер (это касается, например, и терминов когнитивной лингвистики: *когнитивный, прототип, категория, концепт, метафора, метонимия* и др.). Субъектом познания профессиональной категоризации являются члены какого-либо профессионального сообщества, которые в своем сознании интегрируют научные сведения в какой-либо области, наивные представления о мире и сугубо профессиональные (адаптированные к условиям практической жизни) когнитивные структуры. Субъект наивной категоризации – носитель определенного национального языка, при этом наивное языковое сознание оперирует лингвокогнитивными категориями именно данного естественного языка.

Объект познания в силу своей генетической природы: онтологической или психологической – определяет такие антиномичные свойства лингвокогнитивной категоризации как *статичность vs. динамич-*

ность. Очевидно, что некоторые категории являются в большей степени статичными, и вряд ли какие-либо факторы могут повлиять на развитие данных категорий (ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА, ПРИРОДНЫЕ СТИХИИ, ВРЕМЕНА ГОДА и под.). Однако немало и таких категорий языкового сознания, которые способны изменяться под влиянием разного рода факторов. В целом, типологическое свойство лингвокогнитивной категоризации, обусловленное спецификой субъекта и объекта познания, можно назвать *субъектно-объектной обусловленностью* лингвокогнитивной категоризации.

В связи с разными подходами к языковому освоению действительности в разных вариантах языковой картины мира формируются разные **системы категориальных имен**, описание которых здесь невозможно без определения лингвистического статуса лексических репрезентантов категорий.

Очевидно, что языковыми единицами, вербализующими систему научных когнитивных категорий, являются *термины*, которые понимаются как «лексические единицы определенного языка для специальных целей, обозначающие общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [Лейчик 2007 : 31 – 32]. Термины выполняют разные функции в процессе когнитивной деятельности человека: номинативную (называют научные понятия), информативно-коммуникативную (позволяют осуществлять научную коммуникацию), аккумулятивную (закрепляют научное знание с целью его передачи следующим поколениям ученых), правовую (определяют статус научных понятий), классификационную (регламентируют отношения отдельных терминов в рамках научных терминосистем) [см. подробнее: Лейчик 2007: 63 – 76].

Специфическими особенностями термина как лексических единиц языков специальных целей являются следующие: принадлежность к конкретному национальному языку (грамматическое «поведение» терминов не отличается от функционирования слов естественного языка), наличие у термина однозначной, не вариативной дефиниции, соотнесенность (кроме общенаучных терминов) с конкретной областью знания, вхождение в состав литературного языка и др. [см. подробнее: Даниленко 1977: 16 – 88; Лейчик 2007: 76 – 88]. Однако, как отмечает В. А. Виноградов, реальное бытие термина не всегда позволяет этой единице языка сохранять свои специфические свойства, особенно однозначность и устойчивость. В результате различного рода процессов термин может претерпевать значительные метаморфозы. Это позволяет, по мнению исследователя, выделить два «модуса существования терминов – в системе и в специальном дискурсе» [Виноградов 2014:

368]. Первый аспект бытования термина В. А. Виноградов связывает с существованием относительно замкнутых терминосистем, другой аспект функционирования термина соотносится автором концепции с понятием терминополья, в котором взаимодействуют единицы разных терминологических систем. Такие синергетические термины способны переходить из одной терминосистемы в другую. Как правило, этот механизм оказывается возможным при затемнении внутренней формы при освоении иноязычного термина [см. подробнее: Виноградов 2014].

В целом, с опорой на работы В. А. Виноградова, В. П. Даниленко, В. М. Лейчика, С. Д. Шелова и др. исследователей, можно утверждать, что источники формирования терминологии в определенной сфере научного знания весьма разнообразны: термином могут становиться единицы естественного национального языка, некоторые профессионализмы, постепенно утрачивающие стилистическую маркированность и экспрессивность, лексические заимствования, единицы других терминосистем и даже других областей научного знания. Последнее называется возможным особенно в условиях «трансдисциплинарности» научного знания, осуществляемой посредством таких языковых техник, которые осуществляют т. н. «трансфер знаний» из одной научной дисциплины в другую для взаимного их обогащения в плане объяснительного характера познания [см. подробнее: Демьянков 2015: 7 – 8]. Вероятно, именно такие тенденции лежат в основе развития современной лингвокогнитологии и ее научного языка.

Репрезентантами наивной категоризации являются *лексические ресурсы обыденного (естественного) национального языка*.

Вербальными репрезентантами лингвокогнитивных категорий в профессиональной картине мира являются, помимо собственно научных терминов, *разные виды специальной лексики* и единицы обыденного языка, приобретшие статус профессиональных слов. Еще Ш. Балли подчеркнул необходимость разграничения научной терминологии и профессиональных терминов [Балли 2001: 213]. В современной отечественной лингвистике накопился значительный опыт изучения языков специальных целей, в составе которых наблюдаются единицы, в чем-то схожие, но во многом и отличные от терминологических. Так, в составе специальных лексем разные ученые выделяют номены (О. Г. Винокур), номенклатурную лексику (Е. И. Голованова), профессионализмы (К. Я. Авербух, А. В. Калинин, З. И. Комарова, Н. П. Кузьмин, В. Н. Прохорова, С. Д. Шелов и мн. др.), профессиональные арготизмы (Л. И. Скворцов) или профессиональные жаргонизмы (Н. М. Гладкая, Л. П. Крысин), предтермины и квазипредтермины (В. М. Лейчик), гибридопредтермины (В. П. Скуиня), терминоиды

(А. Д. Хаютин), прототермины (С. В. Гринев 1990), консубстанциональные («промежуточные» между специальной и общеупотребительной лексикой) слова (С. В. Гринев, Э. А. Сорокина), «специальные неофициальные разговорные слова» (З. И. Комарова), корпоративные единицы (Е. И. Голованова) и т. д. Подробно многообразие специальной лексики освещено в работах Е. И. Головановой [Голованова 2008; 2014], В. М. Лейчика [Лейчик 2007: 76 – 88; 2011], В. А. Татарина [Татарин 1996: 260], С. Д. Шелова [Шелов 1984; 2010; 2012] и др.

Приведем некоторые иллюстрации вышеизложенных положений. В научной языковой картине мира лексическими репрезентантами смыслового содержания категории ИНТЕЛЛЕКТ являются следующие: *рефлексия, разум, рассудок, логическое мышление, критичность и абстрактность мысли* и под. (философская картина мира); *IQ, ментальные процедуры, речемыслительная деятельность* и др. (психологическая картина мира); *высшая нервная деятельность человека, вторая сигнальная система* и под. (физиологическая картина мира). Профессиональная картина мира, например, юридическая, помимо собственно специальных научных терминов (*вменяемость, предвидение, дееспособность*), отражается также в иных единицах специального лексикона: *разумный человек, среднестатистический человек, средний человек, нормальный человек, воля, возраст, здравый смысл* и под., которые, безусловно, не имеют статуса именно юридического термина, так как не имеют строго дефиниционного описания в рамках данной профессиональной сферы, но используются для выражения специального, профессионально значимого плана содержания. Очевидно, что некоторые единицы специального языка имеют формальные аналоги в обыденном языке (*разум, мысль, нормальный человек, здравый смысл* и др.), но значительная часть таких специальных слов актуальна лишь для данной профессиональной сферы (*дееспособность, вменяемость* и под.).

Наивная категоризация фиксируется широким кругом слов-концептов, которые также коррелируют с единицами естественного языка (*опыт, ум, мудрость, глупость, тупость, дебилный, мозган* и подобные слова, имеющие разную стилистическую и коннотативную окраску).

Категории ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ЯГОДЫ, ЗЛАКИ, ОРЕХИ в разных вариантах русской языковой картины мира также репрезентированы по-разному. В научной (ботанической) картине мира объекты действительности, именуемые носителем обыденного сознания как овощи, фрукты и т. д., фиксируются в основном единицами морфологической терминотерминологии (*корень, клубень, стебель, листья, цветки, плоды, виды плода: ягода, костянка, зерновка* и др.). Растения, приносящие данные плоды, закрепляются терминами систематики растений:

отдел, класс, подкласс, порядок, семейство, подсемейство, род, вид. В агрономической картине мира рассматриваемые объекты именуются как *корнеплоды, клубнеплоды, клубнелуковицы, плоды ягодных культур, «плоды плодовых культур», плоды зернобобовых культур* и т. д.

В профессиональных картинах мира, например, торгово-экономической, используются единицы номенклатуры (в ГОСТах, «Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности, продукции и услуг...» и др.), а также некоторые специальные слова и выражения, также не имеющие статуса терминов (например, *условно овощи* в торговых документах). При этом специальный лексикон торгово-экономической сферы практически полностью строится на основе единиц обыденного языка, однако профессиональным словам придается особая – в первую очередь стилистическая – окраска. Наивная категоризация оперирует единицами естественного языка в их «обыденных» значениях.

Объекты реальной действительности, обыкновенно именуемые бытовой техникой, в научной картине мира не имеют аналогов: в собственно физической и физико-инженерной картинах мира не выделяются такие феномены, как холодильник или стиральная машина, компьютер или мобильный телефон. Научная сфера оперирует иными категориями, лексически закрепленными в терминах физики: *электровакуумные приборы, электронно-лучевые приборы, плазма, световые индикаторы, полупроводниковые приборы, светоизлучающие и фотоэлектронные полупроводниковые приборы, оптические радиаторы, фотоэлектронные приемники излучения, жидкокристаллические индикаторы, электролюминисцентные индикаторы* и мн. др. Эти приборы могут становиться определенными частями, деталями предметов бытовой техники, но уже в иной – инженерно-производственной сфере. Показательно, что понятия *прибор* и *устройство* в физике семантически не имеют ничего общего с профессиональным и наивным представлением о *приборах бытовой техники*.

Феномены профессиональной лингвокогнитивной категоризации закреплены в единицах специальной лексики: терминах инженерно-производственной сферы (*холодильные и морозильные установки, нагревательные приборы, бельеобрабатывающие машины, уборочные машины, приборы микроклимата, приборы для индивидуального пользования* и т. д.), единицах номенклатуры (в ГОСТах и других документах товарооборота – в торгово-экономической картине мира); специальных словах и выражениях (*бытовая радиоэлектронная аппаратура, бытовые машины, бытовые приборы; технически сложные приборы бытового назначения* – в юридической картине мира) и т. д.

Наивная категоризация отражается в наименованиях лексических категорий и их членов, источником которых являются лексические ресурсы естественного языка (*бытовая техника, кухонная техника, техника для дома* и под., *холодильник, электрочайник, утюг, стиральная машина* и т. п.).

Приведенные примеры, свидетельствующие о разных способах лексической репрезентации категорий в разных вариантах и вариациях русской языковой картины мира, выявляют такое типологическое свойство лингвокогнитивной категоризации, как ***номинативная вариативность***.

Не менее важным параметром, определяющим специфику типа лингвокогнитивной категоризации, является **степень подверженности категорий языкового сознания влиянию объективных и / или субъективных факторов**. С этой точки зрения типы лингвокогнитивной категоризации различаются следующим образом. Научная лингвокогнитивная категоризация наименее подвержена влиянию субъективных факторов, ее динамичность проявляется лишь под воздействием объективных обстоятельств; профессиональная категоризация подвержена и объективным, и в определенной степени субъективным факторам (особенно это касается социо- и этноспецифических характеристик); наибольшей идио-, социо-, этноспецифической вариативностью отличается наивная лингвокогнитивная категоризация (влияние субъективных факторов может доминировать над влиянием объективных условий).

Важным типологическим свойством лингвокогнитивной категоризации является ее ***многоуровневый характер***. Система лингвокогнитивных категорий, формирующихся в сознании человека, устроена особым образом: она имеет уровневую, иерархически упорядоченную структуру. По концепции Э. Рош, эта структура включает три уровня: суперординатный (высший), базовый (средний и субординатный (низший)). В качестве примера рассмотрим когнитивно-таксономические отношения категории ИНТЕЛЛЕКТ, которая выступает структурно-содержательным элементом метакатегории ДУХОВНОСТЬ лингвоментальной сферы ЧЕЛОВЕК и которая в свою очередь состоит из концептов *мудрость, опыт, ум, разум, рассудок, вменяемость, дееспособность* и др., актуализированных в том или ином варианте (вариации) языковой картины мира (см. Таблицу 8).

**Система категорий
с базовым компонентом ИНТЕЛЛЕКТ**

Вышележащий уровень категориального обобщения	Лингвоментальная сфера	Человек
		Метакатегория
Базовый уровень категориального обобщения	Категории	Интеллект
Нижележащий уровень категориального обобщения	Концепты (члены категорий)	Мудрость, опыт, ум, разум, рассудок, вменяемость, дееспособность и др.

Примечание: 1. Наименования уровней категориального обобщения представлены в измененном варианте: *высший* – *низший* заменены на *вышележащий* – *нижележащий* во избежание неактуальных здесь дополнительных оценочных характеристик.

В основе уровневого структурирования категорий лежит, как видно из таблицы, признак когнитивного обобщения, который представляет лингвокатегориальную таксономию как систему родо-видовых отношений между лингвоментальными феноменами в аспекте категоризации и классификации. В этом смысле **категоризация** понимается как лингвоментальная процедура членения онтологического пространства на различные категориальные области: группы, классы и т. д., это отнесение объекта реального / ирреального мира к объектам подобного РОДА (т. е. на основании родового сходства). Объединение объектов в одну категорию, базирующееся на принципе родовой общности, происходит на основании целого набора существенных признаков (признаков семейного сходства, по Л. Витгенштейну). При этом **признаки категоризации** трактуются как такие существенные характеристики объекта реального / ирреального мира, которые позволяют причислить познаваемый человеческим сознанием феномен к подобным ему объектам и наделить его общим для объектов данной группы родовым именем (т. е. именем категориальным).

Следующим этапом (уровнем) лингвоментального освоения действительности является **классификация**, или процесс распределения

однородных предметов / понятий по классам, группам, отделам и т. п., на основании, как правило, одного общего признака. Это процесс выявления разновидностей среди объектов одного рода. Таким образом, категоризация и классификация – это взаимосвязанные лингвоментальные процессы, но они не тождественны, в первую очередь, по уровню таксономического обобщения. При этом оба процесса присущи всем вариантам и вариациям языковой картины мира.

Итак, аналитическое описание основных параметров трех типов лингвокогнитивной категоризации (категоризации научной, профессиональной, наивной) позволило выделить следующие типологические свойства лингвокогнитивной категоризации вообще: полиаспектуальность; субъектно-объектная обусловленность категоризации; обусловленность психологической vs. онтологической природой категорий; статический vs. динамический характер категоризации; номинативная вариативность категорий; объекто- / социо- / антропоцентрический характер лингвокогнитивной категоризации; многоуровневость.

4.5. Виды категорий в русском языковом сознании

Первый опыт научного размышления о категориях, как было указано выше, принадлежит Аристотелю, который придавал данному феномену исключительно онтологический статус, подчеркивая равноправие всех членов категории, обусловленное строгим набором существенных признаков каждого из ее членов. Такие категории философ разделил на *категории сущности* (не допускающие меры и степени) и *категории качества* (предполагающие градацию качественного признака по шкале *более – менее, наиболее – наименее*). Аристотель поясняет: «Сущность не допускает большей или меньшей степени... Если эта вот сущность есть человек, то не будет человеком в большей или меньшей мере ни сам он по отношению к себе, ни один по отношению к другому. Ведь один человек не в большей мере человек, чем другой, не так, как одно белое в большей или меньшей степени белое, чем другое, и не так, как одно красивое называется более красивым или менее красивым, чем другое» [Аристотель. Категории, электронный ресурс].

Концепция Аристотеля была подвергнута сомнению Людвигом Витгенштейном, который считал природу категорий более сложной и указывал на отсутствие равноправия элементов, входящих в ту или иную категорию [Витгенштейн, электронный ресурс]. Философ подчеркнул, что члены категории не могут быть абсолютно равноправными и тождественными по набору характеризующих их признаков, он

говорит о сложной сети подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом. Такие переплетения признаков членов одной категории Л. Витгенштейн назвал «семейными сходствами» [Витгенштейн, электронный ресурс]. Позже эти идеи получили активное развитие в работах американских когнитологов (Р. Джекендофф, У. Лабов, Дж. Лакофф, Э. Рош и др.).

Вместе с тем мнение Аристотеля о существовании категорий с четкими границами нельзя полностью отвергать: без таких категорий вообще нельзя было бы говорить о существовании науки. Философы, логики, математики... и, пожалуй, специалисты любой научной сферы стремятся оперировать категориями с четкими границами. Иными словами, с точки зрения структурной организации рассматриваемые феномены можно разделить на *категории с четкими границами* (категории, в которых все члены равноправны, так как они обладают одинаковым набором стандартных признаков) и *категории с нечеткими (размытыми) границами*, члены которых неравноправны. Вслед за Аристотелем можно также указать, что категории (в основном с четкими границами) *могут допускать противоположности*. Составляющие таких категорий располагаются на разных полюсах как оппозиции. Например, категория ИНТЕЛЛЕКТ основывается на оппозиции *умный – глупый*; категория БЫТИЕ определяется оппозицией *жизнь – смерть*; категория НРАВСТВЕННОСТЬ зиждется на противостоянии *добра и зла*. Однако существуют также категории, которые *не допускают противоположности*, хотя и обобщают разнородные сущности (ТРАНСПОРТ, ЦВЕТЫ, ДЕРЕВЬЯ и др.).

Говоря о структурной организации категорий, следует сделать еще одно важное замечание: сама их структура может быть закрытой или открытой. Категории с закрытой структурой имеют ограниченное количество подкатегорий или концептов, членство таких категорий не подчиняется внешним факторам (факторам исторического, социально-культурного, научно-технического развития и т.п.). Среди таких категорий можно выделить категории с дву-, трех-, четырехчленной структурой и т.д. При этом количество концептов в их структуре строго ограничено, ср.: двучленные категории: ЧЕЛОВЕК (мужчина – женщина), БЫТИЕ (жизнь – смерть); трехчленные категории: ВРЕМЯ (прошлое – настоящее – будущее); четырехчленные категории: ПРИРОДНЫЕ СТИХИИ (вода – огонь – земля – воздух), ВРЕМЕНА ГОДА (весна – лето – осень – зима) и т.п.

Категории с открытой структурой предполагают неограниченное число членов, они, как правило, многочленны, при этом количество их подкатегорий способно меняться под воздействием разного рода фак-

торов. Развитие научных технологий естественным образом обуславливает появление новых и нередко исчезновение ранее существующих членов таких категорий, как ЛЕКАРСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА, МЕДИЦИНСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ, ХИМИЧЕСКИЕ ВЕЩЕСТВА, КОСМЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, ОРУЖИЕ, ТРАНСПОРТ, СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ и т.п. Расширение межкультурных связей и географического кругозора носителей конкретной лингвокультуры способствует изменению структуры, например, таких категорий, как ОВОЩИ и ФРУКТЫ: постепенно полноценными членами этих категорий становятся ранее неизвестные жителям умеренного климата экзотические плоды (авокадо, дуриан, кивано, питахайя, рамбутан и мн. др.). Таким образом, категории языкового сознания по признаку открытости – закрытости для новых членов категории делятся на *категории с закрытой и открытой структурой*.

Трудно отрицать, что, погружаясь в реальную жизнь, многие четко ограниченные, научно обоснованные категории начинают расшатываться. Например, мнение Аристотеля о сущности человека и его утверждение, что человек не может быть человеком в большей или меньшей степени, верно с биологической точки зрения или с позиции демократического равноправия, но, к сожалению, в истории немало примеров, когда людей делили на дворян и простолюдинов, черных и белых, арийцев и не-арийцев и т.д. Такие разграничения бытовали не только в наивной картине мира, они были закреплены законодательно, с установлением привилегий для одних и ограничений прав для других. Например, раб в древнем мире считался вещью, это было закреплено законом: «Рабы не считались людьми. По римскому праву они были *res* – вещи, говорящие орудия (*instrumentum vocale*). Как вещи или как объекты права рабы находились под неограниченной властью господ» [Пухан и др. 2000: 79]. Понятие *раб* в сознании древних римлян было членом категорий ВЕЩИ, ИНСТРУМЕНТЫ, но не категории ЧЕЛОВЕК. Таким образом, даже категории с четкими границами могут варьироваться в зависимости от модели мира: в рамках научной картины мира структура категории может быть упорядоченной, а все ее члены равноправными; в наивной картине мира структура категории может меняться: одни члены категории выходят на первый план и становятся типичными образцами категории, другие уходят на задний план и могут вообще не сразу осознаваться как члены данной категории. Иными словами, в зависимости от сферы формирования можно выделить *категории научной и наивной картины мира*.

Различия наивной и научной категоризации можно обнаружить в интерпретации категории ЯГОДЫ. Так, *помидор* и *баклажан*, *тыква* и *огу-*

рец, яблоко и апельсин в ботанике считаются ягодами, а не овощами или фруктами, как это представляется обывателям. Типичные же для наивного сознания ягоды: малина, клубника, земляника, ежевика и др. – ягодами с ботанической точки зрения не являются [Бавтуто, Еремин 1997: 297].

При изучении особенностей структуры некоторых категорий наивного сознания обнаруживается одна закономерность. Данные опроса, который проводился с целью определения наиболее и наименее типичных образцов среди овощей, фруктов и ягод, показали, что в структуре категории ЯГОДЫ невозможно выявить «сверхтипичные» образцы (см. подробнее Главу IV настоящего исследования). Сверхтипичными, или идеальными, считаются те представители категории, которые упоминаются более 80% респондентов. При этом в структуре категорий ОВОЩИ и ФРУКТЫ такие образцы присутствуют и составляют ядро: для категории ОВОЩИ это огурец, помидор, картофель и морковь; для категории ФРУКТЫ – яблоко, апельсин и банан. Таким образом, если у одних категорий выявляются лучшие (сверхтипичные) образцы, а у других нет, следовательно, в структуре этих категорий наблюдаются различия. Можно сделать вывод, что категории в зависимости от плотности структуры и наличия плотного ядра делятся на *категории с плотной структурой (плотным ядром)* и *категории с рассеянной структурой*, не имеющие четко сформированного ядерного центра. Так, категории ОВОЩИ и ФРУКТЫ относятся к первой группе, категория ЯГОДЫ – ко второй.

Отдельную рубрику в типологии категорий представляют феномены, которые имеют или не имеют соотнесение с объектами реального (вещественного) мира. В этом смысле категории делятся на *идеальные* – такие, которые не соотносятся с предметным миром (ИНТЕЛЛЕКТ, ДУХОВНОСТЬ, ПРАВСТВЕННОСТЬ и т.д.), и *конкретные*, соотносимые с объектами реального мира (БЫТОВАЯ ТЕХНИКА, ФРУКТЫ, ОВОЩИ, МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ и т.п.).

Рассуждая о наличии лучших и худших образцов в структуре категорий с нечеткими границами, когнитологи отстаивают идею о градуированной структуре таких категорий. Следует уточнить, что в зависимости от типа градации можно рассматривать *категории с внешней градацией* (градацией членства, обусловленной психологией человека) и *категории с внутренней градацией* (имеющие онтологически обусловленную иерархию). Внутренне градуированные категории чаще идеальны, они предполагают градацию по качественному признаку. Внутренней градацией обладает, например, категория ИНТЕЛЛЕКТ. В русском языке признак интеллектуальной градуированности прослеживается на всех языковых уровнях: семантическом (градация прослеживается на

уровне значений: *тупой – глупый – неразумный – разумный – толковый – образованный – способный – умный – мудрый*); на словообразовательном (ср.: *туповатый, глуповатый, недоумок, умный-преумный* и др.); морфологическом (ср.: *более/менее умный, более/менее разумный, более/менее глупый; мудрейший, глупейший* и под.); лексико-фразеологическом (ср.: *шариков не хватает, выше своей головы не прыгнешь, мудрый яко змий*) и синтаксическом (ср.: *Более мудрого человека я не знаю...; Что за дурь (чушь)?!;...до того умен, что...*) уровнях.

При описании идеальных категорий возникает вопрос: все ли из них являются градуированными. Например, в юриспруденции отсутствует градация ряда категорий. С юридической точки зрения деяние может быть законным или незаконным, оно не может быть *почти законным* или *почти незаконным*. Также с правовой позиции нельзя быть *почти женатым* (состоящим в браке), *почти работающим* (трудоустроенным), *почти совершеннолетним* и т.д. Однако в речевом обиходе встречаются выражения *почти женат, немного женат* или *он самый неженатый из нас*. Между тем, эти, как правило, иронические высказывания предполагают скорее не градацию данной категории, но вероятность скорой смены социального статуса субъекта (*он скоро женится/разведется*), либо сложность оценки отношений субъектов (*живут вместе без регистрации брака*), либо особенности психологии субъекта, если он, например, убежденный холостяк. В этом случае указание на наличие меры и степени признаков внутренне неградуированной категории свидетельствует лишь об интенции говорящего выразить собственную оценку того или иного факта. Показательно в этом смысле ироническое высказывание *почти беременна*, хотя с медицинской и юридической точек зрения беременной можно быть или не быть.

Еще одним примером сложности интерпретации градуированности изучаемых феноменов является категория БЫТИЕ / СУЩЕСТВОВАНИЕ. Конечно, в русском языке существуют единицы *полумертвый, едва живой, ни жив ни мертв...* Однако и данные обороты речи вряд ли предполагают градацию, вероятнее всего, они выражают особое состояние здоровья, внешний вид субъекта или его физическую форму. Они указывают на возможную угрозу жизни, возможное скорое наступление смерти, отсутствие некоторых признаков жизни и т.д. Эти выражения свидетельствуют скорее о градуированности категории ЗДОРОВЬЕ, но не самой категории БЫТИЕ / СУЩЕСТВОВАНИЕ. Так, например, после сражения всех даже очень тяжело раненых отнесут к живым, а не к мертвым, хотя их могут назвать *умирающими* или *полумертвыми*. Таким образом, вряд ли категорию БЫТИЕ можно назвать градуированной. Следовательно, можно утверждать, что некоторые идеальные кате-

гории не могут предполагать внутренней градации (ЗАКОННОСТЬ, ЖЕНАТЫЙ, БЕРЕМЕННОСТЬ, СУЩЕСТВОВАНИЕ).

Конкретные категории делятся на *объективно существующие*, имеющие в большей степени онтологическую природу (ВРЕМЕНА ГОДА, ПРИРОДНЫЕ СТИХИИ, ВРЕМЯ СУТОК), и *артефактные*, зависящие от объектного мира, создаваемого человеком (МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ, БЫТОВАЯ ТЕХНИКА и под.).

Вероятно, не все категории легко причислить к той или иной группе. Например, ОВОЩИ и ФРУКТЫ являются такими категориями, которые соотносятся и с онтологически существующими явлениями природы, и с сознанием человека, который не всегда может провести четкую границу между этими категориями. Более того, человек постоянно вмешивается в природу этих явлений, разрабатывая новые технологии и создавая новые образцы. Так появляются гибридные сорта овощей или фруктов: *грейпфрут* (гибрид помело и апельсина), *нэши* (гибрид яблока и груши) и др.

Иным параметром классификации является специфика членов категории. На этом основании категории делятся на *собираательные* (ХИМИЧЕСКИЕ ВЕЩЕСТВА, ТРАНСПОРТ, ФРУКТЫ, ОВОЩИ, ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ, ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ, МЕБЕЛЬ, ОДЕЖДА, ОБУВЬ, ОРУЖИЕ, ЛЕКАРСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА, НАПИТКИ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУХНИ, НАСЕКОМЫЕ, ЖИВОТНЫЕ, РАСТЕНИЯ и др.) и *таксономические* (термин А. Вежбицкой [Вежбицка 1996а]), ср.: ЦВЕТЫ, ДЕРЕВЬЯ, ЯГОДЫ, ОРЕХИ, ЗВЕРИ и др. (при этом между собой таксономические и собираательные могут находиться в иерархической зависимости).

Отличить таксономические и собираательные категории можно по семантическому и грамматическому критериям. А. Вежбицка рассматривает два типа понятий – ПТИЦА и МЕБЕЛЬ – и отмечает, что «существуют грамматические (а также семантические) свидетельства того, что эти два слова воплощают совершенно разные типы понятий. *Птица* – таксономическое понятие, соотносимое с определенным «типом живых существ». Но *мебель* никоим образом не таксономическое понятие: это собираательное понятие, которое соотносится с разнородной совокупностью предметов различных типов. Нельзя сказать *три мебели*, но можно – *три птицы*; нельзя представить себе или изобразить экземпляр мебели вообще, но можно изобразить птицу вообще» [Вежбицка 1996а]. С этим трудно не согласиться: если мы говорим *три птицы*, мы предполагаем либо три птицы одного вида, либо три любые птицы, птицы вообще. Если мы допустим, например, выражение *три фрукта*, то мы будем предполагать именно три вида фруктов,

например: *яблоко, апельсин и банан*, иначе мы бы сказали конкретно: *три апельсина, три яблока...*

Можно указать, по крайней мере, еще один грамматический признак, дифференцирующий категории. Это способность или неспособность к образованию дериватов с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов. Имена таксономических категорий это допускают (ср.: *птичка, ягодка, цветочек, деревце* и др.), наименования собирательных и идеальных категорий этого не допускают (ненормативно: *фруктик, одеждочка, интеллектик* и т.д.). Кроме того, наименования идеальных категорий чаще не имеют форм множественного числа (ДУХОВНОСТЬ, НРАВСТВЕННОСТЬ, РЕЛИГИОЗНОСТЬ, СПОРТ, ИНФОРМАЦИЯ, БЫТИЕ, ЗДОРОВЬЕ).

Собственно языковые факты: 1) *птица, ягода, цветы* или *деревья* с семантической точки зрения представляют собой виды одного существа, в то время как *мебель, одежда, посуда, бытовая техника* и под. обозначают предметы различных видов, и 2) первую группу представляют счетные существительные (*три птицы, три ягоды, три цветка*), а вторую – несчетные (например, невозможно **три мебели, три одежды, три транспорта*) – не случайны, эти факты «отражают и фиксируют это различие в сфере концептуализации» [Вежбицка 1996а].

Интересно, что некоторые таксономические категории могут обладать **потенциалом собирательности**. Например, таксономическая категория ПТИЦА может превращаться в собирательную, если слово *птица* используется в значении 'объект разведения или продукт питания' (ср.: *домашняя птица, мороженая птица* или *Птица* как название отдела в магазине продуктов). Здесь *птица* – понятие собирательное, которое предполагает совокупность предметов (индюшку, курицу, утку и др.). То же касается категории ЯГОДА. В тексте известной песни *Чорнявая дівчина в саду ягоду брала* слово *ягода* используется в собирательном значении как обозначение любой садовой ягоды: и малины, и смородины, и клубники... Наименования категорий, не имеющих потенциала собирательности, в таких случаях предполагают чистое значение множественности, что оформляется соответствующими грамматическими средствами – окончаниями: ср. АВТОМОБИЛИ, ДЕРЕВЬЯ, ЦВЕТЫ и под.

Идеальные (абстрактные) и конкретные (вещественные) категории различаются также **по признаку устойчивости vs. изменчивости аксиологической составляющей категории**. Некоторые абстрактные категории зависимы от идеологии, господствующей в обществе в тот или иной исторический период. Так, категория ИНТЕЛЛЕКТ, оставаясь всегда актуальной для человеческого сознания, с течением времени претер-

певала серьезные изменения в плане содержания и оценочности. Эта категория антиномична: с одной стороны, она константна как абстрактная категория, связанная с духовной жизнью человечества; с другой стороны, изменчива в плане аксиологии, т.е. зависима от мировоззрения общества в тот или иной период исторического развития. Очевидно, что вещественные категории, хотя и подвержены существенным структурным изменениям, обусловленным временем, однако они значительно менее зависимы от идеологии, в большей степени они подчиняются законам научно-технического прогресса, но, в целом, аксиологические компоненты в структуре категорий остаются неизменными.

Итак, на основании вышеизложенного классификацию видов категорий можно представить таким образом:

1. Структурная классификация: а) в зависимости от наличия или отсутствия строгого набора существенных признаков, определяющих членство категорий, последние могут быть *категориями с четкими и с нечеткими границами*; б) в зависимости от степени открытости или закрытости для вхождения новых членов в структуру категорий можно выделить *категории с открытой и закрытой структурой*; в) в зависимости от плотности структуры и наличия плотного ядра в структуре категории выделяются *категории с плотной структурой (плотным ядром)* и *категории с рассеянной структурой*.

2. Структурно-семантическая классификация: а) в зависимости от специфики смысловых отношений членов внутри категории выделяются *категории, допускающие и не допускающие противоположности*; б) в зависимости от типа градации (онтологической или психологической) выделяются *категории с градацией внутренней и внешней (градация членства)*.

3. Семантико-грамматическая классификация: а) в зависимости от наличия или отсутствия соотнесенности с объектами реального мира категории делятся на *идеальные и конкретные*; б) по семантико-грамматическим показателям (синтагматические связи, способность к деривации и т.п.) категории делятся на *собирательные и таксономические*.

4. Аксиологическая классификация: в зависимости от господствующей идеологии категории могут меняться в отношении оценочной составляющей (*переменные категории*), но могут и оставаться относительно устойчивыми (*постоянные категории*).

Обобщение. Проблемы изучения лингвокогнитивной категоризации решаются в русле традиционного в отечественной лингвистике подхода к рассмотрению взаимосвязи языка и мышления. На формирование картины мира (в т.ч. категориальных структур) в сознании человека

вливают многочисленные факторы: объективные (система ценностей, господствующая в ту или иную эпоху, особенности социального и научно-технологического развития и др.) и субъективные (место жительства субъекта познания, историко-культурные традиции, в которых воспитан индивидуум, род деятельности человека (или социума), фоновые знания, житейский опыт и т.д.). Немаловажную роль в формировании категориальных и концептуальных структур человеческого сознания играет язык, носителем которого является субъект. Языковые категории, заложенные в национальном языке, в определенной степени задают параметры постижения мира человеческим сознанием.

Когнитивный процесс в человеческом сознании осуществляется примерно по следующей схеме: **когнитивная элекция** (сосредоточение человеческого сознания на определенном фрагменте действительности, т.е. выбор объектов для когнитивной обработки) – **идентификация и категоризация** (сопоставление объекта познания с членами знакомых категорий по выявленным признакам категоризации и его отнесение к данной категории) – **категориальная номинация** (присвоение объекту познания категориального имени).

Внимание сосредоточивается на процессах лингвокогнитивной категоризации, которая соотносится одновременно с двумя областями: ментальной (процедура выявления существенных признаков у познаваемого объекта, сопоставление с известными членами естественных категорий) и языковой (подведение нового знания под категории языка или наложение языковых категорий на фрагмент познаваемой действительности).

Под **категоризацией** понимается процесс упорядочения и систематизации полученных человеком знаний об окружающем мире и о себе самом, точнее: это процесс распределения нового знания по тем или иным рубрикам, существующим в сознании человека и часто задаваемых категориями языка, носителем которого этот человек является. Результатом лингвокогнитивной категоризации является система категорий, формирующаяся в языковом сознании человека. Под **категорией** понимается лингвоментальный феномен человеческого сознания, который представляет собой лингвокогнитивную ячейку в системе знаний и представлений человека о мире и о себе самом, изоморфно отображающую фрагмент реальной и/или воображаемой действительности в человеческом сознании. При этом *изоморфный* понимается здесь не как 'одинаковый', но как 'подобный', абсолютно не тождественный, а понятие *лингвокогнитивная ячейка* считается весьма условным в том смысле, что она предполагает не жесткие, но гибкие границы.

Категории, отображающие определенный фрагмент действительности в языковом сознании человека, могут иметь четкие (жесткие) и

нечеткие (размытые) границы, могут менять свою структурно-содержательную организацию в зависимости от *типа лингвокогнитивной категоризации*, который предопределяет специфику того или иного варианта языковой картины мира.

В основе дифференциации вариантов языковой картины мира лежит тип лингвокогнитивной категоризации (научная, профессиональная, наивная категоризация). Специфика типа лингвокогнитивной категоризации определяется целым рядом параметров, среди которых наиболее важными являются следующие: сфера человеческого знания, специфика субъекта познания, набор существенных признаков категоризации, особенности вербальной репрезентации категориального знания. Таким образом, под *лингвокогнитивной категоризацией* понимается специфический для каждого варианта языковой картины мира процесс вербализованного упорядочения знаний и представлений о реальном (ирреальном) мире, обусловленный типом лингвокогнитивной категоризации, который предопределен сферой человеческого знания, особенностями субъекта и объекта познания, набором существенных признаков категоризации, имеющейся в данной области знания системой категориальных имен, степенью подверженности категорий языкового сознания влиянию объективных и/или субъективных факторов.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте фрагмент из трактата Аристотеля «Категории». Укажите, какие десять категорий выделяет философ. Какие специфические черты категорий он отмечает? Приведите собственные примеры, которые бы подтверждали концепцию Аристотеля о видах категорий, подчеркните их специфические черты (способность к соотносительности, отражение меры и степени проявления качества или признака, наличие или отсутствие противоположности и т.п.).

Теорию категорий Аристотеля традиционно называют классической. Для какой области человеческого знания, на ваш взгляд, данная система категорий наиболее актуальна?

Аристотель «Категории» (<http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/kategorii.txt>).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Десять категорий. Из сказанного без какой-либо связи каждое означает или сущность, или "сколько", или "какое", или "по отношению к чему-то", или "где", или "когда", или "находиться в каком-то положении", или "обладать", или "действовать", или "претерпевать". Сущность, коротко говоря, – это, например, человек, лошадь; "сколько" – это, например, длиною в два локтя, в три локтя; "какое" – например, белое, умеющее читать и писать; "по отношению к чему-то" – например, за двойное, половинное, большее; "где" – например, в Ликее, на площади; "когда" – например, вчера, в прошлом году; "находиться в каком-то положении" – например, лежит,

сидит; "обладать" – например, обут, вооружен; "действовать" – например, режет, жжжет; "претерпевать" – например, его режут, жгут. Каждое из перечисленного само по себе не содержит никакого утверждения; утверждение или отрицание получается сочетанием их: ведь всякое утверждение или отрицание, надо полагать, или истинно, или ложно, а из сказанного без какой-либо связи ничто не истинно и не ложно, например "человек", "белое", "бежит", "побеждает".

ГЛАВА ПЯТАЯ. Сущность. ...Всякая сущность, надо полагать, означает определенное нечто. Что касается первых существ, то бесспорно и истинно, что каждая из них означает определенное нечто. То, что она выражает, есть нечто единичное и одно по числу. Что же касается вторых существ, то из-за формы наименования кажется, будто они в равной степени означают определенное нечто, когда, например, говорят о "человеке" или о "живом существе"; однако это не верно. Скорее они означают о некоторое качество, ведь в отличие от первых существ подлежащее здесь не нечто одно: о многих говорится, что они люди и живые существа. Однако вторые суственности означают не просто какое-то качество, как, [например], белое: ведь белое не означает ничего другого, кроме качества. Вид же и род определяют качество суственности: ведь они указывают, какова та или иная сущность. Род при этом определяет нечто большее, чем вид: тот, кто говорит "живое существо", охватывает нечто большее, чем тот, кто говорит "человек".

Существам свойственно и то, что им ничего не противоположно; в самом деле, что могло бы быть противоположно первой суственности, например, отдельному человеку или отдельному живому существу? Ничто им не противоположно. Равным образом нет ничего противоположного и человеку или живому существу. Однако это не особенность суственности; это встречается и у многого другого, например у количественного. Ведь длине в два локтя или в три локтя нет ничего противоположного, так же и десяти и [вообще] никакому количеству, разве только если сказать, что "многое" противоположно "малочисленному" или "большое" – "малому". Во всяком случае ни одному из определенных количеств ничего не противоположно.

Сущность, надо полагать, не допускает большей и меньшей степени. Я этим не хочу сказать, что одна сущность не может быть суственностью в большей или в меньшей мере, чем другая (выше уже было сказано, что это так), а хочу сказать, что о каждой суственности, как таковой, не говорится как о суственности в большей или в меньшей степени. Так, например, если эта вот сущность есть человек, то не будет человеком в большей и в меньшей мере ни сам он по отношению к себе, ни один по отношению к другому. Ведь один человек не в большей мере человек, чем другой, не так, как одно белое в большей и в меньшей степени бело, чем другое, и не так, как одно красивое называется более красивым или менее красивым, чем другое. [В подобных случаях] и об одном и том же можно сказать, что оно по отношению к себе бывает [в разное время] таковым в большей и в меньшей степени; например, тело, будучи белым, в настоящее время называется белым в большей степени, чем прежде, или будучи теплым – в большей и в меньшей степени теплым. Сущность же никак не называется суственностью в большей или в меньшей мере.

Ведь и человек не называется в настоящее время в большей мере человеком, чем прежде. И точно так же – ничто другое из того, что есть сущность. Таким образом, сущность не допускает большей и меньшей степени. Главная особенность суственности – это, надо полагать, то, что, будучи тождественной и одной по числу, она способна принимать противоположности, между тем об остальном, что не есть сущность, сказать такое нельзя, [т. е.] что, будучи одним по числу, оно способно принимать противоположности; так, один и тождественный по числу цвет не может быть белый и черный; равным образом одно и то же действие, одно по числу, не может быть плохим и хорошим. Точно так же у всего другого, что не есть сущность...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ [Соотнесенное]. Соотнесенным называется то, о чем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином от-

ношении к другому; так, о большем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим; ведь говорят – больше, чем что-то; и о двойном говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим. Ведь говорят – двойное против чего-то. Так же обстоит дело и с другим им подобным. К соотношенному принадлежит и такое, как обладание, расположение, чувственное восприятие, знание, положение. В самом деле, обо всем перечисленном говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим, а не что-то иное: обладание есть обладание чем-нибудь, и знание – знание о чем-нибудь, положение – положение чего-нибудь, и все остальное точно так же. Таким образом, соотношенное – это то, о чем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому, как, например, одна гора называется большой в сравнении с другой, так как ее называют большой по отношению к чему-то, и так же о сходном говорят как о сходном с чем-то, и точно так же называется соотношенным и другое в этом роде. ...У соотношенного бывает и противоположность; так, например, добродетель противоположна пороку – то и другое принадлежит к соотношенному; и точно так же знание противоположно неведению. Однако не все соотношенное имеет противоположное себе, двойному ничто не противоположно, равно как и тройному и вообще ничему подобному им. ... Соотношенное, видимо, допускает большую и меньшую степень. В самом деле, о чем-то говорят как о сходном и несходном в большей или в меньшей степени, так же как о равном и неравном в большей или меньшей степени, причем каждое из них есть соотношенное: о сходном говорят как о сходном с чем-то и о неравном – как о неравном чему-то. Однако не все соотношенное допускает большую и меньшую степень: о двойном не говорится как о двойном в большей и в меньшей степени, не говорится так ни о чем другом в этом роде.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ [Качество]. Качеством я называю то, благодаря чему предметы называются такими-то. "Качество" имеет много значений. Под одним видом качества будем понимать устойчивые и преходящие свойства. Устойчивое свойство отличается от преходящего тем, что оно продолжительнее и прочнее. Таковы знания и добродетели. В самом деле, знание, надо полагать, есть нечто прочное и с трудом меняющееся, даже если достигли его в малой степени, разве только произойдет значительная перемена из-за болезни или чего-то другого в этом роде. Таким же образом и добродетель, например справедливость, благоразумие и все тому подобное, надо полагать, не легко поддается колебаниям и изменениям.

Преходящими свойствами или состояниями называются такие качества, которые легко поддаются колебаниям и быстро изменяются, каковы, например, тепло и холод, болезнь и здоровье и все тому подобные [состояния]... У качества бывает и противоположность; так, справедливость противоположна несправедливости, белизна – черноте, и все остальное таким же образом, равно как и все то, что названо по ним таким-то и таким-то, например несправедливое противоположно справедливому и белое – черному. Но это имеет место не во всех случаях. В самом деле, огненно-красному, или бледно-желтому, или другим подобным цветам нет ничего противоположного, хотя они качества. Далее, если одна из двух противоположностей есть качество, то и другая будет качеством. И это становится ясным, если привлечь к рассмотрению остальные категории. Так, если справедливость противоположна несправедливости, а справедливость есть качество, то, значит, и несправедливость – качество; в самом деле, ни одна из остальных категорий не подходит к несправедливости – ни количество, ни отношение, ни "где" и вообще ничего из них, кроме качества. Точно так же обстоит дело и с остальными противоположностями у качества. Качества допускают большую и меньшую степень. Об одном белом говорят, что оно более бело или менее бело, чем другое, и об одном справедливым – что оно более справедливо или менее справедливо, чем другое. Да и самому качественно определенному доступно приращение, ибо нечто, будучи белым, может стать еще более белым; однако не всегда так, а лишь большей частью. В самом деле, вызывает сомнение, можно ли сказать, что одна справедли-

вость есть большая или меньшая справедливость, чем другая; и точно так же и относительно всякого другого свойства или состояния. Ведь некоторый спорят об этом: они утверждают, что, конечно, одну справедливость (или одно здоровье) никак нельзя называть большей или меньшей справедливостью (или здоровьем), нежели другую, но один человек обладает здоровьем в меньшей мере, чем другой, и справедливостью в меньшей мере, чем на другой, и точно так же уменьем читать и писать и остальными свойствами и состоянием. Но по крайней мере то, что называется по ним, бесспорно допускает большую и меньшую степень; в самом деле, об одном говорят, что он владеющий искусством чтения и письма в большой мере, чем другой, а также что он более здоров и справедлив, и точно так же в других случаях.

Между тем "треугольное" и "четырёхугольное", как и всякая другая фигура, не допускает, видимо, большую степень. Ведь все, что принимает определение треугольника или круга, есть треугольник или круг в одинаковой мере, а из того, что не принимает такого определения, нельзя одно называть [треугольником или кругом] в большей степени, нежели другое; в самом деле, квадрат несколько не в большей степени круг, нежели разносторонний многоугольник, ибо ни тот ни другой не принимает определения круга. И вообще, если оба не принимают определения подлежащего [предмета], то один не может быть назван им в большей степени, нежели другой. Таким образом, не все качественно определенное допускает большую и меньшую степень.

Задание 2. Прочитайте фрагмент трактата Л. Витгенштейна «Философские исследования». Что нового привносит ученый в теорию категорий? Чем данная концепция отличается от классической теории категорий Аристотеля? Что философ называет «семейными сходствами» членов в структуре категорий? На примере какой категории он иллюстрирует данное положение? Ответ обоснуйте. Что исследователь понимает под категориями с размытыми границами? Приведите собственные примеры, подтверждающие существование таких категорий.

Л. Витгенштейн. Философские исследования (полный текст см.: http://krotov.info/lib_sec/03_v/vit/genshtey2.htm).

Вместо того чтобы выявлять то общее, что свойственно всему, называемому языком, я говорю: во всех этих явлениях нет какой-то одной общей черты, из-за которой мы применяли к ним всем одинаковое слово. Но они родственны друг другу многообразными способами. Именно в силу этого родства или же этих родственных связей мы и называем все их "языками". Я попытаюсь это объяснить.

...Рассмотрим, например, процессы, которые мы называем "играми". Я имею в виду игры на доске, игры в карты, с мячом, борьбу и т.д. Что общего у них всех? Не говорю "В них должно быть что-то общее, иначе их не называли бы "играми", но присмотрись, нет ли чего-нибудь общего для них всех. Ведь, глядя на них, ты не видишь чего-то общего, присущего им всем, но замечаешь подобия, родство, и притом целый ряд таких общих черт. Как уже говорилось: не думай, а смотри! Присмотрись, например, к играм на доске с многообразным их родством. Затем перейди к играм в карты: ты находишь здесь много соответствий с первой группой игр. Но многие общие черты исчезают, а другие появляются. Если теперь мы перейдем к играм в мяч, то много общего сохраняется, но многое и исчезнет. Все ли они "развлекательны"? Сравни шахматы с игрой в крестики и нолики. Во всех ли играх есть выигрыши и проигрыши, всегда ли присутствует элемент соревновательности между игроками? Подумай о пасьянсах. В играх с мячом есть победа и поражение. Но в игре ребенка, бросающего мяч в стену и ловящего его, этот признак отсутствует. Посмотри, какую роль играет искусство и везение. И как различны искусство в шахматах и в теннисе. А подумай о хороводах! Здесь, конечно,

есть элемент развлекательности, но как много других характерных черт исчезает. И так мы могли бы перебрать многие, многие виды игр, наблюдая, как появляется и исчезает сходство между ними. А результат этого рассмотрения таков: мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом.

...Я не могу охарактеризовать эти подобия лучше, чем назвав их **"семейными сходствами"**, ибо так же накладываются и переплетаются сходства, существующие у членов одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т.д. и т.п. И я скажу, что **"игры"** образуют семью...

...Как же тогда объяснить кому-нибудь, что такое игра? Я полагаю, что следует описать ему игры, добавив к этому: **"Вот это и подобное ему называют "играми"...**

...Можно сказать, что понятие **"игры"** понятие с расплывчатыми границами. **"Но является ли расплывчатое понятие понятием вообще?"** Является ли нечеткая фотография вообще изображением человека? Всегда ли целесообразно заменять нечеткое изображение четким? Разве неотчетливое не является часто как раз тем, что нам нужно?

Фреге сравнивает понятие с некоторой очерченной областью и говорит, что при неясных очертаниях ее вообще нельзя назвать областью. Это означает, пожалуй, что от нее мало толку. Но разве бессмысленно сказать: **"Стань приблизительно там!"**? Представь, что я говорю это кому-то, стоящему вместе со мной на городской площади. При этом я не очерчиваю какие-то границы, а всего лишь делаю указательное движение рукой, показывая ему на определенное место. Вот так же можно объяснить кому-нибудь что такое игра. Ему предлагают примеры и стараются, чтобы они были поняты в определенном смысле. Однако под сказанным я вовсе не имею в виду: в этих примерах ему следует увидеть то общее, что я по каким-то причинам не смог выразить словами. Подразумевалось другое: он должен теперь применять эти примеры соответствующим образом. Приведение примеров здесь не косвенное средство пояснения, к которому мы прибегаем за неимением лучшего. Ведь любое общее определение тоже может быть неверно понято. Именно так мы играем в эту игру. (Я имею в виду языковую игру со словом **"игра"**.)

...Видение общего. Представь, что я показываю кому-нибудь разноцветные картинки и говорю: **"Цвет, который ты видишь на всех этих картинках, называется "охра"".** Это определение, и другой человек поймет его, отыскав и увидев то общее, что есть в этих картинках. Тогда он может взглянуть на это общее, указать на него. Сравни этот пример с таким: Я показываю ему фигуры разной формы, но окрашенные одним цветом и говорю: **-то общее, что в них имеется, называется "охра"".** А сравни с этим другой случай: я показываю ему образцы разных оттенков синего и говорю: **"Цвет, общий им всем, я называю "синим"".**

...Когда кто-то объясняет мне наименование цветов, показывая образцы и говоря **"Этот цвет называется "синим", этот "зеленым"..."**, то такой способ объяснения во многих отношениях можно сравнить с тем, когда у меня в руках таблица, где под образцами цвета стоят соответствующие слова. Хотя и данное сравнение во многих отношениях может вводить в заблуждение. Ну, а кто-то склонен расширить сравнение: **понять определение значит иметь в сознании понятие определяемой вещи, то есть образец или картину.** Так, если мне показывают различные листья и говорят **"Это называется "листом"..."**, то у меня в сознании возникает представление о форме листа, его картина. Но как выглядит образ листа, не имеющего особой формы, образ – того, что общо листьям любой формы"? Какой цветовой оттенок имеет **"мыслимый образец"** зеленого цвета образец того, что присуще всем оттенкам зеленого?

"Но разве не могли бы существовать такие "всеобщие" образцы? Скажем, какая-нибудь схема листа, или образец чисто зеленого цвета?" Конечно, могли бы! Но от способа применения этих образов зависит, будет ли эта схема понята как схема, а не как форма определенного листа, а полоска чисто зеленого цвета как образец всего зеленого,

а не как образец этого чисто зеленого цвета. Задай себе вопрос, какую форму должен иметь образец зеленого цвета? Должен ли он быть четырехугольным? Или он стал бы тогда образцом зеленого четырехугольника? Так что же, его форма должна быть "неправильной"? А что помешает нам тогда считать его образцом неправильной формы, то есть употреблять его таким образом?

...Что же тогда означает: знать, что такое игра? Что значит: знать это и быть не в состоянии это сказать? Не эквивалентно ли такое знание несформулированному определению, в котором, передай я его словами, я признаю выражение моего знания? Разве мое знание, мое понятие об игре не выражается полностью в тех объяснениях, которые я мог бы привести? То есть в том, как я описываю примеры разного рода игр, показываю, как по аналогии с ними могут быть сконструированы всевозможные типы других игр, говорю, что то или это вряд ли может называться игрою, и т.д.

...Проведи здесь кто-нибудь четкие границы, я мог бы и не признать их границами, которые мне всегда хотелось провести или которые я уже мысленно провел. Ибо я вообще не хотел проводить границ. В таком случае можно было бы сказать: его понятие не тождественно, но родственно моему. Таково родство двух изображений, одно из которых состоит из расплывчатых цветковых пятен, а другое из пятен подобной же формы, в таком же соотношении, но с четкими контурами. Сходство здесь столь же беспорно, как различие.

И если мы продолжим это сравнение еще дальше, станет ясно, что степень возможного сходства отчетливого и размытого изображений зависит от степени неопределенности последнего. Ибо представь, что тебе нужно расплывчатое изображение передать через "соответствующее" ему отчетливое. В первом случае просматривается размытый красный прямоугольник; ты заменяешь его четким изображением. Безусловно, можно начертить несколько таких прямоугольников с четкими контурами, которые соответствовали бы одному нечеткому. Но если в оригинале нет резких границ при переходе одного цвета в другой, то разве не становится невыполнимой задача передать расплывчатое изображение четким? Не должен ли ты в таком случае сказать: "Я мог бы здесь с тем же успехом, что и прямоугольник, изобразить круг или сердце; ведь все краски сливаются друг с другом. Изображение соответствует всему и ничему". Именно в этом положении находится тот, кто в эстетике или этике ищет определений, соответствующих нашим понятиям.

Всякий раз, столкнувшись с такой трудностью, задай себе вопрос: как мы усвоили значение этого слова (например, "хорошо")? На каких примерах, в каких языковых играх? И тогда тебе станет легче понять, что данное слово должно иметь целое семейство значений.

Задание 3. Опираясь на приведенный ниже фрагмент, укажите выделяемые Э. Рош и ее коллегами виды категорий, иерархически организованных в системе человеческого знания о мире. Какие категории являются в первую очередь единицами оперативного мышления человека? Ответ аргументируйте и проиллюстрируйте его собственными примерами.

Е.В. Дзюба. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. Екатеринбург, УрГПУ, 2015. С. 52 – 53 (полный текст см.: <http://politlinguist.ru/materials/mono.pdf>).

Не менее ценна, по мнению целого ряда исследователей (Дж. Лакофф, Н.Н. Болдырев, Т.Г. Скребицова и др.), и та часть теории категоризации Э. Рош, которая представляет учение об иерархии категорий в человеческом сознании «от более общих к более частным». Э. Рош распределяет категории по трем уровням: суперорди-

натному (вышележащему) – базовому (среднему) – субординатному (нижележащему), указывая при этом, что «базовые категории сосредоточены в середине иерархии «от общего к частному», обобщение идет вверх от базового уровня, а спецификация – вниз» [Лакофф 2004].

За основу распределения категорий по трем уровням Э. Рош принимает степень валидность признака. Валидность признака категории в целом исследователь определяет как сумму показателей валидности для всех признаков данной категории. Категория с высокой валидностью признака по определению отличается от других категорий сильнее, чем категория с низкой валидностью признака, ср.: «The cue validity of an entire category may be defined as the summation of the cue validities for that category of each of the attributes of the category. A category with high cue validity is, by definition, more differentiated from other categories than one of lower cue validity» [Rosch, Lloyd 1978: 30 – 31]. При этом общая валидность и фамильное сходство категорий вышележащего (суперординатного) уровня ниже, чем у базовых категорий, потому что они имеют меньше общих признаков. Более того, величина показателя фамильного сходства внутри категорий суперординатного уровня может быть даже отрицательной из-за преобладания различительных признаков над общими. Общая валидность категорий вышележащего уровня ниже валидности базовых категорий, так как эти категории обладают общими признаками с противоположными категориями нижележащего (субординатного) уровня, ср.: «Superordinate categories have lower total cue validity and lower category resemblance than do basic-level categories, because they have fewer common attributes; in fact, the category resemblance measure of items within the superordinate can even be negative due to the high ratio of distinctive to common features. Subordinate categories have lower total cue validity than do basic categories, because they also share most attributes with contrasting subordinate categories» [Rosch, Lloyd 1978: 31]. Таким образом, по мнению Э. Рош, категории базового уровня максимально отражают структуру отношений в окружающем нас мире, так как они максимально воплощают валидность признака и фамильное сходство, ср.: «That basic objects are categories at the level of abstraction that maximizes cue validity and maximizes category resemblance is another way of asserting that basic objects are the categories that best mirror the correlational structure of the environment» [Rosch, Lloyd 1978: 31]. Именно поэтому они являются наиболее важными с точки зрения изучения структуры категорий, ср.: «...the basic level provides the cornerstone of a taxonomy» [Rosch, Lloyd 1978: 46].

Задание 4. Прочитайте фрагмент из учебного пособия Т.Г. Скребцовой «Когнитивная лингвистика». Проследите, как распределяются по различным таксономическим уровням категории в системе знаний человека о мире. Приведите собственные примеры в качестве дополнения к таблице.

Т.Г. Скребцова. *Когнитивная лингвистика. СПб., 2011. С. 101 – 103 (полный текст см. <http://politinguist.ru/materials/mono.pdf>).*

В серии психологических экспериментов Э. Рош подтвердила идею антропологов об особом статусе категорий, относящихся к уровню биологического рода (таких как дуб, клен, береза, собака и т. д.), и распространила ее на неодушевленные предметы (стол, стул, лампа и др.). В результате этой экстраполяции изменилась формулировка – речь стала идти о психологической базисности категорий, располагающихся на некоем среднем уровне в таксономических иерархиях, ср.:

Выше	Мебель	Животное / млекопитающее
Базисный уровень	Стол	Собака
Ниже	Письменный / обеденный / бильярдный и т.д. стол	Овчарка / ньюфаундленд / терьер / болонка / ...

Категории базисного уровня, по мнению Рош, определяются следующими факторами:

1) *перцептивный: схожесть внешнего облика, единый мысленный образ, быстрое узнавание;*

2) *функциональный: общая моторная программа взаимодействия с членами категории (кошек можно гладить, цветы нюхать, мячи катать и подбрасывать и т. д.);*

3) *языковой: короткие, высокочастотные и стилистически нейтральные слова, усваиваемые в раннем детстве;*

4) *организация знаний: о членах базовых категорий можно с наименьшим когнитивным усилием извлечь наибольший объем сведений (принцип «когнитивной экономии»).*

Совокупность этих критериев отличает категории базисного уровня от категорий, принадлежащих к верхним или, наоборот, нижним уровням в родовидовой иерархии. Действительно, мож но ли представить мысленно, например, предмет мебели или описать, как человек его обычно использует? Другое дело, если речь идет о стуле («на нем сидят»), столе («за ним едят или пишут»), шкафе («в нем хранят книги, одежду, посуду и прочие вещи») и т. д. Что касается более низких уровней иерархии, то человек может и не знать конкретную породу собак или марку машин, поскольку в повседневной жизни ему такая детализация обычно не нужна.

Задание 5. Прочитайте фрагмент работы Э.Рош и Б. Лойд «Когниция и категоризация». Определите, в чем сущность теории прототипов. Как авторы определяют понятия категории и прототипа категории? Чем данный подход отличается от классической теории категорий Аристотеля? По Вашему мнению, исключает ли полностью классическую концепцию предпринятый Э.Рош и ее коллегами подход к теории категоризации? Ответ аргументируйте.

Eleanor Roach, Barbara B. Lloyd. The horizontal dimension: internal structure of categories: prototypes // Cognition and Categorization. С. 35 – 38.

Most, if not all, categories do not have clear-cut boundaries. To argue that basic object categories follow clusters of perceived attributes is not to say that such attribute clusters are necessarily discontinuous.

In terms of the principles of categorization proposed earlier, cognitive economy dictates that categories tend to be viewed as being as separate from each other and as clear-cut as possible. One way to achieve this is by means of formal, necessary and sufficient criteria for category membership. The attempt to impose such criteria on categories marks virtually all definitions in the tradition of Western reason. The psychological treatment of categories in the standard concept-identification paradigm lies within this tradition. Another way to achieve separateness and clarity of actually continuous categories is by conceiving of each category in terms of its clear cases rather than its boundaries. As Wittgenstein (1953) has pointed out, categorical judgments become a problem only if one is concerned with boundaries - in the normal course of life, two neighbors know on whose property they are standing without exact demarcation of the boundary line. Categories can be viewed in terms of their clear cases if the perceiver places emphasis on the correlational structure of perceived attributes such that the categories are represented by their most structured portions.

By prototypes of categories we have generally meant the clearest cases of category membership defined operationally by people's judgments of goodness of membership in the category. A great deal of confusion in the discussion of prototypes has arisen from two sources. First, the notion of prototypes has tended to become reified as though it meant a specific category member or mental structure. Questions are then asked in an either-or fashion about whether something is or is not the prototype or part of the prototype in exactly the same way in

which the question would previously have been asked about the category boundary. Such thinking precisely violates the Wittgensteinian insight that we can judge how clear a case something is and deal with categories on the basis of clear cases in the total absence of information about boundaries. Second, the empirical findings about prototypicality have been confused with theories of processing - that is, there has been a failure to distinguish the structure of categories from theories concerning the use of that structure in processing. Therefore, let us first attempt to look at prototypes in as purely structural a fashion as possible. We will focus on what may be said about prototypes based on operational definitions and empirical findings alone without the addition of processing assumptions.

Perception of typicality differences is, in the first place, an empirical fact of people's judgments about category membership. It is by now a well-documented finding that subjects overwhelmingly agree in their judgments of how good an example or clear a case members are of a category, even for categories about whose boundaries they disagree (Rosch, 1974, 1975b). Such judgments are reliable even under changes of instructions and items (Rips, Shoben, & Smith, 1973; Rosch, 1975b, 1975c; Rosch & Mervis, 1975). Were such agreement and reliability in judgment not to have been obtained, there would be no further point in discussion or investigation of the issue. However, given the empirical verification of degree of prototypicality, we can proceed to ask what principles determine which items will be judged the more prototypical and what other variables might be affected by prototypicality.

In terms of the basic principles of category formation, the formation of category prototypes should, like basic levels of abstraction, be determinate and be closely related to the initial formation of categories. For categories of concrete objects (which do not have a physiological basis, as categories such as colors and forms apparently do - Rosch, 1974), a reasonable hypothesis is that prototypes develop through the same principles such as maximization of cue validity and maximization of category resemblance as those principles governing the formation of the categories themselves.

In support of such a hypothesis, Rosch and Mervis (1975) have shown that the more prototypical of a category a member is rated, the more attributes it has in common with other members of the category and the fewer attributes in common with members of the contrasting categories. This finding was demonstrated for natural language superordinate categories, for natural language basic level categories, and for artificial categories in which the definition of attributes and the amount of experience with items was completely specified and controlled. The same basic principles can be represented in ways other than through attributes in common. Because the present theory is a structural theory, one aspect of it is that centrality shares the mathematical notions inherent in measures like the mean and mode. Prototypical category members have been found to represent the means of attributes that have a metric, such as size (Reed, 1972; Rosch, Simpson, & Miller, 1976).

In short, prototypes appear to be just those members of a category that most reflect the redundancy structure of the category as a whole. That is, if categories form to maximize the information-rich cluster of attributes in the environment and, thus, the cue validity or category resemblance of the attributes of categories, prototypes of categories appear to form in such a manner as to maximize such clusters and such cue validity still further within categories.

It is important to note that for natural language categories both at the superordinate and basic levels, the extent to which items have attributes common to the category was highly negatively correlated with the extent to which they have attributes belonging to members of contrast categories. This appears to be part of the structure of real-world categories. It may be that such structure is given by the correlated clusters of attributes of the real world. Or such structure, may be a result of the human tendency once a contrast exists to define attributes for contrasting categories so that the categories will be maximally distinctive. In either case, it is a fact that both representativeness within a category and distinctiveness from contrast categories are correlated with prototypicality in real categories. For artificial categories, either principle alone will produce prototype effects (Rosch et al., 1976b; Smith & Balzano, personal commu-

nication) depending on the structure of the stimulus set. Thus to perform experiments to try to distinguish which principle is the one that determines prototype formation and category processing appears to be an artificial exercise.

The fact that prototypicality is reliably rated and is correlated with category structure does not have clear implications for particular processing models nor for a theory of cognitive representations of categories. What is very clear from the extant research is that the prototypicality of items within a category can be shown to affect virtually all of the major dependent variables used as measures in psychological research.

Задание 6. Прочитайте фрагмент из учебного пособия Т.Г. Скребцовой «Когнитивная лингвистика». Отметьте, значение теории прототипов для изучения единиц разных уровней языка. Какие «единицы языка» оказались не отраженными в данном исследовании? Согласны ли Вы с мнением Е.С. Кубряковой о возможности и даже необходимости применения теории прототипов к текстам? Аргументируйте свой ответ.

Т.Г. Скребцова. Прототипические эффекты в лингвистических категориях // Когнитивная лингвистика. Курс лекций. СПб, 2011. – С. 97-100.

Значение исследований Э. Рош, разумеется, сразу вышло за рамки психологии: новый взгляд на категоризацию совершил прорыв в понимании механизмов и структур сознания и сыграл огромную роль в становлении когнитологии в целом. Для когнитивной лингвистики теория прототипов важна потому, что позволяет проверить основополагающий тезис о связи языка с общими когнитивными механизмами: если в лингвистических категориях обнаруживаются прототипические эффекты, это подтверждает обоснованность когнитивного подхода к языку. Работа когнитивистов в этом направлении оказалась успешной: на всех уровнях языка без труда было обнаружено не равенство членов категорий, наличие у них центральных и периферийных представителей, лучших и худших примеров. Понятие прототипа стало применяться и при описании таких феноменов, как речевые акты, коммуникативные ситуации, жанры речи и др. Наиболее очевидным свидетельством неравенства членов внутри языковых категорий (а следовательно, наличия прототипического эффекта) является феномен маркированности, встречающийся на разных уровнях языка. Примерами могут служить противопоставление звонких и глухих согласных, флексия множественного числа -s у английских существительных, антонимические пары *tina tall – short* (ср. нейтральное высказывание *How tall is Harry?*) и маркированное *How short is Harry?* с presupпозицией, что Гарри низкого роста) и др. [Lakoff 1987: 59–61].

Перечислим вкратце основные достижения в изучении прототипических эффектов, встречающихся на разных уровнях языковой структуры (по материалам [Lakoff 1987: 58–67; Taylor 1995]).

1. Прототипические эффекты в фонологии:

а) Категория фонемы устроена по прототипическому принципу: один из аллофонов является прототипом, а остальные связаны с ним фонологическими правилами;

б) Опозиция глухих и звонких согласных в английском языке является не абсолютной, а градуальной: на одном конце шкалы расположены *p, t, k* (лучшие примеры глухих согласных), а на другом – *r, m, n* (лучшие примеры звонких согласных). Между ними на разном удалении располагаются все остальные согласные английского языка;

в) Словговая структура: в разных языках существуют свои привилегированные (типичные) слоговые структуры;

г) Интонационные контуры: в каждом языке можно выделить типичные интонационные конструкции.

2. **Пример из области морфологии:** исследование [Bybee, Moder 1983], посвященное группе неправильных английских глаголов типа *spin, swim, win, sing, sting, cling, fling, sling, string, swing, wring, hang, stick, strike, dig* и нек. др. Эти глаголы исторически составляют одну группу, в форме причастия II все они имеют гласный [ʌ]. Авторы утверждают, что эта группа устроена по принципу «семейного сходства», причем каждый из ее членов удовлетворяет хотя бы одному из перечисленных условий:

- глагол начинается на sC(C)- (буквы s, за которой следует один или два согласных),
- глагол оканчивается на носовой звук [ŋ],
- в инфинитиве глагол имеет гласный [ɪ].

Эта категория не является классической, так как имеет своих более и менее типичных представителей, «лучшие» и «худшие» при- меры. В центре находятся глаголы, для которых выполняются все перечисленные критерии (*sling, sting, string, swing*), они и составляют прототип. Глаголы, удовлетворяющие двум из трех условий (напри- мер, *spin, cling, fling, stick*), расположены дальше от центра. Наконец, периферию катего- рии занимают такие ее представители, как *win, dig, hang, strike*, для которых выполнен лишь один критерий.

3. **Понятие слова** демонстрирует прототипические эффекты при попытках его отграничения от аффиксов и клитик, с одной стороны, и идиом – с другой.

4. **Частеречная классификация слов**, вызывающая известные сложности в рамках классической теории категорий, существенно выигрывает при прототипическом подходе (см., напр., [Horner, Thompson 1980; 1984; Кубрякова 1997; Вежицкая 1999: 134 – 170]).

5. **Исследования в области синтаксиса** убедительно демонстрируют наличие прототипических эффектов в категориях членов предложения, синтаксических кон- струкций, порядка слов и пр.

а) Например, категорию переходного глагола (и, соответственно, прямого допол- нения) удобно рассматривать в терминах оппозиции «центр – периферия». К цен- тральным относятся случаи, где глагол обозначает физическое воздействие на объект, в результате чего последний претерпевает качественные изменения, например: *резать хлеб, красить дом, рубить дрова, разбить окно*. Обширная периферия охватывает раз- нообразные примеры, не подпадающие под данную формулировку, ср.: *любить кино, чи- тать книгу, петь песню, забыть адрес, заплатить 10 рублей, убедить родителей, уви- деть змею, переплыть реку* и т. д.

б) Аналогичным образом обстоит дело с надежными значения- ми, в частности с «родительным обладания» (*possessive genitive*). Наряду с центральными случаями типа *John's house*, выражающи- ми идею принадлежности человеку некоего неодушевленного предмета, существуют разнообразные периферийные примеры, в разной степени уда- ленные от центра, ср.: *John's train, the secretary's typewriter, the cat's tail, the car's door, the play's fi nal act, John's intelligence, the car's road-holding ability, the train's arrival, yesterday's arrests*.

в) В категории подлежащего прототипом являются случаи его совпадения с се- мантическим агенсом и прагматическим топиком.

г) Глубинные семантические падежи (агенс, объект, пациент, инструмент и т. д.), ввиду неоднозначности, связанной с их приписыванием поверхностным языковым структурам, удобнее рассматривать с точки зрения прототипического подхода, чем в рам как классической теории.

д) В категории простою предложения (*clause*) выделяются центральные примеры, в которых сохраняются «естественные» соотношения между содержанием предло- жения и его синтаксической структурой (ср.: *Sam ate a peach, Max is in the kitchen, This fact is odd*), и периферия, занимаемая пассивными конструкциями, предложениями с ин- версией или эмфазой, косвенными вопросами и др.

6. В лексической семантике прототипические эффекты множественны и чрезвычайно затрудняют «классические» дефиниции того, что есть полисемия, омонимия, синонимия, антонимия, отдельное значение слова и т. д., в то время как описание этих феноменов в рамках прототипического подхода представляется гораздо более продуктивным (см., напр., [Филлмор 1983; Geeraerts 1993; Tuggy 1993; Cruse 1995; Монелья 1997]).

7. Прагматические значения, согласно А. Вежбицкой, также характеризуются наличием прототипических эффектов [Wierzbicka 1989].

Задание 7. Проведите в своей аудитории небольшой эксперимент, предложив студентам записать известные им предметы мебели или одежды, овощи или фрукты (можно выбрать любую категорию). Сопоставьте данные, проведите количественную обработку результатов. Обнаружены ли Вами наиболее и наименее частотные упоминания. О чем, по вашему мнению, могут свидетельствовать полученные Вами результаты. Ответ обоснуйте, опираясь на примеры из проведенного исследования.

Задание 8. В русскоязычной и китайской аудитории был проведен эксперимент. Респондентов попросили записать известные им фрукты. Носители русского языка в первую десятку поместили следующие образцы: *яблоко, апельсин, банан, груша, мандарин, ананас, персик, дыня, слива, абрикос*. Китайцы отметили *яблоко, арбуз, грушу, апельсин, дыню, маракуйю, личи, манго, мангостин, томат*. Сопоставьте полученные данные, отметьте общее и различное. Что вы можете сказать о феномене категоризации у носителей разных языков и культур? Можно ли утверждать, что процесс категоризации может носить этноспецифический характер? Ответ аргументируйте, используя собственные примеры.

Задание 9. Ознакомьтесь концепцией Н.Н. Болдырева о видах категоризации и категориях, назовите их и определите, чем они отличаются. Подчеркните, какие основания для выделения видов категорий отмечает исследователь. Какие еще классификации типов и видов категорий вы знаете?

Н.Н. Болдырев. Теоретические основы и методологические принципы когнитивного исследования языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 7–13.

Остановимся на некоторых вопросах теории и методологии когнитивных исследований языка, из числа перечисленных выше, несколько подробнее, тем более что многие из них до сих пор остаются в стадии разработки и требуют дальнейших уточнений.

В первую очередь, как представляется, требует уточнения сам перечень основных функций языка. Вернемся к утверждению о том, что человек живет в постоянно меняющемся мире, частью которого он является. Соответственно меняются его знания об этом мире, к которым он апеллирует и которые использует в процессе различных видов деятельности и в контексте которых происходит его общение с другими людьми. Чтобы лучше понять связь языка с окружающим миром и знаниями о нем, необходимо задать се-

бе вопрос и попытаться на него ответить: что представляет собой мир вокруг нас. Ответ окажется не таким простым. С одной стороны, можно сказать, что окружающий нас мир – это природа, общество, различные сферы бытия и деятельности человека: его семья, быт, внутренний мир, повседневное формальное и неформальное общение, профессиональная деятельность, социальная сфера, политика, экономика, культура, образование, государство, общественная деятельность и т. д., – и это, естественно, далеко еще не полный перечень всех взаимосвязей человека с окружающим миром.

С другой стороны, такое многообразие аспектов, в которых мир являет себя человеку, подводит к очевидному выводу о том, что мир вокруг нас – это определенная сеть отношений. При этом в центре этих отношений находится сам человек, его сознание, его повседневное взаимодействие с миром (с природой, обществом, семьей, государством, миром идей). Не вызывает сомнений и то, что основная роль в этом взаимодействии принадлежит языковому общению: человек познает мир, общается с миром, ориентируется в нем, главным образом, с помощью языка. «Границы моего языка, – писал Л. Витгенштейн, – означают границы моего мира». Соответственно основные функции человека в мире связаны с языком, с его функциями. Другими словами, связь языка с миром и знаниями о мире проявляется в его основных функциях.

Традиционно в отечественном и зарубежном языкознании принято считать, что язык выполняет две основные функции – познавательную (когнитивную) и коммуникативную (общения). В то же время прямо или косвенно ученые всегда выделяли целый ряд так называемых дополнительных функций: эмотивно-экспрессивную, эстетическую, фатическую, метаязыковую (Р. О. Якобсон), ориентирующую (Е. С. Кубрякова), поэтическую (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман), ритуальную или перформативную (Э. Бенвенист, Дж. Остин), манипулятивную (воздействия) и другие. Все эти дополнительные функции, со всей очевидностью, связаны с языковой интерпретацией и реинтерпретацией мира и знаний о мире.

Само понятие дополнительной данных функций, с одной стороны, вероятно, призвано подчеркнуть их самостоятельный статус, а с другой стороны, непосредственную связь с основными функциями. В то же время в этом противопоставлении обнаруживается некоторая несистемность и определенное противоречие, с точки зрения единой системы языковых функций. Возникает естественный вопрос о том, какую конкретно базовую функцию из двух вышеназванных дополняет та или иная частная функция или она дополняет их вместе как отдельная составляющая. Функциональное сходство используемых языковых средств (интерпретация и реинтерпретация знаний о мире) наводит на мысль о том, что язык выполняет, не две, а три главных функции. Другими словами, логично поставить проблему несколько шире и предположить, что помимо когнитивной и коммуникативной, язык выполняет третью, тоже основную – интерпретирующую функцию, которая так или иначе связана или обуславливает выполнение языком множества дополнительных функций. Это дает основание говорить о наличии определенной, отдельной, общей системы языковой интерпретации, объединяющей все частные, или дополнительные, функции и средства их реализации, в единую языковую функцию.

В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что еще в работах Ч. Пирса, Н. Холмского, Р. Джемсеноффа, Р. Павилёниса и других ученых в разных формулировках давно прослеживалась мысль о том, что языковые выражения приобретают конкретное значение и смысл только в рамках определенной концептуальной системы, т. е. являются результатом интерпретирующей деятельности человека.

Выполнение языком трех главных функций и их взаимосвязь подтверждается также существованием трех основных систем языковой концептуализации и языковой категоризации мира: лексической, грамматической и модальной, или интерпретирующей. **Лексические категории** репрезентируют наше знание мира как таковое, что имеет непосредственное отношение к когнитивной функции. **Грамматические категории** определяют то, как это знание репрезентируется в языке и схематизируется в соот-

ветствии с правилами и принципами вербальной коммуникации (коммуникативная функция). **Модусные категории** передают способы интерпретации этого знания отдельными носителями языка (интерпретирующая функция).

Только в единстве когниции, коммуникации и интерпретации может быть полностью раскрыта природа языка как когнитивной способности, обеспечивающая взаимодействие человека с внешним миром во всей полноте его биологических и социальных функций, бытовой и профессиональной деятельности, а также в плане самоанализа и репрезентации собственного внутреннего мира...

Задание 10. Прочитайте фрагменты работ лингвистов-когнитологов, отметивших недостатки когнитивной лингвистики на современном этапе ее развития. Сформулируйте, в чем заключаются эти недостатки. Определяют ли, на Ваш взгляд, эти недостатки перспективы развития данной науки? Предположите, в каких направлениях будет развиваться лингвокогнитология в ближайшие годы?

1. Однако для лингвистики опора на интроспективное наблюдение, на интуицию исследователя – традиционный путь познания языка. Значительная же часть психологов, представители нейронауки, когнитивной науки более ориентированы на эталоны естественнонаучного знания и поэтому испытывают традиционное для естественных дисциплин предубеждение против интроспекции, отдавая предпочтение бихевиористским методам. Поэтому в наше время многие когнитивные лингвисты вновь настаивают на необходимости проведения исследований в рамках бихевиоризма, считая этот метод более точным и более научным, чем интроспекционизм. Такая ситуация осложняет совместную работу, поскольку каждой стороне нелегко расстаться с традициями своей дисциплины.

Непростая предыстория когнитивной лингвистики продолжает сказываться на современном состоянии этой дисциплины: она не представляет собой спокойное и устоявшееся единое образование, базирующееся на общепризнанных фактах, теоретических положениях, методах. Многие конфликты до сих пор не утратили остроту и создают почву для активных дискуссий. Одно из важных проявлений продолжающихся внутренних конфликтов – разногласия по поводу возможности использования, организации и интерпретации экспериментальных исследований в когнитивной лингвистике.

Разногласия между сторонниками и противниками использования метода интроспекции придается большое значение, например, в недавно вышедших сборниках «Methods in cognitive linguistics» [2006] и «Cognitive linguistics: current applications and future perspectives» [2006], подытоживающих проблемы и достижения современной когнитивной лингвистики. В частности, первое из названных изданий открывается статьей Р. Гиббса [Gibbs, 2006] «Почему когнитивным лингвистам следует уделять большее внимание эмпирическим методам?», а второе – статьей Д. Герэртса [Geeraerts, 2006] «Методология когнитивной лингвистики». Авторы обеих статей, выражая недоверие по отношению к интроспекции, аргументируют необходимость более активного освоения когнитивными лингвистами эмпирических принципов исследования, принятых в психологии, психолингвистике, когнитивной науке. Именно недоверие к интуиции, интроспективному наблюдению служит источником скептицизма представителей перечисленных наук по отношению к теориям и результатам когнитивной лингвистики. Такое методологическое расхождение парадоксально, так как когнитивная лингвистика и по истории своего возникновения, и по своему предмету является одной из частей когнитивной науки» (Тимофеева М. К. Введение в экспериментальную когнитивную лингвистику: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2010. – 101 с.)

2. ...In the forty years or so since its inception Cognitive Linguistics has made enormous strides. We now have detailed descriptions of a variety of lexical and grammatical phenomena in many languages, including some very little studied ones; we have a better understanding of how meaning is constructed, why languages are the way they are, how they are acquired and how they change, and we have laid the theoretical foundations for understanding language processing and impairment. Furthermore, areas which were previously marginal – such as construal, embodiment, the meanings of grammatical items, metaphor, metonymy, and iconicity – are now at the centre of linguists' interest; and, perhaps most importantly, we have achieved conceptual unification of many aspects of language study.

Nevertheless, there are some serious problems (“sins”) which are prevalent in the field and which will need to be addressed if the field is to continue to prosper. In this contribution, I discuss the “sins” and how they can be avoided, and conclude with a few comments about the future.

Excessive reliance on introspection. The foundational work in Cognitive Linguistics relied strongly on introspective evidence. This is very common, and probably unavoidable, in the early stages of theory development in the human sciences. However, cognitive linguistic theory has matured considerably since then, and at the same time, substantial progress has been made in linguistic methodology. While this has led to a noticeable shift towards more rigorous empirical methods (see Janda 2013), many cognitive linguists continue to use their own intuitions (or at best those of a few colleagues) as their main data source. This is due partly to historical reasons: much of twentieth century linguistic inquiry, especially in the generative tradition, was based on the linguists' own introspective judgements, and many linguists do not have the technical knowledge to use other methods. A second reason is ideological: some cognitive linguists appear to believe that objective methods are incompatible with the spirit of Cognitive Linguistics, which is a non-objectivist theory (for discussion, see Geeraerts and Cuyckens 2007: 18)...

Not treating the Cognitive Commitment seriously. Given that one of the central tenets of Cognitive Linguistics is that language relies on mechanisms shared with other aspects of human cognitive functioning and can only be explained by appealing to human cognition, you would expect cognitive linguists to support their analyses by appealing to what is known about human cognitive processing – in other words, you would expect frequent references to work in other areas of cognitive science, and in particular, cognitive psychology. Sadly, this is generally not the case, even if there are some notable exceptions. Although cognitive linguists happily proclaim that language relies on general cognitive processes, many seem to believe that it is not their job to find out how, and in fact do not seem to be interested in what the other cognitive sciences have to say about human cognition. Thus, many cognitive linguists' stand on the Cognitive Commitment is best described as “believing but not practicing”...

Not enough serious hypothesis testing. When you push a cognitive linguist on the subject of psychological reality, the answer that you are likely to get is that the proposed analysis is “just a hypothesis” about how a particular aspect of linguistic knowledge may be represented in speakers' minds, and that it is up to somebody else (presumably psychologists or psycholinguists) to test this hypothesis. There is nothing wrong with such a position in principle: formulating hypotheses is a critical part of scientific enquiry. The problem is that, by and large, psychologists are not very interested in testing linguistic theories. There are two reasons for this state of affairs. One is historical: many psychologists got their fingers burned in the 1960s in testing what came to be known as the derivational theory of complexity (the idea that the sentences whose derivation required more transformations would take longer to process). As long as the experimental findings supported the theories put forward by linguists, everyone was happy; but as soon as they psychological experiments began to produce evidence that contradicted claims made by linguists, they suddenly became “irrelevant”. (One wonders whether cognitive linguists would be more receptive to refutations from psychologists. I suspect not: my guess is that, like generative linguists, they would find good reasons to ignore the psychologists' findings.) A second and more serious reason is that many linguistic hypotheses are simply not formulated precisely enough to be empirically testable.

Ignoring individual differences. The fourth “sin” is again one of not living by what one preaches: while cognitive linguists readily acknowledge the existence of individual differences in theory, in practice most rarely attempt to study them or consider their deeper theoretical implications. Thus, we are told that a particular expression *X* profiles a particular aspect of a scene construed in a particular way, sense *Y* is more entrenched than sense *Z*, and so on. General statements of this kind are, of course, unavoidable: it would be impossible to study the individual mental representations of every speaker of a language; and even if it were possible, most linguists are more interested in general patterns shared across many speakers than in individual idiosyncrasies. So, while strictly speaking it would be more accurate to say “*X* typically evokes such-and-such a construal” and “for most speakers, *Y* is more entrenched than *Z*”, it would be tedious to add such qualifiers to every sentence one writes.

Thus, most linguists, including cognitive linguists, do not look for individual differences, and tend to sweep them under the carpet when they find them, with the result that they are usually ignored...

Neglecting the social aspect of language. As pointed out earlier, one of the goals of Cognitive Linguistics is to explain how our conceptual system shapes the languages that we speak. While there is no doubt that language structure is strongly constrained by our perceptual and conceptual abilities, social and cultural factors play an equally important role; and although few cognitive linguists would dispute this claim, in practice, at least in the first thirty years or so of its development, cognitive linguists have paid little attention to the social factors that influence language structure.

...Language is not only an instrument for social interaction; it is also a system that emerges through interaction, and we cannot hope to understand its structure without considering both cognitive and social factors and their interactions (Dąbrowska 2015b; Geeraerts this issue, Harder 2010; Schmid 2015, this issue; Zlatev this issue) – in other words, what we need is a social Cognitive Linguistics (cf. Harder 2010). ... However, such a Social Cognitive Linguistics is not yet mainstream Cognitive Linguistics.

Assuming that we can deduce mental representations from patterns of use. All of the “sins” that I have discussed so far are ones that we share with generative linguists. The last two are related to the inferences made from corpus data, and are our very own. The growing awareness of the limitations of introspection, coupled with a strong commitment to the systematic study of real usage led to a flowering of corpus methods within Cognitive Linguistics which was accompanied by increasingly sophisticated statistical analysis. This resulted in remarkable progress in linguistic description and methodology. The downside was a great deal of confusion about the theoretical status of corpus-based generalizations.

The problem is that we cannot make strong inferences about mental representations – which is what CL claims to be about – from usage patterns (see also Blumenthal-Dramé this issue).

...Corpus analysis is absolutely vital to usage-based approaches such as Cognitive Linguistics. In the end, however, corpora can only provide information about frequency of items and frequency of co-occurrence of items. If we want to make claims about speakers’ mental representations, corpus data needs to be complemented with experimental research.

Assuming that distribution equals meaning. Similar points can be made about studies that attempt to uncover semantic structure using corpora. Many cognitive linguists took to heart Firth’s (1957: 11) dictum that “you shall know a word by the company it keeps”, which resulted in a spate of studies attempting to make semantics more objective by showing that different words, and different senses of words, have different distributional patterns. However, while there is no doubt that differences in meaning correlate with differences in form, distribution and semantics are just not the same thing, and the correlation is far from perfect. A particular distributional feature may provide a clue to meaning – or it may not. The assumption that differences in co-occurrence requirements always correspond to differences in meaning is methodologically useful in that it encourages us to look for such correspondences, but it may not be valid: some formal differences may be just that – formal differences. Furthermore, even

if a distributional feature does provide clues to meaning, there is no guarantee that a language learner will pick up on the feature. Last but not least, distributional features are often correlated with each other, and most of the statistical models that corpus linguists use (e. g., regression) assume that the predictors vary independently. As a result, analysts have to choose one of a set of correlated features, and the decision which one to include in the model and which to leave out is fairly arbitrary. There is no evidence that language learners do the same: in fact, for all we know, human learners may thrive on multicollinearity. And, of course, different learners may pick up on different features and, because the features are correlated, still end up with similar representations.

So, while distributional features provide important clues to meaning, adequate semantic descriptions must make use of other methods as well. These could include a variety of elicitation techniques which tap speakers' knowledge in systematic ways, such as picture or video clip descriptions, paraphrase/definition tasks, semantic similarity judgments, prototypicality judgments, eliciting word associations, listing features, and sorting/categorization tasks. In addition, it is likely that in the future, semanticist will rely increasingly on brain imaging methods.

A prayer for the future. As the Danes say, it is difficult to make predictions, especially about the future. We don't know where Cognitive Linguistics will go in, say, the next twenty years. It is unlikely that the problems discussed here are going to dissolve into thin air – after all, humans are sinful creatures, and cognitive linguists are no exception – but I do hope that people who publish in these pages will make an effort to be more virtuous. The changes are already happening: year by year, Cognitive Linguistics is becoming more empirical as growing numbers of linguists rely less on introspection and do more hypothesis testing; more interdisciplinary, as we increasingly engage with research in psychology, neuroscience, language acquisition, and language impairment; more interested in the social dimension; and methodologically more eclectic, as more and more researchers combine corpus and experimental data with modelling. Let us hope that these trends will continue into the future (*Ewa Dąbrowska. Cognitive Linguistics' seven deadly sins // Cognitive Linguistics. – 2016. – № 27(4). – C. 479 – 491.*)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когнитивная наука, развивающаяся в рамках антропоцентрической парадигмы научного знания, сосредоточивает внимание на изучении процессов получения, хранения, переработки и воспроизведения информации и имеет целью описание системы знаний человека о мире и себе самом, определение возможных форм и структур представления этих знаний, хранящихся в сознании человека. Значение языка в когнитивных процессах как инструмента и способа познания, как средства репрезентации знаний изучается в рамках отдельного направления когнитивистики – лингвокогнитологии, когнитивной лингвистики. Познание (когниция) осуществляется в человеческом сознании двумя взаимосвязанными способами – посредством концептуализации и категоризации. При этом под *категоризацией* понимается процесс разделения объектов всего онтологического пространства на классы и/или группы на основании общности когнитивных признаков. *Концептуализация* – это процесс определения набора когнитивных признаков (в том числе – и категориальных) какого-либо явления реального или воображаемого мира, которые позволяют человеку хранить в сознании и пополнять новой информацией сколько-нибудь очерченное понятие и/или представление об этом явлении и отличать его от других феноменов. Результатом концептуальной деятельности – деятельности, направленной на обобщение в сознании человека абстрактной и конкретно-чувственной информации о мире, – становится формирование концептов как разнообразных по форме и объему содержания ментальных структур (мыслительные картинки, логические концепты, фреймы, сценарии, бленды и др.). Все многообразие и вся совокупность концептов представляет собой концептуальную систему, или концептуальную картину мира, хранящую в сознании человека все его знание о мире и о себе самом. Результатом категоризации являются когнитивные категории, которые представляют собой лингвоментальные объединения когнитивных единиц разного уровня (субкатегорий, концептов, являющихся в данном случае членами категории) на основании общности некоторых из существенных признаков категории (т.н. «признаков фамильного сходства»).

Значительная часть знания человека о мире репрезентируется в виде тех или иных знаковых систем, среди которых – знаки языковые. Иными словами, концептуальная картина мира определенной частью находит свое выражение в языке, закрепляется средствами языка, вербализуется, формируя самой семантикой языковых единиц т.н. языковую картину мира. Таким образом, языковая картина мира представля-

ет собой зафиксированные в виде языковых единиц и категорий процессы и результаты когнитивной деятельности человека; это вербализованный коррелят концептуальной картины мира. При этом сам язык способен не только фиксировать знания, закрепляя его в виде знаковых единиц. Поскольку любой национальный язык обладает своей системой категорий, он способен оказывать влияние на когнитивные процессы, задавая определенные «матрицы» познания для носителей данного языка, что обуславливает неразрывную связь языка и когниции.

Разнообразие форматов представления знания по структуре и объему содержания (разных видов концептов, категорий и субкатегорий), хранящихся в сознании человека, приводит ученых к разработке специальных методов изучения лингвокогнитивных структур. В распоряжении современной лингвокогнитологии находится внушительный массив дисциплинарных научных методов: метод прототипического анализа категорий, метод когнитивно-таксономического анализа лингвоментальных структур, метод фреймового анализа, метод когнитивно-пропозиционального анализа концептуальных структур, метод реконструкции языковых криптоклассов, метод контент-анализа, метод концептуального анализа, метод когнитивного моделирования, метод матричного анализа, метод анализа интегральных пространств, метод полевой стратификации содержания концептов, метод анализа структуры ментального лексикона с помощью компьютерных программ, построенных на корпусных данных и др. Данные методы и соответствующие им подходы к изучению лингвоментальных единиц позволяют определить специфику существующих в сознании человека форматов знания, на основе вариативности их характерологических свойств выделить их типы и виды, подчеркнуть особенности их содержательной структуры, отметить их взаимосвязь и обозначить их функционально-прагматическую специфику. Указанные исследовательские подходы в данном учебном пособии были применены к двум основным феноменам человеческого сознания – концептам и категориям.

ЛИТЕРАТУРА

РЕКОМЕНДУЕМАЯ УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика [Электронный ресурс]. Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Изд. 2-е, стер. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/926805/>.
2. Дзюба, Е. В. Концепт «ум» в русской лингвостилькуре [Электронный ресурс] : монография / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург : Уральский гос.пед.ун-т, 2011. – 224 с. – Режим доступа: <http://politlinguist.ru/materials/mono.pdf>.
3. Дзюба, Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании [Электронный ресурс] : монография / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург : Уральский гос.пед.ун-т, 2011. – 224 с. – Режим доступа: <http://politlinguist.ru/materials/mono.pdf>.
4. Кондратьева, О. Н. Метафорическое моделирование концепта "душа" в древнерусской лингвокультуре [Электронный ресурс] / О. Н. Кондратьева. – М. : Флинта, Наука, 2014. – 188 с. – Режим доступа: <http://politlinguist.ru/materials/mono.pdf>.
5. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику [Текст] : учебное пособие / В. А. Маслова. – М. : Флинта, Наука, 2007. – 296 с.
6. Пименова, М. В. Концептуальные исследования. Введение [Текст] : учебное пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – М. : Флинта, Наука, 2011. – 176 с.
7. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Электронный ресурс] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2011. – Режим доступа: http://sterminia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kognitivnaja_lingvistika/Ocherki_po_kognitivnoj_lingvistike_2001.pdf.
8. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика [Электронный ресурс] : Курс лекций / Т. Г. Скребцова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с. – Режим доступа: <http://politlinguist.ru/materials/mono.pdf>.
9. Современная политическая лингвистика [Электронный ресурс] : учебное пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова ; отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2011. – 252 с. – Режим доступа: <http://politlinguist.ru/materials/mono.pdf>.
10. Тимофеева, М. К. Введение в экспериментальную когнитивную лингвистику [Электронный ресурс] : учеб. пособие / М. К. Тимофеева ; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2010. – С. 114. – Режим доступа: http://gf.nsu.ru/kaf/koir/timofeewa_01.pdf.
11. Хабекирова, З. С. Введение в когнитивную лингвистику: методические указания [Электронный ресурс] : учебное электронное издание / З. С. Хабекирова, Ф. А. Куек, А. А. Хатхе, М. А. Асланова. – Электрон. дан. (0,9 Мб). – Майкоп : ЭлИТ, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Режим доступа: <http://journal.ru/wp-content/uploads/2016/03/2016-03-002.pdf>.
12. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии [Электронный ресурс] / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2013. – 176 с. – Режим доступа: <http://politlinguist.ru/materials/mono.pdf>.
13. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика [Текст] : учебное пособие / А. П. Чудинов. – М. : Флинта, Наука, 2012. – 256 с.

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ И ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

1. Журнал «Политическая лингвистика». – Режим доступа: <http://politlinguist.ru/>.

2. Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». – Режим доступа: <http://ralk.info/>.
3. Персональный сайт И.А. Стернина. – Режим доступа: <http://sterninia.ru/>.
4. Персональный сайт С.Г. Воркачева. – Режим доступа: <http://lincon.narod.ru/vorkachev.htm>.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты [Текст] / под ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 576 с.
2. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы [Текст] / под ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.
3. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998 ; последняя редакция 2014 г. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.
4. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы [Текст] / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 784 с.
5. Грицанов, А. А. Новейший философский словарь [Текст] / А. А. Грицанов. – Мн. : Книжный дом, 1999. – 896 с.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] : в 4 т. / В. И. Даль. – СПб. : ТОО «Диамант», 1996. – Режим доступа: <http://dal.slovaronline.com>.
7. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
8. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. фак-т МГУ им. Ломоносова, 1996. – 245 с.
9. Леонтьев, А. А. Словарь ассоциативных норм русского языка [Текст] / А. А. Леонтьев. – М. : Изд-во МГУ, 1977. – 192 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / под ред. В. Н. Рябцевой. – М., 2002.
12. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>.
13. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
14. Русская грамматика [Электронный ресурс]. – М. : ИРЯ РАН СССР, 1980. – Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru>.
15. Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка [Текст] / Ю. Г. Караулов, Ю. С. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – М., 1994. – 1998. – Т. 1 – 6.
16. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский [Текст] / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М. : ИЯ РАН, 2004. – 800 с.
17. МАС – Словарь русского языка [Текст] : в 4-х т. / АН СССР. Институт русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981 – 1984.

18. Словарь синонимов русского языка [Текст] / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : АСТ, Астрель, 2002.
19. Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений [Электронный ресурс] / под ред. Н. Абрамова. – М. : Русский словар, 1999. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/abr/>.
20. Словарь-тезаурус русских прилагательных : Идеографическое описание [Текст] / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : Проспект, 2011. – 226 с.
21. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Т. Ф. Ефремовой. – М. : АСТ, Астрель, Харвест, 2006. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>.
22. Толковый словарь русских глаголов : идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы [Текст] / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. – 694 с.
23. Толковый словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935 – 1940.
24. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика [Текст] / под ред. Г. Н. Складчиковой. – М. : Эксмо, 2006. – 1136 с.
25. Философский словарь [Текст] / под ред. И. Т. Фролова. – М. : Республика, 2001. – 719 с.
26. Философский энциклопедический словарь [Текст] / под ред. Е. Ф. Губского. – М. : Инфра-М, 2003. – 576 с.
27. Черкасова, Г. А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь [Текст] / Г. А. Черкасова. – М. : ИЯ РАН, 2008.
28. Экспериментальный синтаксический словарь : Русские глагольные предложения [Электронный ресурс] / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 464 с. – Режим доступа: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2847>.

ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Абишева, К. М. Категоризация и ее основные принципы [Текст] / К. М. Абишева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 21–30.
2. Абрамян, К. Ш. О различных принципах анализа языковой категоризации [Текст] / К. Ш. Абрамян // Иностранные языки в высшей школе. – 2009. – № 2. – С. 25–32.
3. Абросимова, Л. С. Истоки и основные принципы когнитивной дериватологии [Текст] / Л. С. Абросимова // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 3 (351). – С. 7–13.
4. Аверьянова, Л. И. Термины «КОНЦЕПТ» и «ПОНЯТИЕ» в лингвистическом исследовании [Текст] / Л. И. Аверьянова // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 8 (27). – Ч. 1. – С. 12–14.
5. Агаджанян, Н. А. Основы физиологии человека [Текст] : учебник для студентов вузов / Н. А. Агаджанян [и др.]. – М. : Изд-во Российского университета дружбы народов, 2001. – 408 с.
6. Айрапетян, Р. Р. Прототипическая модель глаголов группы «Verbs of putting», основанная на компонентном анализе семантики [Текст] / Р. Р. Айрапетян // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 4. – Ч. 1. – С. 53–59.
7. Алимуратов, О. А. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций [Текст] / О. А. Алимуратов // Язык. Текст. Дискурс. – 2005. – № 3. – С. 43–56.
8. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры [Текст] / Н. Ф. Алефиренко. М., 2002.
9. Алпатов, В. М. Япония. Язык и культура [Текст] / В. М. Алпатов. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 208 с.

10. Аникин, Е. Е. Дискуссия о русской языковой картине мира : абсолютный универсализм и крайний релятивизм (неогумбольдтианство) [Текст] / Е. Е. Аникин, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2011. – Вып. 1 (35). – С. 11–14.
11. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995а. – 767 с.
12. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка : попытка системного описания [Текст] / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995б. – № 1. – С. 37–67.
13. Аристотель. Категории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/aristotle/-kat/kategorii.html>.
14. Аристотель. Метафизика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/metaphiz.txt>.
15. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–33.
16. Арутюнова, Н. Д. От образа к знаку [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект. – М. : Наука, 1988. – С. 147–162.
17. Арутюнова, Н. Д. Истина: фон и коннотации [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Культурные концепты. М. : Наука, 1991. – С. 21–30.
18. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988.
19. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
20. Арутюнова, Н. Д. Введение [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М. : Наука, 1993. – С. 3–6.
21. Аскольдов, С. А. Концепт и слово [Текст] / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : Антология / под ред. В. П. Нерознака. – М., 1997.
22. Асмус, В. Ф. Иммануил Кант [Текст] : учебник / В. Ф. Асмус. – М. : Наука, 1973. – 536 с.
23. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа [Текст] : учебник для вузов / Л. Г. Бабенко. – М. : Академический проект, Екатеринбург : Деловая книга, 2004. – 462 с.
24. Бабина, Л. В. Концептуальные основы словообразования [Текст] / Л. В. Бабина // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 128–149.
25. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1996.
26. Бабушкин, А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления [Текст] / А. П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 52–58.
27. Бавтуто, Г. А. Ботаника: Морфология и анатомия растений / Г. А. Бавтуто, В. М. Еремин. – Мн.: Выш. шк., 1997. – 375 с.
28. Бажанова, Ю. И. Когнитивные основания лингвистической категории количества [Текст] / Ю. И. Бажанова // Иностранные языки в высшей школе. – Рязань : Рязанский гос. ун-т. им. С. А. Есенина, 2010. – С. 5–14.
29. Балашова, Л. В. Концептуализация власти в социоморфной литературной и сленговой метафоре (сопоставительный аспект) [Текст] / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. – 2010. – Вып. 2 (32). – С. 9–14.

30. Баксаков, А. Я. Методология научного исследования [Текст] : учебное пособие / А. Я. Баксаков, Н. В. Туденков. – К. : МАУП, 2004. – 216 с.
31. Балли, Ш. Французская стилистика [Текст] / пер. с фр. К. А. Долининов ; под ред. Е. Г. Эткинда. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
32. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст] : учебное пособие / А. Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
33. Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной семантики [Текст] / А. Н. Баранов, О. Д. Добровольский // ИРАН СЛЯ. – 1997. – Т. 56. – № 1. – С. 11–21.
34. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) [Текст] / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Ин-т русского языка РАН, 1991.
35. Барина, И. А. «Языковое сознание» : к вопросу об определении и интерпретации термина [Текст] / И. А. Барина, Н. М. Нестерова, И. Г. Овчинникова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Серия «Проблемы языкознания и педагогики». – 2010. – № 4. – С. 10–21.
36. Башарина, А. К. Понятие «семантическое поле» [Текст] / А. К. Башарина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова. – 2007. – Т. 4. – № 1. – С. 93–96.
37. Безукладова, И. Ю. Категоризация индивидуального пространства как способ структурирования окружающего мира [Текст] / И. Ю. Безукладова // Вестник Тамбовского гос. ун-та им. Г. Р. Державина. – 2011. – Вып. № 7 (99). – С. 153–159.
38. Беляевская, Е. Г. Когнитивные основания изучения семантики слова [Текст] / Е. Г. Беляевская // Структуры представления знаний в языке : сб. науч.-аналит. обзоров. – М. : РАН ИНИОН, 1994. – С. 87–110.
39. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
40. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 448 с.
41. Беседина, Н. А. Методологические аспекты современных когнитивных исследований в лингвистике [Текст] / Н. А. Беседина // Научные ведомости. Серия «Философия. Социология. Право». – 2010. – № 20 (91). – Вып. 14. – С. 31–37.
42. Беседина, Н. А. Уровни концептуализации в морфологии [Текст] / Н. А. Беседина // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 182–231.
43. Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура : Этнолингвистические исследования [Текст] / Е. Л. Березович. – М. : «Индрик», 2007. – 600 с.
44. Бикертон, Д. Введение в лингвистическую теорию метафоры [Текст] / Д. Бикертон // Теория метафоры : сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 284–307.
45. Бирдсли, М. Метафорическое сплетение [Текст] / М. Бирдсли // Теория метафоры : сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 201–219.
46. Блэк, М. Лингвистическая относительность (теоретические воззрения Б.Л. Уорфа) [Текст] / М. Блэк // Новое в лингвистике. – М. : Изд-во иностр. литературы, 1960. – Вып. 1. – С. 199–212.
47. Блэк, М. Метафора [Текст] / М. Блэк // Теория метафоры : сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 153–172.
48. Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики : Из университетских чтений [Текст] / В. А. Богородицкий. – М. – Л. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1935. – 356 с.

49. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] : в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во АН СССР, 1963.
50. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–12.
51. Болдырев, Н. Н. Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола [Текст] / Н. Н. Болдырев // Проблемы функциональной грамматики. Семантика инвариативности / вариативность. – СПб. : Наука, 2003. – С. 54–74.
52. Болдырев, Н. Н. Интерпретирующая функция языка [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 22 (248). – Вып. 60. – С. 11–16.
53. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику [Текст] : курс лекций / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Издательский дом Тамбовского гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2014а. – 236 с.
54. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика [Текст] : курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2001а. – 123 с.
55. Болдырев, Н. Н. Концепт и значение слова [Текст] / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001б. – С. 25–36.
56. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–37.
57. Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа языка [Текст] / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова ; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 25–78.
58. Болдырев, Н. Н. Модусные категории в языке [Текст] / Н. Н. Болдырев // Когнитивная лингвистика : Ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения : сб. статей к юбилею Н. А. Кобиной. – СПб. : Тригон, 2005. – С. 31–46.
59. Болдырев, Н. Н. Принципы и методы когнитивных исследований [Текст] / Н. Н. Болдырев // Принципы и методы когнитивных исследований : сб. науч. тр. – Тамбов : Тамбовский гос. ун-т, 2008. – С. 5–21.
60. Болдырев, Н. Н. Проблемы исследования языкового сознания [Текст] / Н. Н. Болдырев // Концептуальный анализ языка : Современные направления исследования : сб. науч. тр. – М. – Калуга : Эйдос, 2007а. С. 95–108.
61. Болдырев, Н. Н. Прототипы в языковой репрезентации знаний [Текст] / Н. Н. Болдырев // Проблемы представления (репрезентации) в языке : Типы и форматы знаний : сб. науч. тр. – М. – Калуга : Изд-во «Эйдос» ИЯ РАН; Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2007б. С. 29–37.
62. Болдырев, Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007в. – № 4. – С. 17–27.
63. Болдырев, Н. Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2014б. – № 6 (335). – Вып. 88. – С. 118–122.
64. Болдырев, Н. Н. Современные направления лингвистических исследований [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вестник Тамбовского университета. Серия. Гуманитарные науки. – Тамбов : Тамбовский гос. ун-т, 1996. – Вып. 1. – С. 75–83.
65. Болдырев, Н. Н. Теоретические и методологические проблемы когнитивной лингвистики и терминоведения [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 24 (315). – Вып. 82. – С. 7–13.

66. Болдырев, Н. Н. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц [Текст] / Н. Н. Болдырев // Проблемы современной филологии : межвуз. сб. науч. тр. – Мичуринск : МГПИ, 2000а. – Вып 1. – С. 36–45.
67. Болдырев, Н. Н. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов [Текст] / Н. Н. Болдырев, В. В. Алпатов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 5–14.
68. Болдырев, Н. Н. Когнитивный аспект лексической категоризации английских глаголов звучания [Текст] / Н. Н. Болдырев, Н. В. Гунина // Моделирование процессов функциональной категоризации глагола : коллективная монография. – Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2000б. – С. 162–171.
69. Болдырев, Н. Н. Диалектные концепты и категории [Текст] / Н. Н. Болдырев, В. Г. Куликов // Филологические науки. – 2006. – № 3. – С. 41–50.
70. Болдырев, Н. Н. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал [Текст] / Н. Н. Болдырев, Л. А. Панасенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 5–12.
71. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5–12.
72. Болотнова, Н. С. Ассоциативное поле текста и слова [Текст] / Н. С. Болотнова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте. – Томск : Изд-во Томского гос. пед. ин-та, 2000а. – С. 9–22.
73. Болотнова, Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте [Текст] / Н. С. Болотнова. – Томск : Изд-во Томского гос. пед. ин-та, 1994. – 219 с.
74. Болотнова, Н. С. О трех направлениях коммуникативной стилистики художественного текста и изучение текстового слова [Текст] / Н. С. Болотнова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте. – Томск : Изд-во ЦНТИ, 2000б. – С. 4–8.
75. Бондарко, А. В. Грамматические категории и функционально-семантические поля [Текст] / А. В. Бондарко // Македонска академија на науките и уметностите. Прилози : Одделение за лингвистика и литературна наука. – Скопје, 1987. – Т. 12. – № 2. – С. 11–20.
76. Бондарко, А. В. Функционально-семантическое поле и категориальная ситуация в системе грамматического описания [Текст] / А. В. Бондарко // *Explorare necesse est. Hylningsskrift till Barbro Nilsson (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies 28)*. – Stockholm : Almqvist & Wiksell International, 2002. – P. 67–71.
77. Бондарко, А. В. Полевые структуры в системе языковой категоризации [Текст] / А. В. Бондарко // Теория, история, типология языков. Материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. Вып. I. / отв. ред. Д. Б. Никуличева. – М. : Советский писатель, 2003. – С. 13–20.
78. Бондарко, А. В. Центр – периферия, полевые структуры [Текст] / А. В. Бондарко // Теоретические проблемы языкознания. – СПб. : СПбГУ, 2004. – С. 181–196.
79. Бондарко, А. В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики [Электронный ресурс] / А. В. Бондарко // Текст. Структура и семантика : в 2 т. Т. 1. – М. : СпортАкадемПресс, 2001. – С. 4–13. Режим доступа: <http://www.durov.com/linguistics1/bondarko-01.htm>.
80. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка) [Текст] / А. В. Бондарко. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
81. Борискина, О. О. Криптоклассы английского языка [Текст] : монография / О. О. Борискина. – Воронеж : «Истоки», 2011а. – 333 с.
82. Борискина, О. О. Теория, методология и опыт познания скрытой категориальности языка [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.04 / Борискина Ольга Олеговна. – Воронеж, 2011б. – 41 с.

83. Борискина, О. О. Теория языковой категоризации: Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса [Текст] / О. О. Борискина, А. А. Кретов. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2003. – 211 с.
84. Боярская, Е. Л. Категоризация как базовая когнитивная процедура [Текст] / Е. Л. Боярская // Вестник Балтийского государственного университета им. И. Канта. – 2011. – Вып. 2. – С. 18–28.
85. Бредихин, С. Н. Нозматическая структура смыслопорождения в философском дискурсе [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Бредихин Сергей Николаевич. – Нальчик, 2014а. – 448 с.
86. Бредихин, С. Н. Элементы смысла и когниция на пути к значению [Текст] / С. Н. Бредихин // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2014б. – № 1 (40). – С. 182–186.
87. Бронник, Л. В. Природа концепта: «ментализм – дуализм – физикализм» или новый взгляд на проблему? [Текст] / Л. В. Бронник // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 13–20.
88. Брутян, Г. А. Язык и картина мира [Текст] / Г. А. Брутян // Научные доклады высшей школы. Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108–111.
89. Будаев, Э. В. Когнитивная метафора в ракурсе теории концептуальной интеграции [Текст] / Э. В. Будаев // Культура и текст. – 2016. – № 4 (27). – С. 6–13.
90. Будаев, Э. В. Когнитивная метафора в рекламе: сопоставление, замещение, блендинг [Текст] / Э. В. Будаев // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – 2015. – № 13. – С. 172–180.
91. Будаев, Э. В. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации [Текст] / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2008. – № 26. – С. 37–48.
92. Будаев, Э. В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Эдуард Владимирович Будаев. – Екатеринбург, 2006а. – 232 с.
93. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации [Текст] / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 248 с.
94. Будаев, Э. В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы [Текст] / Э. В. Будаев. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2007а. – 149 с.
95. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе [Текст] : монография / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006б. – 215 с.
96. Будаев, Э. В. Становление когнитивной теории метафоры [Текст] / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. – Екатеринбург, 2007б. – Вып. 1. – С. 16–32.
97. Бузинова, Л. М. Категория роста в картине мира (на примере глаголов немецкого языка) [Текст] / Л. М. Бузинова // Иностранные языки в высшей школе. – Рязань : Рязанский гос. ун-т. им. С. А. Есенина, 2010. – С. 14–21.
98. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
99. Бурнос, И. В. Некоторые вопросы лингвокультурологического анализа фразеологизмов, выражающих признаки интеллекта [Текст] / И. В. Бурнос // Язык. Человек. Картина мира : материалы Всероссийской научной конференции / под ред. М. П. Одиновой. – Омск : Омский гос. ун-т, 2000. – Ч. 1. – С. 101–104.
100. Бурцева, О. И. Фреймовый анализ сказочного повествования (на материале сказки В. А. Жуковского «Сказка о Иване-Царевиче и Сером волке») [Текст] / О. И. Бурцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 7. – Ч. 2. – С. 52–54.
101. Бутакова, Л. О. Авторское сознание как базовая категория текста [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Лариса Олеговна Бутакова. – Омск, 2001. – 459 с.

102. Бутакова, Л. О. Концептуально-смысловой анализ русских пословиц и поговорок о чести / бесчестии [Текст] / Л. О. Бутакова // *Welt im der Sprache* / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Landau : Verlag Empirische Padagogik, 2005. – С. 82–88.
103. Бутакова, Л. О. Ассоциативно-семантический словарь как основа для моделирования ценностных фрагментов языкового сознания носителей языка [Текст] / Л. О. Бутакова, Е. Н. Гуц // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2013. – № 18. – С. 158–173.
104. Буторин, С. В. Фреймовый подход к анализу языкового пространства немецкого романа воспитания [Текст] / С. В. Буторин // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. – 2010. – Т. 12. – № 3 (3). – С. 761–765.
105. Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа [Текст] / Л. Вайсгербер. – М. : УРСС Эдиториал, 2004. – 232 с.
106. Васильев, Л. М. Общие проблемы лингвистики. Внешние связи языка [Текст] : учебное пособие. – Уфа : Башкирский гос. ун-т, 1998. – 206 с.
107. Вежбицка, А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке [Текст] / А. Вежбицка // *Русский язык в научном освещении*. – 2002. – №2 (4). – С. 6–34.
108. Вежбицка, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицка ; пер. с англ. А. Д. Шмелева ; под ред. Т. В. Бульгиной. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 283–305.
109. Вежбицка, А. Прототипы и инварианты [Текст] / А. Вежбицка // *Язык. Культура. Познание* : пер. с англ. – М. : Русские словари, 1996а. – С. 201–231.
110. Вежбицка, А. Язык. Культура. Познание [Электронный ресурс] / А. Вежбицка. – М. : Русские словари, 1996б. – 416 С. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics/wierzbiicka-96a.htm> (дата обращения: 29.04.2014).
111. Вежбицка, А. Метатекст в тексте [Текст] / А. Вежбицка // *Новое в зарубежной лингвистике*. – Вып.8. Лингвистика текста. – Москва, 1978. – С. 402–421.
112. Верхотурова, Т. Л. Статус наблюдаемого в когнитивной модели наблюдения [Текст] / Т. Л. Верхотурова // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. – 2009. – № 1 (5). – С. 167–174.
113. Виноградов, В. А. Категориальность в языке : когнитивно-грамматический аспект [Текст] / В. А. Виноградов // *Концептуальные и семантико-грамматические исследования : памяти профессора Е. А. Пименова* / отв. ред. М. В. Пименова. – М. : ИЯ РАН, 2011а. – С. 4–8.
114. Виноградов, В. А. Когнитивная категоризация мира и грамматика аспект [Текст] / В. А. Виноградов // *Когнитивные исследования языка*. – 2010. – № 7. – С. 19–25.
115. Виноградов, В. А. Когнитивные основания классификативного аспекта грамматики аспект [Текст] / В. А. Виноградов // *Когнитивные исследования языка*. – 2011б. – № 9. – С. 15–22.
116. Виноградов, В. А. Концепты и языковые заимствования аспект [Текст] / В. А. Виноградов // *Когнитивные исследования языка*. – 2010. – № 6. – С. 31–33.
117. Виноградов, В. А. Культурный концепт и его лингвистические составляющие : близнецы аспект [Текст] / В. А. Виноградов // *Когнитивные исследования языка*. – 2009. – № 5. – С. 9–23.
118. Виноградов, В. А. Термин в научном дискурсе аспект [Текст] / В. А. Виноградов // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. – 2014. – № 2 (1). – С. 368–372.
119. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове аспект [Текст] : учебное пособие для вузов по специальности «Русский язык и литература» / В. А. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1986. – 639 с.
120. Виноградов, В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии аспект [Текст] / В. А. Виноградов // *Избранные труды : Исследования по русской грамматике*. – М. : Наука, 1975. – С. 106–220.

121. Винокур, Г. О. Заметки по русскому словообразованию [Текст] / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 419–442.
122. Витгенштейн, Л. Философские исследования [Электронный ресурс] / Л. Витгенштейн. – Режим доступа: http://krotov.info/-lib_sec/03_v/vit/genshtey2.htm.
123. Вершинина, Т. С. Метафорические модели с исходной биологической сферой в современном политическом дискурсе [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Вершинина Татьяна Станиславовна. – Екатеринбург, 2002. – 207 с.
124. Веснина, Л. Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Людмила Евгеньевна Веснина. – Екатеринбург, 2010. – 250 с.
125. Водк, Р. Язык. Дискурс. Политика [Текст] / Р. Водак / Пер. с англ. и нем. В. И. Карасика, Н. Н. Трошиной; Волгогр. гос. пед. ун-т, Науч.-исслед. лаб. "Яз. и личность". – Волгоград: Пермена, 1997. – 138 с.
126. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
127. Воркачев, С. Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии [Текст] / С. Г. Воркачев // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 115–124.
128. Воркачев, С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» [Текст] / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. – М. : МАКС Пресс, 2003. – Вып. 24. – С. 5–12.
129. Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русской и английской паремиологии [Текст] / С. Г. Воркачев // Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации. – СПб. : Астерион, 2002. – С. 145–148.
130. Воркачев, С. Г. Концепт счастья : понятийный и образный компоненты [Текст] / С. Г. Воркачев // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60. – № 6. – С. 47–58.
131. Воркачев, С. Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема [Текст] / С. Г. Воркачев // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3 (49). – С. 12–20.
132. Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования [Текст] / С. Г. Воркачев. – Волгоград, 2007.
133. Воркачев, С. Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии [Текст] / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 1995. – № 1. – С. 56–67.
134. Воркачев, С. Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре [Текст] / С. Г. Воркачев. – Волгоград: Парадигма, 2009. – 190 с.
135. Воркачев, С. Г. Речевые значения кванторных местоимений русского и испанского языков : контрастивный анализ [Текст] / С. Г. Воркачев // Филология-Philologica. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 1996. – № 10. – С. 37–40.
136. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт [Текст] / С. Г. Воркачев. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.
137. Воркачев, С. Г. Хотеть–желать vs querer–desear : сопоставительный анализ употребления русских и испанских глаголов [Текст] / С. Г. Воркачев // Русский язык за рубежом. – 1991. – № 3. – С. 75–82.
138. Воробьев, В. В. Лингвокультурология [Текст] : монография / В. В. Воробьев. – М. : РУДН, 2008. – 336 с.
139. Воробьев, В. В. Культурологическая парадигма русского языка : теория описания языка и культуры во взаимодействии. [Текст] / В. В. Воробьев. – М. : Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1994. – 75 с.
140. Ворожбитова, А. А. Теория текста : Антропоцентрическое направление [Текст] / А. А. Ворожбитова. – М. : Высш. шк., 2005. – 367 с.

141. Воронцова, Т. А. Наименование субъекта профессиональной деятельности как средство оценочной категоризации [Текст] / Т. А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 6 (261). – С. 47–51.
142. Востоков, А. Х. Русская грамматика [Текст] / А. Х. Востоков. – СПб. : Тип. И. Глазунова, 1831. – 135 с.
143. Выготский, Л. С. Мысль и слово [Текст] / Л. С. Выготский // Мышление и речь. – М. : Лабиринт, 1999. – С. 275–337.
144. Выготский, Л. С. Мышление и речь [Текст] / Л. С. Выготский // Психология мышления. – М. : Аст, Астрель, 2008. – С. 506–508.
145. Габбасова, А. Р. Языковая картина мира: основные признаки, типология и функции [Электронный ресурс] / А. Р. Габбасова, Ф. Г. Фаткулин // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 4. – Режим доступа: www.science-education.ru/110-9954 (дата обращения: 16.02.2015).
146. Гаврилова, Н. В. Лингвокультурный концепт «критика» и его функционирование в педагогическом дискурсе [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Гаврилова Наталья Викторовна. – Волгоград, 2007. – 263 с.
147. Гвоздева, А. А. Языковая картина мира: лингвокультурологические и гендерные особенности (на материале художественных произведений русскоязычных и англоязычных авторов) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Гвоздева Анна Анатольевна. – Краснодар, 2004. – 23 с.
148. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики [Электронный ресурс] / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1997. – 800 с. – Режим доступа: <http://phy.narod.ru/Georg.htm> (дата обращения: 27.04.2015).
149. Гишев, Н. Т. О соотношении языка и мышления [Электронный ресурс] / Н. Т. Гишев // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2013. – № 1. – Режим доступа: http://vestnik.adygnet.ru/files/2013.1/2374/gishev2013_1.pdf.
150. Глебкин, В. В. Теория концептуальной интеграции Ж.Фоконье и М.Тернера: опыт системного анализа [Текст] / В. В. Глебкин // Вопросы философии. – 2013. – № 9. – С. 161–174.
151. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля. Формирование. Развитие. Статус в языке [Текст] / Е. И. Голованова. – М. : Эллис, 2008. – 304 с.
152. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение [Текст] : учеб. пособие / Е. И. Голованова. – М. : Флинта : Наука, 2014. – 224 с.
153. Головановская, М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских [Текст] / М. К. Головановская. – М. : Языки славянской культуры, 2009. – 376 с.
154. Голубкова, Е. Е. Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем [Текст] / Е. Е. Голубкова // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной – М. : Языки славянской культуры, 2015. – С. 39–80. – (Studia philologica).
155. Гольдберг, В. Б. Ментальные пространства, отражающие биологическое существование человека [Текст] / В. Б. Гольдберг // Концепт. Образ. Понятие. Символ : коллективная монография / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2004а. – С. 6–21.
156. Гольдберг, В. Б. Сквозь призму криптокласса (Борискина О.О., Кретов А.А. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание через призму криптокласса. – Воронеж : ВГУ, 2003. – 211 с.) [Текст] / В. Б. Гольдберг // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004б. – № 2. – С. 115–117.
157. Гольдберг, В. Б. Способы концептуализации в лексике [Текст] / В. Б. Гольдберг // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М. :

Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 97–127.

158. Гончарова, Н. Ю. Формирование фактообразующего значения английского глагольного предиката в системе языка и в речи [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. / Гончарова Наталия Юрьевна. – Тамбов, 2000. – 171 с.

159. Горелов, И. Н., Седов, К. Ф. Основы психолингвистики [Текст] : учебное пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М. : Издательство «Лабиринт», 2001. – 304 с.

160. Горошко, Е. И. Языковое сознание : гендерная парадигма [Текст] / Е. И. Горошко // Методология современной психолингвистики : сб. науч. тр. М. – Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 2003. – С. 99–102.

161. Горошко, Е. И. Языковое сознание (ассоциативная парадигма) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Горошко Елена Игоревна. – М., 2001. – 553 с.

162. Горский, Д. П. Роль языка в познании [Текст] / Д. П. Горский // Мышление и язык. – М. : Политиздат, 1957. – С. 73–116.

163. Григорик, И. А. Категоризация ментального образа «Собирательность» (на материале русского и английского языков) [Электронный ресурс] / И. А. Григорик // Мир лингвистики и коммуникации. – 2012. – № 1 (26). – Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/026/content_26.htm.

164. Гудмен, Н. Метафора – работа по совместительству [Текст] / Н. Гудмен // Теория метафоры : сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / общ. ред. Н. Д. Артугоновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 194–201.

165. Гухман, М. М. Лингвистическая теория Л. Вайсгербера [Текст] / М. М. Гухман // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М. : АН СССР, 1961, – С. 123–162.

166. Даниленко, В. П. Языковая картина мира в гипотезе Сепира-Уорфа [Электронный ресурс] / В. П. Даниленко. – Режим доступа: <http://old.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm>.

167. Даниленко, В. П. Языковая картина мира в концепции Л. Вайсгербера [Электронный ресурс] / В. П. Даниленко. – Режим доступа: <http://old.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm>.

168. Дейк Ван, Т. А. Стратегии понимания связного текста [Текст] / Т. А. Дейк Ван, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Вып XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – С. 166–167.

169. Декарт, Р. Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках [Электронный ресурс] / Р. Декарт. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/dekart/rass_met.php.

170. Дементьев, В. В. Об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях : к дискуссии А. Д. Шмелева с А. В. Павловой и М. В. Безродным о «лингво-нарциссизме» [Текст] / В. В. Дементьев // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1 (039). – С. 11–16.

171. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Текст] / В. З. Демьянков // Язык и наука конца XX в. – М. : ИЯ РАН, 1995. – С. 239–320.

172. Демьянков, В. З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория [Текст] / В. З. Демьянков // Язык и структуры представления знаний : сб. аналит. обзоров. – М. : РАН, 1992. – С. 39–77.

173. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994а. – № 4. – С. 17–32.

174. Демьянков, В. З. О языковых техниках «трансфера знаний» в гуманитарных науках [Текст] / В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 4. – С. 5–15.

175. Демьянков, В. З. Парадигма в лингвистике и теории языка [Текст] / В. З. Демьянков // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство : сборник в честь Е. С. Кубряковой. – 2009. – С. 27–37.
176. Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47.
177. Демьянков, В. З. Прототипический подход [Текст] / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 140–145.
178. Демьянков, В. З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка [Электронный ресурс] / В. З. Демьянков // Структуры представления знаний в языке / отв. ред. Е. С. Кубрякова. – М. : ИНИОН РАН, 1994б. – С. 32–86. – Режим доступа: http://www.infolex.ru/Prot.html#_Тoc32159095.
179. Демьянков, В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры [Текст] / В. З. Демьянков // Язык как материя смысла / отв. ред. М. В. Ляпон. – М., 2007.
180. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Текст] / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 32–43.
181. Дехнич, О. В. Концептуальная метафора *people are trees* в современном английском языке [Текст] : дис.... канд. филол. наук : 10.02.04 / Дехнич Ольга Витальевна. – Белгород, 2004. – 160 с.
182. Джонсон-Лэрд, Ф. Процедурная семантика и психология значения [Текст] / Ф. Джонсон-Лэрд // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М. : Прогресс, 1988. – С. 234–257.
183. Дзюба, Е. В. Категоризация фруктов в научной, торговой, кулинарной и бытовой картинах мира [Текст] / Е. В. Дзюба // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2014а. – № 2. – С. 41–48.
184. Дзюба, Е. В. Категоризация ягод в научной, лексикографической, торговой, кулинарной и бытовой картинах мира [Текст] / Е. В. Дзюба // Вестник Брянского государственного университета. – 2015а. – № 2. – С. 45–49.
185. Дзюба, Е. В. Категория *фрукты* в научной, торговой, кулинарной и бытовой картинах мира [Текст] / Е. В. Дзюба // Лингвокультурология. – 2014б. – № 8. – С. 62–68.
186. Дзюба, Е. В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре [Текст] / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург : УрГПУ, 2011. – 224 с.
187. Дзюба, Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русской языковой картине мира [Текст] / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2015б. – 286 с.
188. Дзюба, Е. В. Лингвокогнитивная категоризация действительности в русской языковой картине мира [Текст] ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 100219 / Дзюба Елена Вячеславовна. – Екатеринбург, 2016а. – 629 с.
189. Дзюба, Е. В. Особенности лингвокогнитивной категоризации артефактов в русском языковом сознании [Текст] / Е. В. Дзюба // Филология и человек. – 2016б. – № 1. – С. 119–125.
190. Дзюба, Е. В. Политический конфликт: стихия или игры разума? (когнитивно-пропозициональный анализ концепта) [Текст] / Е. В. Дзюба // Лингвокультура и концептуальное пространство языка. Сер. «Концептуальный и лингвальный мир». – Санкт-Петербург, 2016в. – С. 137–144.
191. Дзюба, Е. В. Почему груша – это ягода в виде яблока, или о специфике научной и наивной категоризации в русской языковой картине мира [Текст] / Е. В. Дзюба // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. – 2015в. – № 4. – С. 76–89.

192. Дзюба, Е. В. Типы лингвокогнитивной категоризации в русской языковой картине мира [Текст] / Е. В. Дзюба, А. П. Чудинов // Когнитивные исследования языка. – 2016в. – № 24. – С. 238–247.
193. Дзюба, К. А. Когнитивные механизмы формирования наименований торговых марок [Текст] / К. А. Дзюба // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1. – С. 38–44.
194. Дмитриева, О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века [Текст] / О. А. Дмитриева. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. – 307 с.
195. Дмитриева, В. Ф. Основа физики : учеб. пособие для студентов вузов [Текст] / В. Ф. Дмитриева, В. Л. Прокофьев. – М.: Высш. шк., 2001. – 527 с.
196. Долинский, В. А. Лакунарный концепт в языковой картине мира [Текст] / В. А. Долинский // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 592. – С. 32–45.
197. Донских, О. А. Методологический анализ понятия языковой картины мира [Текст] / О. А. Донских // Методологические проблемы научных исследований. – Новосибирск, 1984. – С. 84–88.
198. Досанова, А. Ж. Оценочная категоризация нравственных понятий на основе оценочных предикатов «ХОРОШО – ПЛОХО» [Текст] / А. Ж. Досанова, Ж. Б. Нурмаханова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 50–54.
199. Дридзе, Т. М. Семиотический уровень как характеристика реципиента [Текст] / Т. М. Дридзе // Смысловое восприятие речевого сообщения: (в условиях массовой коммуникации). – М.: Наука, 1976. – С. 200–203.
200. Дроздова, Т. В. Терминообразование с позиций когнитивной лингвистики [Текст] / Т. В. Дроздова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 31 (322). – Вып. 84. – С. 32–34.
201. Дубровина, С. Ю. Этнокультурные представления славян о птицах в свете народной ботаники [Текст] / С. Ю. Дубровина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 2 (039). – С. 110–116.
202. Дубровская, О. Г. Русские и английские пословицы как лингвокультурологические единицы (фреймовая классификация пословиц об уме, глупости, любви, труде и лени) [Текст] : учеб. пособие для студентов / О. Г. Дубровская. – Тюмень : Тюменский гос. ун-т, 2002. – 164 с.
203. Дубровская, О. Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ольга Георгиевна Дубровская. – Тамбов, 2015. – 43 с.
204. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры [Текст] / Д. Дэвидсон // Теория метафоры : сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 173–194.
205. Евсеева, И. В. Когнитивное моделирование словообразовательной системы русского языка (на материале комплексных единиц) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Ирина Владимировна Евсеева. – Кемерово, 2011. – 430 с.
206. Эйгер, Г. В. Языковые способности [Текст] : учебное пособие. – Харьков : Харьковский гос. ун-т, 1992. – 131 с.
207. Эйгер, Г. В. Язык и личность [Текст] / Г. В. Эйгер, И. А. Рапопорт. – Харьков : Харьковский гос. ун-т, 1991. – 79 с.
208. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации [Текст] : монография / Н. И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 159 с.
209. Заботкина, В. И. От интеграционного вызова в когнитивной науке к интегрированной методологии [Текст] / В. И. Заботкина // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 15–38. – (Studia philologica).
210. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику [Текст] : учебник для студ. высш. учеб. заведений / А. А. Залевская. – М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 382 с.

211. Залевская, А. А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности [Текст] / А. А. Залевская // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М. : Наука, 1985. – С. 150–171.
212. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст [Текст] / А. А. Залевская. – М., 2005.
213. Зализняк, А. А. Метафора движения в концептуализации интеллектуальной деятельности [Текст] / А. А. Зализняк // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна, 1999. – С. 312–320.
214. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сборник статей [Текст] / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 554 с.
215. Заречнева, Е. Н. Социокультурный концепт *учитель* : когнитивно-дискурсивное исследование [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Заречнева Елена Николаевна. – Барнаул, 2009. – 214 с.
216. Зацепина, М. В. Концептуализация феномена *отчуждение* в русской и немецкой этноконцептосферах [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.20 / Зацепина Марина Владимировна. – Екатеринбург, 2006. – 238 с.
217. Заячковская, О. О. Концептуальный анализ семантики эмоционального лексикона с опорой на корпусные данные [Текст] / О. О. Заячковская // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – С. 243–268. – (Studia philologica).
218. Земская, Е. А. Современный русский язык : Словообразование [Текст] / Е. А. Земская. – М. : Просвещение, 1973. – 304 с.
219. Зимняя, И. А. Лингвопсихология речевой деятельности [Текст] / И. А. Зимняя. – М. : Моск. психол. соц. ин-т ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.
220. Зиновьева, Е. И. Лингвокультурология [Текст] : учебник / Е. И. Зиновьева, Е. Е. Юрков. – СПб. : Изд-во «Осипов», 2006. – 260 с.
221. Зубкова, Л. Г. Общая теория языка в развитии [Текст] : учеб. пособие. – М. : Изд-во РУДН, 2002. – 472 с.
222. Зубова, Н. Ю. Пространство как концепт и как категория [Текст] / Н. Ю. Зубова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 3. – С. 51–57.
223. Зырянова, М. Н. Когнитивное описание фреймовой структуры концепта «ПРОЦЕСС ТВОРЧЕСТВА» (на материале произведений Д. А. Пирогова) [Текст] / М. Н. Зырянова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 10 (225). – Вып. 52. – С. 57–59.
224. Кабаченко, Е. Г. Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Кабаченко Екатерина Геннадьевна. – Екатеринбург, 2007. – 240 с.
225. Кадачиева, Х. М. Ценностная картина мира и ее отражение в английском языке (на материале современных британских рассказов) [Текст] / Х. М. Кадачиева, Н. З. Магомедова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2010. – № 34 (215). – Вып. 49. – С. 48–50.
226. Калашникова, Л. В. Метафора как механизм когнитивно-дискурсивного моделирования действительности : на материале художественных текстов [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Калашникова Лариса Валентиновна. – Орел, 2006. – 409 с.
227. Кант, И. Критика чистого разума [Текст] : соч. в 6 т. Т. 3 / И. Кант. – М. : Мысль, 1964. – 780 с.
228. Кант, И. Сочинения [Текст] : в 6 т. Т. 5 / И. Кант. – М. : Мысль, 1966. – 428 с.
229. Караваева, И. А. Концепт «ОБРАЗОВАНИЕ» в структурах педагогического дискурса деятельностного подхода [Текст] / И. А. Караваева // Вестник Ижевского государственного технического университета. – 2007. – № 2. – С. 75–77.

230. Карасик, В. И. Зеркальный концепт «простота» [Текст] / В. И. Карасик // Новое в когнитивной лингвистике. – Кемерово, 2006. – Вып. 8. – С. 26–41.
231. Карасик, В. И. Иная ментальность [Текст] / В. И. Карасик и др. – М., 2005а. – 352 с.
232. Карасик, В. И. Концепты-регулятивы [Текст] / В. И. Карасик // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2005б. – Вып. 30. – С. 95–108.
233. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. / Воронежский гос. пед. ун-т, Поморский междунар. пед. ун-т. – Волгоград – Архангельск, 1996. – С. 3–16.
234. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке [Текст] / В. И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – С. 166–205.
235. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования [Текст] / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 75–81.
236. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж [Текст] / В. И. Карасик // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. – Ставрополь – Пятигорск, 2007. – Вып. 5. – С. 86–89.
237. Карасик, В. И. О типах дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.
238. Карасик, В. И. Эмблематический концепт «благополучие» [Текст] / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2010. – Вып. 3 (33). – С. 34–40.
239. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс [Текст] : монография / В. И. Карасик. – Волгоград : Волгоградский гос. пед. ун-т, 2004. – 477 с.
240. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 355 с.
241. Караулов, А. В. Русский ассоциативный словарь [Текст] / А. В. Караулов. – М., 1996.
242. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
243. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
244. Карелина, А. А. Когнитивные механизмы взаимодействия многозначных существительных и отсубстантивных прилагательных в современном английском языке : на материале словообразовательных моделей *n + -ish*, *+ -y* [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Карелина. – Владивосток, 2003. – 144 с.
245. Касевич, В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык [Текст] / В. Б. Касевич. – СПб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 288 с.
246. Касевич, В. Б. О когнитивной лингвистике [Текст] / В. Б. Касевич // Общее языкознание и теория грамматики. Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб. : Наука, 1998. – С. 14–21.
247. Касевич, В. Б. Язык и знание [Текст] / В. Б. Касевич // Язык и структура знания. – М. : Наука, 1990. С. 8–25.
248. Касевич, В. Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность [Текст] / В. Б. Касевич // Язык и когнитивная деятельность. – М. : ИЯ РАН СССР, 1989. – С. 8–18.
249. Каслова, А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Каслова Анастасия Александровна. – Екатеринбург, 2003. – 208 с.
250. Кассирер, Э. Сила метафоры [Текст] / Э. Кассирер // Теория метафоры : сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. – М. : Прогресс, 1990. – С. 33–44.

251. Кацнельсон, С. Д. Категории языка и мышления : Из научного наследия [Текст] / С. Д. Кацнельсон ; отв. ред. Л. Ю. Брауде. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.
252. Кацнельсон, С. Д. Общее и типологическое языкознание [Текст] / С. Д. Кацнельсон. – М. : Либроком, 2010. – 344 с.
253. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление [Текст] / С. Д. Кацнельсон. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 220 с.
254. Кибрик, А. Е. Лингвистические постулаты [Текст] / А. Е. Кибрик // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. вып. 621. Механизмы вывода и обработки знаний в системах понимания текста. Труды по искусственному интеллекту. – Тарту, 1983. – С. 24–39.
255. Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания [Текст] : монография / А. Е. Кибрик. – М : Московский гос. ун-т, 1992. – 336 с.
256. Киселева, М. П. Языковое сознание как проблема отечественной когнитивистики [Текст] : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 09.00.13 / Киселева Маргарита Петровна. – Ростов-на-Дону, 2009. – 28 с.
257. Кислякова, Е. Ю. Коммуникативная категория инакости в религиозном дискурсе [Текст] / Е. Ю. Кислякова // Известия Пензенского государственного педагогического университета. – 2012. – № 27. – С. 37–40.
258. Кобозева, И. М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл [Текст] / И. М. Кобозева // Язык о языке: Сб. статей. М., 2000. С. 303–359.
259. Кобозева, И. М. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен [Текст] / И. М. Кобозева // Логический анализ языка. Ментальные действия / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Наука, 1993. – С. 95–105.
260. Кобрин, Н. А. Исторические предпосылки и закономерность становления когнитивного направления в лингвистике [Текст] / Н. А. Кобрин // STUDIA LINGUISTICA. – 2009. – № XVIII. – С. 59–68.
261. Кобрин, Н. А. Когнитивная лингвистика : Истоки становления и перспективы развития [Текст] / Н. А. Кобрин // Когнитивная семантика : Материалы Второй Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сентября 2000 г. / отв. ред. Н. Н. Болдырев : в 2 ч. Ч. 2. – Тамбов : Тамбовский гос. ун-т, 2000. – С. 170–175.
262. Колесов, В. В. Концепт “культуры”: образ, понятие, символ [Текст] / В. В. Колесов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2. – 1992. – Вып. 3. – № 16. – С. 30–40.
263. Колесов, В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции [Текст] / В. В. Колесов // Язык и этнический менталитет : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Колесова. – Петрозаводск : Петрозаводский гос. ун-т, 1995. – С. 13–24.
264. Колесов, В. В. Отражение русского менталитета в слове [Текст] / В. В. Колесов // Человек в зеркале наук : труды методологического семинара «Человек» : межвузовский сборник / под ред. О. А. Боронова. – Л. : Ленинградский гос. ун-т, 1991. – С. 106–125.
265. Колесов, В. В. Философия русского слова [Текст] / В. В. Колесов. – СПб., 2002.
266. Колотнина, Е. В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе [Текст] : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.20 / Колотнина Елена Владимировна. – Екатеринбург, 2001. – 261 с.
267. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 124 с.
268. Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке [Текст] / Г. В. Колшанский. – М. : КомКнига, 2005. – 232 с.
269. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике [Текст] / З. И. Комарова. – Екатеринбург : Издательство УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2012. – 818 с.
270. Комарова, З. И. Основы системной методологии современной полипарадигмальной лингвистики [Текст] / З. И. Комарова // Вестник Челябинского государственного

университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 24 (315). – Вып. 82. – С. 23–30.

271. Комарова, З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание [Текст] / З. И. Комарова. – Свердловск : Издательство Уральского гос. ун-та, 1991. – 156 с.

272. Комлев, Н. Г. Слово в речи. Денотативные аспекты [Текст] / Н. Г. Комлев. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 216 с.

273. Кондратьева, О. Н. Гендерная характеристика концептов душа, сердце и ум в древнерусских текстах [Электронный ресурс] / О. Н. Кондратьева. – Режим доступа: <http://sofik-rgi.narod.ru/avtori/konferencia/kondratieva.htm>.

274. Кондратьева, О. Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре (IX – XX вв.) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Кондратьева Ольга Николаевна. – Кемерово, 2014. – 404 с.

275. Кондратьева, О. Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов душа, сердце, ум) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Кондратьева Ольга Николаевна. – Кемерово, 2004а. – 205 с.

276. Кондратьева, О. Н. Особенности языкового воплощения концепта «внутренний человек» в русских летописях [Текст] / О. Н. Кондратьева // Концепт. Образ. Понятие. Символ : коллективная монография / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2004б. – С. 157–174.

277. Кондратьева, О. Н. Структура концепта ум в памятниках литературы Древней Руси [Текст] / О. Н. Кондратьева // Концептуальные сферы «мир» и «человек» : коллективная монография / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2005. – С. 177–203. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 6).

278. Коннова, М. Н. Когнитивные сдвиги в семантике темпоральных лексем: корпусный аспект [Текст] / М. Н. Коннова // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной – М. : Языки славянской культуры, 2015. – С. 269–310. – (Studia philologica).

279. Коннова, М. Н. Концептуальные метафоры времени в современном английском языке [Текст] : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.04 / Коннова Мария Николаевна. – М., 2007. – 23 с.

280. Корниенко, А. Ф. Соотношение понятий «язык», «мышление» и «сознание» в психологии и когнитивной лингвистике [Текст] / А. Ф. Корниенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 3 (036). – С. 5–15.

281. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст] / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.

282. Косырева, М. С. Деривационно-фреймовая парадигма как единица когнитивного описания системных отношений на уровне словообразования [Текст] / М. С. Косырева // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». – 2008. – № 30 (131). – Вып. 26. – С. 58–67.

283. Котов, А. А. Методология и методы разработки мультимодальных корпусов [Текст] / А. А. Котов // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной – М. : Языки славянской культуры, 2015. – С. 311–338. – (Studia philologica).

284. Котцова, Е. Е. Лексическая семантика в системно-тематическом аспекте [Текст] : учеб. пособие / Е. Е. Котцова. – Архангельск : Помор. гос. ун-т, 2002. – 203 с.

285. Кравец, А. С. Типологическая структура смысла [Текст] / А. С. Кравец // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : научное издание / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 17–25.

286. Кравченко, А. В. Гипотеза Сепира – Уорфа в контексте биологии познания [Текст] / А. В. Кравченко // Вопросы когнитивной лингвистики – 2007. – № 1 (010). – С. 5–13.

287. Кравченко, А. В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология [Текст] / А. В. Кравченко // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60. – № 5. – С. 3–13.
288. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах [Текст] : монография / Н. А. Красавский. – М. : Гнозис, 2008. – 374 с.
289. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) [Текст] / В. В. Красных. – М., 1998.
290. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология [Текст] : Курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
291. Кресин, И. А. Вычислительные методы в когнитивной лингвистике [Текст] / И. А. Кресин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3 (45). – Ч. 2. – С. 127–129.
292. Крушельницкая, К. Г. Проблемы взаимосвязи языка и мышления [Текст] / К. Г. Крушельницкая // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / под ред. Б. А. Серебrenникова. – М. : Наука, 1970. – С. 371–416.
293. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма : лингвистика – психология – когнитивная наука [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994а. – № 4. – С. 34–37.
294. Кубрякова, Е. С. Базисный уровень категоризации [Текст] / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. факт МГУ им. Ломоносова, 1996а. – 245 с.
295. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: вместо введения [Текст] / Е. С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова ; отв. ред. Н. Н. Болдырев. – М. : ИЯ РАН ; Тамбов : Тамбовский гос. ун-т, 2009. – С. 11–24.
296. Кубрякова, Е. С. Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова [Текст] / Е. С. Кубрякова // Семантика языковых единиц : доклады VI межд. конф. : в 2 т. Т. I / отв. ред. Е. И. Диброва. – М. : СпортАкадемПресс, 1998. – С. 47–51.
297. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова [и др.] ; под ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996б.
298. Кубрякова, Е. С. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике [Текст] / Е. С. Кубрякова // Структура и семантика художественного текста : докл. VII Междунар. конф. – М. : СпортАкадемПресс, 1999. – С. 186–197.
299. Кубрякова, Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус [Текст] / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1994б. – Т. 53. – № 2. – С. 3–16.
300. Кубрякова, Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем [Текст] / Е. С. Кубрякова // Язык и структуры представления знаний. – М., 1992. – С. 4–38.
301. Кубрякова, Е. С. Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова [Текст] / Е. С. Кубрякова // Семантика языковых единиц : доклады VI межд. конф. : в 2 т. Т. I / отв. ред. Е. И. Диброва. – М. : СпортАкадемПресс, 1998. – С. 47–51.
302. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М. : ИЯ РАН, 1997. – 245 с.
303. Кубрякова, Е. С. Язык и знание [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 556 с. – (Серия «Язык. Семиотика. Культура»).
304. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М. : Юрист, 2007. – 304 с.
305. Кумахова, Д. Б. Оценочная категоризация действительности в пословичной картине мира (на материале кабардино-черкесского и русского языков) [Текст] : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.19 / Кумахова Джульетта Борисовна. – Нальчик, 2011. – 23 с.

306. Кун, Т. Структура научных революций [Текст] / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1977. – 300 с.
307. Лазарев, В. В. Когнитивная парадигма: исторические предпо-сылки и современные реалии [Текст] / В. В. Лазарев // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2000. – Вып. 2. – С. 14–39.
308. Лакофф, Дж. Когнитивное моделирование [Электронный ресурс] / Дж. Лакофф. – Режим доступа: <http://www.metodolog.ru>.
309. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов [Текст] / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М. : Прогресс, 1988. – С. 12–51.
310. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
311. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.
312. Левенкова, Е. Р. Концептосфера политического дискурса Великобритании на рубеже XX-XXI веков [Текст] / Е. Р. Левенкова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 11. – № 4. – 2009.
313. Левицкий, А. Э. Прототипический подход к категоризации и номинации нечётких сущностей [Текст] / А. Э. Левицкий // Круглый стол «Методы когнитивного анализа семантики слова» 24 октября 2011 г. – М.: РГГУ, 2011 // URL : <http://pandia.ru/text/78/403/86015.php>.
314. Левонтина, И. Б. Родные просторы [Текст] / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 338–347.
315. Лейчик, В. М. Профессиональная и непрофессиональная лексика в профессиональных и непрофессиональных LSP [Текст] / В. М. Лейчик // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 24 (239). – Вып. 57. – С. 29–32.
316. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура [Текст] / В. М. Лейчик. – М. : Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
317. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики [Текст] : учебник / А. А. Леонтьев. – М. : Смысл; СПб. : Лань, 2003. – 288 с.
318. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения [Текст] : в 2 т. Т. 2 / А. Н. Леонтьев. – М. : Педагогика, 1983. – 320 с.
319. Леонтьев, А. Н. Язык и сознание [Текст] / А. Н. Леонтьев // Лекции по общей психологии. – М. : Смысл, 2000. – С. 91–97.
320. Леонтьева, Т. В. Интеллект человека в зеркале русского языка [Текст] : дис... канд. филол. Наук : 10.02.01 / Леонтьева Татьяна Валерьевна. – Екатеринбург, 2003. – 296 с.
321. Литвиненко, Т. Е. Прототипичность vs. инвариантность в определении текста [Текст] / Т. Е. Литвиненко // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – Вып. 2 (18). – С. 140–147.
322. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под. ред. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 280–288.
323. Лихачев, Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России [Текст] / Д. С. Лихачев. – М. : АН СССР, 1958. – 67 с.
324. Лобанов, А. П. Формирование ментальных репрезентаций в контексте прототипов [Текст] / А. П. Лобанов, А. П. Радчикова // Вестник Томского государственного университета им. Г. Державина. – 2011. – № 343. – С. 180–183.
325. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы описания [Текст] / В. В. Лопатин. – М. : Наука, 1977. – 315 с.

326. Лукин, В. А. Концепт истины и слово «истина» в русском языке. (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) [Текст] / В. А. Лукин // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 63–86.
327. Лурия, А. Р. Язык и сознание [Текст] / А. Р. Лурия. – Ростов н/Д. : Феникс, 1998. – 416 с.
328. Лурия А. Р. Язык и сознание [Текст] / А. Р. Лурия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.
329. Лурье, С. В. Историческая этнология [Текст] : учебное пособие для вузов / С. В. Лурье. – М. : Академический Проект : Гаудеамус, 2004. – 624 с.
330. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты, Архангельск, 1997. Вып. 1.
331. Ма, Т. Ю. Классические, прототипические и акцидентные категории [Текст] / Т. Ю. Ма // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 5 (1). – С. 373–377.
332. МакКормак, Э. Когнитивная теория метафоры [Текст] / Э. МакКормак // Теория метафоры : сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 358–387.
333. Маклаков, А. Г. Общая психология [Текст] : учебник / А. Г. Маклаков. – СПб. : Питер, 2001. – 592 с.
334. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику [Текст] : учебное пособие / В. А. Маслова. – М. : Флинта : Наука, 2007а. – 296 с.
335. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика [Текст] / В. А. Маслова. – М. : Флинта : Наука, 2007а.
336. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] : учебное пособие для студентов вузов / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2004а. – 208 с.
337. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] : учебное пособие для студентов вузов / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
338. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику [Текст] : учебное пособие / В. А. Маслова. – М., 2004б.
339. Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике [Текст] / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2007б. – 272 с.
340. Маскадыня, В. Н. Категоризация: проблема прототипа категории [Текст] / В. Н. Маскадыня // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 2012. – № 15. – С. 152–155.
341. Матвеева, Д. С. Концепт как единица сознания [Текст] / Д. С. Матвеева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – № 6. – С. 94–99.
342. Мельников, Г. П. Сущность предикации и способы ее языкового выражения [Текст] / Г. П. Мельников // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1969. – С. 103–120.
343. Мельникова, А. А. Язык и национальный характер [Текст] / А. А. Мельникова. – СПб. : Речь, 2003. – 320 с.
344. Мельничук, А. С. Язык и мышление [Текст] / А. С. Мельничук // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : «Советская энциклопедия», 1990. – С. 606–607.
345. Методологические проблемы когнитивной лингвистики [Текст] : науч. издание / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001. – 182 с.
346. Методы когнитивного анализа семантики слова : компьютерно-корпусный подход [Текст] / под общ. ред. В. И. Заботкиной. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 344 с.

347. Миллер, Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры [Текст] / Дж. Миллер // Теория метафоры : сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 236–284.
348. Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] : пер. с англ. / М. Минский ; под ред. Ф. М. Кулакова. – М. : Энергия, 1979. – 151 с.
349. Мир человека и мир языка [Текст] : коллективная монография / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : Комплекс «Графика», 2003. – 373 с. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 2).
350. Миронова, И. К. Концептосфера еда в русском национальном сознании : базовые когнитивно-пропозициональные структуры и их лексические репрезентации [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Миронова Ирина Константиновна. – Екатеринбург, 2002. – 280 с.
351. Миттелберг, И. О пользе когнитивной корпусной лингвистики [Текст] / И. Миттелберг [и др.] // HUMAN COGNITIVE PROCESSING / ed. by Gonzalez-Marquez M. et al. – Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 2007. – 452 p.
352. Михалев, А. Б. Слои языковой картины мира [Электронный ресурс] / А. Б. Михалев. – Режим доступа: http://amikhalev.ru/?page_id=75.
353. Мишанкина, Н. А. Методология когнитивной лингвистики в исследовании и научной коммуникации [Текст] / Н. А. Мишанкина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 3 (036). – С. 16–24.
354. Мишланова, С. Л. Термин в медицинском дискурсе : образование, функционирование, развитие [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Мишланова Светлана Леонидовна. – М., 2003. – 392 с.
355. Монелья, М. Прототипические vs. непрототипические способы понимания и семантические типы лексических значений [Текст] / М. Монелья // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 2. – С. 157–173.
356. Морель Морель, Д. А. Эмпирические и формально-логические подходы к исследованию языковой категоризации артефактов [Текст] / Д. А. Морель Морель // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 5 (16). – С. 128–133.
357. Мостовая, А. А. Опыт сравнений научных и “наивных” толкований (на материале слов конкретной лексики) [Текст] / А. А. Мостовая // Лингвистические и психолингвистические структуры речи. – М. : Институт языкознания Академии наук СССР, 1985. – С. 35–54.
358. Никитина, Л. Б. Антропоцентристская семантика: образ homo sapiens по данным русского языка [Текст] : учебное пособие / Л. Б. Никитина. – Омск : Омский гос. пед. ун-т, 2007. – 256 с.
359. Никитина, Л. Б. Метафора как показатель степени интенсивности оценки в высказываниях об интеллекте человека [Текст] / Л. Б. Никитина // Язык. Человек. Картина мира : материалы Всероссийской научной конференции / под ред. М. П. Одиной. – Омск : Омский гос. ун-т, 2000. – Ч. I. – С. 89–92.
360. Никитина, Л. Б. Образ-концепт «НОМО SAPIENS» в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики [Текст] : автореф. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Никитина Лариса Борисовна. – Омск, 2006а. – 41 с.
361. Никитина, Л. Б. Языковая картина мира и основные черты языковой концептуализации действительности [Текст] / Л. Б. Никитина // Картина мира: язык, литература, культура : сборник науч. ст. Вып. 2 / отв. ред. М. Г. Шкуропацкая. – Бийск : Бийский пед. гос. ун-т, 2006б. – С. 42–47.
362. Никитина, С. Е. Концепт судьбы в русском народном сознании (на материале устно-поэтических текстов) [Текст] / С. Е. Никитина // Понятие судьбы в контексте разных культур / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1994. – С. 130–136.

363. Никитина, С. Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Никитина Серафима Евгеньевна. – М., 1999а. – 54 с.
364. Никитина, С. Е. Об уме и разуме (на материале русских народно-поэтических текстов) [Текст] / С. Е. Никитина // Славянские этюды : сборник к юбилею С. М. Толстой / отв. ред. Е. Е. Левкиевская. – М. : Индрик, 1999б. – С. 298–307.
365. Никитина, С. Е. Устная народная культура и языковое сознание [Текст] / С. Е. Никитина. – М. : Наука, 1993. – 189 с.
366. Никонова, Ж. В. Теория фреймов в лингвистических исследованиях [Текст] / Ж. В. Никонова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. – 144 с.
367. Никонова, Ж. В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка) [Текст] : монография / Ж. В. Никонова. – Нижний Новгород : Нижегородский гос. лингвистический ун-т, 2007. – 309 с.
368. Никонова, Ж. В. Основные этапы фреймового анализа речевых актов (на материале современного немецкого языка) [Текст] / Ж. В. Никонова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 6. – С. 224–228.
369. Новиков, Д. Н. Лексическая неоднозначность в когнитивном аспекте : прототипическая база английского лексикона [Текст] / Д. Н. Новиков. – М. : МГИМО – Университет, 2010. – 118 с.
370. Новикова, Н. С. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира [Текст] / Н. С. Новикова, Н. В. Черемисина // Филологические науки. – 2000. – № 1. – С. 40–50.
371. Новодранова, В. Ф. Методы когнитивного анализа в исследованиях языков для специальных целей [Текст] / В. Ф. Новодранова // Вопросы терминоведения. – 2012. – Вып. 1. – С. 87–90.
372. Обнорский, С. П. Очерки по морфологии русского глагола [Текст] / С. П. Обнорский. – М. : АН СССР, 1953. – 252 с.
373. Овчинникова, И. Г. Что скрывается за термином «языковое сознание»? [Электронный ресурс] / И. Г. Овчинникова. – Режим доступа: <http://philologicalstudies.org/dokumenti/2008/vol1/1/8.pdf>.
374. Одинцова, М. П. Языковые образы «внутреннего человека» [Текст] / М. П. Одинцова // Язык. Человек. Картина мира: Лингвоантропологические, философские очерки (на материале русского языка). Ч. 1. / под ред. М. П. Одинцовой. – Омск : Омский гос. ун-т, 2000. – С. 11–28.
375. Одинцова, М. П. Критическая реплика по поводу попытки А. Вежбицкой построить этнопсихолингвистический портрет русского человека по данным русского языка [Текст] / М. П. Одинцова // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Ч. 1 / под ред. М. П. Одинцовой. – Омск : Омский гос. ун-т, 2000. – С. 79–82.
376. Одинцова, М. П. Образные семантические категории субъекта, объекта, инструмента, пространства в грамматике «внутреннего человека» (на материале русского языка) [Текст] / М. П. Одинцова // Русский язык : исторические судьбы и современность : тр. и мат-лы международного конгресса русистов-исследователей / под общ. ред. М. Л. Ремневой и А. А. Поликарпова. – М. : МГУ, 2001. – С. 77–78.
377. Опарина, Е. О. Лингвокультурология : методологические основания и базовые понятия [Текст] / Е. О. Опарина // Язык и культура. – М. : ИНИОН РАН, 1999. – Вып. 2. – С. 27–48.
378. Орлов, В. В. Особенности системы категорий философии у Г. В. Ф. Гегеля [Текст] / В. В. Орлов // Философия и общество. – 2011. – № 3 (63). – С. 184–197.
379. Орлов, В. В. История человеческого интеллекта [Текст] : учебное пособие / В. В. Орлов. – Пермь : Пермский гос. ун-т, 2007. – 189 с.

380. Ортони, Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре [Текст] // Теория метафоры : сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 219–236.
381. Павиленис, Р. И. Понимание речи и философия языка [Текст] / Р. И. Павиленис // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII / отв. ред. Б. Ю. Городецкой. – М. : Прогресс, 1986. – С. 380–389.
382. Павиленис, Р. И. Проблема смысла : Современный логико-философский анализ языка [Текст] / Р. И. Павиленис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.
383. Павлов, В. М. Полевые структуры в строе языка [Текст] / В. М. Павлов. – СПб. : Санкт-Петербургский ун-т экономики и финансов, 1996. – 115 с.
384. Павлов, В. М. Полевый подход и континуальность языковой системы [Текст] / В. М. Павлов // Общее языкознание и теория грамматики : материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона / отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб. : Наука, 1998. – С. 22–27.
385. Павлов, В. М. Принцип поля в грамматическом исследовании и идея противоречия [Текст] / В. М. Павлов // Исследования по языкознанию : К 70-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко / отв. ред. С. А. Шубик. – СПб : СПбГУ, 2001. – С. 8–12.
386. Павлов, И. П. Избранные труды [Текст] / И. П. Павлов. – М., 1951.
387. Павлова, А. В. Можно ли судить о культуре народа по данным его языка? [Электронный ресурс] / А. В. Павлова // Антропологический форум. – 2012. – № 16. – С. 3–60. – Режим доступа: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/pavlova3.pdf>.
388. Павлова, А. В. Язык как источник сведений о национальной картине мира [Электронный ресурс] / А. В. Павлова // Филологические заметки. – Пермь, 2009. – Вып. 7. – Т. 1. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/pavlova-09.htm>.
389. Павлова, А. В., Безродный М. М. Хитрушки и единорог: из истории лингвонарциссизма [Текст] / А. В. Павлова, М. М. Безродный // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 11–20.
390. Падучева, Е. В. Идея всеобщности в логике и в естественном языке [Текст] / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 1989. – № 2. – С. 15–26.
391. Панасенко, Л. А. Лексические категории как интерпретирующие форматы знания (на примере категорий артефактов, природных субстанций и природных явлений) [Текст] / Л. А. Панасенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012а. – № 4 (33). – С. 58–65.
392. Панасенко, Л. А. Проблема моделирования интерпретирующего потенциала лексических категорий (на материале категории «ПТИЦЬ» в английском языке) [Текст] / Л. А. Панасенко // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. – 2012б. – № 4 (108). – С. 257–264.
393. Панкрац, Ю. Г. Пропозициональная форма представления знаний [Текст] / Ю. Г. Панкрац // Язык и структуры представления знаний : сб. аналит. обзоров. – М. : РАН, 1992. – С. 78–97.
394. Перескокова, А. Ю. Метафорическое моделирование образа российских и американских средств массовой информации: рефлексивный аспект [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Перескокова Анна Юрьевна. – Челябинск, 2005. – 248 с.
395. Песина, С. А. Когнитивный подход к взаимодействию языка и мышления [Текст] / С. А. Песина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 7 (101). – С. 178–180.
396. Пименов, Е. А. Исследование концепта Trauer «печаль» посредством синонимического ряда [Текст] / Е. А. Пименова // Ethnohermeneutik und Anthropologie / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Landau : Verlag Empirische Padagogik, 2004. – С. 89–94.
397. Пименов, Е. А. Религиозные и национальные признаки концепта дух, spirit и Geist [Текст] / Е. А. Пименова // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Вып. 5. – Ставрополь – Пятигорск, 2007а. – С. 105–112.

398. Пименова, М. В. Антропоморфизм как способ объективации концепта сердце [Текст] / М. В. Пименова // Welt in der Sprache / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau : Verlag Empirische Padagogik, 2005a. – С. 119–126.
399. Пименова, М. В. Душа и дух: способы концептуализации [Текст] : монография / М. В. Пименова. – Кемерово : Комплекс «Графика», 2004. – 386 с. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3).
400. Пименова, М. В. Коды культуры и принципы концептуализации мира [Текст] / М. В. Пименова // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. Язык и познание : Методологические проблемы и перспективы. – М. : Гнозис, 2006a. – С. 172–186.
401. Пименова, М. В. Коды культуры и принципы концептуализации мира (об основных структурных признаках базовых концептов культуры) [Текст] / М. В. Пименова // Введение в концептуальные исследования : учебное пособие. – Кемерово, 2006b. – С. 88–119.
402. Пименова, М. В. Коды культуры и проблема классификации концептов [Текст] / М. В. Пименова // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Вып. 5. – Ставрополь – Пятигорск : Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2007b. – С. 79–86.
403. Пименова, М. В. Концептуализация рассудка и способы объективации его признаков в русской языковой картине мира [Текст] / М. В. Пименова // Концептуальные сферы «мир» и «человек» : коллективная монография / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2005b. – С. 121–143. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 6).
404. Пименова, М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ [Текст] : монография / М. В. Пименова. – Кемерово : Комплекс «Графика», 2007. – 500 с. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
405. Пименова, М. В. Концепты внутреннего мира человека (русско-английские соответствия) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Пименова Марина Владимировна. – СПб., 2001. – 497 с.
406. Пименова, М. В. Методология концептуальных исследований [Текст] / М. В. Пименова // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005в. – Т. 1. – С. 15–20.
407. Пименова, М. В. Символы культуры и способы концептуализации внутреннего мира человека (концептуальная метафора дома) [Текст] / М. В. Пименова // Концепт. Образ. Понятие. Символ : коллективная монография / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2004. – С. 35–60.
408. Пименова, М. В. Языковая картина мира [Текст] : учебное пособие / М. В. Пименова. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 108 с.
409. Пименова, М. В. Введение в концептуальные исследования [Текст] : учебное пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006в. – 150 с. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 5).
410. Пименова, М. В. Концептуальные исследования. Введение [Текст] : учеб. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – М. : Флинта – Наука, 2011. – 176 с.
411. Пищальникова, В. А. Концептуальный анализ художественного текста [Текст] : учебное пособие / В. А. Пищальникова. – Барнаул : Алтайский гос. ун-т., 1991. – 87 с.
412. Пищальникова, В. А. Проблема лингвоэстетического анализа художественного текста [Текст] : учебное пособие / В. А. Пищальникова. – Барнаул : Алтайский гос. ун-т. 1984. – 59 с.
413. Пищальникова, В. А. Метафора как компонент речемыслительной синэргетической деятельности [Текст] / В. А. Пищальникова, И. А. Герман // Единицы языка и их функционирование. – Саратов : Саратовский гос. ун-т, 1998. – Вып. 4. – С. 61–68.
414. Пищальникова, В. А. Введение в психопоэтику [Текст] : монография / В. А. Пищальникова, Ю. А. Сорокин. – Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 1993. – 209 с.

415. Погонцева, Д. В., Узлова Д. Д. Категоризация мужчин как успешных и красивых [Текст] / Д. В. Погонцева, Д. Д. Узлова // GESJ: Education Science and Psychology. – 2013. – № 2 (24). – С. 35–38.
416. Подоляка, А. Н. Отражение концептуальных знаний во внутренней форме наименований (на материале номенклатуры лекарственных средств) [Текст] / А. Н. Подоляка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2 (035). – С. 101–107.
417. Позднякова, Е. М., Суворина, Е. В. Исследование структуры ментального лексикона: вклад компьютерно-корпусной лингвистики [Текст] / Е. М. Позднякова, Е. В. Суворина // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной – М. : Языки славянской культуры, 2015. – С. 185–242. – (Studia philologica).
418. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика [Электронный ресурс] : учебное издание / З. Д. Попова. – М. : АСТ «Восток – Запад», 2007. – 314 с. – Режим доступа: http://sterminia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kognitivnaja_lingvistika.
419. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 191 с.
420. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка [Текст] : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2006. – 226 с.
421. Попова, З. Д. Введение в когнитивную лингвистику [Текст] : учебное пособие / З. Д. Попова [и др.] ; отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2004. – 210 с. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 4).
422. Поспелова, Ю. Ю. Концепт «интеллектуальное взаимодействие» в педагогическом дискурсе [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Ю. Поспелова. – Киров, 2009. – 190 с.
423. Постовалова, В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания: в поисках интегральных парадигм [Текст] / В. И. Постовалова. – М. : URSS: ЛЕНАНД, 2016. – 264 с.
424. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека [Текст] / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – С. 9–47.
425. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике [Текст] : в 2-х т. / А. А. Потебня. – М. : Просвещение, 1958. – Т. 1. – 161 с.
426. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике [Текст]: в 2-х т. / А. А. Потебня. – М. : Просвещение, 1958. – Т. 2. – 549 с.
427. Потебня, А. А. Мысль и язык [Текст] / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.
428. Потебня, А. А. Мысль и язык [Текст] / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 2007. – 256 с.
429. Почепцов, О. Г. Языковая ментальность : Способ представления [Текст] / О. Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110–122.
430. Прожилов, А. В. Лингвоконцептология : триумфальный подъем или бег по «языковому кругу»? [Текст] / А. В. Прожилов // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 12–22.
431. Прокопьева, А. А. Сопоставительное исследование метафорических моделей в русскоязычных и англоязычных романах В. В. Набокова [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Прокопьева Анастасия Александровна. – Екатеринбург, 2006. – 260 с.
432. Прокубовский, А. А. Категоризация интеллектуальных способностей человека и лексические маркёры понимания в русском языке [Текст] : дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / Прокубовский Александр Алексеевич. – М., 2009. – 217 с.
433. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта [Текст] / Ю. Е. Прохоров. – М., 2008.
434. Пухан, И. Римское право : базовый учебник [Текст] / И. ПУхан, М. Поленак-Акимовская / Перевод с македонского д.ю.н., проф. В. А. Томсинова и Ю. В. Филиппова / Под ред. проф. В. А. Томсинова. – М. : Издательство ЗЕРЦАЛО, 2000.

435. Рягузова, Л. Н. Метаязыковая концептуализация сферы «Творчество» в эстетической и художественной системе В. В. Набокова [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Рягузова Людмила Николаевна. – Краснодар, 2000. – 46 с.
436. Радчикова, Н. П. Взаимодействие эффектов типичности и базисного уровня в системе естественных категорий [Текст] / Н. П. Радчикова // Психологический журнал. – 2005. – Т. 1. – № 26. – С. 38–45.
437. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст] / Е. В. Рахилина. – М. : «Русские словари», 2008. – 416 с.
438. Рахилина, Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики [Текст] / Е. В. Рахилина // ИАН СЛЯ. – 2000. – Т. 59. – № 3. – С. 3–15.
439. Ревенко, И. В. Комплекс признаков семантической категории «Интенсивность» [Текст] / И. В. Ревенко // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. Филология. Слово – образ – мир. – 2013. – № 3. – С. 200–205.
440. Реформатский, А. А. О сопоставительном методе [Текст] / А. А. Реформатский // Лингвистика и поэтика / отв. ред. Г. В. Степанов. – М. : Наука, 1987. – С. 40–52.
441. Рикер, П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение [Текст] / П. Рикер // Теория метафоры: сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 416–435.
442. Рождественский, Ю. В. Курс лекций по языкознанию [Текст] / Ю. В. Рождественский. – М. : ИКЦ «Академкнига»; «Добросвет», 2002. – 344 с.
443. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира [Текст] / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 213 с.
444. Ромашина, О. Ю. Фреймовый анализ семантики фразеологических единиц [Текст] / О. Ю. Ромашкина // ACTA LINGUISTICA. – 2008. – Vol. 2. – С. 33–38.
445. Рудакова, А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика [Текст] / А. В. Рудакова. – Воронеж : «Истоки», 2004. – 80 с.
446. Русаков, В. Г. Концепт счастья в романах «Машенька» В. Набокова и «Вечер у Клар» Г. Газданова [Электронный ресурс] / В. Г. Русаков. – Режим доступа: www.ruthenia.ru.
447. Русская языковая картина мира и системная лексикография [Текст] / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 912 с. – (Studia philologica).
448. Русский ассоциативный словарь [Текст]. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – М, 1994.
449. Руссо, М. М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» [Текст] / М. М. Руссо // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 12–24.
450. Рябкова, И. П. Асимметрия когнитивных признаков концепта как источник переводческих трудностей [Текст] / И. П. Рябкова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011а. – № 24 (239). – Вып. 57. – С. 264–266.
451. Рябкова, И. П. Особенности вербализации концепта ПУТЬ/WAY в политической речи (на материале речей президентов России и США конца XX – начала XXI в.) [Текст] / И. П. Рябкова // Вестник Удмуртского университета. – 2011б. – Вып. 2. История и филология. – С. 26–35.
452. Рябкова, И. П. Репрезентация концепта «ПУТЬ» в речах российских и американских президентов конца XX – начала XXI вв : сопоставительно-переводческий аспект [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Рябкова Ирина Павловна. – Екатеринбург, 2014. – 23 с.
453. Рябцева, Н. К. «Вопрос» : прототипическое значение концепта [Текст] / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1991. – С. 72–77.

454. Ряпосова, А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе российские федеральные выборы (1999 – 2000 гг.) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ряпосова Анна Борисовна. – Екатеринбург, 2002. – 201 с.
455. Сагдеева, Ф. К. Отражение концепта труд в лексикофразеологических средствах [Текст] / Ф. К. Сагдеева // *Ethnohermeneutik und Anthropologie* / Отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2004. – С. 120–123.
456. Сазонова, Т. Ю. Внутренний когнитивный контекст идентификации слова [Электронный ресурс] / Т. Ю. Сазонова. – Режим доступа: www.tl-ic.kursksu.ru/pdf/002-10.pdf.
457. Сергеева, Л. А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики : опыт интерпретационного анализа [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Сергеева Лариса Александровна. – Уфа, 2004. – 316 с.
458. Сергеева, Н. М. «Вот разума великолепный пир!» [Текст] / Н. М. Сергеева // *Концепт. Образ. Понятие. Символ : коллективная монография / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2004. – С. 174–190.*
459. Серебренников, Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке [Текст] / Б. А. Серебренников // *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира* / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988а. – С. 87–107.
460. Серебренников, Б. А. Типы мышления [Текст] / Б. А. Серебренников // *Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление* / отв. ред. В. М. Солнцев. – М. : Наука, 1988б. – С. 188–210.
461. Серебренников, Б. А. Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом? [Текст] / Б. А. Серебренников // *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира* / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988в. – С. 70–87.
462. Серию, П. В поисках четвертой парадигмы [Текст] / П. Серию // *Философия языка: в границах и вне границ. – Харьков : Око, 1993. – Вып. 1. – С. 36–48.*
463. Серию, П. Оксюморон или недопонимание? Универсалистский релятивизм универсального естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой [Текст] / П. Серию // *Политическая лингвистика. – 2011. – № 1 (35). – С. 30–40.*
464. Серль, Дж. Метафора [Текст] / Дж. Серль // *Теория метафоры : сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 307–342.*
465. Синельникова, Л. Н. О содержании концепта «толерантность» в политическом дискурсе [Текст] / Л. Н. Синельникова // *Политическая лингвистика. – 2010. – Вып. 2 (32). – С. 56–60.*
466. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика [Текст] : курс лекций / Т. Г. Скребцова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.
467. Скребцова, Т. Г. Языковые бленды в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера [Текст] / Т. Г. Скребцова // *Respectus philologicus. – 2002. – № 2 (7).*
468. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурная концептология: становление исследовательского направления [Текст] / Г. Г. Слышкин // *Этнокультурная концептология. – 2006. – Вып. 1. Элиста. – С. 27–38.*
469. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г. Г. Слышкин. – М., 2000.
470. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты [Текст] / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 2004.
471. Соловьева, Ю. А. Концептуальная метафора в англоязычном научном политологическом дискурсе [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Соловьева Юлия Андреевна. – М., 2007. – 23 с.
472. Соломоник, А. Семантика и лингвистика [Текст] / А. Соломоник. – М., 1975.
473. Солопова, О. А. Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и Великобри-

тании (2001 год) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Солопова Ольга Александровна. – Екатеринбург, 2006. – 245 с.

474. Сорокин, Ю. А. Этническая конфликтология [Текст] / Ю. А. Сорокин. – Самара : Русский лицей, 1994. – 94 с.

475. Сорокина, А. В. Концепт в системе культуры: философский, культурологический, лингвокогнитивный подходы [Текст] / А. В. Сорокина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2011. – № 1. – С. 142–146.

476. Старостина, Е. В. Фреймовый анализ глаголов поведения (на материале ассоциативных реакций) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Старостина Евгения Владимировна. – Саратов, 2004. – 268 с.

477. Степанов, Ю. С. К универсальной классификации предикатов [Текст] / Ю. С. Степанов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1980. – Т. 39. – № 4. – С. 311–323.

478. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

479. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. – М., 2001.

480. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации [Текст] / Ю. С. Степанов. М., 2007.

481. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка : Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1985. – 334 с.

482. Стернин, И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание [Текст] / И. А. Стернин // С любовью к языку. – М. – Воронеж : ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 44–51.

483. Стернин, И. А. Контрастная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж, 2007.

484. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта [Текст] / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 58–65.

485. Стернин, И. А. Типы значений и концепт [Текст] / И. А. Стернин // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. / под ред. Е. С. Кубряковой. – Тамбов : Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 257–282.

486. Стернин, И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание [Электронный ресурс] / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Lambert Academic Publishing, 2011. – Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Psiholingvistika/Psiholingvisticheskoe_znachenie_slova_i_ego_opisanie_2011.pdf.

487. Сукаленко, Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира [Текст] / Н. И. Сукаленко. – Киев : Наукова думка, 1992. – 164 с.

488. Сулейманова, О. А. Основы языковой категоризации мира : пространство, время, причинность и принцип неслучайной связи [Текст] / О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 3 (7). – С. 87–92.

489. Суржанская, Ю. В. Концепт как философское понятие [Текст] / Ю. В. Суржанская // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 2. – С. 70–78.

490. Суюнова, Г. С. Межэтническая коммуникация с точки зрения когнитивного подхода [Текст] / Г. С. Суюнова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 2 (039). – С. 41–48.

491. Сытникова, Т. А. Фреймовый анализ терминологии предметной области (на примере англоязычной компьютерной технической терминосистемы) [Текст] / Т. А. Сытникова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 12 (85). – С. 254–258.

492. Сэпир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сэпир. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.
493. Тавдгирдзе, Л. А. Концепт *русский язык* в русском языковом сознании [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тавдгирдзе Любовь Альбертовна. – Воронеж, 2005. – 244 с.
494. Тарасов, Е. Ф. Язык как средство трансляции культуры [Текст] / Е. Ф. Тарасов // Язык как средство трансляции культуры : монография / отв. ред. М. Б. Ешич. – М. : Наука, 2000. – С. 45–53.
495. Тарланов, З. К. Методы и принципы лингвистического анализа [Текст] / З. К. Тарланов. – Петрозаводск : Петрозаводский гос. ун-т, 1995. – 189 с.
496. Татаринев, В. А. Теория терминоведения [Текст] : в 3 т. / В. А. Татаринев – М. : Московский лицей, 1996. – Т. 1 : Теория термина: история и современное состояние. – 311 с.
497. Татарская, Д. А. Понятие «концепт» в системе наук о культуре [Текст] / Д. А. Татарская // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 4 (37). – С. 287–293.
498. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция [Текст] / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988а. – С. 33.
499. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Текст] / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебрянников. – М. : Наука, 1988б. – С. 173–205.
500. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры [Текст] / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.
501. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М., 1996.
502. Тимофеева, М. К. Введение в экспериментальную когнитивную лингвистику [Текст] : учеб. пособие / М. К. Тимофеева ; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2010. – 101 с.
503. Тихонова, В. Я. Концепт *борьба* в русской языковой картине мира [Текст] : дис... канд. филол. наук / Тихонова Валентина Яковлевна. – Новосибирск, 2005. – 238 с.
504. Толстая, С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира [Текст] / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – 2002. – №1 (3). – С. 112–127.
505. Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Текст] / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – С. 347–358.
506. Труды по когнитивной лингвистике [Текст] : к 30-летию кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2008. – 719 с. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 10).
507. Трушкова, Л. О. Эмоциональный концепт Sadness: когнитивно-дискурсивный анализ [Текст] : дис... канд. филол. наук : 10.02.04 / Трушкова Любовь Олеговна. – Иркутск, 2010. – 164 с.
508. Тхорик, В. И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация [Текст] : учебное пособие / В. И. Тхорик, Н. Ю. Фанян. – М. : Героица и Спорт, 2006. – 258 с.
509. Уланович, О. И. Языковое сознание: особенности структуры в условиях двуязычия [Текст] / О. И. Уланович // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 1 (9). – С. 44–51.
510. Уорф, Б. Ли Грамматические категории [Текст] / Б. Уорф // Принципы типологического анализа языков различного строя : сб. статей / отв. ред. Б. А. Успенский. – М. : Наука, 1972. – 282 с.
511. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика [Текст] / Б. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. 1. / ред. А. В. Звегинцева. – М. : Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 135–198.

512. Урысон, Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира : Аналогия в семантике [Текст] / Е. В. Урысон. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
513. Урысон, Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) [Текст] / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3–21.
514. Уфимцева, А. А. Опыт изучения лексики как системы [Текст] / А. А. Уфимцева. – М. : АН СССР, 1962. – 288 с.
515. Уфимцева, А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира [Текст] / А. А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – С. 108–140.
516. Уфимцева, А. А. Теории семантического поля и возможности их применения при изучении словарного состава языка [Текст] / А. А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике / под ред. Р. А. Будагова, М. М. Гухман. – М. : Изд. Акад. наук СССР, 1961. – С. 30–63.
517. Уфимцева, Н. В. Образы обыденного сознания современных русских [Текст] / Н. В. Уфимцева // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира : мат-лы Междунар. конф. / отв. ред. В. М. Солнцев. – М. : Институт языкознания РАН, 1996. – С. 402–406.
518. Уфимцева, Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских [Текст] / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание : Формирование и функционирование : сб. статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М. : Институт языкознания РАН, 1998. – С. 135–170.
519. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность [Текст] / Н. В. Уфимцева. – М. : Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
520. Ушакова, Т. Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мыслезыковой системы [Текст] / Т. Н. Ушакова // Языковое сознание : теоретические и прикладные аспекты : сб. / под ред. Н. В. Уфимцевой. – М. – Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 2004. – С. 6–17.
521. Ушакова, Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования [Текст] / Т. Н. Ушакова // Языковое сознание и образ мира : сборник статей / под ред. Н. В. Уфимцевой. – М. : Институт языкознания РАН, 2000. – С. 13–19.
522. Фаткуллина, Ф. Г. О множественности картин мира [Электронный ресурс] / Ф. Г. Фаткуллина // «Альянс наук: ученый – ученому» : мат-лы VI Межд. научно-практ. Интернет-конференции (25-26.02.2011). – Режим доступа: http://www.confcontact.com/20110225/fl4_fatkul.php.
523. Фещенко, В. В. Концептуализация в гуманитарном знании и в искусстве: маршруты трансфера [Текст] / В. В. Фещенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 1 (46). – С. 43–54.
524. Филиппова, Д. Ю. Лингвистика текста как научная парадигма [Текст] / Д. Ю. Филиппова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2014. – № 3 (22). – С. 94–99.
525. Филлмор, Ч. Дело о падеже [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10 / ред. В. А. Звягинцев. – М. : Прогресс, 1981. – С. 369–495.
526. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка / сост. и ред. В. В. Петров, В. И. Герасимов. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. – С. 52–92.
527. Фомин, А. Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности [Текст] : дис... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Фомин Андрей Геннадьевич. – Барнаул, 2004. – 357 с.
528. Фомин, А. Г. Языковое сознание как имманентно присущий признак гендерной языковой личности [Текст] / А. Г. Фомин // Ползуновский вестник. – 2003. – № 3-4. – С. 211–214.

529. Фомина, Т. Д. Динамика концепта в политическом дискурсе (на примере выступлений Дж. Буша и Т. Блэра, посвященных второй военной кампании в Ираке) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Фомина Татьяна Дмитриевна. – М., 2006. – 197 с.
530. Фрумкина, Р. М. Концепт, категория, прототип [Текст] / М. Р. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: сб. обзоров. – М. : ИНИОН РАН, 1992а. – С. 28–44.
531. Фрумкина, Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога [Текст] / М. Р. Фрумкина // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – М. : ВНИИТИ, 1992б. – № 3. – С. 1–8.
532. Фурс, Л. А. Когнитивные аспекты формирования категории градуальности [Текст] / Л. А. Фурс, И. В. Назарова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 33–37.
533. Фурс, Л. А. Концептуальные аспекты синтаксиса [Текст] / Л. А. Фурс // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 278–302.
534. Харитончик, З. А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка [Текст] / З. А. Харитончик // Язык и структуры представления знаний : сб. науч. – аналит. обзоров / отв. ред. Ф. М. Березин, Е. С. Кубряковой. – М. : ИНИОН РАН, 1992. – С. 98–123.
535. Харуллин, В. И. Картина мира и структурирование знания [Текст] / И. В. Харуллин // Язык, сознание, культура, этнос. – М. : Наука, 1994. – С. 98–100.
536. Хаустова, Э. Д. Когнитивные классификаторы в семантическом пространстве языка (на материале лексико-семантического поля «фрукты и овощи» в русском и английском языках) [Текст] : дис... канд. филол. наук / Э. Д. Хаустова. – Воронеж, 1999. – С. 258 с.
537. Холодная, М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального [Текст] / М. А. Холодная. – СПб. : Питер, 2004. – 384 с.
538. Холодная, М. А. Психология интеллекта : парадоксы исследования [Текст] / М. А. Холодная. – СПб. : Питер, 2002. – 272 с.
539. Цурикова, Л. В. Когнитивно-дискурсивная парадигма как новое направление описания и анализа речемыслительной деятельности [Текст] / Л. В. Цурикова // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство: сборник в честь Е. С. Кубряковой. – 2009. – С. 76–92.
540. Человеческий фактор в языке : Языковые механизмы экспрессивности [Текст] / В. Н. Телия, Т. А. Графова, А. М. Шахнарович и др. / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1991. – 214 с.
541. Чейф, У. Л. Память и вербализация прошлого опыта [Текст] / У. Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1983. – Вып. 12. – С. 35–73.
542. Ченки, А. А. Семантика в когнитивной лингвистике [Текст] / А. А. Ченки // Современная американская лингвистика : Фундаментальные направления / ред. А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, И. А. Секерина. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – С. 340–369.
543. Чернейко, Л. О. Когнитивная семантика (слово в языке и речи) [Электронный ресурс] / Л. О. Чернейко. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/data/magistracy/fr/16.pdf>.
544. Чернышова, Л. А. Антропологические аспекты современной отраслевой терминологии : на материале железнодорожного транспорта [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Чернышова Лариса Анатольевна. – М., 2011. – 340 с.
545. Черняк, В. Д. Лингвистический термин как инструмент когнитивной обработки действительности [Текст] / В. Д. Черняк // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № 13. – С. 843–852.
546. Черняк, В. Д. Концептуализация мира в современной лексикографии [Текст] / В. Д. Черняк // Когнитивные исследования языка. – 2014. – № 18. – С. 488–491.

547. Черняховская Л. А. Смысловая структура текста и ее единицы // Вопросы языкознания, 1993. № 6. С. 117–126.

548. Чудакова, Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.) [Текст] : дис... канд. филол. наук / Чудакова Наиля Муллахметовна. – Екатеринбург, 2005. – 277 с.

549. Чудинов, А. П. Две когнитивные лингвистики [Текст] / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 296–299.

550. Чудинов, А. П. Метафора как средство представления знаний [Текст] / А. П. Чудинов // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сборник материалов. – Тамбов : Тамбовский гос. ун-т, 2008. – С. 143–145.

551. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации [Текст] : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.

552. Чудинов, А. П. Национальная ментальность и метафорическое моделирование политической ситуации [Текст] / А. П. Чудинов // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. / под ред. Е. С. Кубряковой. – Тамбов : Тамбовский гос. ун-т, 2005. – С. 363–374.

553. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика [Текст] : учебное пособие / А. П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 256 с.

554. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале : Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) [Текст] : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001а. – 238 с.

555. Чудинов, А. П. Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования (регулярной многозначности) [Текст] / А. П. Чудинов // Лингвистика : Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2001б. – С. 38–53.

556. Чулкина, Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских : Лингвокультурологическое описание [Текст] / Н. Л. Чулкина. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.

557. Шабес, В. Я. Событие и текст [Текст] / В. Я. Шабес. – М. : Высш. шк., 1989. – 175 с.

558. Шарандин, А. Л. Лексическая категоризация времени и ментальность [Текст] / А. Л. Шарандин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2011. – № 2 (14). – С. 11–16.

559. Шафиков, С. Г. Теория семантического поля и компоненты семантики его единиц [Текст] : учеб. пособие / С. Г. Шафиков. – Уфа : Башкирский гос. ун-т, 1999. – 88 с.

560. Шахматов, А. А. Очерк современного русского литературного языка [Текст] / А. А. Шахматов. – М. : Учпедгиз, 1941. – 288 с.

561. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций [Текст] / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.

562. Шведова, Н. Ю. Русский язык [Текст] : Избранные работы / Н. Ю. Шведова. – М., 2005.

563. Шейгал, Е. И. Концепты и категории дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал // Человек в коммуникации : концепт, жанр, дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Парадигма, 2006. – С. 24–39.

564. Шейгал, Е. И. Культурные концепты политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал // Коммуникация : теория и практика в различных социальных контекстах. – Пятигорск : Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2002. – С. 24–26.

565. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Шейгал Елена Иосифовна. – Волгоград, 2000. – 431 с.

566. Шелест, В. И. Проблема диагностики политического интеллекта в современной социальной психологии [Текст] / В. И. Шелест // Актуальные вопросы современной психологии. – Челябинск : Два комсомольца, 2011. – С. 130–134.
567. Шелов, С. Д. Еще раз об определении понятия «термин» [Текст] / С. Д. Шелов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 795–799.
568. Шелов, С. Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы : к проблеме классификации специальной лексики [Текст] / С. Д. Шелов // Вопросы языкознания. – 1984. – № 5. – С. 76–87.
569. Шелов, С. Д. Терминология и профессиональная лексика : состав и функции [Текст] : учеб. пособие / С. Д. Шелов, В. М. Лейчик. – СПб. : СПбГУ, РИО. Филологический факультет, 2012. – 96 с.
570. Шелховская, Н. И. Категоризация глагола в современных языках [Текст] / Н. И. Шелховская // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 17 (155). – Вып. 32. – С. 109–111.
571. Широколобова, А. Г. Фреймовый анализ терминосистемы гидротехники русского и английского языков [Текст] / А. Г. Широколобова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 1. – С. 52–56.
572. Ширишиков, В. Б. Лексикографическая и текстовая репрезентация концептов ограниченной ментальной способности человека в русском и английском языках [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ширишиков Владислав Борисович. – Саратов, 2005. – 200 с.
573. Шмелев, А. Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»? [Текст] / А. Д. Шмелев // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 21–33.
574. Шмелев, А. Д. Игра в русской языковой картине мира [Текст] / А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2006.
575. Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность [Текст] / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, – 2002. – 392 с.
576. Шмелева, О. Ю. Прототипическая организация терминосистемы (на материале номинаций в финансово-экономической сфере [Текст] / О. Ю. Шмелева // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2010. – № 5. – С. 80–84.
577. Шунтова, Т. С. Прототипический подход к исследованию наименований спортивной одежды [Текст] / Т. С. Шунтова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 114. – С. 249–253.
578. Шустрова, Е. В. Когнитивно-дискурсивное исследование концептуальной метафоры в афроамериканской художественной картине мира [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Шустрова Елизавета Владимировна. – Воронеж, 2008. – 881 с.
579. Щерба, Л. В. О понятии смешения языков [Электронный ресурс] / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974а. – С. 60–74. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74b.htm>.
580. Щерба Л. В. О троском аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании [Электронный ресурс] / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974б. – С. 24–39. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics1/shcherba-74a.htm>.
581. Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке [Текст] / Л. В. Щерба // Избранные труды по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1957. – С. 63–84.
582. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974в. – 427 с.
583. Щербак, А. С. Ономастический концепт как единица знания [Текст] / А. С. Щербак // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив.

- моногр. / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 150–165.
584. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике [Текст] / Г. С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 256 с.
585. Язык. Этнос. Картина мира [Текст]: сб. науч. тр. / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – 185 с. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 1).
586. Язык и ментальность [Текст]: сборник статей / отв. ред. М. В. Пименова. – СПб.: СПбГУ, 2010. – 696 с. – (Серия «Славянский мир». Вып. 5).
587. Язык и национальное сознание: Вопросы теории и методологии [Электронный ресурс]. – Воронеж, 2002. – 151 с. – Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Teoreticheskie_problemy_jazykoznanija/Jazyk_i_nacionalnoe_soznanie_2002.pdf.
588. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира. Модели пространства, времени и восприятия [Текст] / Е. С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
589. Alekseeva, L. M. Research of metaphor in the Ural linguistic school [Text] / L. M. Alekseeva, S. L. Mishlanova, Ye. A. Nakhimova, A. P. Tchudinov // *Life Science Journal*. – 2014. – № 11 (12). – P. 315–319.
590. Anderson, J. B. Human Associative memory [Text] / J. B. Anderson, G. H. Bower. – Washington, DC.: Winston & Sons, 1973. – 524 p.
591. Berlin, B. Ethnobiological Classification: Principles of Categorization of Plants and Animals in Traditional Societies [Text] / B. Berlin. – Princeton: Princeton University Press, 1992. – 364 p.
592. Berlin, B. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution [Text] / B. Berlin, P. Kay. – Berkeley: University of California Press, 1969. – 478 p.
593. Beaugrande, R. de. Linguistic Theory: the Discourse of Fundamental Works [Electronic resource] / R. Beaugrande de. – Electronic text data. – N. Y.: Longman, 1991. – Mode of access: <http://beaugrande.bizland.com/>.
594. Brugman, C. What is the Invariance Hypothesis? [Text] / C. Brugman // *Cognitive Linguistics*. – 1990. – Vol. 1 (2). – P. 257–266.
595. Cohen, H. Handbook of categorization in cognitive science [Text] / H. Cohen, C. Lefebvre. – Amsterdam: Elsevier Science, 2005. – 1136 p.
596. Coleman, L. Prototype Semantics: The English Word «Lie» [Text] / L. Coleman, P. Kay // *Language*. – 1981. – Vol. 57. – № 1. – P. 26–44.
597. Coulson, S. The Menendez Brothers Virus: Analogical Mapping in Blended Spaces [Text] / S. Coulson // *Conceptual Structure, Discourse, and Language* / Ed. by A. Goldberg. – Palo Alto: Center for the Study of Language and Information, 1996. – P. 67–81.
598. Croft, W. *Cognitive Linguistics* [Text] / W. Croft, D. A. Cruse. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
599. Daneš, Fr. The Relation of Centre and Periphery as a Language Universal [Text] / Fr. Daneš // *Fravaux linguistiques de Prague*. – Prague, 1966. – № 2. Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue. – P. 9–21.
600. Divjak, D. Extracting prototypes from exemplars. What can corpus data tell us about concept representation? [Text] / D. Divjak, A. Arppe // *Cognitive Linguistics*. – 2013. – Vol. 24. – Issue 2. – P. 221–274.
601. Dąbrowska, E. Cognitive Linguistics' seven deadly sins [Text] / E. Dąbrowska. – *Cognitive Linguistics*. – 2016. – № 27 (4). – P. 479–491.
602. Dornseiff, F. *Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen* [Text] / F. Dornseiff. – Berlin und Leipzig, 1934. – P. 1.
603. Evans, V. *Cognitive Linguistics: An Introduction* [Text] / V. Evans, M. Green. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
604. Fauconnier, G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language* [Text] / G. Fauconnier. – Cambridge, MA: MIT Press, 1994. – 240 p.

605. Fauconnier, G. Generalized Integration Networks [Text] / G. Fauconnier // *New Directions in Cognitive Linguistics* / Ed. by V. Evans, S. Pourcel. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2009. – P. 147–160.
606. Fauconnier, G. Conceptual Integration Networks [Text] / G. Fauconnier, M. Turner // *Cognitive Science*. –1998. – Vol. 22 (2). – P. 133–187.
607. Fauconnier, G. Conceptual Projection and Middle Spaces [Electronic resource] / G. Fauconnier, M. Turner. – 1994. – Mode of access: <http://www.cogsci.ucsd.edu/research/files/technical/9401.ps>.
608. Fauconnier, G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities [Text] / G. Fauconnier, M. Turner. – New York : Basic Books, 2002. – 440 p.
609. Fillmore, C. J. An alternative to checklist theories of meaning [Text] / C. J. Fillmore // *Proceedings of annual meeting of the Berkeley Linguistics Society*. – Berkeley, 1975. – V. 1. – P. 123–131.
610. Fillmore, C. J. Frame semantics [Text] / C. J. Fillmore // *Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL-1981*. – Seoul, 1982. – P. 111–137.
611. Fillmore, C. J. On the organization of semantic information in the lexicon [Text] / C. J. Fillmore // *Papers from the parasession on the lexicon* / Ed. by D. Farkas, W. M. Jacobsen, K. W. Todrys/ – Chicago, 1978. – P. 148–173.
612. Fillmore, C. J. The case for case reopened [Text] / C. J. Fillmore // *Syntax and semantics: V.8: Grammatical relations* / Ed. by P. Cole, J. M. Sadock/ – L. et al., 1977. – P. 59–81.
613. Frege, G. Translations from the philosophical writing of Gottlob Frege [Text] / G. Frege. – Oxford : Basil Blackwell, 1952. – 250 p.
614. Givón, T. Tense-aspect-modality: The Creole prototype and beyond [Text] / T. Givón // *Tense – aspect: Between semantics and pragmatics: Containing the contributions to a symposium on tense and aspect, held at UCLA, May 1979* / Ed. by P. J. Hopper. – Amsterdam ; Philadelphia, 1982. – P. 115–163.
615. Givón, T. Prototypes : Between Plato and Wittgenstein Text] / T. Givón // *Noun classes and categorization: Proceedings of a Symposium on categorization and noun classification, Eugene, Oregon, October 1983* / Ed. by C. Craig. – Amsterdam ; Philadelphia, 1986. – P. 77–102.
616. Guiraud, P. La sémantique [Text] / P. Guiraud. – Paris : PUF, 1955. – 118 p.
617. Hallig, R. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Versuch eines Ordnungsschemas [Text] / R. Hallig, W. von Wartburg. – Berlin : Akademie-Verlag, 1952. – 140 p.
618. Humboldt, V. Das bildende Organ des Gedanken [Text] / V. Humboldt. – 1841–1852. – T. 6. – P. 51.
619. Ipsen, G. Der alte Orient und die Indogermanen [Text] / G. Ipsen // *Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft* // *Festschrift für W. Streiberg*. – Heidelberg, 1924. – P. 200–237.
620. Ipsen, G. Der neue Sprachbegriff [Text] / G. Ipsen // *Zeitschrift für Deutschkunde*, 1932. – P. 1–18.
621. Kalyan, S. Similarity in linguistic categorization : The importance of necessary properties [Text] / S. Kalyan // *Cognitive Linguistics*. – 2012. – Vol. 23 (3). – P. 539–554.
622. Kay, P. The Emergence of Basic Color Lexicons Hypothesis [Text] / P. Kay // *The Language of Color in the Mediterranean* / Ed. by A. Borg. – Stockholm : Almqvist and Wiksell International, 1999. – P. 53–69.
623. Kay, P. Color naming across language. Color Categories in Thought and Language [Text] / P. Kay, B. Berlin, L. Maffi, W. Merrifield ; ed. by C. L. Hardin and L. Maffi. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – P. 21–58.
624. Koestler, A. The Act of Creation [Text] / A. Koestler. – New York : Macmillan, 1964. – 751 p.
625. Labov, W. Some principles of linguistic methodology [Text] / W. Labov // *Language in society*. – 1972. – V. 1. – № 1. – P. 97–120.
626. Lakoff, G. Categories : An essay in cognitive linguistics [Text] / G. Lakoff // *Linguistics in the morning calm : Selected papers from the SICOL-1981*. – Seoul, 1982. – P. 139–193.

627. Lakoff, G. Fuzzy grammar and the performance/competence terminology game [Text] / G. Lakoff // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. – Chicago, 1973. – V. 9. – P. 271–291.
628. Lakoff, G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts [Text] / G. Lakoff // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. – Chicago, 1972. – V. 8. – P. 183–228.
629. Lakoff, G. Linguistic gestalts [Text] / G. Lakoff // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. – Chicago, 1977. – V. 13. – P. 236–287.
630. Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things : What Categories Reveal about the Mind [Text] / G. Lakoff. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
631. Langacker, R. W. Concept, image, and symbol : The cognitive basis of grammar [Text] / R. W. Langacker. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1991. – 540 p.
632. Langacker, R. W. Foundation of Cognitive Grammar. Vol. I. Theoretical Prerequisites [Text] / R. W. Langacker. – Stanford, California : Stanford University Press, 1987. – P. 202–251.
633. Lewandowska, B. Frames of advertisements [Text] / B. Lewandowska // Semiotics unfolding. Vol. 2. – Berlin etc. : Mouton de Gruyter, 1983.
634. Lepper, G. Categories in Text and Talk : A Practical Introduction to Categorization Analysis [Text] / G. Lepper. – London : Sage, 2000. – 224 p.
635. Mashal, N. Language effects on the conceptualization of hybrids [Text] / N. Mashal, Y. Shen, K. Jospé, D. Gil // Language and Cognition. – 2014. – Vol. 6. – Issue 2. – P. 217–241.
636. Maslow, A. H. Motivation and Personality [Text] / A. H. Maslow. – New York : Harper & Row, 1954. – 164 p.
637. Minsky, M. Frame-system theory [Text] / M. Minsky // Thinking : Readings in Cognitive Science. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – P. 355–376.
638. Norman, D. A. Explorations in cognition [Text] / D. A. Norman, D. E. Rumelhart. – San Francisco : Freeman, 1975. – 557 p.
639. Osgood, C. E. The measurement of meaning [Text] / C. E. Osgood, G. J. Suci, P. H. Tannenbaum. – Urbana, Chicago and London : University of Illinois Press, 1957. – 342 p.
640. Paivio, A. Imagery and Verbal Processes [Text] / A. Paivio. – New York : Holt, Rinehart, and Winston, 1971. – 608 p.
641. Paivio, A. Mental Representations [Text] / A. Paivio. – New York : Oxford University Press, 1990. – 322 p.
642. Pinker, S. The language instinct [Text] / S. Pinker. – New York : William Morrow & Company, 1994. – 494 p.
643. Porzig, W. Das Wunder der Sprache. Probleme, Methoden und Ergebnisse der modernen Sprachwissenschaft [Text] / W. Porzig. – Bern : Francke Verlag, 1986. – 431 p.
644. Posner, M. L. On the genesis of abstract ideas [Text] / M. L. Posner, S. Keele // J. of experimental psychology. – 1968. – V. 77. – P. 245–301.
645. Praktický kurz přípravy do školy [Text]. – Praha : Svojtka&Co, Nakladatelství, 2013. – 387 p.
646. Pustet, R. Copulas: Universals in the Categorization of the Lexicon [Text] / R. Pustet. – Oxford : Oxford University Press, 1995.
647. Regier, T. A model of the human capacity for categorizing spatial relations [Text] / T. Regier // Cognitive Linguistics. – 1995. – Vol. 6. – Issue 1. – P. 63–88.
648. Rosch, E. Cognitive reference points [Text] / E. Rosch // Cognitive psychology. – 1975a. – V. 7. – P. 532–547.
649. Rosch, E. Human categorization [Text] / E. Rosch // Advances in cross-cultural psychology. – L., 1975b. – P. 23–57.
650. Rosch, E. Natural categories [Text] / E. Rosch // Cognitive psychology. – 1973. – V. 4. – P. 328–350.
651. Rosch, E. Principles of categorization [Text] / E. Rosch, B. B. Lloyd // Cognition and Categorization. – Hillsdale : Lawrence Erlbaum, 1978. – P. 27–48.

652. Rosch, E. Prototype Classification and Logical Classification : The Two Systems [Text] / E. Rosch // *New Trends in Conceptual Representation : Challenges to Piaget's Theory?* / ed. by E. K. Scholnick. – Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1983. – P. 73–86.
653. Rosch, E. Cognition and categorization [Text] / E. Rosch, B. B. Lloyd. – Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.
654. Rosch, E. Family Resemblances : Studies in the Internal Structure of Categories [Text] / E. Rosch, C. B. Mervis // *Cognitive Psychology*. – 1975. – Vol. 7. – №. 4. – P. 573–605.
655. Rosch, E. Basic objects in natural categories [Text] / E. Rosch, C. B. Mervis, W. D. Gray, D. M. Johnson, P. Boyes-Braem // *Cognitive Psychology*. – 1976. – Vol. 8. – P. 382–439.
656. Ross, J. R. The category squish : Endstation Hauptwort [Text] / J. R. Ross // *Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society*. – Chicago, 1972. – V. 8. – P. 316–328.
657. Ross, J. R. There, there, (there, (there, (there ...))) [Text] / J. R. Ross // *Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society*. – Chicago, 1974. – V. 10. – P. 569–587.
658. Ross, J. R. Clausematiness [Text] / J. R. Ross // *Formal semantics of natural language : papers from a Colloquium sponsored by King's College Research Centre, Cambridge* / Ed. by E. Keenan/ – Cambridge etc., 1975. – P. 422–475.
659. Taylor, J. R. Linguistic Categorization : Prototypes in Linguistic Theory [Text] / J. R. Taylor. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – 309 p.
660. Taylor, J. R. Linguistic Categorization [Text] / J. R. Taylor. – Oxford : Oxford University Press, 2011.
661. Trier, J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes [Text] / J. Trier. – Heidelberg, 1931. – 150 p.
662. Trier, J. Sprachliche Felder [Text] / J. Trier // *Zeitschrift für deutsche Bildung*. – 1932. – 8/9.
663. Turner, M. Aspects of the Invariance Hypothesis [Text] / M. Turner // *Cognitive Linguistics*. – 1990. – Vol. 1. – № 2. – P. 247–255.
664. Turner, M. Cognitive Dimensions of Social Science: The Way We Think about Politics, Economics, Law, and Society [Text] / M. Turner. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 183 p.
665. Turner, M. The Artful Mind: Cognitive Science and the Riddle of Human Creativity [Text] / M. Turner. – Oxford : Oxford University Press, 2006. – 336 p.
666. Turner, M. The Origin of Ideas: Blending, Creativity, and the Human Spark [Electronic resource] / M. Turner. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 300 p. – Mode of access: <http://www.ct.uni-altai.ru/>
667. Turner, M. Conceptual Integration and Formal Expression [Text] / M. Turner, G. Fauconnier // *Metaphor and Symbolic Activity* / M. Turner, G. Fauconnier. – 1995. – Vol. 10 (3). – P. 183–204.
668. Turner, M. Metaphor, Metonymy, and Binding [Text] / M. Turner, G. Fauconnier // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / Ed. A. Barcelona. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2000. – P. 133–145.
669. Tversky, B. Where Partonomies and Taxonomies Meet [Text] / B. Tversky // *Meaning and Prototypes : Studies in Linguistic Categorization*. – Oxford : Routledge, 1990. – P. 334–344.
670. Ungerer, F. An Introduction to Cognitive Linguistics [Text] / F. Ungerer, H. J. Schmid. – L. and N.Y. : Longman, 1996. – 306 p.

Учебное издание

Когнитивная лингвистика

Дзюба Елена Вячеславовна

*доктор филологических наук, профессор
кафедры межкультурной коммуникации,
риторики и русского языка как иностранного
Института филологии, культурологии
и межкультурной коммуникации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет»*

Подписано в печать 31.01.2018. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.
Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 16,3. Уч.-изд. л. 19,8.
Тираж 500. Заказ

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета.
620017 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: uspu@uspu.me